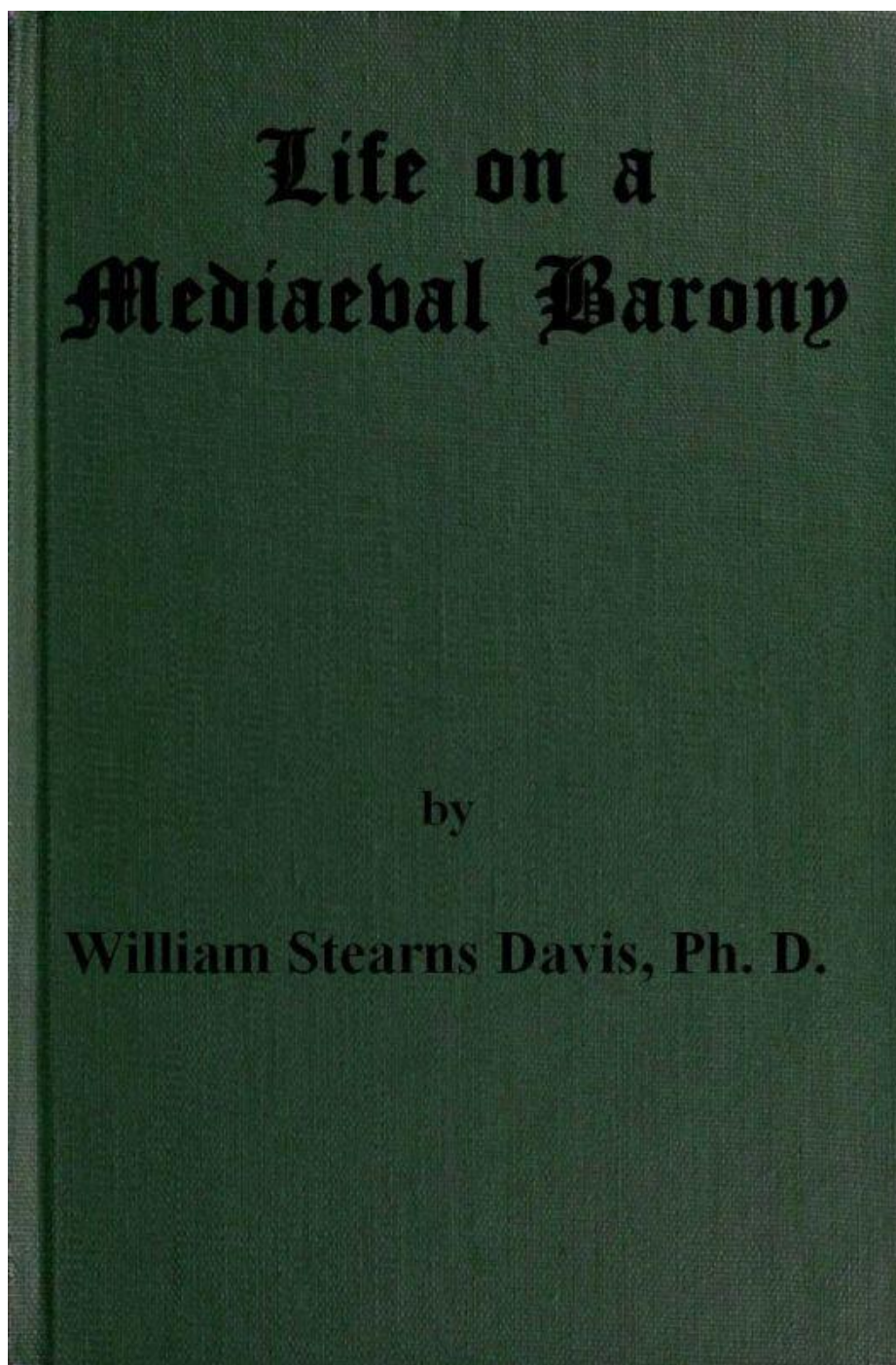

Жизнь в средневековом баронстве.
Картина типичной феодалской
общины в тринадцатом веке

Уильям Стернс Дэвис

The Project Gutenberg eBook of Life on a Mediaeval Barony.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно на условиях лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге, или в режиме онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Жизнь в средневековом баронстве

Автор: Уильям Стернс Дэвис

Дата выхода: 30 июля 2014 [eBook #46455]

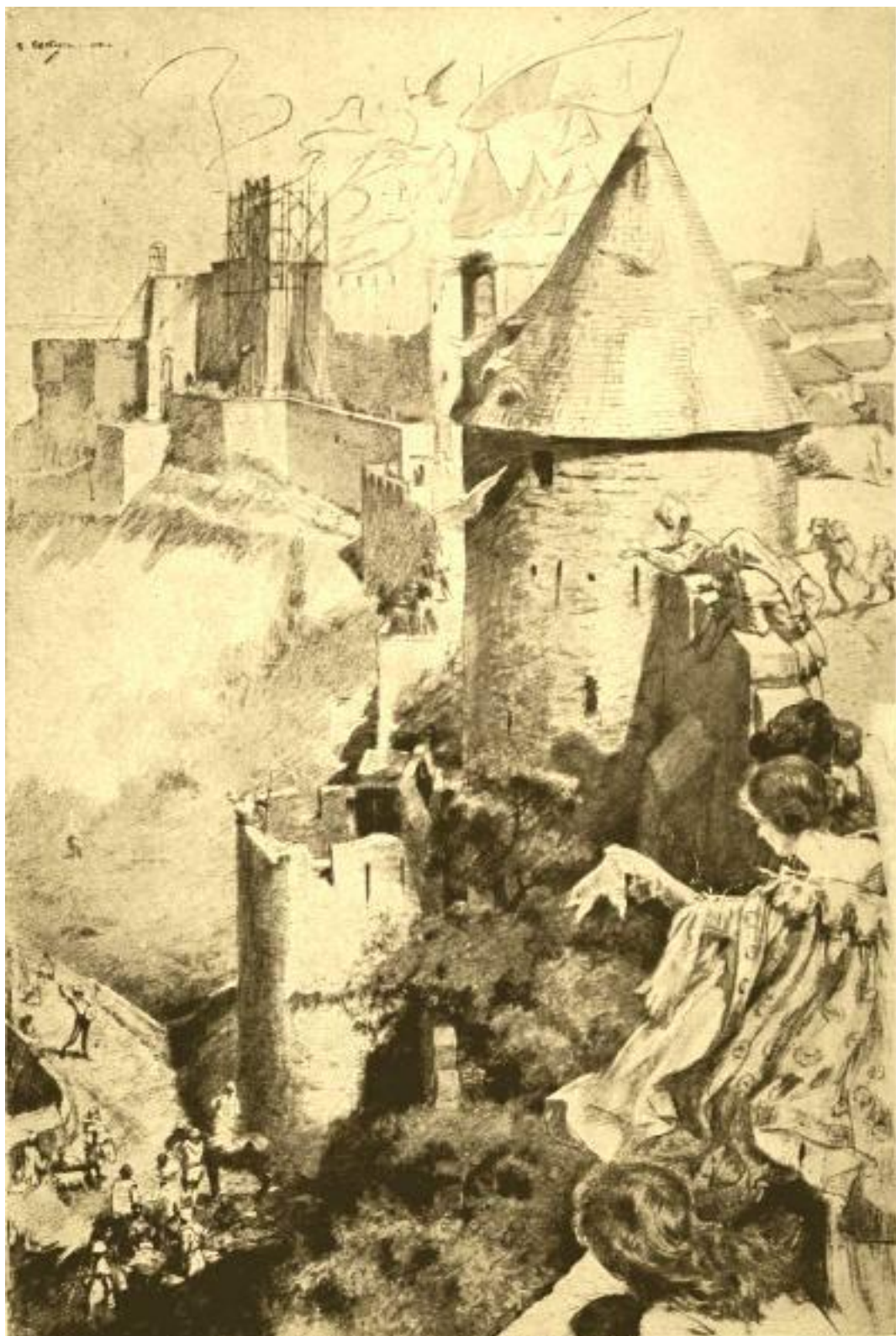
Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Clarity, MWS и Online Distributed Proofreading Team at <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive/American Libraries.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK LIFE ON A MEDIAEVAL BARONY ***

Изображение обложки было создано транскриптором и является общественным достоянием.

ЖИЗНЬ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Жизнь средневекового баронства

Картина типичной феодальной общины в XIII веке

Уильям Стернс Дэвис, доктор философии.

Профессор истории в Университете Миннесоты

ИЛЛЮСТРАЦИЯ

Издательство "Харпер и братья"
Нью-Йорк и Лондон
МСМХХIII

Авторское право, 1922
Харпер и Братья
Напечатано в США.

Первое издание
G-1

Эфраиму Эмертону
Мастеру толкования средневековой истории
посвящает эту книгу
вечно благодарный ученик.

Оглавление

Глава	Страница
I. Фьеф Сент-Алики; его история и обитатели	1
II. Замок Святого Аликиса	16
III. Как замок просыпается. Баронское гостеприимство	41
IV. Игры и развлечения. Соколиная охота и охота. Сад баронессы	51
V. Семья барона. Жизнь женщин	70
VI. Вопрос об одежде. Феодальная свадьба	88

VII.	Кулинария и трапеза	113
VIII.	Жонглеры и светская литература и поэзия	132
IX.	Феодальные отношения. Подношение	146
X.	Правосудие и наказания	159
XI.	Воспитание феодального дворянина	176
XII.	Феодальное оружие и лошади. Дубляж рыцаря	189
XIII.	Турнир	208
XIV.	Баронская вражда. Осада замка	224
XV.	Великая феодальная битва - Бувины	241
XVI.	Жизнь крестьян	253
XVII.	Благотворительность. Уход за больными. Похороны	275
XVIII.	Народная религия. Паломничества. Суеверия. Поклонение реликвиям	286
XIX.	Монастырь Святого Аликиса: здания, организация. Неуправляемое аббатство	312
XX.	Монастырь святого Аликиса: Деятельность его узников. Монастырское обучение	330
XXI.	Добрый город" Пондебуа: Аспекты и организация	343
XXII.	Промышленность и торговля в Понтдебуа. Большая ярмарка	357
XXIII.	Лорд-епископ. Каноники. Приходское духовенство	373
XXIV.	Собор и его строители	393

Иллюстрации

Жизнь в Средние века	Фронтиспис	
Замок Святого Аликиса	Страница	xiv
Типичный замок Средневековья	"	17
Вид на двор и донжон	"	25
Верхний зал донжона	"	31
Интерьер квартиры XIII века	Лицевая сторона стр.	36
Кровать XIII века	Страница	39
Игра в шахматы	"	54
Игра в мяч	"	57
Дама с соколом на запястье	"	58
Охота на сокола	"	59
Благородный держит по соколу в каждой руке	"	61
Охотник	"	63
Охота на оленя	"	66
Прическа дворянки	"	71

Колыбель	"	81
Король в двенадцатом веке, носящий пеллисон	"	90
Венок из металлических цветов, пришитых к тесьме	"	91
Туфелька из войлока	"	93
Зимний костюм в двенадцатом веке	"	94
Головной убор мужчины	"	95
Костюм дворянина	"	96
Прическа женщины	"	97
Королевский брак в тринадцатом веке	"	99
Повара	"	114
Мясники свинины (Бурж)	"	115
Слуги, приносящие еду к столу	"	123
Девушки из знати, прислуживающие за столом	"	126
Церемониальный пир в двенадцатом веке	Лицевая сторона стр.	128
Маленький портативный орган XIII века	Страница	132
Акробаты	Страница	134
Танцовщица двенадцатого века	"	137
Арфа XIII века	"	139
Слушание трувера в замке XIII века	Лицевая сторона с.	140
Знамя XIII века	Страница	147
Герб герцогов Бретани (XIII век)	"	148
Печать герцога Жана Бретанского (XIII и XIV века)	"	149
Гомаж в двенадцатом веке	Лицевая сторона с.	156
Костюм дворянина (XIII век)	Страница	177
Готическое письмо	"	179
Учитель с ферулой в руке	"	180
Маневрирование с копьем в XIII веке	"	185
Рыцарь в конце тринадцатого века	"	190
Немецкие шлемы XIII века	"	192
Щит XIII века	"	193
Мечи XIII века	"	194
Лошадиные атрибуты	"	196
Рыцарь тринадцатого века	"	198
Рыцарь тринадцатого века	"	199
Рыцарь тринадцатого века	"	200
Нищий	"	201
Турнир в двенадцатом веке	Лицевая сторона	214

	стр.	
Пеший рыцарский бой	Страница	219
Бой в двенадцатом веке	"	221
Катапульта	"	236
Атака с помощью башни	"	237
Мантелет в лесу	"	238
Атака на стену с помощью сока	"	239
Группа крестьян и пастухов	"	255
Крестьяне за работой	"	260
Рабочий (тринадцатый век)	"	264
Крестьянская обувь	"	265
Жнец	"	265
Брак в тринадцатом веке	"	266
Плуг	"	267
Прокаженный	"	278
Врач тринадцатого века	"	281
Сцена погребения тринадцатого века	Страница	284
Группа священников (XIII век)	"	287
Святыня в виде алтаря (XIII век) в Реймском соборе	"	324
Ричард Кёр де Лев	Лицевая сторона	302
	с.	
Вид на аббатство XIII века	Страница	313
Галереи клуатра аббатства Мон-Сен-Мишель (XIII век)	"	316
Трапезная аббатства Мон-Сен-Мишель (XIII век)	"	318
Монах-бенедиктинец (XIII век)	"	320
Предмет мебели, служащий креслом и столом для чтения	"	335
Торговцы тканями	"	358
Простолюдин (XIII век)	"	362
Разносчики денег (Шартр)	"	365
Ярмарка в Шампани в XIII веке	Лицевая сторона	366
	стр.	
Продажа пелтри (Бурж)	Страница	370
Епископский трон XIII века	"	374
Епископ двенадцатого века	"	376
Епископ тринадцатого века	"	379
Диакон (тринадцатый век)	"	388
Нотр-Дам и епископский дворец в начале XIII века	"	395
Окно XIII века в Шартрском соборе, изображающее святого Христофора, несущего Христа	"	400

Предисловие

Эта книга описывает жизнь феодальных веков с точки зрения конкретики. В центре обсуждения - некое сеньория Сен-Алике. Если такое баронство и нельзя легко идентифицировать, то, по крайней мере, по западному христианству было разбросано несколько сотен второсортных вотчин, в основных чертах чрезвычайно похожих на него, а его барон Конон и его приближенные были типичными представителями многих подобных личностей, чуть хуже или чуть лучше, которыми изобиловали времена Филиппа Августа.

Не описан ни один обычай, который не казался бы достаточно характерным для общего периода. Для того чтобы сфокусировать картину, был выбран конкретный регион, северная Франция, и конкретный год, 1220 г. н.э. Однако здесь не упоминаются многие вопросы, которые не были более или менее распространены в современных Англии и Германии; также не объясняются многие обычаи, которые не были бы часто встречающимися как в 1100 году н. э., так и в 1300 году.

Северная Франция была в *высшей степени* родиной феодализма и едва ли не в меньшей степени рыцарства, а по общему мнению, годы около 1220 г. знаменуют собой одну из великих поворотных эпох Средневековья. Это время становления французской королевской власти при Филиппе Августе, кульминации и начала угасания крестоносного духа, наивысшего развития готической архитектуры, полного расцвета популярной романской литературы и начала совершенно иного, но еще более важного движения монахов.

Заставить жизнь Средневековья снова жить в ее пышности и убожестве, в ее суевериях и торжестве христианского искусства и любви - вот цель этого исследования. Автору не раз приходилось напоминать о *напряженных контрастах* между возвышенным добром и крайним злом, повсеместно проявлявшихся в феодальную эпоху. При всем стремлении к беспристрастности, будь то восхваление или порицание, опасно легко писать в превосходных степенях.

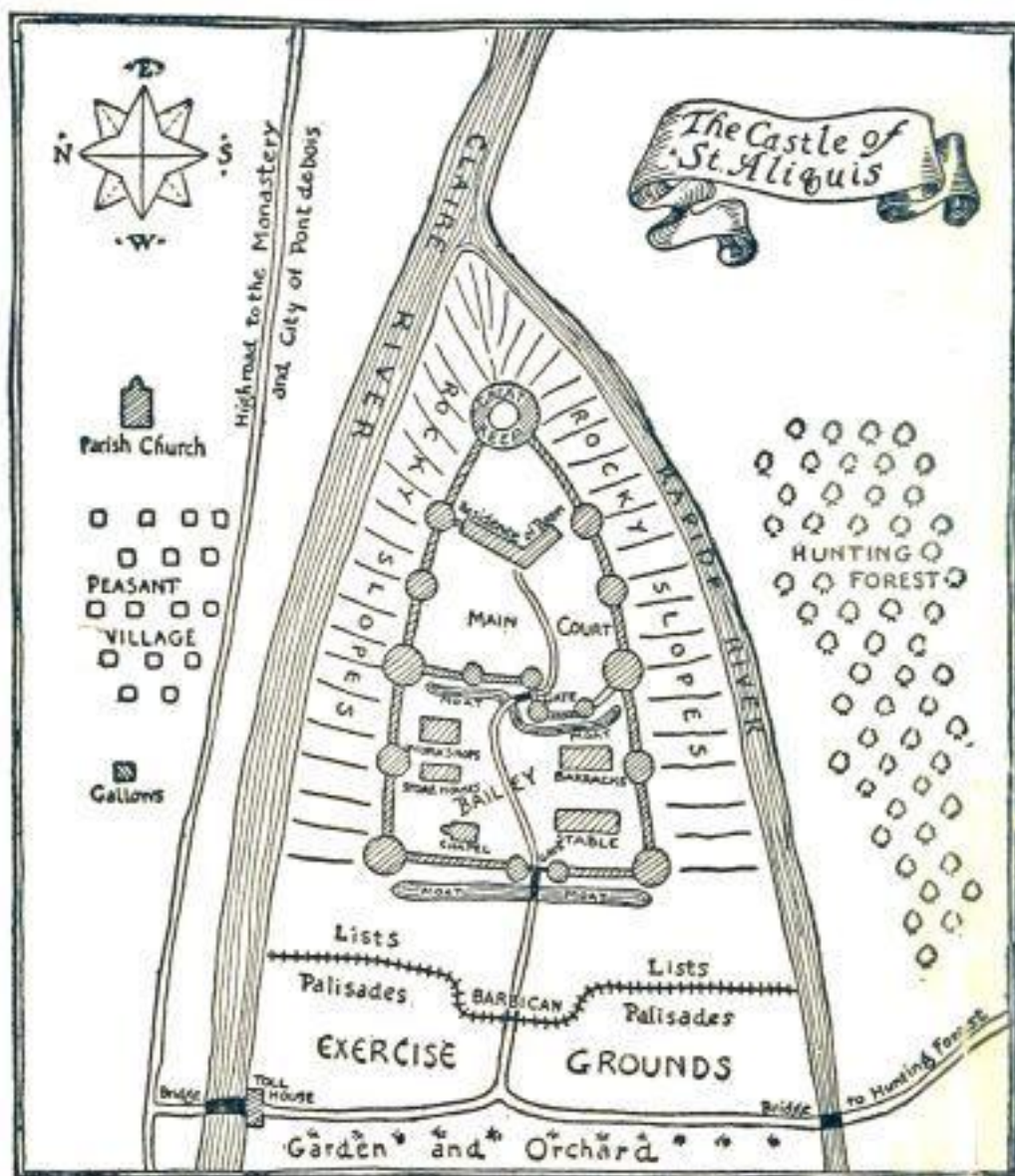
Хотя подготовка этой книги не обошлась без того знания и изучения средневековых авторов, церковников и мирян, на которое должно опираться любое значительное исследование такого рода, каждый ученый признает долг автора перед многими современными специалистами. К Th. Райту, Лакруа, Люшеру, Джастину Х. Смиту, Виолле-ле-Дюку и Шеруэлю благодарности весьма конкретны. Леону Готье они должны быть еще более конкретными. К большому несчастью, его шедевр, *Le Chivalrie*, больше не существует в хорошем английском переводе. Слова в цитатах, разбросанные по тексту, обычно принадлежат известным средневековым писателям, за исключением тех случаев, когда они представляют собой прямые фрагменты разговора.

Моему коллеге по университету, профессору Августу К. Крею, который читал и критиковал рукопись с дружеской верностью и профессиональной бдительностью и проницательностью, следует выразить сердечную благодарность.

W. S. D.

Университет Миннесоты.

Миннеаполис, штат Миннесота.

Глава I: Фьеф Сент-Алики: его история и обитатели.

В герцогстве Квелькепарт во времена великого короля Филиппа Августа существовало баронство Сент-Алики. Возможно, у вас возникнут трудности с поиском подобных мест на картах Франции эпохи Средневековья. В таком случае я должен сказать вам, что они лежали не так далеко от Бургундии, Шампани и Блуа, чтобы герцог и его вассал, барон, не могли иметь много храбрых распрей с сеньорами этих княжеств, и не так далеко от Парижа, чтобы торговцы и паломники не могли довольно часто приезжать туда или уезжать,

а барон из Сент-Аликиса - иногда путешествовать с королем. Алики иногда отправлялся ко двору короля, чтобы выразить свою преданность высокому сюзерену или развлечься многими удовольствиями.

Около 1220 г. н. э., когда король Филипп Август был близок к своему концу, на севере Франции царил исключительный мир, и обстановка вокруг Сен-Алике была совершенно нормальной. Поэтому мы намерены (с помощью Богоматери, самого святого святого Аликиса и, возможно, той самой благоразумной *феи*, королевы Морг, "жены Юлия Сезара и матери короля Оберона") посетить вышеупомянутое баронство в том виде, в каком оно существовало в то время. Мы осмотримся, не видя жителей, но сможем задать множество вопросов и получить на них соответствующие ответы. Таким образом, мы накопим много знаний, и не только о Сент-Алике; ведь этот маленький мир сам по себе является срезом большей части Франции, а может быть, и всей феодальной Европы.

Счастье, что, совершая это обратное путешествие в Средневековье, мы попали вскоре после 1200 года. Столетьем или двумя раньше мы могли бы найти условия гораздо более грубые, полуварварские, отвратительные; можно было бы усомниться в том, что из такого незаконного и бескультурного мира действительно может развиться какая-либо прогрессивная цивилизация. С другой стороны, если бы мы отложили экскурсию, скажем, до 1400 года н. э., мы бы обнаружили общество, уже ставшее утонченным и в немалой степени модернизированным. Истинный средневековый колорит был бы частично утрачен. Но 1220 г. н.э. представляет собой эпоху, когда дух Средневековья достиг своего полного развития. Мир все еще был полон невежества, убожества и насилия, но в нем уже было много признаков более благородного времени. Франция все еще была усеяна феодальными замками, и о безжалостности баронов ходило множество историй, но укрепление королевской власти и рост городов-коммун сулили новую политическую эру. Основная масса людей все еще оставалась неграмотными крестьянами, а многие дворяне даже чувствовали себя очень неловко, перебирая книги; но монастыри никогда не были так полны достойной деятельности и подлинной образованности. Тысячи ученых отправлялись в Парижский университет; а тем временем даже в самых голодных городах возвышались готические церкви и соборы, сочетавшие в своих парящих тканях не только результаты высочайшего архитектурного гения, но и богатство шедевров скульптуры и цветного стекла, которые в последующие дни должны были привлечь посетителей с самых кончиков земли.

Крестоносный пыл несколько угас, но вокруг замков все еще стояли пожилые рыцари, которые когда-то последовали за Ричардом Львиное Сердце или Филиппом Августом в великий Третий крестовый поход в Палестину, а также множество молодых кавалеров, разделивших военную славу и моральный позор Четвертого крестового похода, который закончился не восстановлением Иерусалима, а разграблением и захватом христианского Константинополя. В Риме едва перестал править великий и великодушный папа Иннокентий III (1216), а основатели замечательного движения монахов - нового стиля монашества, который должен был нести послание Церкви ближе к людям, - святой Франциск, апостол любви, и святой Доминик, апостол обучения, были еще живы и активны. Мир, таким образом, был устремлен вперед. Средневековье было близко к апогею.

Фьеф святого Аликиса

Мы намерены рассказать о том, что можно найти в баронстве Сент-Алики, сначала в самом замке и в доме мессира сеньора, затем в окрестных крестьянских деревнях, потом в аббатстве, расположенном чуть дальше, и, наконец, в заштатном городе и кафедральном соборе епископа в нескольких милях от него. Но прежде всего следует поинтересоваться

происхождением княжества и тем, как вообще возникло такое баронство, ведь Сент-Алики было бы исключительным сеньорией, если бы за ним не стояла значительная история и если бы оно не представляло собой рост нескольких различных элементов.

Замок Сент-Аликвис расположен у слияния двух рек. Меньшая из них, Рапид, низвергается с холмов, прорезая ущелье в густом буковом лесу, пока не устремляется под обрывистый склон, а затем вливается в более крупное и спокойное течение Клер. Клер - это приток, возможно, Сены, возможно, Луары. Она судоходна для плоских барж на много миль выше ее слияния с Рапидой, и пошлины с этой торговли увеличивают доходы барона.

В треугольнике, образованном сходящимися потоками, возвышается крутое скалистое плато, практически недоступное с берегов обеих рек, к которому можно подойти только с третьей стороны, где земля полого спускается от вершины треугольника. Здесь возвышается несколько зубчатых скал, обозначающих это место как естественную крепость. Большинство замков, которыми усеяна феодальная Европа, расположены в наиболее выгодном месте в своих регионах.

Возможно, человеческие жилища существовали на этом мысе с тех пор, как Бог изгнал Адама и Еву из Эдема. Если мы обратимся к брату Бонифацию, библиотекарю местного монастыря, самому начитанному человеку в округе, то добрый старик расскажет нам, что задолго до прихода римлян древние друиды ("ныне в аду") имели здесь свои языческие алтари и приносили человеческие жертвы под большим дубом. Найденные на этом месте каменные плиты также свидетельствуют об обширном поселении в римские времена, когда Галлия была провинцией Цезарей. Конечно, все благочестивые люди знают, что при императоре-гонителе Диоклетиане сам святой Аликиз, центурион легионов, был застрелен горящими стрелами за то, что предпочел Христа Юпитеру, и что место его мученической смерти находится в новой церкви аббатства в лиге от замка.

Основание замка

Тем не менее, светская история не имеет точных сведений до времен могущественного Карла Великого. При его слабом преемнике, Карле Лысом, по преданию, викинги, скандинавские варвары, поднялись вверх по реке, поднялись по Клеру на своих длинных кораблях-драконах; затем на месте нынешнего замка они разбили лагерь, откуда отправились разорять страну. Это было около 870 года н.э., но через год они ушли, оставив после себя запустение. Около 880 года н.э. другая группа викингов пришла с такими же злыми намерениями, но их встретил другой прием. Святые воздвигли храброго защитника для христианских жителей этих земель.

Очень неясна родословная доблестного воина Гериберта, который около 875 года н. э. захватил скалистый треугольник в устье Рапиды и построил первый замок Сент-Алики. Возможно, он происходил от одного из знаменитых франкских "графов" Карла Великого. Он сделал то, что в то время повсеместно делалось для борьбы со скандинавскими полчищами: построил замок и организовал пеших легионеров региона в эффективную кавалерию. Этот замок был ничем иным, как более поздней величественной крепостью. Это была всего лишь большая квадратная башня грубой кладки, возвышавшаяся на скале над ручьями. Вокруг нее возвышался частокол из тяжелых бревен, укрепленный со стороны суши рвом. Внутри этого комплекса находились хижины для беженцев, склады для фуража и грубые стойла для скота.

Чтобы преградить путь вверх по Клеру, через реку была протянута тяжелая железная цепь, а в неглубоких местах утоплены каменные пирсы, что вынуждало лодки проходить под крепостью на расстоянии выстрела. Там, где высаживалась цепь, была построена еще одна каменная башня поменьше. Переправляться через реку приходилось на яликах, хотя несколько позже через поток был переброшен неустойчивый мост.

Вторая экспедиция викингов обнаружила, что эти меры предосторожности испортили их приключение. Они потеряли много людей и корабль с драконом, когда пытались форсировать железную цепь. Новая конница Хериберта отрезала их от набегов. В итоге они ушли с поредевшим войском и скудными трофеями. Гериберта провозгласили спасителем региона, как и других чемпионов, в частности великого графа Одо при осаде Парижа, добившихся подобных успехов в более крупных масштабах. Викинги ушли, но башня Хериберта осталась. Так начался замок Сент-Алики.

Гериберт захватил его якобы как "человек короля", претендуя на некое королевское поручение, но по мере того, как власть слабых правителей Карла Великого ослабевала, наследники Гериберта в скором времени почти полностью забыли о верности своему далекому королевскому "господину". Так было примерно в 900 году н. э. во всем регионе, который тогда назывался Францией. Повсюду возвышались замки, иногда для отражения набегов викингов, иногда просто для укрепления власти какого-нибудь местного вождя. После возведения замков их владельцы становились маленькими князьями, способными бросить вызов очень слабой центральной власти. Захват гораздо менее грозной крепости, чем Сент-Алики, предполагал утомительную осаду, на которую мало кто из королей решался, разве что в случае крайней необходимости.

В результате к 1000 году н. э. правнуки Хериберта почти перестали беспокоиться о короле. Единственным человеком, которого они действительно боялись, был местный герцог Квелькепарт, еще один феодал, имевший больше последователей и больше замков, чем они. Отчасти из благоразумия, отчасти по необходимости они "оказывали ему почтение", становились "его людьми" и в качестве его вассалов ездили на его войны. Герцоги, в свою очередь, занятые собственными проблемами и осознающие силу Сен-Алика, редко вмешивались в дела фьефа, за исключением очень серьезных случаев. Таким образом, бароны Сент-Аликиса вели себя почти как суверенные принцы. У них, конечно, была своя виселица с правом жизни и смерти, они вели свои личные войны, заключали мирные договоры и даже чеканили небольшие деньги плохой формы с собственной надписью.^[1] "Бароны Божьей милостью", - хвастались они, что означало, что они мало подчинялись герцогу и его сюзерену, королю, и, боимся, не очень - Богу.

Буйные бароны

Однако за последние столетия баронство несколько раз переходило из рук в руки. Около 1070 года лорд имел глупость отказать герцогу Квелькепарту в его обычном феодальном долге. Последний восстал, привлек стороннюю помощь, блокировал и выморил голодом замок Сент-Алики. Несчастный барон, которого его коллеги-вассалы по несчастью признали "предателем и преступником", был обезглавлен. После этого герцог передал фьеф с рукой племянницы покойного владельца сиру Райнульфу, младшему сыну виконта из южной части страны, который посетил двор герцога, захватив с собой эффективный боевой топор и пятьдесят крепких последователей. Однако сир Райнульф погиб во время Первого крестового похода. Затем правящий герцог попытался отдать баронство другому любимому воину, но сын покойного барона оказался крепким орешком. Он отбил от своего сюзерена и привлек союзников из Бургундии. Поэтому герцог был вынужден оставить его в покое.

Вскоре, около 1140 года, умер еще один барон, после которого осталась только дочь. Ее дяди и кузены сделали все возможное, чтобы изгнать бедную даму, и побудили герцога-сюзерена закрыть глаза на их деяния, но, к счастью, новая баронесса была очень набожной. Пришлось прибегнуть к влиянию великого святого Бернарда Клервоского, который убедил короля Людовика VII предупредить герцога, что если тот не сможет защитить своих вассалов, то "король поступит справедливо". Так леди Бертрада была выдана замуж за уважаемого фламандского кавалера Ги, который управлял баронством только с помощью обычных войн. Он оставил двух сыновей, Гарнье и Анри. Сир Анри, младший, жил в низшем замке Петитмур, отправился в Четвертый крестовый поход (1203-04) и погиб в боях вокруг Константинополя перед тем, как французы и венецианцы разграбили город. Гарнье-старший, разумеется, получил большой замок. Он был дядей барона Конона III, сына Анри, нынешнего владыки Сент-Алики.

Монахи утверждают, что блаженные испытывают радости в раю тем острее, что чуть раньше избавились от мук и огня чистилища. Разумеется, для всех мирян и клириков в вотчинах Сент-Аликиса во времена барона Гарнье было достаточно чистилища, чтобы нынешнее "мудреное" правление барона Конона казалось вдесятеро счастливее.

Покойный сеньор правил около двадцати лет, наполненных чередой локальных войн, притеснений мелких и раздоров с крупными. Барон Гарнье, несомненно, был могучим воином. Он никогда не оставался без коня ни в поединке, ни в сече. На его лице было множество шрамов, а ухо он потерял. Множество безземельных рыцарей и волчьих отрядов буйствовали вокруг его донжона. Его воеводы и лесничие знали, как выжимать деньги из бедняков сеньории, и на эти доходы и на выкупы с многочисленных пленников он смог отстроить замок Сент-Аликуа по первому военному искусству того времени.

Преступления барона Гарнье

Но грехов у него было больше, чем волос на его обрюзгшей голове. Разлюбив свою жену, а епископ отказал ему в аннулировании брака, он годами держал бедную леди Аду замурованной в одной камере и, по многочисленным рассказам, нагружал ее цепями и не жалел пыток, пока она в милосердии не умерла. Впрочем, у него было немало и менее постоянных спутниц жизни. Замковые дворы кишели крикливыми женщинами, фаворитками его самого и его приближенных, а также их грубыми, непризнанными отпрысками. В этих краях честь ни одной хорошенькой крестьянки не была в безопасности. Что касается заключенных, то после прихода к власти мессира Конона было удивительно количество человеческих костей, обглоданных крысами, которые они извлекли из нижних подземелий, а также то, как они освободили четырех несчастных, которых продержали в темноте так долго, что они ослепли. Нет нужды говорить, что в отсеках виселицы никогда не было недостатка в качающихся скелетах. Женщины до сих пор утихомиривают своих визжащих детей словами: "Молчи, а то барон Гарнье тебя достанет!".

Однако при всех этих деяниях барон отличался гостеприимством. Он держал гулкий зал, где с радостью принимал любого кавалера, любившего выпить и поговорить о лошадях, женщинах, соколах и вылазках; и многие сеньоры находили его союз полезным. Так он продолжал свои злодеяния, пока (хвала Богоматери Милосердной) не пришел к достойному концу. Трижды он был отлучен от церкви епископом. Трижды он вновь обретал призрачную благосклонность благодаря крупным пожертвованиям на новый собор в Пондебуа. Затем он позволил своим людям убить священника, путешествовавшего с драгоценным потиром. Так он был отлучен от церкви в четвертый раз. Находясь в таком опасном положении (хотя он и

хвастался, что скоро заключит новые условия с Церковью), его соратник по греху, Шугер из Железной Руки, поссорился с ним из-за их кубков и пронзил его копьем кабана. Барон прожил достаточно долго, чтобы увидеть, как Шугер разрубается на куски своими товарищами. Затем он умер (разумеется, без священника и без покаяния), проклиная Бога и жалобно взывая к дьяволу о помощи. Христиане перекрещиваются, когда думают о его дальнейшей судьбе.

Гарнье не оставил законных детей. Он был в очень холодных отношениях с вдовой своего брата, леди Оделиной, которая воспитывала двух сыновей и дочь в Петитмуре; но Оделина смирилась со своим шурином и крепко держалась за свой маленький фьеф. Она дала своим детям "учтивое" и благочестивое образование и уговорила соседнего сеньора взять ее старшего сына, Конона, чтобы "вскормить" его в качестве оруженосца и воспитать рыцарем. В конце концов она была вознаграждена. Юноша был посвящен в рыцари графом Шампанским за три недели до гибели своего злого дяди. После этого герцог-сюзерен был рад, что Сен-Алики перешел к такому компетентному вассалу, как молодой сир Конон.

Это лишь малая толика споров, междоусобиц и настоящих войн, в которых участвовало баронство, и все же Сент-Аликвис, вероятно, был свободнее от подобных бед, чем большинство его соседей.

Баронские фьефы и вассалы

Хотя этот замок является центром власти барона Конона, это далеко не единственное его сильное место. У него есть еще три небольших замка (помимо Петитмура, который достанется его брату), в которых он иногда живет, но которыми обычно управляет через кастелянов. В двадцати с лишним деревнях, расположенных на территории фьефа, проживает около десяти тысяч крестьян, которыми он управляет через своих старост.^[2] Кроме того, от него зависят его собственные "благородные" вассалы - около двенадцати "сиров", мелких дворян, каждый из которых имеет свой небольшой замок или башню, деревню с крестьянами и право "низкого правосудия". Эти вассалы следуют под знаменем святого Аликиса и иным образом способствуют славе барона. Сам сеньор также является "адвокатом" (светским попечителем) соседнего аббатства Святого Аликиса - почетная должность, связанная с деликатными отношениями с господином аббатом. Кроме того, в нескольких лье от него находится "добрый город" Пондебуа. С этим городом у барона, как уже будет сказано, очень важные отношения. Кроме того, он "держит" у тамошнего епископа-резидента несколько ферм с правами на охоту и рыбалку. За этот низший фьеф он приносит дань, разумеется, не герцогу Квелькепарту, а епископу Пондебуа. За несколько лет до этого, когда герцог и епископ были в состоянии войны, барон был обязан послать двадцать рыцарей сражаться за герцога, а также шесть - за епископа. Писание предостерегает нас от попыток "служить двум господам", но барон с радостью сделал так, что оба контингента его маленького отряда не вступали в бой друг с другом до тех пор, пока оба его владыки не заключили мир!

В дополнение ко всему вышеперечисленному Конон владеет еще одним небольшим замком, расположенным на значительном расстоянии, за который он платит дань герцогу Бургундскому - факт, сулящий новые осложнения, когда Квелькепарт и Бургундия (что наиболее вероятно) вступят в войну. Наконец, он держит большую ферму у равного ему в других отношениях барона Харкурта. Здесь он наверняка сведет свои феодальные повинности к минимуму и оставит лорда Харкура в раздумьях, прикарманить ли свою

гордость, рискнуть "частной войной" или попытаться подать иск к их общему сюзерену, герцогу Квелькепарту.[3]

Барон Конон с радостью стал бы прямым вассалом короля. Чем выше сюзерен, тем выше, в целом, твоя собственная слава на феодальном небосклоне; но герцог будет горько возмущен любой попыткой отнять у него вассалов, и все остальные дворяне первого класса поддержат его. Поэтому барон Конон должен подождать, возможно, до тех пор, пока нынешний престарелый герцог не умрет и герцогство не перейдет к немощным наследникам. Тогда он найдет проницательного короля, если Филипп Август еще царствует, готового и способного пойти ему навстречу. В настоящее время, однако, Конон в хороших отношениях с герцогом, хотя сам он так же ревностно следит за тем, чтобы его родоначальники не "держались" непосредственно за герцогом, как тот - за тем, чтобы барон не перешел к королю. Повсюду возникают трения по поводу "субинфеудации". "Вассал моего вассала - не мой вассал": таков ежедневный гневный комментарий.

В общей сложности сеньория Сент-Алики занимает триста квадратных миль, из которых примерно треть контролируется бароном как его личный домен, а остальная часть - его вассалами. Возможно, во Франции насчитывается двести подобных баронств и графств, некоторые из них больше, некоторые меньше, но по своей истории, феодальным отношениям и общим проблемам они во многом схожи. Однако этот фьеф особенно удачен тем, что барон владеет старинной грамотой, полученной от какого-то слабовольного каролингского короля, дающей ему право взимать мешок зерна, большую охапку сена или подобную квоту с каждой груженной баржи, проходящей по судоходному Клеру, а также взимать медный обол с каждого пешего пассажира-христианина и три оболы с каждого конного путника или еврея (конного или пешего), пересекающего очень важный мост у замка. Благодаря этим пошлинам мессир получает множество прекрасных доспехов, покупает шелковые платья для баронессы, а все местные сеньоры стремятся выдать своих дочерей замуж за сыновей барона, как только мальчики смогут стать рыцарями.

Высший тип барона

Сен-Алике, как мы уже говорили, счастлив в своем нынешнем сеньоре. Монахи, холопы и мелкие дворяне единодушно восхваляют барона Конона. Когда сеньор является практически государем, все зависит от его характера. Если святые хотят наказать некоторых христиан за их грехи, пусть они просто пошлют им злого или только неумелого, ссорящегося барона! Он, подобно нераскаившемуся Гарнье, вскоре превратит их жизнь в совершенную геенну.

Конон III правит уже более десяти лет. Он не участвовал во всех частных войнах, кроме одной, - подвиг почти исключительный; но в этой войне он нанес такой сильный и умелый удар, что его противник, виконт Фореворт, поклялся на мощах заключить мир, который стоил ему деревни крестьян и перехода двух мелких сеньоров в подданство Сент-Аликиса. Конон сражался и в великой битве при Бове, чтобы заслужить личную похвалу самого короля. Он заключил с аббатством соглашение о разделе доходов с фермы, в результате чего он и аббат стали твердыми друзьями - необыкновенный образец дипломатии. Еще лучше то, что он отстаивал свои права на охоту в споре с епископом Пондебуа и в итоге добился большинства своих претензий, не подвергаясь даже временному отлучению от церкви. Его крестьяне исправно платят подати, потому что барон не только защищает их от набегов разбойников и враждующих феодалов, но и подавляет еще худших мародеров - своих собственных сеньоров, которые во времена барона Гарнье разоряли гарпий во всех маленьких соломенных деревушках. Поэтому Конона называют "очень мягким сеньором", что означает,

что он в полной мере является сеньором и , что не мешает ему размахивать тяжелым мечом и сбивать холопов с ног собственным кулаком, когда нужно преподать урок.

Баронская семья

Что касается семьи Конона, то его добрая мать, леди Оделина, покоится сейчас под камнями аббатской церкви; но она дожила до свадьбы своего первенца с Аделой, дочерью богатого пикардского сира, дамой многих достоинств. От этого брака родились два здоровых сына, Франсуа и Ансо - изнеженные тираны всех обитателей замка. В семье барона также есть младший брат Эмери, только что достигший возраста, позволяющего получить рыцарское звание, и его замужняя сестра Алиенор. До сих пор в семье царила удивительная гармония. Не было ни одной из тех перестрелок между старшими и младшими братьями, которые часто превращают замок в преддверие ада. Адела - "очень *нежная* дама", любимая мужем и почитаемая вассалами и холопами, но чья "нежность", как и нежность мужа, отнюдь не мешает ей пороть служанок, когда их грехи того заслуживают. Алиенор уже ездит на турниры и подарила по меньшей мере трем молодым рыцарям свои чулки, чтобы те привязывали их к копьям; но она знает, что найти мужа для сестры - обязанность брата, а Конон обещал, что тот, кого он выберет, будет молод, храбр и добр. Поэтому Алиенору не занимать хлопот. Что касается Эмери, то он гордится тем, что является почти таким же хорошим лоточником и жокеем, как и его брат. Скоро он будет посвящен в рыцари и станет править Петитмуром, а пока его голова занята посещением королевского двора, завоеванием огромной благосклонности и, наконец, тем, что его выдадут за единственную дочь и наследницу великого графа - словом, за владение вотчиной, большей, чем Сент-Аликиз.

Итак, вот он, маленький мир, которым правят люди, возможно, чуть более благородные и добрые, чем бегающие северофранцузские бароны, но отнюдь не невозможной добродетели.

Сейчас июнь, 1220 год нашей эры. Солнце только что взошло. Давайте войдем в Сент-Аликвис, когда стражники отворят ворота; ведь этот замок - сердце феодальной цивилизации.

ССЫЛКИ:

[1] Задолго до предполагаемой даты этого повествования какой-то король или другой властитель, несомненно, предоставил лордам Сент-Алики иммунитет - *т.е.* освобождение от обычной юрисдикции, налогообложения и т.д. со стороны внешних сил, с соответствующими привилегиями для самих сеньоров.

[2] В некоторых фьефах, как и в королевском домене в это время, над провиантмейстерами ставился высший сеньорский чиновник, *байи*.

[3] Барону Сент-Аликуа повезло, если его феодальные отношения, конфликтующие сеньоры и т. д. не были еще более сложными, чем указано здесь. В составе феодального баронства не было ничего "простого"!

Глава II: Замок Сент-Алики.

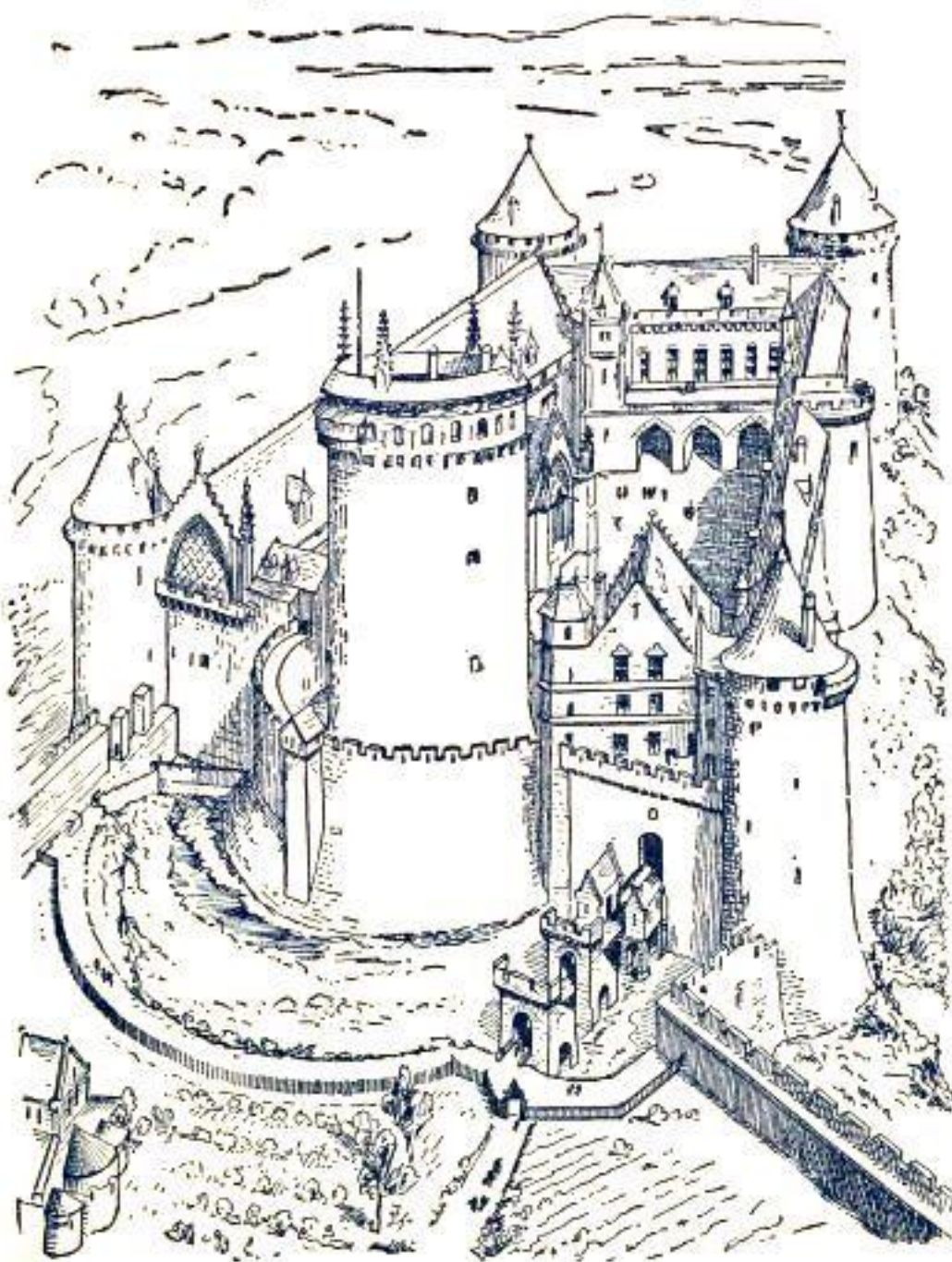

Замок делает возможной феодальную эпоху. Именно благодаря тому, что Западная Европа покрыта тысячами крепостей, каждая из которых может противостоять значительной армии, мы имеем светские учреждения тринадцатого века. Быть владельцем и повелителем хотя бы одного замка - мечта любого дворянина, и на самом деле, пока он не сможет поднять свое знамя с собственного донжона, у него вряд ли есть определенное место в феодальной иерархии.

Замок Сент-Алики

Как мы уже видели, замку Сент-Алике уже почти триста пятьдесят лет. Поскольку в нем постоянно жили предприимчивые владельцы, его структура так же постоянно менялась. Однако если бы мы приехали в баронство всего пятьдесят лет назад, то обнаружили бы явно примитивное строение. Общий план первоначальной крепости Хериберта сохранялся и тогда: сначала с сухопутной стороны треугольника над двумя сходящимися реками находился довольно глубокий ров, затем парапет, нижняя часть которого была сделана из земли, взятой из этого же рва, а на насыпи возвышался крепкий частокол из стволов деревьев. Внутри крепости находились амбары, хозяйственные постройки и казармы для тех людей барона, которые не жили во внутренней крепости. Последним был донжон, собственно замок - огромная квадратная башня, построенная без особого искусства, но не поддающаяся нападению одной лишь прочностью. Вход в эту мрачную башню осуществлялся по крутой наклонной плоскости, ведущей к небольшой двери на втором этаже. В случае опасности, если палисад был взломан, сеньор и его люди отступали в башню, сбивали деревянный трап и кричали врагу вызов. Массивность и высота донжона препятствовали любым обычным методам нападения, кроме блокады и голода, а в подвалах башни хранился шестимесячный запас пшеницы, соленой говядины и эля.

The Castle of St. Aliquis

ТИПИЧНЫЙ ЗАМОК СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

(Без большого барбакана)

Тем не менее, этой, казалось бы, непробиваемой крепости было недостаточно. Во-первых, развивались более совершенные методы осадной войны: самые прочные укрепления могли быть взломаны.^[4] Во-вторых, если в донжон было трудно войти, то почти так же трудно было из него выйти. Из двери на втором этаже нельзя было совершить быструю вылазку; оборона должна была быть полностью пассивной. И наконец, эта суровая каменная башня была крайне неуютным местом: ее пещерные "залы" едва освещались крошечными бойницами, зимой было холодно, летом душно, антисанитарно - словом, почти непереносимо для проживания большого количества людей. После Первого крестового похода (1094-99 гг.)

многочисленные кавалеристы возвращались домой с прекрасными рассказами о крепостях византийцев и сарацинов. В двенадцатом веке архитектура замков претерпела значительные изменения. Ричард Львиное Сердце построил замок Гайяр в Нормандии. Его могущественный соперник, Филипп Август, построил знаменитый Лувр, чтобы доминировать над Парижем, и возвел другие замки нового стиля с цилиндрическими башнями в Монтаржи, Пуасси, Дурже и других местах. Уже к 1220 году разрабатываются планы большого замка в Кузи (построен между 1223 и 1230 годами), который станет практически образцом для всех последующих строителей крепостей, вплоть до появления пороха.

Замок, перестроенный с научной точки зрения

Барон Гарнье, какими бы ни были его преступления, безусловно, понимал военное искусство. Он перестроил Сент-Аликуис в тщательно продуманной научной манере, наняв для этого опытного мастера-строителя и "мудреца", пожилого Флеминга, который видел лучшие укрепления неверных и долго жил в знаменитых сирийско-христианских крепостях вроде Крак де Шевалье, которые благодаря одному лишь совершенству конструкции позволяли небольшим гарнизонам западных "франков" противостоять всей мощи Саладина. Вместо рва, палисада и одной огромной башни Сент-Аликвис превратился в огромный комплекс оборонительных сооружений внутри оборонительных сооружений, каждая линия сопротивления пробивается все труднее и труднее, а каждый внешний рубеж контролируется внутренним укреплением. Если вы наконец доберетесь до центрального донжона, он все равно возвысится над вами - грозный и вызывающий, и вы сможете вдоволь насладиться отчаянной борьбой, но, возможно, в конце концов будете отбиты с кровью. Конечно, донжон действительно можно выбить голодом, но не так уж часто у врага Сент-Аликиса хватает ресурсов и упорства, чтобы держать свои войска вместе, пока не иссякнут припасы замка. Он должен либо овладеть замком довольно быстро, либо не овладеть вовсе - а Флеминг Гарнье, безусловно, постарался, чтобы он не овладел им быстро!

Рассматривая Сент-Аликис или его соперников, следует помнить, что они являются творениями людей, посвятивших большую часть своих размышлений проблемам войны. Были предусмотрены все возможные непредвиденные обстоятельства. Архитектор и его работодатель практически всю жизнь изучали вопрос: "Как сделать так, чтобы замок продержался как можно дольше?". Будучи, несмотря на свои грехи, очень умными людьми, неудивительно, что они добились замечательных результатов.

Мы приближаемся к замку, когда утренний туман поднимается над Клером и Рапидой. Впереди нас, из рассеивающегося тумана, возвышается то, что кажется непонятной массой башен, стен, крепостных стен серого и коричневого цвета, с небольшим количеством зелени, где было позволено немного земли и пробилось несколько сорняков. Высоко над всем этим возвышается огромная центральная башня, донжон, с вершины которой сейчас празднo развевается знамя барона Конона.

Мы спускаемся по дороге, которая ведет нас через платный мост через Рапиду, и оказываемся на своеобразной площадке для парада, где есть только несколько сараев для скота и, возможно, грубая хижина или две для тех пастухов барона, которые вынуждены ночевать на улице. На этой открытой площадке проводятся боевые упражнения, сборы вассалов и даже турниры. К замку направляется множество людей, в основном из крестьянской деревни, расположенной к западу за рекой, но есть и субприор на муле, едущий из аббатства, а также гонец, приехавший очень рано из Понтдебуа с посланием от епископа. По мере приближения к замку его башня, внутренние и внешние палаты становятся все более отчетливыми. Мы охотно верим, что архитектору Гарнье потребовалось

три года, чтобы довести дело до конца; что все крестьяне баронства были привлечены к тяжкому труду (*corvées*) - копали, тесали и таскали камень или работали на больших вышках; что десять опытных каменотесов и восемьдесят менее квалифицированных каменщиков были наняты из Парижа, Реймса и Орлеана, а мастер-каменщик требовал вознаграждения, которое казалось возмутительным для простого холопа, а не для опоясанного рыцаря.

Барбакан и списки

Эти рассуждения заканчиваются, когда мы подходим не к замку, а к полукруглому палисаду, закрывающему обычные ворота со стороны суши. Этот частокол слишком высок, чтобы перелезть через него; сваи слишком остроконечны и достаточно прочны, чтобы выдержать значительные удары. Это сооружение - барбакан, первое из длинного ряда препятствий, подстерегающих врага. Конечно, его нельзя при регулярной осаде, но его цель - остановить внезапное нападение достаточно долго, чтобы гарнизон успел собраться, закрыть большие ворота и укрепить стены. Вся толпа вошедших направляется к тяжелому деревянному барьеру, который как раз открывает довольно сонный носильщик. Поскольку сейчас время глубокого мира, он пропускает всех внутрь, лишь требуя, чтобы каждый оставил оружие на хранение. Мы проходим беспрепятственно, благодаря доброй фее, которая сделала нас такими же невидимыми, как владелец перстня Гигеса. Однако если бы мы были гостями знатного рода, то проследовали бы к внутренним воротам и громко прозвенели в тяжелый металлический гонг, висящий там. Тогда бы нас поприветствовал один из оруженосцев барона. Если мы были равны или выше барона по социальной шкале, то сам Конон спускался, чтобы провести нас внутрь; если же мы были несколько ниже, то оруженосец проводил нас в большой зал, где мы снимали капюшон и перчатки, прежде чем магнат представлял перед нами. Но нам предстоит многое изучить, прежде чем мы проникнем в сеньориальный зал.

Оказавшись внутри барбакана, мы обнаруживаем, что между этим крайним барьером и собственно крепостью есть еще одно открытое пространство с дорогой и еще одно место для конных упражнений, простирающееся от Клера прямо до крутых склонов Рапиды. Палисады тянутся от реки до реки. Это пространство внутри барбакана образуют списки, где два молодых сержанта разводят норовистого жеребца. Списки очень удобны в мирное время, но настоящая польза от них - на войне, и они еще важнее в замках, которые имеют землю со всех сторон. Они обеспечивают хорошую дорогу, по которой люди могут спешиться и обойти замок в полной безопасности. С другой стороны, если враг внезапно форсирует заграждения, он оказывается в ограниченном пространстве между частоколом и крепостным рвом, а со стен сверху по нему стреляют арбалетчики.

Внутри списков и рядом с каменными стенами проходит ров. Он шириной около двадцати футов, сейчас частично заполнен дождевой водой, покрытой отложениями. Весной варлеты с удовольствием охотятся здесь на лягушек, но с наступлением года в нем наверняка заводятся комары. Однако это еще одна грозная преграда для врага, и в этом ее единственная цель.

После пересечения этих списков путь ведет прямо к разводному мосту. Его только что опустили с помощью тяжелых противовесов, раскачивающихся на своеобразной эстакаде, ведь даже в мирное время ни один сеньор не будет спать спокойно, пока разводной мост не поднят. Порткуллис - рама из железных прутьев, которую опускают, когда поднимают мост, - также был водружен в свой паз у ворот. Однако тяжелые дубовые ворота, облицованные металлом, не были отперты. В одних из них была открыта небольшая дверь, достаточная для лошади, чтобы попасть в сам замок. Несмотря на то, что раньше за барбаканом наблюдали,

теперь за маленьким окошком в башенке рядом с портупеей следят. У главного портье очень ответственная должность. Многие крепости были потеряны из-за его небрежности или неверности. В любом случае его можно обвинить, если он впустит непрошенных гостей или праздных негодяев. Портье часто обвиняют в том, что они грубые, наглые, толстые и ленивые, но отчасти их дурная слава объясняется тем, что им приходится отталкивать плохих персонажей.

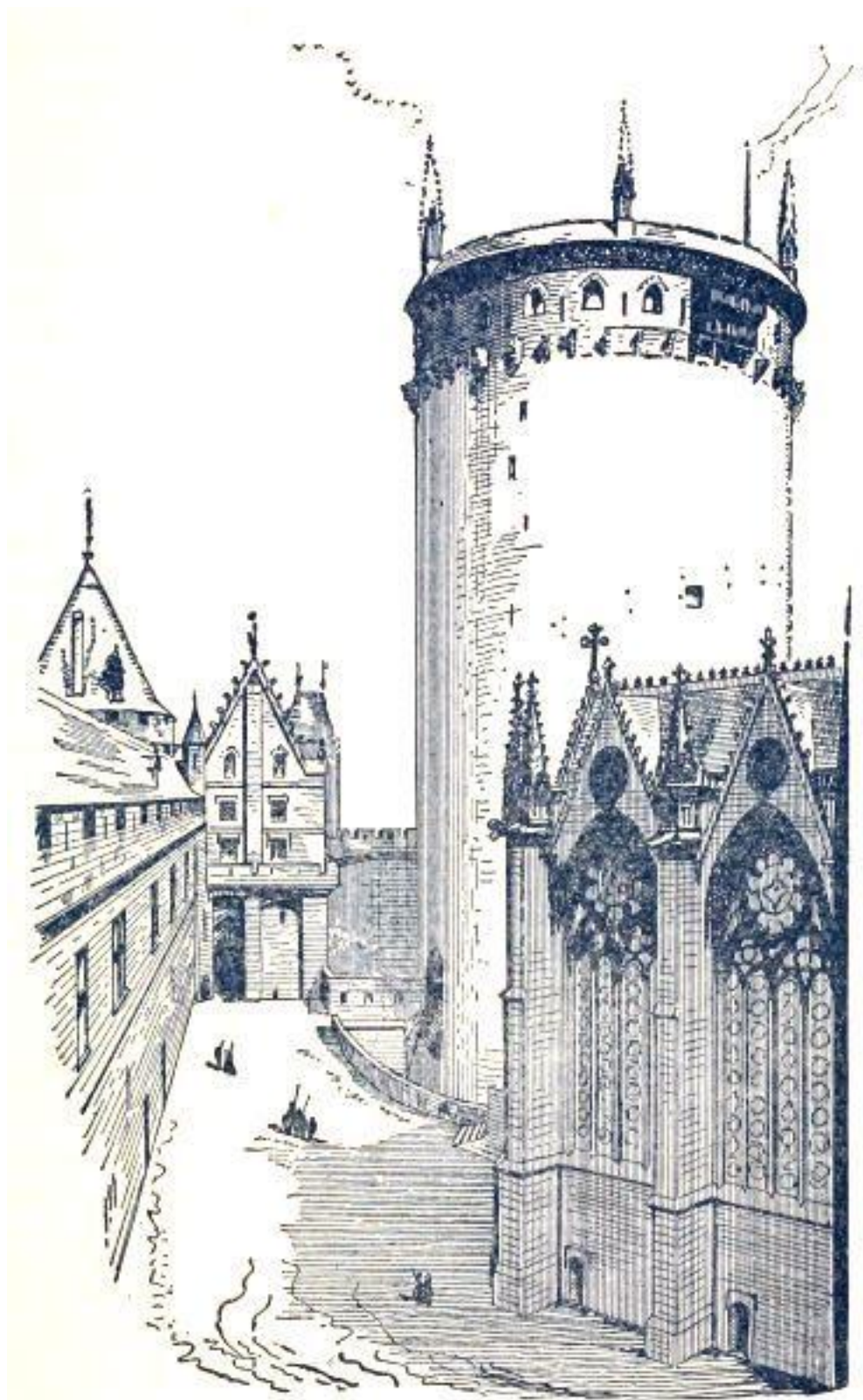
Бейли, ворота и башни

А теперь мы переходим во внешнюю часть, или бейли, замка Сент-Аликвис. Стены и башни этих внешних оборонительных сооружений менее грозны, чем внутренних, но все же кажутся массивными и внушительными по высоте. По обе стороны от ворот возвышается массивная круглая башня; примерно на пятнадцать футов эти две башни возвышаются над рвом, обнаженные и отвесные, а затем пронизаны узкими щелями, предназначенными не для того, чтобы пропускать свет, а для того, чтобы лучники могли перекрыть каждый дюйм пути от барбакана до разводного моста. Даже если враг пересечет ров, сокрушит портупею и распахнет тяжелые двери, он окажется лишь в начале ужасных часов игры на топорах и мечах. Он окажется в узком и низком сводчатом проходе, с множеством бойниц по обе стороны для лучников, а также с прорезями в потолке для слива кипящего масла, кипящей смолы, расплавленного свинца и прочих приятностей; и если он бросится мимо всех этих форм смерти во двор, там, позади него, способного еще очень крепко обороняться, поднимутся две мощные надвратные башни, превращая каждую попытку подкрепить первоначальную атакующую сторону в метание костей со смертью и делая отступление столь же опасным. Поэтому мало кто из командиров окажется настолько глуп, чтобы попытаться взять Сен-Аликвис штурмом, просто отчаянно бросившись на ворота.

От двух надвратных башен, правой и левой, тянется значительный отрезок отвесной стены, заканчивающийся на обоих концах еще двумя башнями, которые отмечают углы с сухопутной стороны крепости. Эти четыре башни, конечно, выступают далеко за пределы куртины и расположены таким образом, чтобы обеспечить постоянный обстрел любого врага, который каким-то образом может закрепиться под стеной. Сами две секции куртины имеют толщину около десятка футов, по их вершине проходит твердая дорожка, защищенная каменным парапетом. Чтобы защитники могли сбрасывать камни и другие средства поражения на нападающих, которые могут под самым основанием стены и не поддаются засовам с башен, вдоль всей стены, нависающей надо рвом, можно соорудить конструкцию из тяжелых бревен. Эти деревянные оравы достаточно прочны, чтобы выдержать множество камней из литейных машин, но иногда их можно поджечь. Поэтому во время осады их покрывают сырыми шкурами. То же самое будет сделано и с коническими деревянными крышами башен. Но поскольку сейчас мирное время, ордынцы стоят голые и изъеденные непогодой. Покрывать шкурами все деревянные конструкции будет одной из первых задач гарнизона в случае серьезной тревоги.

Осмотрев внешние стены замка, становится ясно, что ни один враг не попытается разрушить башни. Даже если ему удастся пробить их оболочку, он просто окажется в темной, пещерной, сводчатой камере, а сверху на него обрушатся защитники, несущие смерть. Тогда ему пришлось бы пробиваться через внутреннюю стену, ближайшую ко двору, что было бы совсем невыгодно. Башни построены из такой прочной кладки, что сжечь их невозможно. Винтовые лестницы, ведущие вверх сквозь каменную кладку, ведут с одной ступени на другую; и эти лестницы настолько узки и извилисты, что один воин с обычным бойким топором может остановить сотню человек, поднимающихся по ним.^[5] Поэтому атака должна вестись на куртины. Но даже здесь, если предположить, что удалось взобраться на

крепостные стены, поджидают новые неприятности. Единственный путь вниз с куртин лежит через башни в конце парапетов. Спрыгнуть во внутренний двор - значит сломать себе кости. Трапы вдоль парапета в нескольких местах перехвачены деревянными мостиками. Их можно легко сбить, оставив зияющие бреши, в которые не пролезет ни один прыгун. Если вы доберетесь до башен, то все они окажутся зарешеченными, а арбалетчики обстреливают захваченные трапы из дюжины бойниц. Наконец, надо сказать, что каждая башня - это маленькая крепость сама по себе. В ней есть своя цистерна, камин для приготовления пищи и кладовая. Даже если она изолирована, ее гарнизон может держаться стойко. Вот и все, что касается нападения на внешнюю палату Сент-Аликиса.

ВИД НА ВНУТРЕННИЙ

ДВОР И ДОНЖОН

Внутренний двор и донжон

Проблемы башен и куртин надолго задерживают внимание, ведь в них заключены фундаментальные принципы фортификации XIII века. Но вот перед нами открывается широкий двор Бейли - место, где протекает большая часть домашней жизни замка; на самом деле, сейчас здесь кишит народ, занятый самыми разными делами. Мостовая не слишком чистая. Здесь большие кучи навоза, и повсюду можно увидеть кур, несколько свиней и собак

. Внутри бейли действительно существует настоящая деревня. Справа от ворот находится ветхая конюшня с соломенной крышей, где в длинном ряду стойл пятьдесят лошадей сеньора хрумкают свой утренний корм. Рядом с конюшней стоят высокие скирды сена. За ними - вторая линия неуклюжих деревянных строений: это казармы для менее любимых слуг замка и части тяжеловооруженных людей, которых барон Конон держит для несения срочной службы.

Здания и жизнь в Бейли

По левую сторону от ворот находится еще несколько зданий. Стоит отметить просторную столярную мастерскую, где уже вовсю орудуют пила и молот; благоустроенную кузницу, где в одной звонкой кузнице перековывают белую лошадь баронессы, а в другой мастер-оружейник вставляет новое звено в почтовую рубашку. Должность замкового кузнеца - не синекура. Он должен поддерживать огромном количестве оружия и доспехов в постоянном порядке; выполнять все повторяющиеся мелкие работы по всему большому заведению; в экстренных случаях изготавливать большое количество наконечников копий и арбалетных болтов, а также, возможно, обеспечивать металлическую работу для осадных машин, от которой может зависеть судьба замка. Первый оружейник Конона, соответственно, один из самых важных и лучше всего вознаграждаемых из всех слуг.

Кроме этих мастерских, в замке есть длинный склад, где хранятся не только продукты питания, но и все остальные припасы, необходимые во время осады. Неподалеку стоит небольшое строение, похожее на сарай, которое поначалу вызывает недоумение у чужаков, но оно объясняется пронзительными криками и воплями, доносящимися оттуда. Это - ястребиный дом барона, двор, где главный сокольничий сейчас кормит сырым мясом больших ястребов и соколов, от которых в восторге его благородные хозяева. Рядом с этими светскими зданиями, однако, несколько неуместно возвышается элегантная готическая часовня с высокими пинаклями, окном в виде розы в конце небольшого нефа, скульптурными святыми, обрамляющими портал, а внутри - великолепные витражи, еще больше изображений святых и резьбы, богатый алтарь. Это та самая маленькая замковая церковь, в которую многие обитатели Сент-Алики, включая мессира и мадам, с благочестивым видом возвращались на сером рассвете, и где сейчас добрый отец Грегуар только что закончил довольно спешную мессу.

В бейли, короче говоря, кипит жизнь. Лошади ржут, коров доят, перегруженный осел брыкается. Вон там, в углу, стоит небольшое здание с высоким дымоходом. Это большая печь сеньора, в которой пекут свой хлеб не только жители замка, но и многие крестьяне. Перед часовней бьет маленький фонтанчик, и болтливые женщины, скудно одетые, наполняют водой свои горшки. Повсюду играют дети в разной степени наготы и грязи. Всевозможные шумы смешиваются в шум. Наконец, недалеко от внутреннего разводного моста мы замечаем еще одно здание с высокой трубой. Это замковая поварня, где готовятся обеды для большого зала внутри. Если заглянуть в дверь, то можно увидеть огромный камин, в котором можно зажарить целого барана или небольшую говядину целиком. Поварня находится здесь из-за опасности пожара во внутреннем замке, а также потому, что это место удобно для большого количества слуг, которые должны питаться в своих казармах. Однако, когда наступает время приема пищи, такое расположение заставляет двадцать с лишним сержантов и оруженосцев, обслуживающих гостей и семью барона Конона, бегать туда-сюда в течение всего обеденного часа между кухней и залом. Благочестивых христиан не смущает,

что их пища готовится в окружении неприятных запахов, а многие действия возле поварни делают ее состояние крайне антисанитарным.

Мы уже пересекли бейли и его кипучую жизнь. Перед нами возвышается внутренняя часть замка. Здесь снова ворота и стены бейли, но гораздо более вычурные и грозные. Еще один ров, наполненный мутной водой, еще один разводной мост, более крупный, чем внешний. Две надвратные башни выше, их конструкции толще, массивнее. Куртины настолько высоки, что стоящие на них арбалетчики могут выбить врага, который может забраться на парапет внешней обороны. Наконец, между надвратными башнями и башнями в конце куртин, справа и слева, находится по дополнительной башне, что делает фланговый огонь гораздо более плотным и смертоносным. Таким образом, враг, который смог бы прорваться в бейли, скорее всего, нашел бы там просто кровавую кабину. Отступающий гарнизон поджигал все грубые деревянные постройки и осыпал внешний двор луками и моторами. Если завоевание бейли обошлось дорого, то чего не стоил бы штурм самого замка?

Внутренний двор, донжон и дворец

Ворота во внутренний двор распахнуты настежь, но портупья все еще скользит в своих пазах, ее опускают каждую ночь, чтобы низкие парни из казарм не шастали в темноте по сеньориальной резиденции. Как раз сейчас между двумя большими частями замка снуют туда-сюда толпы людей, толкаются и смеются в узких проходах. Когда мы проходим во внутреннюю палату, то ощущаем некий оттенок изысканности. Тротуары чище. Большинство слуг лучше одеты и лучше воспитаны. Перед нами открывается большой двор замка, выложенный каменными флажками и достаточно хорошо выметенный. Здесь барон и его брат будут практиковать свои боевые упражнения, когда погода будет плохой и им придется избегать площадок для наклона. Здесь запрягают лошадей, когда Конон, Адела и все их благородные друзья собираются выехать на охоту или охоту на ястреба. По обеим сторонам величественные башни, вделанные в стены, устремлены вниз, но наш взгляд устремлен вперед. Прямо перед нами возвышается сначала изящное каменное здание с большими остроконечными окнами и высокой покатой крышей, а затем - огромная круглая цитадель, которая затмевает все остальные башни. Она стоит в вершине треугольника; с одной стороны - двор замка, а справа и слева - скалы у его основания, обрывисто обрывающиеся к Рапиде и Клеру.

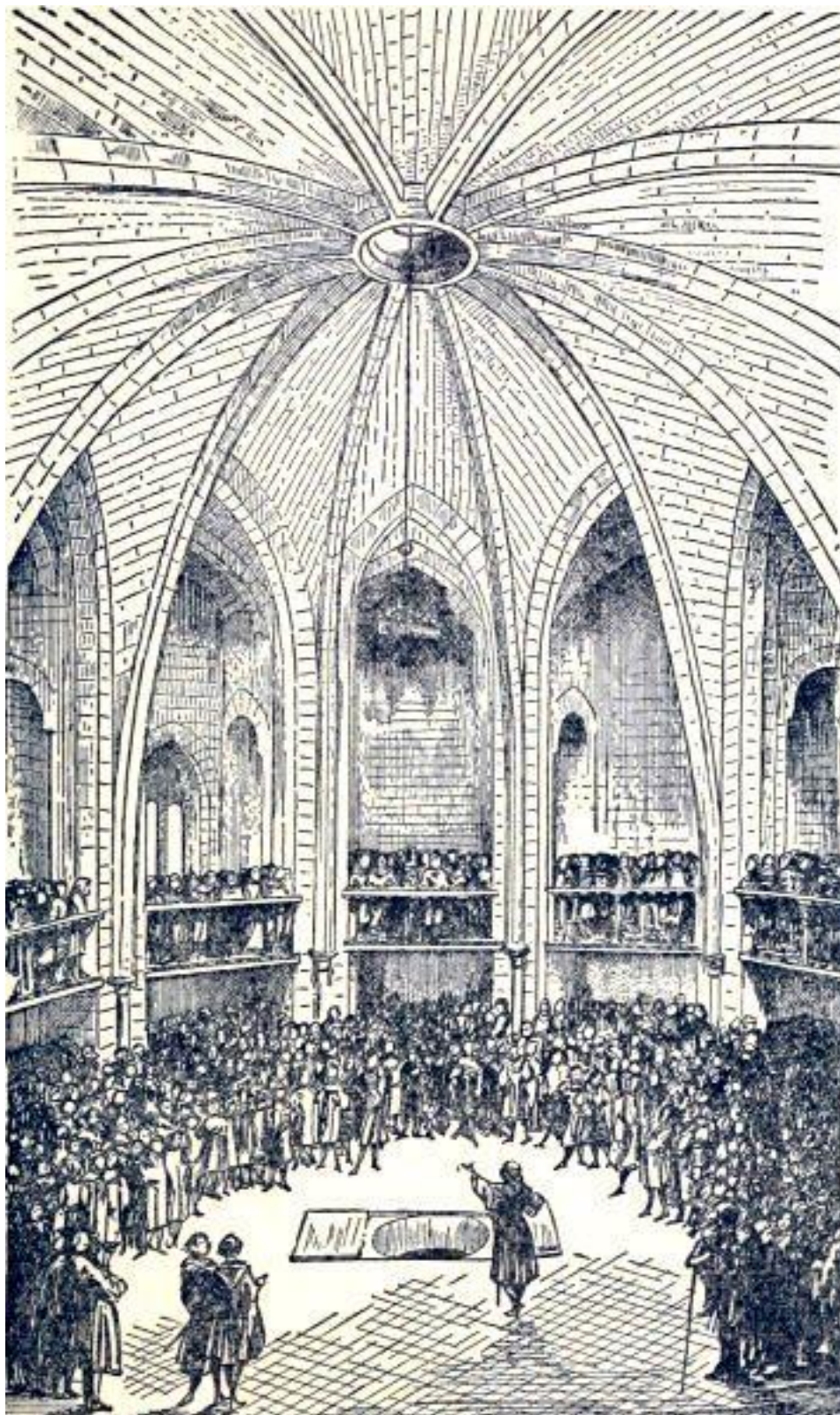
Каменное здание - это *дворец*, резиденция барона. Гигантская башня - донжон, великая крепость замка, построенная на месте старой крепости Хериберта, но в двадцать раз более грозная. *Дворец* находится ближе всего к нам, но поскольку там расположены апартаменты сеньора, а мы хотим осмотреть их позже, лучше обойти его с одного конца и сначала посетить донжон.

Барон Гарнье построил свой донжон высотой около ста десяти футов и диаметром около пятидесяти пяти футов, со стенами толщиной в дюжину футов. Такой размер велик, но не необычен. В Кузи планируют построить башню высотой двести двадцать пять футов и диаметром девяносто пять футов. Если бы Гарнье построил башню немного раньше, он бы сделал ее квадратной, как та безжалостная башня в Лоше, высота которой составляет всего сто футов, а длина самой длинной стороны - семьдесят шесть футов. Чтобы войти в донжон, мы преодолеваем еще один разводной мост, хотя ров внизу сухой, и, пробив небольшую дверь в каменной кладке, сворачиваем в проход сквозь толстую стену. Выйдя из яркого утреннего света двора, вы словно погружаетесь в кромешную тьму. Незнакомцы спотыкаются на крутых лестницах, то тут, то там мелькает свет из бойниц высотой в пару футов, хотя ширина их отверстий едва достаточна для свободного полета стрелы. Далеко

внизу виднеется сверкающая, стремительная Рапида, а вдалеке простирается ярко-зеленая страна.

Донжон

Когда Сент-Алики перестраивался архитектором барона Гарнье, донжон был значительно улучшен, однако большая часть старой кладки первоначальной башни была сохранена, как и общее расположение лестниц, бойниц и череды залов, покоев и чердаков. Мы видим, как выглядел замок во времена Гериберта. Повернув через пару поворотов в неказистый подъезд, мы попадаем в оригинальный большой зал замка. Здесь оскорбительно темно; окна - лишь бойницы в конце глубоких, конусообразных проходов, проделанных в стенах. Даже в это прекрасное июньское утро здесь царит промозглая атмосфера. Однако, когда наши глаза привыкают, мы видим, что находимся в огромной сводчатой камере с большим камином и своеобразной деревянной галереей на высоте около восьми футов над полом, опоясывающей весь контур. В этой большой камере может собраться добрая часть всего гарнизона. Сеньор или его представители, стоящие в центре или у камина, могут отдавать приказы, понятные каждому присутствующему. Таким образом, можно отдать приказ о любом движении, необходимом для обороны замка.

ВЕРХНИЙ ЗАЛ ДОНЖОНА

Как мы увидим, сейчас в более современном и просторном *дворце* есть новый и лучший зал, но старый зал по-прежнему используется на больших праздниках для переполнения гостями. Даже сейчас стоят длинные дубовые столы, изрядно изрезанные ножами многочисленных буйных пирующих; а на стенах, потемневших от дыма из большого камина, висят почтенные трофеи охоты, рога, голова медведя, бивни кабана, а также множество всевозможного охотничьего оружия, которым пользовались ушедшие поколения.

Если бы мы спустились по лестнице из зала, то попали бы в еще более мрачные сводчатые апартаменты, которые иногда используются как дополнительное общежитие для скромных гостей, но также (к изумлению современной медицины) с небольшими комнатами, отделенными для использования в качестве палаты для больных; ведь каждый врач, будь он учился в Салерно, Кордове или Монпелье, скажет вам, что темнота - друг здоровья и что немногие больные могут надеяться на выздоровление, если их не держать в тени и укрытии, насколько это возможно.

Тюрьма и сторожевая башня

Если бы мы захотели спуститься еще ниже, по черной лестнице с фонарями, со скал начала бы капать влага. Мы могли бы слышать шум реки Рапид, бьющейся об основание замка. Путешествие закончится у зарешеченной железной двери. Внутри оказалась бы затхлая, вонючая камера, освещенная лишь двумя-тремя крошечными щелями в каменной кладке и с голым камнем в качестве пола. Здесь находится тюрьма барона Конона. Его считают милосердным сеньором, но он не задумывается о том, чтобы бросить туда настоящих преступников и держать их неделями, а то и месяцами, прежде чем выпустить или повесить. Счастливчик, если мэтр Дени, ключница, не забывает приносить каждый день грубую буханку и если крысы не пожирают пальцы ног заключенных; но обо всем этом мы поговорим позже .[6]

Утверждается, что из этих нижних сводов есть подземный ход, ведущий из замка к тайному саллипорту у подножия обрыва у Рапиды. Однако если такой проход и существует, то о нем знают только Конон и несколько доверенных лиц. Но не все подобные истории ложны: во многих замках есть такие тайные ходы, а в Куси втихомолку планируют ввести довольно сложную систему подобных ходов. Вполне возможно, что и в Сент-Алике есть нечто подобное.

Гораздо приятнее подняться из главного зала через несколько ступеней верхних и более воздушных покоев (сейчас они используются частью замка как квартиры), пока по головокружительной лестнице мы не достигнем вершины самого донжона. Здесь на одном из краев широкой площадки находится маленькая круглая башенка, возносящая нас еще выше. С башни развевается оранжевое знамя святого Аликиса с каким-то черным драконом (возможно, в память о набеге викингов), вышитым на нем, и высокомерной легендой знатного рода: "Скорее сломать, чем согнуть". Опустить это знамя было бы ужасным позором. Никогда его не сбивают, если только замок не сдастся, тогда его с грустью сбрасывают в ров.

Под флагштоком находится прочная выступающая балка, оснащенная шкивом. Здесь находится виселица на случай, если барон захочет повесить преступников в качестве предупреждения для сельской местности. К счастью, Адела не любит смотреть на болтающиеся трупы и уговорила Конона приказать вешать его на обычной виселице через Клэр у деревни. На башне с флагом всегда стоит часовой; днем или ночью его сменяет какой-нибудь крестьянин, и даже в мирное время у него нет синекуры. Он должен трубить в свой рог на восходе солнца, ночью, когда охота барона выезжает и возвращается, и еще раз, когда к воротам подъезжает чужая свита. Сейчас под ним открывается восхитительная панорама всей широкой сельской местности, но зимними ночами, когда вокруг донжона воеет каждый взрыв, задача не столь благодарная. Неудивительно, что крестьяне, которых заставляют нести эту службу, жалуются, что "сторожа - удел проклятых".

Итак, снова через донжон и снова в замковый двор. Донжон имеет чисто военное значение. В мирное время это просто склад, тюрьма и дополнительная казарма для людей сеньора. На

войне это последняя позиция, где гарнизон может отчаянно сопротивляться. Сто лет назад Адела и ее невестка Алиенор прожили бы большую часть своих дней в невеселых темных покоях прямо над главным залом. Теперь им повезло больше. Они обитают в элегантном готическом арочном дворце.

Большой зал дворца

Дворец состоит из длинного, несколько узкого здания, выходящего во внутренний двор, и других строений, примыкающих с одной стороны к западной куртине, но выходящих своими большими внутренними окнами также во двор. Комнаты высокие, с огромными каминами, в которых зимой можно топить большие поленья. Потолки ребристые и сводчатые, как в церкви, а некоторые элементы кладки украшены прекрасной резьбой. Голые стены часто покрыты штукатуркой, на которой набросаны фресковые сцены в стиле строгих византийских росписей или знаменитого гобелена королевы Матильды в Байе. Все оттенки - плоские красные, желтые или коричневые, без перспективы и тонких линий, в своеобразном демисилуэте. Небольшие штрихи зеленого, фиолетового и синего разбавляют эту пустоту, и, несмотря на неловкие контуры и другие ограничения, многие сцены одухотворены и очень декоративны. Некоторые картины носят религиозный характер. Мы видим "Христа на кресте" между "Синагогой" и "Новым законом", "Страшный суд", эпизод из жизни самого святого Аликиса; также много светских картин, основанных часто на эпосах жонглера. Так, из "Песни о Роланде" взята картина раздиранья дикими конями предателя Ганелона.

Окна в этом дворце выдают роскошь его владельца. Они не закрыты деревянными ставнями, как большинство других проемов в замке. Они стеклянные, с очень маленькими стеклами, вставленными в свинец. В маленьких комнатах стекла не окрашены, хотя и не отличаются прозрачной белизной, но в огромном обеденном зале они богато раскрашены, как в церкви, создавая усыпанную драгоценностями галактику святых покровителей (*например*, святого Мартина, святого воина Франции) и рыцарей и паладинов от Карла Великого и короля Артура до него, благосклонно вззирающих на пирующих внизу.

Этот новый зал, безусловно, является самым прекрасным помещением в замке. Здесь, среди деревянной и каменной кладки с глубокой резьбой, домочадцы барона садятся обедать. Однако это больше, чем просто столовая. Здесь проходят великие феодальные церемонии, такие как принятие дани. Сюда же в плохую погоду или зимними вечерами стекаются почти все обитатели замка. Мессир восседает на помосте в своем кресле с балдахином, все остальные втискиваются как можно теснее, и после бесконечных разговоров, шуток, игры в кости и шума всегда популярные жонглеры занимают место у камина, показывают фокусы, поют песни или читают романсы. Одним словом, зал - средоточие мирной жизни замка.

Во дворце есть и другие комнаты, но, учитывая количество людей, которым приходится в них жить, они кажутся довольно скудными. В Сент-Алике мало настоящего уединения. У барона, правда, есть специальная каморка, где он может уединиться и надеяться, что его не подслушают, но большая комната для него и баронессы обычно полна слуг. Рядом с покоями есть вторая комната, где спят сыновья барона, пока они маленькие, и где могут разместиться почетные гости. Брат и сестра Конона имеют по большой квартире, но, кажется, ощущается явная нехватка прихожих, будуаров и других уединенных комнат. Благородных гостей просят жить в одних комнатах с семьей, и пара служанок баронессы будет спать на поддонах в ее покоях, а любимый оруженосец барона - за дверью. Что касается мелкого люда, то ночью они часто бесцеремонно растягиваются на столах или даже на полу в главном зале. Иметь строго уединенную комнату - это поистине непозволительная роскошь; даже великий дворянин зачастую обходится без нее.

ИНТЕРЬЕР АПАРТАМЕНТОВ XIII ВЕКА

Из реставрации Виолле-Ле-Дюка. Слева кресло, в котором сидит сеньор, кровать, отделенная ширмой от остальной части зала; сзади, между двумя окнами, шкаф; напротив камина большой стол. Стены украшены гобеленами.

Столы, кашпо и гобелены в зале

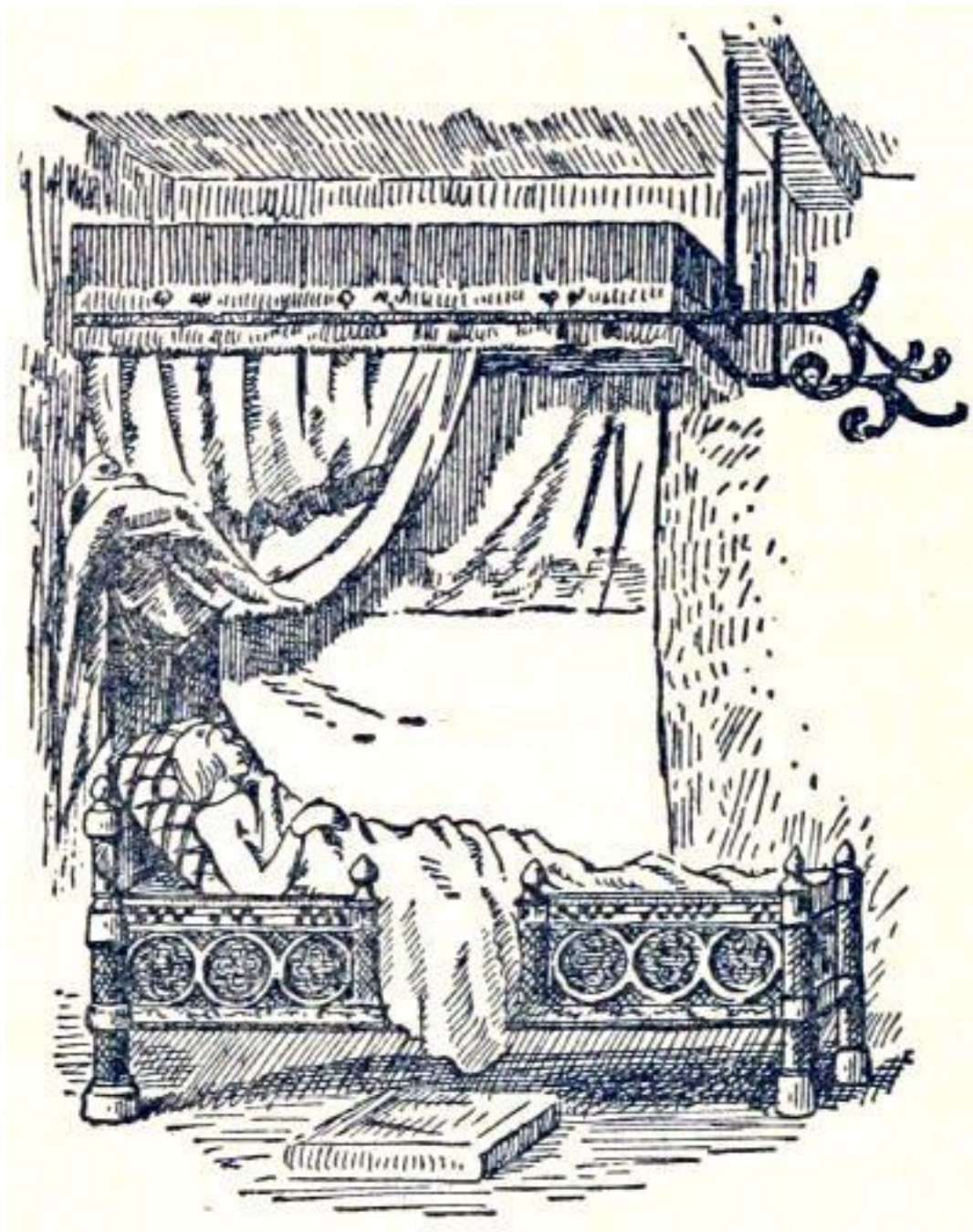
Мебель в этих апартаментах кажется скудной, но она, по крайней мере, очень добротная. В холле стоят ряды столов на подставках, перед которыми стоят длинные кресла без спинок. Здесь часто приходится убирать эти столы, чтобы расставить для феодальной церемонии или для танцев; но в одном конце апартаментов находится возвышение, а под прямым углом к остальным стоит громоздкий дубовый стол хозяина. Конон обращен к залу с высокого резного кресла под деревянным балдахином. Остальные кресла на помосте имеют роскошные спинки и подлокотники. Камин - огромное сооружение, выступающее далеко в зал, где длинные поленья на высоких андилонах могут раскалить каменную кладку так, что она будет яростно светиться часами. Чтобы отгородиться от жара зимой, есть каминные экраны из осины, но летом они, конечно, исчезают. Каждый праздничный день мощеные полы в комнатах дворца по возможности устилают новым камышом и цветами - розами и лилиями, флагами и мятой, создавая под ногами мягкую потрескивающую массу. Они благоухают и приятны, пока свежи, и даже зимой их оставляют для защиты от холода пола. К весне они высыхают и становятся очень грязными, потому что обедающие бросают в них кости, кусочки хлеба и мяса, а бродящие вокруг собаки и кошки не могут поглотить весь этот мусор. Некоторые сеньоры, правда, вводят в обиход "сарацинские ковры", великолепные ковры, которые либо привозят с Востока, либо делают во Франции по импортным образцам; но это дорогое новшество, и Конон пока обходится своими речными коврами.

Однако он по праву гордится и другой роскошью. В тщательно охраняемых шкафах хранится множество восхитительных настенных гобеленов, некоторые из драгоценного шелка *sendal* (тафта), другие из менее ценного сицилийского шерстяного материала. Их рисунки поражают своим великолепием. На одном из них изображены "Семь добродетелей и семь

пороков", на другом - целая последовательность сцен, связанных с Карлом Великим. Но такие драгоценные орнаменты должны храниться для торжественных случаев. Приказ "Развесить гобелены" - это знак слугам, что Конона ожидает турнир, большой пир или визит герцога. Пока же *дворец* довольствуется простым фресковым убранством.

Мебель и кровати

Мебель в спальне не менее проста. Кабинет барона и его жены освещают три окна с арочными вершинами, пробитыми в каменной кладке, выходящие на двор замка. У камина стоит маленький столик с шахматной доской, несколько табуретов без спинок и длинные узкие скамьи. У окна стоят удобные мягкие кресла "Она и я", обращенные друг к другу. Напротив камина - статское кресло для барона с высокой резной спинкой и подлокотниками, деревянным балдахином с такой же тяжелой резьбой и пуфиком, обитым красным шелком. Есть несколько громоздких шкафов и особенно несколько массивных сундуков, окованных железом, в которых хранятся ценные вещи, драгоценности и тому подобное. Бюро и комоды в эту эпоху почти не существуют, их место занимают обычные сундуки. Ни одна спальня не может быть обустроена должным образом, если в ней нет массивного сундука у изножья кровати для быстрого приема вещей гостей. При захвате замка крик "Открыть сундуки!" равносителен призыву к победителям: "Разбегаться и грабить!".

КРОВАТЬ XIII ВЕКА

Реконструкция Виолле-Ле-Дюка по рукописи из Национальной библиотеки.

Возле одного из окон в стене находится большое распятие, вырезанное из темного дерева, а под ним на полке - небольшая серебряная шкатулка, богато украшенная фигурками святых и ангелов. Это реликварий, в котором хранится трофей, привезенный крестоносцем из Святой земли, - пучок волос святого Филиппа Апостола, а также несколько лоскутов одеяния святой Анны, матери Богородицы. Перед этими священными предметами барон и баронесса преклоняют колени на подушках из красного шелка и читают молитвы утром и вечером.

Но главный предмет покоев - кровать. Иметь прекрасную кровать для хозяина и хозяйки - стремление каждого феодала. Она стоит под большим балдахином с тяжелыми занавесками из голубой тафты. Сама кровать, представляющая собой огромную массу пуховых матрасов и

великолепно вышитых покрывал, выступает своим замысловатым резным изножьем далеко вглубь комнаты. Вся конструкция установлена на платформе. Когда барон и баронесса уходят на покой, их сопровождающие раздвигают плотные шторы, практически закрывая их в их собственной уединенной спальне. Шторы закрывают доступ воздуха, но это не является недостатком, ведь любой врач скажет вам, что ночной воздух очень вреден для здоровья.

На этом обстановка покоев почти исчерпывается, если не считать различных насестов, деревянных крючков и вешалок для одежды, а иногда и для охотничьих ястребов баронессы, и двух бронзовых ламп, раскачивающихся на цепях, которые дают очень слабое освещение. Если нужно больше яркости (и если большой камин не отбрасывает блики), можно поступить так, как это сделано в большом зале для дополнительного освещения - расставить вдоль стен смоляные факелы в металлических держателях. Однако для обычных целей барон и баронесса предпочитают менее пахучие восковые свечи. Восковая свеча очень высокой высоты стоит рядом с кроватью и горит всю ночь. Это отпугивает пикси и дьявола, а также делает жизнь христиан более веселой.

Другие апартаменты замка обставлены подобным образом, хотя и с меньшим великолепием. Конечно, в казармах для низших слуг и оружейников каждому повезло, если у него есть большой мешок, набитый соломой для постели, прочное одеяло и трехногий табурет, на котором можно сидеть днем.

Таким образом, были осмотрены внешние, каменные и деревянные аспекты Святого Аликиса. Задача состоит в том, чтобы увидеть, чем занимаются люди, которые придают непоколебимой крепости ее значение и жизнь.

ССЫЛКИ:

[4] См. гл. [xiv](#).

[5] Часто в темное время суток в этих башнях пол был сделан из деревянных подмостков, которые легко разрушить, и нападающий (если он не был настороже) внезапно падал в подвал башни.

[6] См. гл. [x](#).

Глава III: Как просыпается замок. Баронское гостеприимство.

Какими бы грехами ни грешили люди тринадцатого века, они не были запоздалыми. Лампы и свечи настолько плохи, что лишь в редких случаях, когда предстоит большой праздник или неотложная работа, люди остаются в замке на много часов после захода солнца. Зимой обитатели замка, возможно, проводят в постели почти половину всего времени, а летом, благодаря длинным вечерам, им вряд ли удастся выспаться, за исключением полуденной сиесты.

Некоторые сеньоры поднимаются задолго до восхода солнца, служат мессу, поднимаются на свою высокую башню, осматривают пейзаж, а затем спускаются, чтобы отдать приказ дуть в стиральный рог. Мы также слышали о дамах, которые встают в сумерках, приглашают капелланов петь заутреню, пока они накидывают одежду, затем идут на обычную мессу в часовню, затем завершают свой туалет и гуляют в саду, и все это до завтрака. Есть, правда, истории о том, как благородные люди спят даже летом до шести утра, но эти отступления следуют лишь за плачевными попойками. Конон и Адела не относятся ни к неутомимым будильщикам, ни к лентяям. Их редко можно застать в постели до петухов, а барон уже предупреждает своих юных сыновей, что "тот, кто долго спит по утрам, становится худым и ленивым". Так что на сером рассвете Уильям, первый оруженосец Конона, зевнул на своем поддоне у дверей покоев, натянул на себя одежду, а затем поспешил к большой кровати, чтобы помочь хозяину одеться. Это одна из главных обязанностей хорошего оруженосца, но он не должен лишать своего господина ночной рубашки. Ночные рубашки в тринадцатом веке используются не чаще, чем столовые вилки. Конон спит между простынями, на нем лишь одежда новорожденного младенца, хотя, что любопытно, он оборачивает вокруг головы нечто вроде салфетки, предшественницы более позднего ночного колпака.

Когда барон надел часть своей одежды, Жервеза, второй оруженосец, принесла металлический таз с водой и белое полотенце. Эпоха - одна из самых противоречивых в вопросах чистоты. Барон Конон тщательно и часто моет лицо и руки. Он также довольно часто принимает ванну, используя большие деревянные ванны, наполненные горячей душистой водой. Лично он кажется необычайно аккуратным человеком, как и все люди высшего ранга. Но он никогда не слышал о загрязненных колодцах и других местах, где размножаются злокачественные лихорадки. Мухи - безвредные раздражители. Многочисленные дурные запахи вряд ли можно предотвратить, так же как и холодную погоду - святые дают нам благодать переносить их! Короче говоря, чистота заканчивается заботой о человеке. Профилактическая санитария так же неизвестна, как и земли, которые могут лежать по ту сторону штормовой Атлантики - "моря тьмы".

Существует старый стишок, который, как предполагается, указывает правильное время для распорядка дня:

"Вставать в пять, ужинать в девять,
В пять - спать, в девять - спать",
Так можно дожить до девяноста девяти".

Иногда ужин наступал позже девяти, но никогда, по возможности, не позже десяти. Иногда люди расстраивались из-за того, что трапезу приходилось откладывать до полудня. Это было естественно, ведь с рассветом все встают и на завтрак, вероятно, съедают лишь несколько кусочков хлеба, запивая их разбавленным вином - плохая замена даже кофе и булочкам более позднего континентального завтрака.

Рутинные дела и развлечения барона

Одевшись и умывшись, барон отправляется на мессу в часовню. Посещение ежедневной мессы - обязанность каждого по-настоящему благочестивого сеньора. Одним из позоров Гарнье была его грубая нерегулярность в этом вопросе. Если бы в бейли не было часовни, службу можно было бы проводить в притворе зала *дворца*. После окончания мессы Конон готов к делам и удовольствиям. Сейчас мирное время, и, по правде говоря, барон был бы несказанно рад волнению, суете и напряженной подготовке, которые приходят с началом войны. Список занятий, которыми он может развлечь себя в спокойное время, кажется ограниченным: Он может охотиться, ловить рыбу, фехтовать, драться, играть в шахматы, есть

и пить, слушать песни жонглеров, держать свой суд, гулять по лугам, разговаривать с дамами, греться, делать себе обхваты и пускать кровь, смотреть, как падает снег. Последнее развлечение вряд ли возможно в июне. В другие века пускание крови не считалось обычным видом спорта! Он также не может проводить суд, принимать своих вассалов и вершить правосудие - разве что через определенные промежутки времени. Жонглеры, как правило, занимаются этим по вечерам. Поэтому тайная тяга Конона к войне в какой-то мере объяснима.

Однако если день выдастся удачным, на башне затрубит рог, а затем зазвучит гонг у ворот Бейли. Прибыл гость благородного звания. Как правило, в замковых общинах ничто не может быть более желанным. В таких маленьких изолированных уголках человечества, как они, где весь остальной мир, казалось бы, находится на огромном расстоянии, приезд незнакомца означает возможность услышать новости о дворе короля, о делах императора Фридриха II, о шансах на очередной крестовый поход, о последних модах на доспехи, о новейших методах обучения ястребов, а возможно, и слухи о еще одной смелой войне, подобной той, что завершилась славной битвой при Бувине. Сеньор, который не оказывает щедрого гостеприимства знатному гостю, - это, конечно же, неприличный человек; а священник, монах или законопослушный торговец получит достойный, хотя и менее церемонный прием. Неудивительно, что трактиры повсюду так плохи, а лорды стольких замков начинают злиться, если путник не задерживается, возможно, на несколько дней.

Гостеприимство по отношению к гостям

Существуют истории о рыцарях, которые специально меняют направление дорог, чтобы заставить путешественников приблизиться к своим замкам, где их можно вежливо остановить и заставить задержаться. В Кононе все не так абсурдно, но если в этот день к замку подъезжает гость знатного рода, вся обычная рутина прекращается. У внешних ворот незнакомцев встречает Уильям, первый оруженосец. Если он докладывает, что их начальник - барон, перед гостями распахивают ворота; они проезжают прямо через оба разводных моста во внутренний двор. Конон сам ведет коня своего главного гостя, и когда приезжий дворянин сходит с коня, он обычно целует его в губы и подбородок, хотя, если незнакомый рыцарь - пожилой человек или очень высокого ранга, он выражает свое уважение, целуя только плечи. Адела и ее служанки сразу же проводят гостей в покои, где в их честь навалены лучшие пуховые перины, а затем умело снимают с них доспехи, моют ноги, [7] и даже помогают надеть свободную чистую одежду - что-то вроде обертки, очень приятной для ношения в помещении. Тем временем их лошадей укладывают в стойло и уделяют им все внимание. Только после того, как гости одеты, освежены, искупаны и, возможно, накормлены, Конон вежливо осведомляется, как долго он будет наслаждаться их обществом и делают ли они в Сент-Алике просто остановку или приехали к нему по делу.

Неблагородные гости не удостоиваются подобных церемоний, если только это не высокопоставленные церковники - епископы, аббаты и их прямые подчиненные, - но даже бедного холопа, если он явился с подходящим поручением, ждет плотный обед и постель на камышах в одном из залов. [8] Жонглера всегда принимают радушно и развлекают наилучшим образом, а после ужина расплачиваются песнями и фокусами. Кроме того, в большинство праздничных дней ворота святого Аликиса распахиваются настежь. Слуги Конона говорят всем: "Если вы голодны, ешьте, что хотите!" За счет барона будет просто невероятное обжорство и обжираловка.

Однако если нет гостей, барон далеко не праздный человек. С тех пор как он встает в четыре утра, за утро он успевает сделать очень многое. Все конюшни должны быть осмотрены; даны

указания относительно маточной кобылы; обследован шумный соколиный дом; различные управляющие, бейлифы и проректоры приходят с докладами о крестьянах, фермах барона и особенно о споре с лесорубами соседнего сеньора о праве на заготовку древесины в спорном лесном массиве - дело, требующее большой дипломатии, чтобы избежать оживленной частной войны. И хотя сегодня не судебный день, барону, как вершителю правосудия, приходится приказывать забить в колодки до заката двух дерущихся крестьян и распорядиться, чтобы у недоброжелателя, попавшего в кукурузную корзину честного холопа, обрезали уши.

Замок, по сути, сам по себе является экономической единицей. Если барон бездельничает или занят, он оставляет управление замком своим помощникам, но хороший сеньор знает обо всем. В поместье есть свои кукурузные угодья и пастбища, стога сена, амбары и склады, мельницы, скотобойни, бойни и солеваренные сараи. Практически все продукты, необходимые в замке, выращиваются на месте. Бесчисленные женщины и варлеты носят грубую шерстяную одежду из шерсти, выращенной, остриженной, чесанной, пряденной и сотканной на территории сеньории. Обычное оружие и инструменты, необходимые на войне, изготавливаются в кузнице в Бейли. В результате жители замка почти не занимаются куплей-продажей. Конон имеет определенный доход в серебряных динарах, но, за исключением важных сумм, которые он откладывает для турнира, свадьбы сестры, возможно, частной войны и других подобных случаев, он почти полностью тратит их на тонкую одежду, превосходное оружие, кулинарные приправы и на некоторые предметы роскоши, такие как иностранные вина. Их можно купить у заезжих вьючных торговцев или посетив Понтдебуа во время ярмарочных сезонов.[9] Таким образом, Сент-Алики представляет собой любопытное зрелище: большая община, многие члены которой из месяца в месяц редко имеют дело с этой штукой, называемой "деньгами".[10]

Товарищество и организация жителей замка

Конон по утрам постоянно занят решением мелких вопросов, касающихся поместья. Сеньор - центр, распорядитель всего сеньории, но он не деспот. Замок - это одна огромная семья, которая вместе делит радости и беды. Высшие слуги занимают свои должности по своему рода наследственному праву. Гильберт, возглавляющий кузницу, - сын предыдущего кузнеца. Аналогично поступают главный повар, мастер егерей и многие другие. Даже сомнительная должность баронского палача передается по наследству. Если бы Конон уволил кого-либо из этих подчиненных, кроме как по вполне очевидным причинам, это вызвало бы негодование всех их собратьев и привело бы к пассивному бунту, нежелательному для самого произвольного сеньора. Даже тираничному барону Гарнье приходилось ждать удобного случая, чтобы сменить неугодного слугу. У каждого человека есть своя маленькая сфера влияния и привилегий. Успешный барон уважает все эти "права" и тактично обращается с каждым уступающим. В результате в доме царит атмосфера товарищества и откровенности. Барону и баронессе приходится каждый день выслушивать плоские противоречия.

"Вы совершенно не правы, мессир", - говорит сегодня Герберт, пастух, когда Конон приказывает ему отлучить некоторых телят. "Я не буду выполнять этот приказ". И барон (который на смертельном поединке с другом-дворянином не стал бы соглашаться с подобными словами) мудро соглашается, посмеиваясь. Герберт - "свой человек", у него своя сфера деятельности, и, кроме того, Герберт и все его товарищи будут сражаться за своего

сеньора до последней капли крови и с трогательной верностью выполнять все строгие военные приказы.

Действительно, жители Сент-Алики чем-то напоминают повзрослевших детей. Они часто сердятся, буйствуют, упрямятся, спорят, даже обмениваются подзатыльниками и ударами. Женщины почти так же вспыльчивы, как и мужчины. Но темперамент остывает с одинаковой быстротой. Два варлета, которые сегодня утром чуть не схватились за ножи, после обеда будут общаться как братья-близнецы. Кроме того, несмотря на видимые трения, триста с лишним человек, которые спят за стенами Сент-Аликиса, довольно хорошо организованы. Прежде всего, у барона есть три оруженосца, молодые люди из дружественных баронских семей, которых Конон "подкармливает" для подготовки к рыцарству и чье образование будет описано позже.^[11] Они, конечно же, "благородны" и с нетерпением ждут, когда смогут править своими замками. Благороден и сир Юстас, сенешаль, старый товарищ барона по оружию, который несет в бой большой гонфалон святого Аликиса, а в мирное время является главным фактотумом и управляющим почти всем в фьефе. Маршал, отвечающий за конюшни, тоже "сын хорошего дома", а камергер, надзирающий за всем внутренним хозяйством, которое не касается еды, питья и времени приема пищи, - пожилой, бездетный рыцарь, ставший хромым на службе у отца барона и действительно занимающий почетную синекуру. Кроме них, есть еще четыре мелких дворянина, чьи поместья столь малы, что им приятнее всего жить в Сент-Алике, ездить на охоту к барону и командовать его людьми при оружии.

Остальные слуги в замке, правда, не из знати; но в личной службе нет ничего постыдного, если ты служишь господину выше себя. Конон почувствовал бы себя оскорбленным, если бы во время визита в Париж его попросили отнести большой пирог и поставить его перед королевой. О знатности барона можно судить по количеству его оруженосцев и благородных слуг. Многие бедные сиры вынуждены довольствоваться лишь одним оруженосцем и, возможно, сенешалем. Что касается Конона и Аделы, то у них есть заветное желание, чтобы во времена их сыновей дворецкий, кельнер, раздатчик и даже мастер соколиной охоты Сент-Аликиса также были нежных кровей; но это поставило бы их хозяйство практически вровень с хозяйством герцога.

Обед, ужин и ночь

Когда наступает время ужина, в зал устремляется множество гостей, но о застольных церемониях мы расскажем позже.^[12] Конечно, в обычные дни не стоит ожидать банкета - всего лишь одна-две тарелки мяса, немного рыбы, несколько овощей, хлеб и обычное вино, но все в изобилии. Голод редко беспокоит святого Аликиса. Если погода хорошая, то, скорее всего, обед и ужин будут подавать в саду, за барбаканом, под приятной тенью деревьев, рядом с журчащим Рапидом. Там будут стоять длинные столы, накрытые льняным полотном, окрашенным в алый цвет Монпелье. Для почетных гостей поставят мягкие скамьи, остальные будут сидеть практически на чем угодно.^[13] Ужинать можно будет либо в зале, либо в саду, в зависимости от обстоятельств. Между обедом и ужином проходит много времени, и аппетит снова обостряется. После ужина, если благодаря присутствию жонглеров есть повод для факелов и музыки, жители замка присоединяются к развлечениям и даже танцам, пока большой серебряный кубок торжественно не вручают барону. Он глубоко выпивает. Аналогичным образом угощаются все его гости. Затем он поднимается, а компания отправляется спать. Если к ним приходят почетные гости, Конон сам провожает их в покои и выпивает с ними еще один глоток вина перед тем, как расстаться на ночь.

Сенешаль тем временем тщательно обходит стены, чтобы убедиться, что внешний разводной мост поднят, дозорные расставлены и все в безопасности. Затем он передает громоздкие ключи, чтобы до рассвета их отнесли в комнату барона. Сеньор раздевается своими оруженосцами и ложится под лавину пуховых одеял, достаточно толстых, чтобы обеспечить паровые ванны. Вскоре во всей черной массе замка гаснут все огни, кроме высокого светильника в апартаментах хозяина. Так и спит замок во тьме, не нарушая ее, если не считать редкого "Все в порядке!" от зевающего часового на башне, пока дрозды и черные дрозды не начинают шуметь в саду и на деревьях у реки. После этого Сент-Алики возобновляет свои дневные дела.

ПЯТНАДЦАТЬ:

[7] Иногда гостеприимство доходило до такой степени, что, как нам рассказывают, дамы замка помогали приезжему рыцарю принять полную ванну - услуга вполне невинно оказанная и принятая. Подобные обычаи, конечно же, существовали у греков из "Илиады" и "Одиссеи".

[8] См. гл. xvii.

[9] См. гл. xxii.

[10] Даже когда упоминаются денежные суммы в связи с крестьянскими податями и т. д., можно догадаться, что зачастую речь идет о натуральных платежах.

[11] См. гл. xi.

[12] См. гл. vii.

[13] Люди Средневековья не пользовались полом в такой степени, как китайцы и японцы, но они, конечно, часто были готовы отказаться от сидений даже в помещении и сидеть на коленях на мостовой или камышах, "по турецкой моде".

Глава IV: Игры и развлечения. Соколиная охота. Сад баронессы.

Если барону Конону посчастливилось принять знатного гостя, то едва ли не первый вопрос - как развлечь незнакомца. Неизбежно придется сдерживать гостя, чтобы он хотя бы надолго задержался, чтобы запустить ястребов или загнать оленя. Если это невозможно, то, по крайней мере, его вежливо попросят попробовать поиграть в какую-нибудь дичь, и будет очень "некрасиво" с его стороны отказаться.

Игры в закрытых помещениях пользуются большим спросом там, где плохая погода часто делает невозможным открытый спорт, а книжные развлечения ограничены. Барон часто играет со своей семьей, когда нет гостей, и все домочадцы в той или иной степени знают свое дело. Понять их - часть мягкого воспитания для обоих полов. Действительно, для

благородной дамы и кавалера нет лучшего способа завязать роман, чем просидеть весь день, изучая лица друг друга не меньше, чем за игровым столом.

Некоторые из этих развлечений очень похожи на развлечения более позднего времени. Например, если все присутствующие достаточно грамотны, они могут сыграть в "тряпичный рулет"! Бурлескные стихи - одни подходят для мужчин, другие для женщин, и все они зачастую удручающе грубы - написаны на листках пергамента, свернутых в рулон. На каждом листке - ниточка с каким-нибудь знаком, указывающим, для какого пола он предназначен. Каждый должен вытянуть рулон, затем открыть и прочесть его вслух веселой компании. Стихи должны отображать характер того, кто их рисует. Кроме того, даже взрослые люди не отказываются от игр в "беготню", которые впоследствии становятся уделом детей. Высокие бароны играют в бафф вслепую; сеньоры и дамы иногда присоединяются к недостойным "горячим петухам". Игрок с завязанными глазами стоит на коленях, положив лицо на колено другого и вытянув руки за спину. Другие игроки по очереди бьют его по руке, а он пытается угадать, кто его ударил. Если он угадал, тот, кто ударил последним, занимает его место. Конечно, большая часть спорта заключается в нанесении очень метких ударов. Тот факт, что такая игра может быть в моде, еще раз показывает, что даже высокопоставленные и могущественные люди часто похожи на горячих детей, полных животного духа.

Эти игры Конон не будет навязывать своим гостям. Он предложит им нарды, шашки, шахматы или, если они покажутся молодыми и светскими, возможно, кости. Нарды называют "столами". Это комбинация игры в кости и движения фигур по доске, которая восходит к римским временам. Доски и методы игры настолько похожи на те, что были в более поздние времена, что комментировать это не нужно.

Нарды - популярное развлечение, но вряд ли более популярное, чем шашки (англ. "draughts"), известные во Франции как "dames". Здесь также есть игра, которая почти не меняется по сути от эпохи к эпохе. Шашки в Сент-Алике квадратные, а не круглые. В остальном объяснения не требуются.

Нарды, шашки и кости

Однако что действительно нравится мужчинам вроде Конона, так это игры в кости. Тем не менее, поскольку церковь часто порицает эти кубики из слоновой кости, он и его баронесса не осмеливаются использовать их слишком часто; кроме того, они понимают, какое опустошение часто производит игра в кости среди молодежи, и хотят уберечь своих сыновей от искушения. В части Франции действуют законы, гласящие: "Игральные кости не должны производиться в этом государстве, а те, кто их использует, должны рассматриваться как подозрительные личности".^[14] Все подобные постановления, как правило, остаются мертвой буквой, и верховный судья обычно может наказать только за изготовление и использование игровых костей. Хотя церковные прелаты энергично выступают против, их жалобы сводятся не только к тому, что азартные игры, *ipso facto*, греховны, но и к тому, что богохульства, постоянно произносимые проигравшимися игроками в кости, служат средством для заселения ада.

Игра в кости, безусловно, чрезвычайно распространена. Ее даже нечестиво называют "игрой Бога", поскольку регулирование случайностей принадлежит Провидению. Разве не бросали святые апостолы жребий между Иустом и Матфеем, чтобы выбрать преемника нечестивого Иуды; и разве могут добрые христиане сомневаться в средствах, приемлемых для святого Иоанна и святого Петра? Так игроки успокоят свою совесть. Тщетно король Филипп Август приказывает, чтобы любой человек, клянувшийся на костях в его королевском присутствии, какого бы высокого ранга он ни был, был брошен в реку. Игральные кости есть

езде - в кошельках путешественников и паломников, почти в каждом замке, хижине или городском жилище. Пусть три или четыре человека соберутся вместе на свободный час, и будет удачей, если не появится набор игровых костей, чтобы скоротать время. Тринадцатый век не виноват в существовании карт; кости заменяют их.

Ругань - зло, но азартные игры еще хуже. Существует по меньшей мере десять азартных игр, в некоторых из них три кости, в других - шесть. Адела предупреждала Франсуа, своего старшего сына, о недавнем случае безрассудной игры. Молодой оруженосец, чей отец владел землями Конона, отправился искать счастья при дворе короля. Он остановился в Понтдебуа, где в таверне встретил пожилого солдата удачи. Бедного юношу уговорили "попробовать несколько бросков". Вскоре он потерял деньги на дорогу, потом лошадь, потом доспехи. В отчаянии он начал закладывать свою обычную одежду хозяину таверны (который выступал в роли своеобразного ломбарда). Невезение продолжалось, и он остался в одной рубашке[15], пока друг его отца, случайно заглянувший в трактир, не нашел между ними необходимую одежду и не отправил его домой, совершенно униженного. Подобные бедствия происходят постоянно. Игра в кости ежедневно губит бесчисленное множество дворян и холопов, но проклятая азартная игра продолжается. Ходят даже слухи, что в некоторые монастыри, где царит беспорядок, эти орудия дьявола часто проникают, чтобы еще больше развратить братию.

ИГРА В ШАХМАТЫ

Дощечка из слоновой кости XIV века
(Музей Лувра).

Шахматы в большом почете

Однако от игры, которой Конон увлекается больше всего, не исходит никакого дурного запаха. Игра в шахматы - часть аристократического воспитания. В одном из романов жонглера мы слышим о молодом принце, которого воспитывали "сначала для того, чтобы он знал свои буквы", а затем "для того, чтобы он играл за столами (нарды) и в шахматы; и вскоре он научился этим играм так хорошо, что ни один человек в этом мире не мог его "обставить"". Франсуа и Ансо, сыновья барона, не хвастаются этим, но оба знают ходы, а Франсуа гордится тем, что недавно загнал в тупик приезжего рыцаря. Великие сеньоры и короли берут с собой в походы шахматные доски и, как говорят, развлекаются шахматными задачами непосредственно перед или после отчаянных сражений. Множество других анекдотов рассказывают о вспыльчивых вельможах, которые теряли самообладание при шахе, разбивали шахматные доски о головы своих противников и заканчивали поединок обычной дракой.

Эта королевская игра, несомненно, пришла с Востока. Халифы неверных издавна хвастались своим умением брать ладьи и пешки, но в западных землях примерно первая запись относится ко времени папы Александра II (1061-73), которому пожаловались, что епископ Флоренции "проводит свои вечера в суете игры в шахматы". Враги епископа утверждали, что это запрещено канонами, запрещающими игру в кости. Но епископ ответил, что "игра в кости и шахматы - совершенно разные вещи: первая греховна, вторая - самое почетное занятие для христиан". Папа тактично воздержался от продолжения разговора. Тем не менее, строгие церковники считали игру мирской, а импульсивные религиозные реформаторы настаивали на том, чтобы спутать ее с азартными играми. Лишь в 1212 году Парижский собор запретил французским священнослужителям играть в шахматы, как и в тысячный раз запретил игру в кости - несмотря на то, что епископ Пондебуа в последний свой визит в замок провел целый день за шахматной доской и мог проверить свое мастерство на бароне.

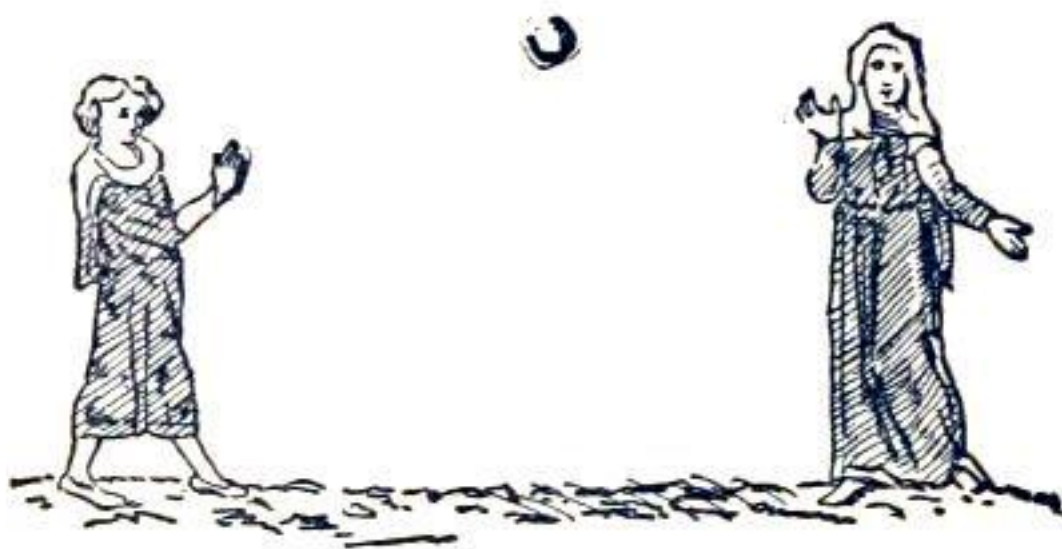
Что касается дворянства, то никто и не думает отказываться от игры, хотя, естественно, именно у старших рыцарей хватает терпения на долгие состязания. Согласно "Песне о Роланде", после того как войска Карла Великого взяли Кордову, император и все его рыцари уединились в тенистом саду. Более спокойные предводители сразу же сыграли в шахматы, хотя более молодые чемпионы выбрали более захватывающие нарды.

Шахматные фигуры часто изготавливаются из китовой кости и привозятся из Скандинавии. Они представляют собой модели воинов. Короли держат мечи наготове, рыцари - на конях, вместо замков - "гардемарины", своего рода пехотинцы, епископы держат свои рогатины, а королевы поднимают вверх рога, как знатные дамы в северном доме. У Конона, однако, есть прекрасный набор из слоновой кости, сделанный на Востоке; восточные модели отличаются от норвежских. У неверных, разумеется, нет слонов; вместо них - резной слон; а поскольку мусульмане презирают женщин, вместо ферзя - *фрез*, или советник. Шахматные доски обычно делают из инкрустированного дерева или даже металла, а у Конона есть изящная доска с квадратами из серебра и позолоты - подарок графа, чью жизнь он однажды спас в бою.

Нет нужды говорить, что шахматы - это игра, в которой женщины могут преуспеть. Алиенор умеет обыграть брата, несмотря на его хвастовство, а в обязанности дам замка входит научить молодых оруженосцев, которых "кормит" его лорд, говорить "шах".

Предполагается, что шахматы - игра настолько ценная и сложная, что не нуждается в стимуле для отыгрыша. Но, увы, таков уж старый Адам в человечестве, что вокруг шахматной

доски часто происходят скандальные азартные игры. На праздниках, когда собираются вельможи, если два выдающихся игрока соревнуются в мастерстве, вокруг их стола вскоре собирается возбужденная, хотя и прилично молчаливая толпа. Вскоре один за другим зрители шепотом делают ставки, чтобы поддержать соперника; сами игроки начинают делать ставки на свое мастерство. В итоге они могут оказаться почти такими же нищими, как и играющие в таверне, а также скомпрометировать спасение ужасными клятвами.

ИГРА В МЯЧ

(СТРАТ)

Молодые дворяне также проводят много времени за играми на свежем воздухе, напоминающими теннис и бильярд. В теннис играют без ракеток, просто ударяя по мячу открытой рукой. Бильярд не требует столов, в него играют на ровной площадке деревянными шарами, по которым бьют крючковатыми палками или молотками, чем-то напоминающая хоккей другой эпохи. И здесь безрассудные молодые люди часто заключают пари и проигрывают большие суммы. Парни и юные девы также увлекаются гильошированием - игрой, напоминающей девятку, хотя кегли сбиваются не шарами, а палкой, брошенной наподобие бумеранга. Конечно, им также нравится подбрасывать мячи, а юные леди не меньше своих братьев часто практикуются с арбалетчиком, выпуская стрелы с большими головками, чтобы сбивать птиц, которые укрываются в кустах, когда их преследуют ястребы.

Ястреб

Но шахматы, кости и все остальные игры в помещении или на улице меркнут перед удовольствием от охоты или ястребиной охоты. Ни одно ощущение мирного времени не сравнится с радостью от того, что быстрый конь мчит вас по зелени, перепрыгивая изгороди и продираясь сквозь заросли, а впереди - отчаянная добыча. Это даже своего рода замена военным прелестям. Если приезжий рыцарь проявит хоть малейшее желание, барон непременно предложит ему задержаться на охоте. В зависимости от времени года, желания гостей и сообщений с псарни, постоянного двора и из леса, будет ли охота с ястребами или с гончими.

Мастера-егеря и сокольники всегда на острие шпаги. Их благородные работодатели тоже теряют самообладание в спорах о венериной и соколиной охоте, но правда в том, что в каждом замке оба вида спорта ведутся одновременно. Если нужно свежее мясо, если большинство всадников - мужчины, если времени в избытке, то, вероятно, следует приказ

"вывести собак". Если же нужен только спорт, а дамы могут выехать только на полдня, то вызывают ястребов.

ДАМА С СОКОЛОМ НА ЗАПЯСТЬЕ

С печати XIII века (Archives nationales).

Охотничьи ястребы повсюду. В прошлое воскресенье Адела и Алиенор ездили на мессу в церковь аббатства. Добрым братьям, читавшим службу, ничуть не мешало то, что каждая из

их высокородных служительниц во время всего богослужения держала на запястье большого ястреба в капюшоне.[16] Ястребов полезно брать с собой повсюду, особенно при скоплении народа, чтобы приучить их к суете и крикам; но мы подозреваем, что еще одна причина, по которой ястребов всегда берут с собой, заключается в том, что ношение охотничьей птицы на запястье - это признанный способ сказать: "Я нежной крови и мне не нужно делать неприятную работу руками".

Сложное искусство соколиной охоты

Соколы считаются "благородными птицами"; в социальной иерархии зверей они стоят выше, чем даже орлы. Если человек не может позволить себе больших ястребов и соколов, он может, по крайней мере, держать воробьиных ястребов; а "воробьиный ястреб" - это прозвище для бедных хозяев, которые держат только птиц, достаточно крупных, чтобы убивать куропаток и перепелов. Короче говоря, обладание *каким-нибудь* ястребом для дворянина почти так же необходимо, как ношение меча, даже для рыцарей, которые редко могут выходить на охоту. Однако такой богатый дворянин, как Конон, должен иметь регулярную соколиную охоту со специальными птицами, каждая из которых обучена нападать на определенный вид дичи - зайцев, коршунов, цапель, - а также квалифицированных слуг для ухода за ними.

СОКОЛИНАЯ ОХОТА

XIII век; из немецкой рукописи, хранящейся в Брюссельской библиотеке.

Соколиная охота стала сложным искусством. Очень может быть, что добрым жителям Сент-Аликиса будут делать физиотерапию или пускать кровь врачи, гораздо менее искусные в лечении человеческих недугов, чем сокольничие Конона в лечении птиц. Забраться на высокие деревья или скалы и выкрасть молодого ястреба из гнезда - дело нехитрое.^[17] Затем его нужно вырастить до зрелости, научить слушаться свистков и призывов, а также мгновенно научиться выполнять приказы хозяина. В баронских тисках больше, чем в десятках других птиц: соколы-герфальконы, ястребы-балобаны, уланы, дербники, маленькие воробьиные ястребы и огромные ястребы-тетеревятники. Самцы, как правило, меньше самок, а последние предназначены для нападения на самую быструю дичь, например цапель. Некоторые птицы сами возвращаются в руки хозяина после добычи дичи, но многих,

включая всех воробьиных ястребов, приходится заманивать обратно с помощью приманки из красной ткани в форме птицы. Сокольник раскачивает свою приманку на веревке и свистит, и, поскольку сокол привык находить кусочек мяса, прикрепленный к приманке, он быстро слетает вниз и таким образом закрепляется.

Главный сокольниковый Конона - всего лишь холоп, но он такой знаток, что недавно граф Шампани предложил за него сто парижских ливров. Этот важный человек сам является сыном сокольника, поскольку эта наука передается по наследству. Он - человек проницательный и настоящий волшебник, умеющий приучать молодых птиц, учить их бить манекены и приманки, оставаться довольными в клетках или в капюшонах на жердочках и при этом не терять охотничьего духа. У него есть точные методы кормления - столько-то мяса, предпочтительно птицы, и столько-то овощей, предпочтительно свежих фруктов. Он долго советуется с Кононом, как заставить непокорного ястреба-тетеревятника спокойно сидеть на кулаке барона. Он также учит юного Франсуа носить своего маленького ястреба-воробья так, чтобы он не мешал при движении лошади и не бился на ветру, и как регулировать его капюшон.

Профессиональный жаргон соколиной охоты

Мало найдется более приемлемых подарков дворянину или, что еще лучше, даме, чем действительно прекрасная птица. Аббаты посылают королю пять или шесть превосходных ястребов, когда просят защиты для своих монастырей. Иностранные послы преподносят его королевской милости пару птиц в качестве вступительного клина на переговорах. Прием ястребов "действительно является регулярной церемонией при парижском дворе. Большинство ястребов Конон получил от собратьев-кавалеров, которые жаждали его благосклонности. Дворяне Сент-Алики гордятся тем, что разбираются во всем профессиональном жаргоне соколиной охоты. Только крестьянские клоуны признаются в своем невежестве, но даже среди дворян мало кто говорит на нем по-настоящему хорошо. На днях в замке обедал один претенциозный рыцарь. Он посадил своего сокола-герфалькона на насест, установленный в зале для таких случаев. Но, гром небесный! Как велика была его глупость, когда Конон вежливо подвел тему к соколиной охоте! "Он говорил: "Рука птицы" вместо "когти"; "когти" вместо "когти"; "когти" вместо "когти". Было очень неприятно встретить такого человека, претендующего на вежливое обращение!"

БЛАГОРОДНЫЙ, ДЕРЖАЩИЙ В КАЖДОЙ РУКЕ ПО СОКОЛУ

XIII век; восстановлено Виолле-Ле-Дюком по рукописи, хранящейся в Брюссельской библиотеке.

Конечно, при некоторых излишествах в соколиной охоте Конон проводит черту. Он считает нечестивым своего соседа виконта Форевверта, который перед каждой охотой окропляет своих ястребов святой водой и читает над ними молитву, призывая: "Ты, о орлы, Богом истинным, Богородицей и святыми пророками, оставь поле чистое для наших птиц и не мешай им в полете". Церковь никогда не разрешала этого, хотя мирской капеллан виконта, конечно, одобряет такую практику.

Все, что связано с соколами, должно соответствовать их благородству. Перчатка, на которой их носят, расшита золотом. Капюшон, который завязывает им глаза, также украшен золотой нитью, жемчугом и яркими перьями. К лапкам каждой птицы прикреплены два маленьких колокольчика с выгравированным именем хозяина. Высоко в воздухе слышен их звон. Если птица потерялась, крестьяне, обнаружившие ее, могут вернуть ее владельцу - и горе тому холопу, который оставляет у себя сокола, найденного в лесу! По местному закону он должен либо заплатить непомерный штраф, либо позволить соколу съесть шесть унций мяса из его груди. Что касается кражи охотничьей птицы, то вряд ли можно найти более быстрый путь к виселице; это то, во что когда-нибудь превратится конокрадство в местах, расположенных очень далеко от Франции.

Несомненно, это захватывающее зрелище - наблюдать, как в прекрасное утро жители замка выходят на охоту. Барон, баронесса и все их старшие родственники и гости, каждый с птицей на перчатке, сидят на высоких лошадях; у сквайров и младших есть ястребы-воробы, чтобы посылать их на более мелкую добычу, но лидеры спорта будут ждать, пока им удастся поразить быструю утку или цаплю. Собаки мчатся за дичью. Звучат рога, смеются молодые голоса, скачут все лошади. Конон дает команду. Они мчатся через изгороди, поля и пастбища, заросли и ручьи, пока судьба не пошлет им на глаза цаплю. Тогда все ястребы распрягаются вместе; раздаются крики, подбадривания, веселые пари и приветствия, когда птицы взмывают ввысь. Цапля может встретить свою судьбу далеко в синей вышине. Затем следуют новые гонки и беготня, чтобы вернуть ястребов. И так далее, преодолевая многие мили страны, пока все не вернется в Сент-Аликис в решительном настроении к ужину.

Охота - дело серьезное

Охота - дело более серьезное, чем соколиная охота. Жители замка не очень-то жалуют говядину и баранину; они предпочитают оленину и мясо кабана, а большие леса к востоку от замка служат не только пищей, но и развлечением. Охота - занятие, вполне допустимое для благочестивых мирян, а в умеренных количествах даже одобряемое церковью. Охота приносит пользу душе, ведь таким образом мы "избегаем греха праздности, а согласно нашей вере, тот, кто избегает семи смертных грехов, будет спасен; следовательно, хорошие спортсмены будут спасены". Святые охотники - Сен-Жермен, Сен-Мартен и, прежде всего, Сен-Юбер Льежский, знаменитый охотник VIII века^[18] - в бесчисленных замках упоминаются чаще, чем такие великие святые, как Святой Петр и Святой Павел.

ОХОТНИК

С печати XIII века
(Archives nationales).

В огромных лесах, раскинувшихся по всей Франции, водится множество опасных зверей. Карла Великого однажды чуть не загрыз до смерти медведь. Каждый дворянин встречался с очень уродливыми кабанами, а также с мощными оленями, которые отчаянно сражались.

Что касается дам (которые, в конце концов, одной крови со своими братьями), то охота для них - едва ли не самое близкое к боевым удовольствиям. Адела и ее невестка умеют заводить рога, преследовать оленей, управлять собаками почти так же хорошо, как Конон и Эймери. Конечно, они с раннего детства умеют ездить верхом. В торжественных случаях они ездят верхом, но во время охоты и охоты на ястреба они едут верхом в чисто мужской манере. Франсуа ездит верхом уже много лет, и даже маленький Ансо, которому едва исполнилось семь, может держаться за спину высокого коня и не отставать от матери, если только охота не становится чрезвычайно яростной.

Снаряжение для охоты простое. Единственная настоящая роскошь - охотничьи рога, большие олифанты, чьи пронзительные ноты могут на милю разнестись по тихим лесам. Эти рога сделаны из слоновой кости, отделаны золотом и свисают с шеи каждого важного всадника на шнуре из шелка или тонкой кожи. Охотники носят кожаные перчатки и пользуются луком и стрелами, "датским топором" (разновидность томагавка), копьем кабана (любимое оружие охотников), а также большим ножом на случай непредвиденных обстоятельств. Когда участники высаживаются во дворе замка, вокруг них прыгают и визжат

огромные стаи собак - белые зубы, красные языки, натянутые поводки и едва управляемые своими сторожами. Собак любят почти так же, как соколов, и в Кононе собрана большая коллекция борзых, стаффаундов, бурхаундов и даже страшных ищейк. Псарни постоянно пополняются, ведь олени и старые кабаны могут убить множество собак, прежде чем их окончательно задавят и пронзят копьём. Поэтому подарок в виде помета прекрасных щенков часто бывает так же желанен, как и помет ястребов.

Погоня за большим кабаном

Счастливым день, если приходит избиватель с вестью о "диком кабане, самом сильном из всех, о которых когда-либо рассказывали, в лесу Певель и Викоэн, недалеко от свободных владений Сен-Бертина". Барон созывает всех жителей замка и, если позволяет время, посылает к некоторым любимым вассалам за несколько миль, чтобы те присоединились к охоте. С десятью парами гончих и по меньшей мере пятнадцатью егерями и загонщиками он таким образом организует погоню. Охота начнется на рассвете, и большая часть дня уйдет на то, чтобы добраться до леса, где был обнаружен кабан. Затем (рассказывает жонглер) начнется "лай и визг собак. Они развязаны. Они продираются сквозь чащу и находят следы, где кабан копал и рыл землю в поисках червей". Затем один из сторожей выпускает Бланшара, лучшую ищейку барона. Конон погладил его по голове, и они пустили его по следу.

Вскоре гончая обнаруживает логово кабана. "Это узкое место между стволами двух выкорчеванных дубов, недалеко от родника. Услышав крик гончей, кабан встает, расставляет свои огромные лапы и, не желая бежать, кружит вокруг, пока, оказавшись на расстоянии вытянутой руки от доброй гончей, не схватывает ее и не валит замертво рядом с собой". Барон не отдал бы Бланшара и за сто дензнаков. Не слыша его лая, он подбегает к нему с мечом в руке; но он опоздал - кабан уже ушел".

После этого ничего не остается, как продолжать погоню до самого вечера, причем вся компания постепенно разбредается по лесу, пока Конон наконец не настигает ее. Но теперь барон остался один, если не считать нескольких собак. "Наконец кабан остановился перед зарослями. Сначала он освежился в луже; затем, подняв брови, закатив глаза и фыркая, обнажил клыки и бросился на собак, и разорвал или растерзал их на куски, одну за другой, всех, кроме трех лучших борзых. Затем прибывает Конон и первым делом видит своих собак, распростертых на земле мертвыми. "О, сын свиноматки, - кричит он, - это ты растерзал моих собак, разлучил меня с моими друзьями и привел меня неизвестно куда! Ты умрешь! Он спрыгивает с коня. На его крик кабан, несмотря на кусты и канавы, бросается на него, быстрый как стрела. Конон пускает его вскачь и, держа копьё вепря прямо перед собой, наносит удар в грудь. Острие пронзает сердце и выходит из лопатки. Смертельно раненный, кабан шарахается в сторону, кренился и падает".^[19] Так заканчивается погоня, и собаки отомщены. Барону приходится много раз трубить в свой рог, прежде чем его находит отряд. К счастью, кабан успел немного отбежать в сторону Сент-Алики. Поэтому в ту ночь они с шумным триумфом возвращаются домой, и все женщины замка под красных факелов у ворот, чтобы "ох!" и "ах!" на кабана и восхвалять доблесть своего сеньора.

ЖИЗНЬ В СРЕДНИЕ ВЕКА

ОХОТА НА ОЛЕНЯ

Двенадцатый век; из окна Шартрского собора.

Конону повезло, что он смог вернуться домой без новых приключений. Его высокий сюзерен, король Филипп Август, будучи молодым принцем, однажды преследовал кабана, пока не заблудился в лесу, и был справедливо встревожен; но как раз когда он возносил молитвы Богу, Деве Марии и "святому Денису, защитнику короля Франции", к его огромному облегчению, он встретил "угольщика, мрачного на вид, с лицом, черным от угля, несущего на плече большой топор". Этот честный крестьянин проводил принца в безопасное место.

Охота на крестьянских землях

Однако одна важная часть населения Сент-Аликуа относится к охоте с гораздо меньшим удовлетворением. Погоня часто идет прямо по крестьянским полям, и двадцать лошадей бьют по только что засеянной земле или даже по стоячим посевам. Это абсолютная привилегия барона, и любой протест против этого является государственной изменой. Холопы не должны просто подчиняться, но если олени или кабаны загрызут их поля, они могут просто попытаться отпугнуть разорителей. Только их господин и его друзья могут использовать против дичи стрелы, клинок или копье. Крестьяне Сент-Аликиса

благословляют святых за то, что на этот раз кабан удобно держался в лесу и не продал свою жизнь задорого на полусозревшем кукурузном поле.

Охота на ястреба и охота - два великих вида спорта на свежем воздухе, не считая боевых упражнений и войны; хотя иногда Эмери и другие молодые люди, чтобы развлечься, берут арбалеты и пытаются стрелять в птиц на лугах.

Если Конон, естественно, является хозяином охоты, то Адела - неизменная хозяйка очень важного места - сада. Замки - отвратительные резиденции. Даже с новыми *дворцами*, возвышающимися рядом с мрачным донжоном, они обычно сырые, плохо освещенные и подвержены жутким запахам. На севере Франции в любом случае достаточно суровая погода. Поэтому тем больше оснований, как только засияет солнце, поспешить туда, где сладкий воздух, яркие цветы и восхитительная зелень.

Сад замка находится за пределами барбакана, отгороженный плотной живой изгородью от площадки для упражнений. В нем не только множество клумб с цветами, но и фруктовые деревья, а также группа почтенных изб, которым гораздо больше лет, чем Первому крестовому походу. Кроме того, здесь есть широкая полоса подстриженной травы, которую большую часть дня затеняют деревья. Здесь могут происходить самые разные вещи. За длинными столами в хорошую погоду обедает и ужинает весь замок. Здесь Конон соберет своих вассалов на торжественный совет. Здесь будут сыграны бесчисленные партии в шахматы. И уж тем более, если в дни праздников удастся найти несколько жонглеров, которые будут пилить на своих скрипках, все жители замка, знатные и холопы, с восторгом пустятся в пляс, но не в душном зале при свете полумночных ламп, а при ярком дневном свете, когда веселые ноги будут мерцать на божьей мягкой зеленой траве.

Замковый сад

Адела очень заботится о своем саде, который пришел в плохое состояние во времена барона Гарнье. Она часто советуется с братом Себастьяном из аббатства, настоящим ботаником, искренне любящим растения и цветы. Одна сторона клумбы украшена розами, лилиями и ноготками. На другой растут полезные травы: салат, кресс-салат, мята, петрушка, иссоп, шалфей, кориандр и фенхель. Вместе с ними растут маки, нарциссы и акант, а огород снабжает замок огурцами, свеклой, горчицей и полынью. Фруктовые деревья дают большой урожай яблок, айвы, персиков и груш. В замке есть что-то вроде парника, в котором баронесса пыталась выращивать инжир, но без особого успеха; зато, разумеется, без труда вызревают виноград и вишни; вишневые праздники - одни из самых привычных и восхитительных во всей этой части Франции. "Жизнь, - говорят монашеские писатели, предостерегая легкомысленных, - хоть и приятна, но преходяща, "как и вишневая ярмарка"".

"Кривой" Хеман (горбатый садовник) обладает немалым мастерством даже без наставлений брата Себастьяна. Он успешно практикует прививки, хотя его теории на этот счет абсурдны. Он пытается вывести новый сорт сливы и с нежностью выращивает несколько новых груш "Агония" - горький сорт для маринования. Правда, он верит, что вишни могут расти без косточек, если у вас есть правильный рецепт, и что персиковые деревья будут плодоносить гранатами, если только вы сможете окропить их достаточным количеством козьего молока. Это не мешает достигать больших практических результатов. Его инструменты просты - топор, лопата, прививочный нож и секатор; но благодаря неограниченному числу крестьянских клоунов, которых баронесса может предоставить в его распоряжение, он содержит сад и огород в восхитительном порядке.

Работа Хемана тем важнее, что сад существует не только как место для развлечений или для выращивания фруктов и овощей. Цветы постоянно востребованы, когда их можно достать, для гирлянд и часовен. Как и у греков, без них не обходится ни один праздник. Пользуются популярностью дикие цветы, и не раз служанки Аделы отправлялись собирать и плести венки из лозы или боярышника; но, разумеется, такие поставки нерегулярны. Поэтому на каждый светский прием с ранней весны и до наступления зимы сад замка должен поставлять свои гирлянды. Таким образом, он является одним из основных рабочих подразделений Сент-Алики, наряду с конюшнями, дворцом и оружейной палатой.

ПЯТНАДЦАТЬ:

[14] Такой закон был принят для всего королевства Франция в 1256 году.

[15] В одном из средневековых манускриптов содержится яркое изображение двух игроков, на одном из которых осталась только рубашка, а другой был раздет догола. Их товарищи, очевидно, раздели их почти полностью, оставив соперничать за одну одежду!

[16] Мы слышим скандальные истории о епископах и аббатах, которые не считали недостойным брать своих ястребов в церковь. Утверждается, что они пристегивали своих драгоценных подопечных к алтарным перилам во время совершения священнодействий.

[17] Однако к XIII веку значительная часть лучших соколов была выведена и выращена в неволе, что позволило избежать этого опасного занятия.

[18] По преданию, он обратился к религиозной жизни после того, как встретил в лесу оленя с изображением Спасителя между рогами. Праздник святого Губерта всегда с большим вниманием отмечался королями и вельможами.

[19] Цитаты взяты из рассказа об охоте на кабана в романе Гарина ле Лоррена, причем в оригинале вместо герцога Бегоя стоит барон Конон.

Глава V: Семья барона. Жизнь женщин.

Конон, как мы уже говорили, жил в большой гармонии со своей баронессой. И не зря. Не так давно один заезжий кавалерист, научившийся складывать слова по моде трубадуров Южной страны, счел нужным похвалить Аделу таким образом: "У нее прекрасные белокурые локоны и лоб блее лилий. Ее смеющиеся глаза меняют цвет в зависимости от настроения. Нос у нее прямой и крепкий. Ее свежее лицо превосходит белые и пурпурные цветы. Рот у нее маленький, а зубы белые, как снег на дикой розе. Белые руки ее прекрасны, а пальцы гладки и стройны". Также барон очень гордится своей сестрой, для которой он планирует достойный брак. Бретонский жонглер, который нашел гостеприимство святого Аликиза благодарным, так пел об Алиеноре: "Стройна дама, мила лифом и стройна кушаком. Горло ее блее снега на ветке, а глаза, как цветы, вписаны в здоровую бледность

лица. У нее острый рот, изящный нос и открытый лоб. Брови у нее коричневые, а золотистые волосы двумя мягкими волнами расходятся по лбу".[20]

Типы красивых женщин

Оба эти хвалителя преувеличивают. Ни Адела, ни Алиенор не обладают монополией на хорошую внешность; однако жизнь, проведенная на свежем воздухе, подарила им обоим цвет лица, которому могли бы позавидовать многие городские соперницы. Их положение в замке, как одновременно любезных хозяек для равных и беспрекословных любовниц сотен иждивенцев, наделяет их достоинством и "благородной" уверенностью. Каждая дама радуется удаче быть блондинкой - первому условию красоты, ведь во всех романах нет ни одной девы-брюнетки, которую можно было бы похвалить. Их волосы ниспадают на руки, к большому удовольствию хозяев, и заплетены в две длинные косы, перевитые лентами, а в торжественные дни - золотыми нитями, и лежат спереди на плечах. Адела, по крайней мере, уже давно стала снисходительной ко всякого рода льстецам, хотя Алиенора все еще приходит в восторг, когда жонглер или сентиментальный рыцарь уверяет ее, что у нее "губы маленькие, как у младенца", "щеки цвета персика", "зубы безупречной ровности", "дыхание сладкое, как кадило, взметнувшееся над церковным алтарем", и что "ее красота вдруг озаряет весь замок". Обе дамы - высокие и стройные, опять же идеальный тип женственности; и они испытывают нескрываемую жалость к бедной виконтессе Форетверт, невысокой, пухлой и страдающей от темных волос.

ПРИЧЕСКА ДВОРЯНКИ

XII век

(Шартрский собор).

Мать Алиеноры умерла, но ее невестка достаточно взрослая, чтобы занять ее место и дать много благонамеренных советов, которые младшая девица должна смиренно принять. Адела часто наставляет таким образом: "Моя прекрасная сестра, будь вежливой и кроткой, ибо ничто другое так не обеспечивает благосклонность Бога и смертных. Будьте дружелюбны к малым и великим. Я видел, как одна великая герцогиня церемонно поклонилась железному торговцу. Один из ее приверженцев был поражен. "Я предпочитаю, - ответила она, - быть виновной в слишком большой вежливости по отношению к этому человеку, чем в малейшей невежливости по отношению к рыцарю". Также следует избегать чужеземных мод на праздниках и турнирах, чтобы не стать глупо заметным; и прежде всего остерегаться высоких головных уборов, чтобы не уподобиться оленям, которые должны опускать голову, входя в лес, и чтобы своими громкими модами не заставлять всех смотреть на вас, как на дикого зверя".

Недавно Адела также давала сестринские советы о том, как правильно ходить: "Смотри прямо перед собой, опустив веки и зафиксировав взгляд на землю на шесть саженей вперед, не переводя взгляд с одного места на другое, не смейся и не останавливайся, чтобы поболтать с кем-нибудь на шоссе".

Конон тоже приставал к бедному Алиенору со всем превосходством старшего брата. Он передал молодой дворянке наставления некоего *трувера* (северофранцузского менестреля). Она не должна много говорить; особенно не должна хвастаться вниманием, которое ей оказывают молодые рыцари. Отправляясь в церковь, она не должна "бежать рысью", а приветствовать всех встречных "по-девичьи". Она не должна позволять мужчинам ласкать ее руками или целовать в губы. Они могут неправильно истолковать такую фамильярность. Она не должна ходить с непокрытой частью тела, раздеваться в присутствии мужчин и принимать подарки от мужчин, не являющихся ее родственниками и не являющихся ее возлюбленными.

Хорошие манеры для знатных женщин

Наставник *труверов* также предостерегает своих прекрасных учениц от ругани на людях, от переедания и от пьянства, "от которого может произойти много бед". Если она не уродлива или не деформирована, ей не следует кокетливо прикрывать лицо. "Дама с бледным лицом или с неприятным запахом должна завтракать рано утром! Ибо хорошее вино придает очень хороший цвет, и та, кто хорошо ест и пьет, может улучшить свой цвет лица". Чтобы избежать неприятного запаха изо рта, ешьте на завтрак анис и фенхель. Держите руки в чистоте и стригите ногти, чтобы на них не задерживалась грязь. Когда вы едите одно и то же блюдо за столом с кем-то еще (как это принято), не выбирайте все лучшие кусочки для себя; остерегайтесь проглотить слишком большой или слишком горячий кусок пищи. Кроме того, часто вытирайте рот, но на салфетку, а особенно не на скатерть. Кроме того, не проливайте изо рта и не смазывайте руки жиром. Юные леди также должны воздерживаться от лжи. Алиенор желает дерзкому *труверу* оказаться в чистилище.

Но вслед за Кононом и Аделой ее берет под руку отец Грегуар, капеллан, а затем и святой брат Матвей, настоятель аббатства. Она должна избегать греха, не позволяя своей мантии позорно развеиваться, чтобы не уподобиться лисе, чья слава - в хвосте. Ее служанки должны избегать повторения сплетен. Она никогда не должна путешествовать без надлежащей

свиты, чтобы не попасть в компрометирующую ситуацию. Она должна регулярно посещать мессу, а не довольствоваться тем, что "просто слушает низкую мессу и торопливо читает два-три раза молитву "Отче наш", а затем уходит, чтобы побаловать себя сладостями". Алиеноре также следует избегать всех азартных игр, включая нарды (совет, над которым, правда, смеется Конон), не тратить слишком много времени даже на шахматы и не получать непристойного удовольствия от низких песен и выходок жонглеров. Неудивительно, что бедная девушка клянется, что при первой же возможности будет извращенно делать именно эти вещи!^[21]

Алиенор, однако, говорит себе, что ей повезло, что ее не беспокоят вещи похуже, чем друзья-наставники. Поборники "равенства полов" уже в более зрелом возрасте могут прийти в ужас от правового статуса женщин в феодальные века. Женщины не могут носить оружие; они должны вечно оставаться несовершеннолетними перед законом. Даже великая наследница будет вынуждена как можно скорее взять себе мужа, который будет выполнять военные обязанности ее фьефа. Если барон умрет, оставив только юную дочь, сюзерен может пожаловаться, что его ущемили в одном из самых важных прав - требовании военной службы от владельца фьефа. Где же теперь вассал, который последует за его знаменем? Возможно, достойный сюзерен подождет, пока наследнице исполнится двенадцать лет. Тогда он "отдаст" ее какому-нибудь достойному битвы последователю. У нее не будет реального выбора, даже если жених окажется старым, уродливым и жестоким.

С другой стороны, многие безотцовщины ужасно хотят замуж. Только замужние женщины имеют фиксированный статус в феодальном обществе. Только муж может уберечь земли наследницы от бессовестного разграбления. Известна история о молодой дворянке, которая явилась к королю и сказала: "Мой отец умер два месяца назад. Я требую от вас мужа". Ей и в голову не пришло предложить какого-то конкретного мужа. *Это* было делом сюзерена, но оставить ее в безбрачии было оскорблением, которое ни один лорд не имел права причинить сироте.

Положение женщин в замках

С юридической и моральной точек зрения мужья имеют право жестоко обращаться со своими женами, если те провоцируют их. Каждая девочка в Сент-Алике знает историю о глупой жене, которая часто противоречила мужу на людях, и как однажды, после его тщетных уговоров, "он поднял кулак, сбил ее с ног и ударил по лицу, пока она лежала, и таким образом сломал ей нос". В этой истории дается простой урок, что она была непосредственно виновата, "потому что правильно, что слова власти должны принадлежать ее господину, а долг жены требует, чтобы она слушала спокойно и покорно". И действительно, повторяется как нечто исключительное, что Адела недавно похвасталась некоторым родственникам: "Мой муж за все время нашего брака ни разу не поднял на меня руки". Не то чтобы все кастеляны были жестоки - в конце концов, мужчины остаются мужчинами, теряют самообладание и относятся к своим женам соответственно. Всем известна сцена из эпической поэмы, где некий король разгневан бестактным замечанием своей королевы и поэтому "показывает свой гнев на лице и ударяет ее по носу с такой силой, что из него вытекает четыре капли крови, на что дама кротко говорит: "Большое спасибо". Когда вам будет угодно, вы можете повторить это снова!"". Такая покорность - лучший способ обезоружить гнев мужа.

Конон подвергается легким насмешкам среди своих коллег-рыцарей за то, что он советуется со своей женой. Менестрели любят посмеяться над такими кавалерами и похвалить барона,

который сказал своей официозной супруге: "Женщина, иди в дом, ешь и пей со своими служанками. Займись крашением шелка. Это *твое* дело. *Мое* - бить стальным мечом!"^[22] Конечно, многие рыцари поступают еще хуже, чем велят своим женам не вмешиваться, а если их не слушаются, то иногда сбивают их с ног. Рассказывали, как барон Гарнье заточил свою несчастную супругу в тюрьму. Это было жестоко, но не исключительно. Филипп Август, правящий король, держал свою невесту, Ингеборд Датскую, долгие годы в плену, несмотря угрозы церкви; ее крепко держали в мрачной башне Эстампа, где она жаловалась, что ей не хватает ни еды, ни одежды. Многие дворяне иногда подражают своим господам. Так, в Бургундии Готье из Салинса недавно бросил свою жену в тюрьму, откуда ей, однако, удалось сбежать к родителям. В любом случае, когда ради своих вотчин девушку от двенадцати до восемнадцати лет выдают замуж за мужа сорока или пятидесяти лет, могут произойти самые разные несчастья. Дьявол может внушить бедной девушке любовь к красивому оруженосцу. Ее лорд может скандально пренебрегать ею, пока вдруг не обнаружит, что должен отомстить за "свою честь" каким-то поразительно жестоким поступком. Такие вещи заставляют плакать добрых святых. Недаром Конон наводит сдержанные справки о некоем рыцаре-вдовце, добивавшемся руки Алиеноры: "Не бьет ли он своих слуг лошадьми, кроме как по уважительной причине? Оставил ли он свою последнюю жену хандрить в зале, пока сам проводил месяцы в разгуле при дворе короля?"

Тем не менее шателены и баронессы этих мест не всегда являются кроткими голубками, отданными на милость своих мужей. Не происходят ли они от властного рода? Не воспитываются ли они вокруг замка, который является большой казармой, и где постоянно говорят о вражде и набегах, о лошадях, копьях и доспехах? Многие благородные дамы могут ответить на кулак мужа возбуждающим ударом по уху и, если он не мужественный человек, заставить его дрожать и сдаваться перед ее страстями. Ее привычки могут показаться очень мужественными. Если она умеет ссориться, как вираго, то и в минуты опасности может проявить себя волчицей. Рыцарь ускачет на войну, оставив свой замок под командованием жены, и будет уверен, что его защищают до самого внутреннего донжона. Грубые люди при оружии будут подчиняться ее приказам так же беспрекословно, как и приказам мужа. Короче говоря, феодальная дворянка, как и следовало ожидать, представляет собой соединение смертельных слабостей и достоинств, но все эти качества несколько наивны и элементарны.

В любом случае женщины замка не могут пожаловаться на то, что их держат в гареме. У них есть полная свобода встречаться с незнакомыми мужчинами. Если принять эпические поэмы, то, когда благородные девы считают заезжего рыцаря очень красивым, они не стесняются сказать ему об этом в лицо. Во многих любовных историях первые ухаживания исходят от дамы, и нередко эти ухаживания довольно холодно принимаются рыцарем. Обычный кавалерист в кольчуге - человек сильных страстей, но зачастую его больше интересуют война и погоня, чем прекрасные девы. Он редко бывает бабником.

Мерзость замковой жизни

Если бы мы посетили замки в окрестностях Сен-Алике и послушали рассказы типичных жонглеров, то собрали бы богатый материал для монашеских поучений. Говорят, что благородные дамы не испытывают особых затруднений, приглашая мужчин, посещающих их покои, сесть на их кровати, пока они еще находятся в них, или войти в комнату гостя-мужчины и сесть на *его* кровать, ведя при этом очень близкий разговор. Женщины часто встречают незнакомцев в скандально недостаточной одежде. Дамы также совершенно свободно разговаривают с мужчинами, так же откровенно, как молодые люди между собой на щекотливые темы. В смешанной компании можно услышать множество историй,

шутливых вопросов или "болтовни", которые являются совершенно грубыми, не говоря уже о том, что они еще хуже. За молодыми женщинами редко присматривают. Вместо дуэньи есть "женщина-официантка", которая сама склонна иметь собственного любовника и готова помочь своей хозяйке продвинуть дела с ее. Если в романе есть чувственная интрига, вся критика прекращается, если в конце есть официальный брак; но многие романы (если верить современным историям) ни в коем случае не заканчиваются браком. Свадьба отнюдь не является стандартной кульминацией даже счастливого любовного романа.

Монахи, конечно, скандалят по поводу менее вредных вещей, чем эти. Они утверждают, что представительницы прекрасного пола не только грешные кокетки, но и транжиры, разоряющие своих мужей собственной расточительностью. Женщины как пол неумеренно любят фальшивые волосы, грубые формы и другие способы придать ложь лицу, которое даровал им Бог. Что касается контроля над ними, то брат Гийот из Провина в отчаянии пишет следующее: "Самые мудрые сбиваются с пути, когда хотят судить или исправлять женщину. Она так и не нашла своего хозяина, и кто может льстить себе, что знает ее? Когда ее глаза плачут, ее сердце смеется. Есть люди, которые преподают астрономию, некромантию, геометрию, право, медицину и музыку; но я никогда не знал человека, который не был бы глупцом, взяв *женщину* в качестве предмета изучения".

Все вышесказанное кажется правдой. И все же, если сделать соответствующие поправки, число знатных женщин, ведущих счастливую и достойную жизнь, велико; и если многие бароны недоброжелательны к своим женам, то многие другие считают их своими величайшими сокровищами. Если разумно позаботиться о том, чтобы не принуждать к спариванию явно неблизкие пары, то даже после брака, устроенного исключительно посторонними людьми, можно добиться достойного уважения. Если во многих эпосах многие прекрасные дамы кажутся беспринципными, то очень многие из них великолепно верны, преданы своим мужьям, враждебны всем злым помыслам и соблазнам и умеют очень резко проводить грань между теми привычными проявлениями внимания, которых требует вежливость, и теми, где начинается настоящая греховность. Даже барон, который круто ругает свою жену и меняет ей плечи, относится к ней как к своей *юре*, держательнице его залога, которой он может доверить свою честь и оставить командование своим замком, когда едет на войну.

Достижения женщин замка

"Многое зависит от самой женщины, - уверяет Адела Алиенора. Мужья и жены часто проводят вместе в замке томительные месяцы, и умная жена может легко сделать себя незаменимой для мужа, а затем управлять всем баронством". Короче говоря, в обращении с женщинами, как и во всем остальном, феодальная эпоха представляет собой мешанину противоречий. Здесь можно найти и худшее, и лучшее. "Хорошей женщины достаточно, чтобы осветить королевство", - заявляет поэт; в то время как даже закоснелый монах пишет, что "мы должны любить, служить и почитать женщину, ибо от нее мы все произошли". И что такое, в одном смысле, интенсивное поклонение Деве Марии, как не знак того, что женщина чрезвычайно почитаема и очень могущественна? "Боже, ты сын Святой Марии" - разве это не постоянное обращение к ней среди рыцарей?

Что касается занятий женщин, то в замке нет ничего, чему бы они не посвящали себя. Иногда им даже приходится заменять мужчин в вооруженных походах. Адела благодарна, что ей не пришлось подражать великой графине Бланш Шампанской, которая (будучи опекуной своего маленького сына) недавно, в 1218 году, провела армию захватчиков в Лотарингию и

сожгла Нанси, а затем снова, под Шато-Вилленом, лично возглавила своих рыцарей и выиграла настоящее сражение. Адела, однако, понимает всю технику защиты замка при осаде, может помочь мужу в ведении всей экономики сеньории в мирное время, проверить счета проректора, разобраться с жалобами крестьян, организовать подавание бедным и, что самое приятное, умеет управлять местным епископом и аббатом, сочетая благочестие, безобидное кокетство и твердость - великое благо для блага баронства.

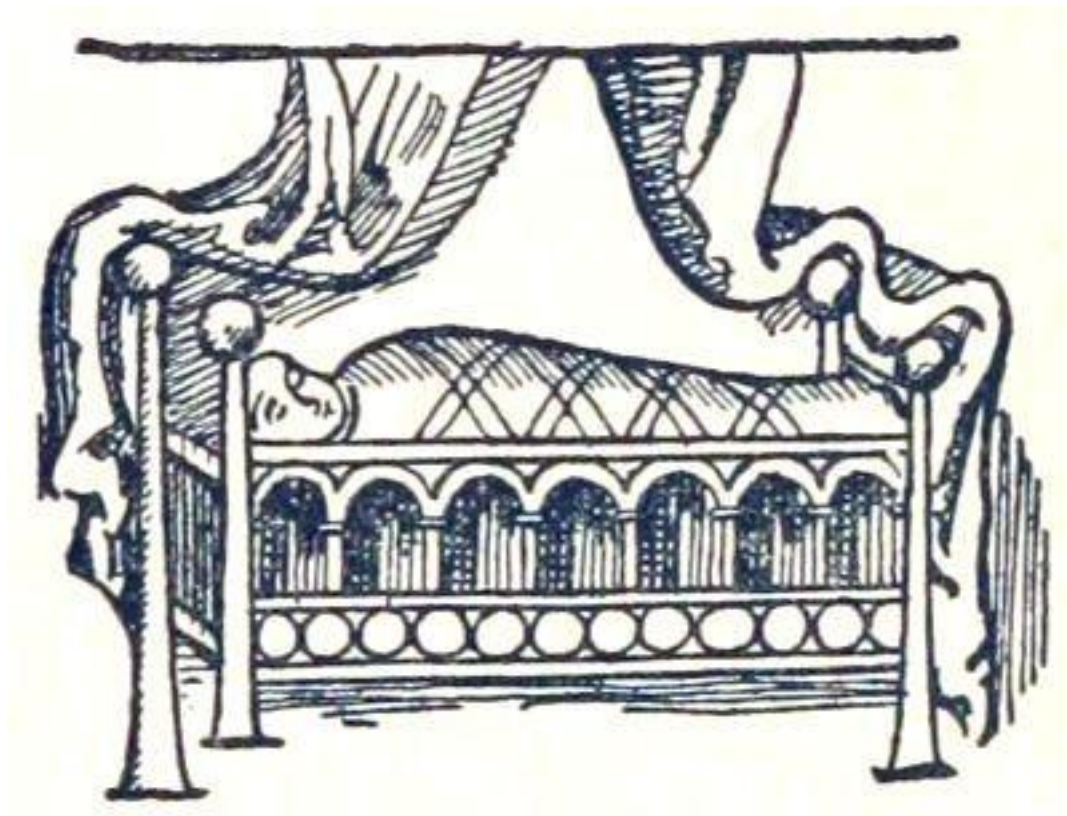
Однако главная ее задача - руководить вечным ткачеством, вязанием, вышиванием и шитьем женщин замка. Даже если некоторые тонкие ткани импортируются, почти вся одежда должна быть сшита в Сент-Алике; и дамы должны подавать своим служанкам такой же хороший пример в работе со спицами, какой барон должен подавать своим мужчинам в работе со шпагой. *Палаты дворца* и даже сад летом, кажется, отданы непрерывному крою и шитью; и не раз можно наблюдать, как прекрасная Алиенор, подобно девушке из романа, "сидя в покоях своего брата, искусно работает над палантином и "амизом" из шелка и золота; И сделала она его с тщанием, и много маленьких крестиков, и много маленьких звездочек она поместила в него, напевая при этом "Песню ткани" - нежную, лилейную, подходящую к движениям ее белых рук и иглы.

Именно в это время ее брат, рано пришедший с гончей, поклялся, что не пожалеет приданого, чтобы найти ей галантного мужа; в тот вечер он бросил пять дензнаков жонглеру, который расхваливал ее перед аплодирующим залом:

Она и роза, и лилия,
сладчайшая фиалка, и благодаря
Ее благородная красота, величественная мина,
Я считаю ее прекраснейшей королевой.
Которую когда-либо видели смертные глаза.
Простые, но лукавые, ее глаза светятся радостью:
Дай Бог ей жизни без досады
И всякого блаженства, о котором я мечтаю!

Обычаи при рождении и крещении

Конечно, главными центрами жизни Аделы являются воспитание детей и управление слугами. Когда на свет появились маленькие Франсуа и Ансо, колокол замка, а также колокол деревенской церкви все время неистово звонили, чтобы призвать святых облегчить роды их матери. Благоразумный отец Грегуар вмешал свою призрачную власть, чтобы повитуха сразу же не окунула ноги новорожденных в ледяную воду, чтобы закалить их к холоду, или не натерла им щеки золотым кусочком, чтобы сделать их богатыми. Конечно, Конон был в восторге каждый раз, когда ему говорили: "Крепкий сын!". При появлении Франсуа он созвал всех своих вассалов на пир. "Радуйтесь!" - провозгласил он. "Родился сеньор, от которого вы получите свои земли. Он подарит вам богатые меха, белые и серые, прекрасное оружие и дорогих коней. Да, через двадцать лет мой сын будет назван рыцарем!"

КРЕСТ

Рукопись XIII века в Кембриджской библиотеке (зеленая).

Юных баронов Сент-Алики укачивали в красивых резных колыбелях. Их купали перед большим огнем и заворачивали не только в обычные длинные детские одежды, но и в маленькие одеяния из шелка и меха, даже из драгоценного горноста, чтобы заявить об их благородном звании. Разумеется, их крестили при первой же возможности, потому что у некрещеных детей были весьма сомнительные шансы на том свете. Адела не смогла приехать на церемонию крещения обоих, но там собралось много родственников и вассалов, ведь крестины - это официальное признание законности ребенка и разрешение многих претензий на наследство. У ребенка должно быть три крестных родителей - двое своего пола и один другого. У купели один из них обхватывает младенца за туловище, а каждый из остальных - за ножку. Затем священник полностью погружает ребенка в воду. "Как младенец при крещении", - гласит поговорка. Разумеется, чем выше ранг крестных родителей, тем больше повезло младенцу. Франсуа гордится уже тем, что герцог Квелькепарт называет его крестником, а Ансо - тем, что его так же называет высокая графиня Блуа.

До семи лет мальчики оставались на попечении матери. Адела сама ухаживала за сыновьями, хотя во многих знатных семьях было принято пользоваться услугами нянь; но по крайней мере три служанки постоянно присматривали за каждым юным отроком Сент-Аликуса. Ни Франсуа, ни Ансо не избежали полезной диеты из множества ударов. Монашеские проповедники постоянно предупреждают, что нельзя щадить и баловать ребенка, и каждый отец и каждая мать прислушиваются к этому наставлению. По правде говоря, обстановка в замке часто способствует тому, что мальчики становятся маленькими демонами безрассудства. Весь зал смеялся над эпопеей "Дорель и Бетон", в которой ребенок в четыре года был достаточно умен, чтобы украсть перчатки своего опекуна, а в пять - чтобы играть в шахматы и кости и скакать на высокой лошади. Но Франсуа и Ансо растут достаточно честными, благодаря частой кожной боли. Они наслаждаются большим разнообразием игрушек, большинство из которых древнее пирамид и будут радовать их и в

последующие века. Здесь есть куклы с пеньковыми париками, резные деревянные солдатики со шлемами и уборами, ветряные мельницы, всевозможные животные из обожженной глины, деревянные лошадки и, конечно, целый арсенал деревянного оружия. Десятки детей, населяющих бейли, предоставлены в их распоряжение в качестве товарищей по играм, причем предпочтение отдается сыновьям высших офицеров. Существует бесчисленное множество игр в пятнашки, но Франсуа уже учится объединять своих товарищей в военные роты. Что может быть интереснее, чем защищать какую-нибудь башню от старого врага их отца, Форевверта? Будет удачей, если они не станут похищать настоящих арбалетчиков и стрелять друг в друга смертоносными болтами.

Воспитание юных дворянок

Франсуа сейчас на руках у отца и обучается многим вещам, которые необходимо знать сыну барона, прежде чем его отправят на "воспитание" к какому-нибудь дружелюбному сеньору. Сестер у него нет, но его тетя Алиенор только-только начинает получать обычное для семейной девушки образование. Если бы в городе был местный женский монастырь, ее можно было бы отправить в монастырскую школу. Как бы то ни было, Конон взял к себе дочь мелкого дворянина, своего рода сестру под малыми обетами, которая была наполовину учительницей, наполовину прислугой.

Эта добрая душа дала Алиенору гораздо больше книжных знаний, чем, вероятно, получит Франсуа. Девушка научилась читать и писать по-романски (северный французский) и, по крайней мере, читать по-латыни. В результате она поглощает все романтические рукописи, которые может одолжить или уговорить брата купить. Ее неплохо обучили арифметике, она выучила названия главных звезд и созвездий, а также легенду о "Пути святого Жака" (Млечном пути). Она знает целебные травы и не боится вида крови, не вздрагивает, когда перевязывает рану. Войны и турниры требуют, чтобы девушки становились искусными медсестрами и даже вправляли раздробленные кости. Разумеется, она умеет ездить верхом, а на ястребиной охоте или на охоте на своей дорогой косуле Марчегай может не отставать от лучших; и, как у каждой удачливой девы во Франции, на ее устах постоянно звучат песни - благочестивые или светские, от причудливых песнопений в честь Девы Марии до веселых

Пасха в апреле

Поет каждая маленькая птичка нежно,
"Зо фрикандес, зо, зо!
Зо фрикандес, зо, зо!"

Отец Грегуар и монахи не оставили без внимания ее религиозное воспитание. Она выучила множество молитв, помимо Credo, Ave и Paternoster, , которые каждый христианский ребенок должен выучить как можно скорее. На Пасху брат подарил ей прекрасно иллюстрированный псалтырь, и она знает наизусть большинство песнопений. Благодаря постоянному посещению мессы она знает практически всю службу и понимает ее символизм. У нее много причудливых суеверий, но нет унижительных. Перед сном она повторяет молитву, популярную среди всех девушек Франции: "Я снова умоляю тебя, Дева Мария, пусть ты со всеми святыми и избранниками Божьими будешь рядом со мной, будешь советовать мне и исполнять все мои молитвы и желания, будешь со мной во всех моих печалях и нуждах, во всем, что я должна сделать, сказать или подумать, во все дни, во все часы, во все моменты моей жизни".

Ее куклы, разумеется, были гораздо изящнее и сохранялись гораздо дольше, чем куклы Франсуа. В ее комнате ее домашний сокол редко отсутствует на своем насесте, что не

добавляет ей чистоты. У нее также есть сорока в клетке, которую она старательно учит говорить. На последней ярмарке она тщетно мечтала о редком восточном попугае, но утешилась маленькой собачкой на коленях, подаренной дружественным вассалом. Кошки в изобилии водятся в Бейли, но это не питомцы для знатных особ. В них есть что-то плебейское. У прославленных старух всегда есть черные кошки, которые, возможно, причастны к дьяволу. Церковь, однако, не поддерживает это мнение, поскольку в большинстве женских монастырей сестрам запрещено держать любых животных, кроме кошек, которые, очевидно, принадлежат этому миру меньше, чем собаки, спутники светских воинов.

Есть одна вещь, которую Алиенор любит даже больше, чем верховую езду и ястребиную охоту, - *это долгие, упорные танцы*. Мания молодых людей к танцам греховна. Церковь тщетно пытается ее обуздать. Желательно, чтобы Алиенор танцевала с красивым рыцарем или оруженосцем, но если таковых нет, достаточно самой безразличной музыки и компании. Дело в том, что ее крепкое, энергичное тело требует бурной разрядки. Напрасно более серьезная Адела рассказывает ей о графе, который разрешил в своем замке так много танцев, что в итоге на балу под Рождество к ним присоединилось столько народу и все танцевали так бурно, что пол большого зала внезапно обрушился. Вся компания была сброшена в подвал, и первой извлекли тело собственной дочери глупого графа.

Во время великих церковных праздников, конечно же, начинается наслаждение мистериальными спектаклями, и Алиенор сама принимала в них участие, однажды в роли ангела, а также в роли царицы Эсфирь на пасхальном представлении, устроенном в Понтдебуа духовенством собора. Теперь она надеется, что на следующую Пасху ей удастся стать дочерью Иродиады - а это, несомненно, лучшая роль для женщин, кроме роли самой Пресвятой Девы.

Слуги в замке

В то время как Адела, со своей стороны, милостиво помогает своей семье, она также более четко руководит своими слугами. Ей не нужно считать недостаток домашней прислуги своей бедой: сотни молодых мужчин и женщин из крестьян с радостью идут на службу в обмен на соломенный поддон, костюм одежды в год и место в большом зале после того, как обычные пирующие встанут. О денежном жалованье вряд ли стоит задумываться, хотя все ожидают несколько оболлов на Рождество и Пасху. О значимости барона отчасти говорит количество его иждивенцев, которые носят его знаки отличия, "едят его хлеб" и повсюду сопровождают его и его даму. Конон вряд ли менее тщеславен, чем его сверстники. В результате в Сент-Алике вдвое больше слуг, чем требуется на самом деле. Дворы кишат занятыми бездельниками, хотя в службе существует определенная организация и иерархия, и все, кроме самых безответственных парней и девиц, пользуются честью иметь хотя бы *одного* низшего, которого они могут приструнить подзатыльниками и отрывистыми приказами.

Адела командует примерно двадцатью молодыми женщинами. Одна или две из них - *герцогини*, дочери мелких дворян, имеющие право на определенное внимание, как и оруженосцы барона. Они одевают свою госпожу и Алиенору, сопровождают их и незаметно разделяют их удовольствия. Остальные - крепконогие Айглентина, Жанетта, Мартина и их сестры - своими свободными передниками без рукавов выдают крестьянское происхождение. Они были тщательно отобраны баронессой из втрое большего числа претенденток. Она тщательно выясняла, происходят ли они от честных родителей, не жадны ли и не склонны ли к пьянству, уважительны ли они и не привыкли ли просто отвечать на приказ: "Это будет сделано довольно скоро".^[23]

Обязанности служанок

Эти служанки обучены убирать апартаменты, затем протирать все табуреты и скамейки, кормить "камерных животных" - собак и птиц в клетках. После этого хозяйка должна поручить им ткачество, кройку, шитье и т. д. Кормят их обильно, "но только одним мясом, и питье у них только одно, сытное, но не пьянящее, будь то вино или что-то другое". Они также должны есть быстро, "не засиживаясь за едой, не замирая и не опираясь на локти", и "они должны вставать, как только начнут говорить и расхаживать". После ужина они должны сразу же ложиться спать, если только вместе с остальными обитателями замка не засидятся за жонглером.

Так проходит много дней, пока, наконец, не наступает событие, которое потребует от баронессы всех ее административных способностей, и которое приводит Аделу и Эймери в разное волнение. Конон собирается выдать свою сестру замуж, а сразу после этого посвятить брата в рыцари. Будет праздник, который пронесет имя святого Алики по всей северной Франции.

ССЫЛКИ:

[20] Эти цитаты взяты из Арно де Марюэля и Мари де Франс соответственно.

[21] Все вышеприведенные советы дворянкам взяты из современных книг по этикету или церковных писателей. Цитируемый трувер - Роберт из Блуа, писатель XIII века.

[22] Изучающие "Одиссею" вспомнят аналогичное повеление, с которым Телемах обратился к своей матери Пенелопе. Гомеровское и феодальное общество имели много общих точек зрения.

[23] Указания о найме слуг, приведенные в средневековых руководствах по домашнему хозяйству, содержат много практического здравого смысла для любой эпохи.

Глава VI: Вопрос об одежде. Феодальная свадьба.

Поскольку с незапамятных времен свадьба представлялась прежде всего вопросом одежды, то где, как не здесь, рассмотреть наряды добрых жителей Сент-Аликиса? Конечно, Писание предупреждает нас: "Не думайте, говоря... "во что нам одеться?", но это наставление (так Адела говорит аббату), несомненно, предназначалось только для святых апостолов, а не для христианки, которая должна достойно представить своего мужа перед лицом Небо знает скольких критически настроенных баронесс и графинь.

Уже сейчас западные народы внесли в свой общий стиль костюма те большие изменения, которые сохраняются на протяжении многих поколений. Греки и римляне *накидывали на себя*

одежду; все они были похожи на слегка развитые платки, застегивающиеся на фибулы или пряжки, но лишенные пуговиц. Даже во франкские времена одежда современников Карла Великого казалась довольно свободной, по античному образцу. Но с феодальной эпохой пришла тщательно сшитая одежда, которую необходимо *надевать* и надежно застегивать. Мы достигли эпохи рубашки, чулок и даже предметов, которые позже стали называть "брюками". Возможно, этого требует жизнь, постоянно проводимая в седле, а также потребность в одежде, которую легко было бы носить под хауберками, большими почтовыми плащами .[24] Великий переход был совершен. Мужчины Сент-Аликиса носят одежду, достаточно странную для другой эпохи, но без тех портновских различий, которые отделят двадцатый век от века Нерона.

Материалы для одежды

Еще один момент, который следует отметить: почти вся одежда по-прежнему изготавливается из шерсти, за исключением кожаных гамашей и перчаток охотников и грубой одежды из шкур для крестьян. Хлопок и шелк, если не совсем неизвестные, были редкостью, а лен не очень распространен. Шерстяные ткани обычно были грубыми, домашнего прядения, которые изготавливались в замках или крестьянских домах. Такая одежда теплая и прочная, но на ней скапливается грязь, ее трудно стирать, и она сильно раздражает кожу. Вероятно, именно повсеместное использование шерстяной одежды, а также тот факт, что большая часть населения не имеет другой одежды, кроме той, что носит постоянно каждый день, объясняет ужасающую распространенность кожных заболеваний, начиная от проказы и ниже. Однако ситуация улучшается. Все больше льна перерабатывается в тонкий лен. Качественные люди довольно часто меняют свою одежду. Хлопок и шелк привозят из Леванта по ценам, позволяющим обычному богачу их покупать. В большинстве замков день стирки даже превращается в постоянное учреждение. Все это способствует здоровью и комфорту. Но все же подавляющее большинство одежды - шерстяная; и, святые угодники! Как блохи выпрыгивают из холопских дублетов, когда бьешь их владельца!

В мирное время Конон обычно надевает следующие одежды. Сначала оруженосец помогает ему облачиться в кальсоны из тонкого белого льна; затем идут длинные рукава, которые могут быть из разных тканей и цветов. В торжественный день он заявит о себе как о богатом бароне, надев шелковые рукава; в остальное время они из тонкой шерсти. Хороший вкус не допускает чулок яркого цвета, они должны быть черными, коричневыми или, в крайнем случае, черными с красными полосками. После этого следует сорочка из белого льна, но без манжет и воротника.

КОРОЛЬ В ДВЕНАДЦАТОМ ВЕКЕ В ПЕЛИССОНЕ

Восстановлено Виолле-Ле-Дюком по рукописи Национальной библиотеки.

Теперь барон готов к своей обычной верхней одежде. Он наденет пелиссон. Это длинная одежда с меховой опушкой, очень теплая и приятная зимой, когда замок напоминает амбар. Летом часто бывает жарко, и в качестве замены носят *котту* без меха и из очень тонкого материала. Поверх пелиссона накидывают бляут - тунику, довольно свободную, которую

натягивают через голову, как рубашку. Лучшие бляхи - из шелка, но для обычного использования носят фустиан или, возможно, даже хлопок. Наконец, если барон собирается за границу, он накидывает на плечи мантию. Это полукруглая накидка, которая даже летом подбита мехом и, скорее всего, украшена множеством шелковых кисточек.

Сапожники уже стали мастерами своего дела. Любой может купить хорошо выделанные кожаные туфли или высокие сапоги, но если дворянин хочет одеться по-государственному, он наденет суконные туфли и покажет свое богатство, покрыв их золотом и расшив драгоценными камнями; ведь хороший вкус здесь допускает сложные украшения.

Женская одежда

Самой разнообразной одеждой Конона является головной убор. В доме или по торжественным случаям он надевает цветочный венчик или даже тонкий золотой венок с цветочным орнаментом; вне дома он, как и более скромные мужчины, может появиться в полотняном чепце - фригийском колпаке яркого цвета. Однако если погода плохая, он, скорее всего, наденет *шаперон*. Это комбинированный чепец и накидка, которая накидывается на голову, поднимается или откидывается назад в виде козырька, одновременно прикрывая щеки и плечи, а лицо видно через длинную прорезь, прорезанную в верхней части.

ВЕНОК ИЗ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ЦВЕТОВ, ПРИШИТЫХ К ТЕСЬМЕ

XIII век (церковь Сен-Тибо; Кот-д'Ор).

Это ортодоксальная мужская одежда, а женский наряд во многом повторяет ее, хотя и с некоторыми упрощениями здесь и уточнениями в других местах. Служанки Аделы обычно надевают на нее длинную льняную сорочку, предпочтительно белую, которая спускается до

колен. Поверх нее надевается пелиссон, опять же с меховой опушкой. Он может быть сделан из очень тонкой шерсти или шелка и ниспадает поверх сорочки до самых ног. Поверх этого снова надевается бляха, иногда довольно свободная, но чаще облегающая и подчеркивающая фигуру. Служанки баронессы туго зашнуровывают его и тщательно подгоняют длинные рукава. Его удерживает пояс из плетеных шнуров, предпочтительно шелковых. Бляха, разумеется, может быть из очень тонкого материала и украшена золотой вышивкой и жемчужным бисером. Наконец, есть мантия - свободный шлейфовый плащ, часто имеющий форму длинной полукруглой накидки и изготавливаемый в торжественных случаях из самых богатых тканей.

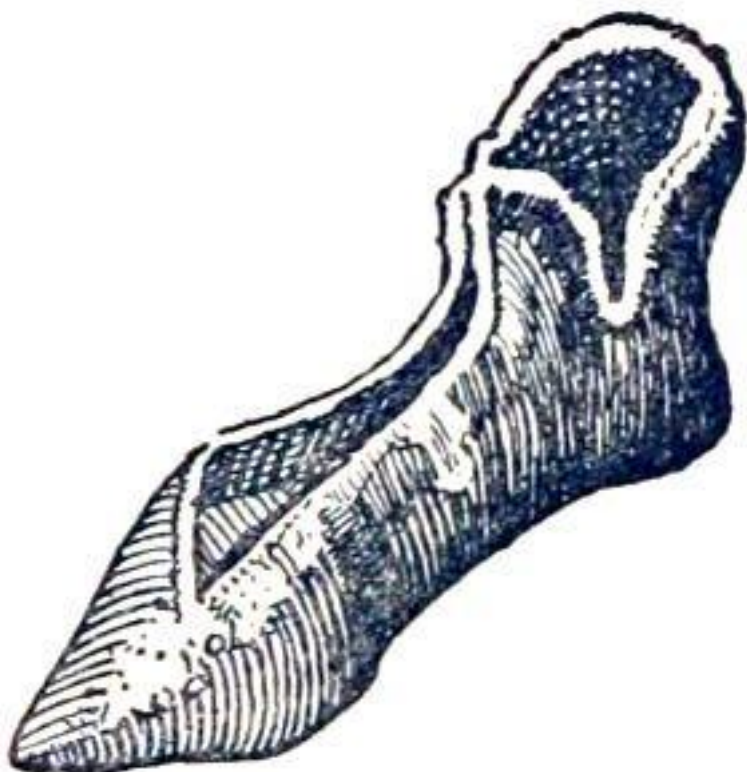
Богатые люди могут приобрести множество элегантных тканей. С ярмарок в Шампани можно привезти фигурный шелк, затканый серебряными и золотыми нитями, а также очень тяжелый шелк, затканый крупными нитями белого, зеленого или красного цвета. Это тот самый *самит*, о котором с восторгом поют поэты. Но, пожалуй, более полезны тонкие, воздушные, переливающиеся шелка сандала, которые пригодятся как для создания восхитительных летних нарядов, так и для изготовления блестящих знамен, которые знатные дамы дарят избранным ими рыцарям. Естественно, в изобилии представлены и восточные шелка, с диковинными египетскими и персидскими рисунками. Для более скромной одежды (если нет желания носить домотканое полотно) вы можете купить все виды честной шерсти: фламандскую и пикардскую, изделия из Шампани или Лангедока. Они поставляются в виде сарж и грубых изделий, настолько превосходных, насколько это возможно. Для тех, у кого есть деньги, доступно отбеленное до ослепительной белизны постельное белье; но хлопчатобумажные ткани по-прежнему дороги, хотя торговцы часто предлагают дамам "шелк по изумительно низкой цене", который на самом деле не что иное, как хлопок, сотканный, возможно, на Сицилии.

Однако тончайший самит и сандал не могут заменить подходящие меха. *Ношение мехов - практически признак благородства*, как ношение меча или ястреба. Многие мелкие дворяне даже в самую жаркую погоду будут цепляться за обтрепанный кушак из черной овчины, лишь бы заявить, что он не холоп. Лисьи и волчьи шкуры и циветты, конечно, обычны, но высородный дворянин стремится к чему-то лучшему. Он обшивает свой пелиссон и другие одежды рыжей или белой куницей, черным соболем, серой северной белкой, а особенно (если позволяет кошелек) горностаем, драгоценным мехом белой ласки. Самые лучшие меха, вероятно, происходят из тех туманных стран, которые называют "Россией". Вы не сможете сделать благородному другу более приемлемый подарок, чем шкурка горностая; и многие бароны заложили земли евреям только для того, чтобы удовлетворить вкус своей жены к миневеру, превосходной разновидности куницы. На самом деле, в мехах больше экстравагантности, чем в драгоценностях или даже в соколах!

Роскошная мода

Мода на одежду в Сент-Алике меняется не так быстро, как в другие эпохи, однако в ней постоянно появляются новшества. Например, в моду входит сюртук. Изначально это была длинная женская одежда, но недавно один прекрасный рыцарь, прискакавший из Реймса, носил его, ловко приспособив к мужским потребностям. Это была закрытая куртка без рукавов, укороченная на бедрах и с большими проймами для удобства движений. Конон должен получить такую же в самое ближайшее время. При дворе короля неизбежно появляются всевозможные новинки моды, роскоши и украшений. Женщины покрывают себя золотой вышивкой, носят золотые пуговицы и золотые кушаки, украшенные попеременно агатами и сапфирами. Руки они защищают перчатками из замшевой кожи, а на поясе у них висит шелковый кошелек для милостыни на серебряных цепочках. Изящные кавалеры

нагружают себя дюжиной пряжек с сардониксом, кусочками эмали и даже носят маленькие изумруды в вышивке на мантии. В моду входят остроносые туфли с цветными ремешками для крепления к ногам.

ВОЙЛОЧНАЯ ОБУВЬ

XIII век

(различные памятники).

Однако простота Сент-Аликуиса почти не нарушена. За исключением праздничных дней, сеньор одет не намного лучше, чем высшие слуги, и Адела не перестает предостерегать невестку от экстравагантности в одежде. "Всегда учитывайте ранг и состояние вашего мужа, но никогда не позорьте их тем, что слишком много думаете о своем костюме или постоянно погружаетесь в новые моды. Прежде чем выйти из комнаты, убедитесь, что ваш внешний вид опрятен, и особенно следите за тем, чтобы воротник вашего платья был хорошо подогнан и не был надет криво".[\[25\]](#)

Одежда более скромных людей имеет тот же характер, конечно, упрощенный, и более трезвые оттенки. Синий - цвет баронского дома, и почти все последователи его лорда носят одеяния этого цвета. Это их ливрея, потому что дважды в год происходит раздача (*livraison*) одежды всем, кого Конон берется одевать и кормить.

ЗИМНИЙ КОСТЮМ В ДВЕНАДЦАТОМ ВЕКЕ

Из рукописи в Национальной библиотеке (Виолле-Ле-Дюк).

Знатные люди, таким образом, демонстрируют свой ранг, нося меха. Они также демонстрируют его своими головными уборами. Когда барон хочет подчеркнуть свое достоинство, он надевает бархатный чепец вместо обычного суконного. Однако в официальных случаях этот чепец расшивается золотой нитью и становится "шапкой

присутствия". Иногда эти чепцы делают более сложными, с приплюснутым квадратным верхом. Это *мортиры*, и через несколько поколений великие юристы и врачи будут носить-mortиры в качестве профессионального знака еще долго после того, как высокие бароны полностью откажутся от этой моды.

Что касается женского головного убора, то тринадцатый век еще не содержит тех возвышающихся конструкций из пик и вуалей, которые были характерны для последующей эпохи. Даже знатные женщины обычно довольствуются (как мы уже видели) длинными косами своих волос, переплетенных часто лентами. Если солнце жаркое или погода плохая, они надевают тонкие вуали или массивные шерстяные капюшоны, в зависимости от времени года; а в торжественные дни они надевают либо цветочные чашечки, либо настоящие короны из золота и жемчуга, в зависимости от богатства их отцов или мужей.

Прически и бороды

МУЖСКОЙ ГОЛОВНОЙ УБОР

Популярный в XIII веке (гробница Сен-Дени).

Внешность Конона отличается от внешности его внука одной важной особенностью. До недавнего времени дворяне коротко стригли волосы спереди, но довольно длинные сзади, и носили бороды, часто разделенные на множество маленьких локонов, которые они могли даже обматывать золотой нитью. Однако к 1200 году дворяне обычно были гладко выбриты, хотя волосам позволялось отрастать до определенной длины и иногда укладываться в мелкие локоны. Так закончилась долгая борьба, ведь церковь на протяжении многих поколений не одобряла длинные бороды; многие епископы предупреждали, что "они - знак детей Белиала", а великий папа Григорий VII регулярно произносил анафему против них. Возобновилось правление цирюльника, и тонзура святого Аликиса дважды или трижды в

неделю скребет подбородки всех рыцарских особ мужского пола в замке. Для слуг и холопов, однако, такой роскоши нет. Все скромные люди носят бороды большой кустистости и неказистости, а волосы стригут так редко, что часто их можно заплетать почти как у женщин.

Каждый значимый человек носит кольцо. Его печатка часто приравнивается к личной подписи. Все друзья человека знают его перстень и доверяют посланцам, которые предъявляют такой же. Женщины дарят кольца своим возлюбленным, а также, разумеется, получают кольца в ответ. Считается, что многие кольца обладают чарующими свойствами. Печатка Конона хранится в семье по крайней мере со времен Первого крестового похода. Он украшен зеленой египетской бирюзой со змеиной огранкой и называется "Удача святого Аликиса". Слуги уверены, что до тех пор, пока барон хранит это кольцо, замок не может быть взят; а Франсуа уже успел набить себе голову такими историями, как история об отце, который на смертном одре подарил сыну кольцо, "достоинство которого заключалось в том, что тот, кто его носит, должен обладать любовью всех людей"; Или история о принцессе Ригмель, которая подарила своему возлюбленному кольцо, обладающее такой силой, что "тот, кто носил его на себе, не мог погибнуть; ему не нужно было бояться умереть ни в огне, ни в воде, ни на поле боя, ни в турнирных поединках".

КОСТЮМ ДВОРЯНКИ

XIII век; восстановлено Виолле-Ле-Дюком по различным памятникам.

Таковы обычные предметы костюма и украшения. Не стоит подробно останавливаться на пряжках и брошах, золотых булавках и украшенных драгоценными камнями шейных платках, которые Адела хранит в своих сундуках. Они происходят из восточных, византийских или

венецианских мастерских. Некоторые из них очень красивы, но в целом ювелирные украшения сравнительно мало меняются от века к веку.

Косметика и искусственные волосы

Баронесса и сама не чурается некоторых фривольностей в туалете, но приближающееся замужество Алиенора дало ей прекрасную возможность наставить юную леди на грехах ложных украшений. В самом деле, об этих беззакониях твердят почти каждое воскресенье в церквях, потому что проникательные проповедники знают, что все мужчины в общине будут одобрительно ухмыляться, чем яростнее будут звучать упреки. Женщин регулярно обвиняют в том, что они "превращают свои тела в неестественные формы" с помощью кружев и палантинов, красят волосы, раскрашивают лица. Утверждается, что Давид впервые возжелал Вирсавию, потому что она слишком открыто расчесывала свои длинные волосы у окна, и все ее горести справедливо обрушились на нее "за чрезмерное внимание, которое она грешно уделяла украшению своей головы".

Затем, в другой проповеди, с одобрением повторяется саркастическая история монаха Гийо из Провина о том, что святые подали иск в суд Божий на род женщин, потому что те использовали столько красок для своих лиц, что не осталось ни одной, чтобы раскрасить святые образы в церквях! Благородным дамам говорят, что, намазываясь вермишелью, шафраном или зыбучим серебром или прикладывая припарки из бобового пюре и кобыльего молока, чтобы улучшить цвет лица, они добавляют себе столетия пребывания в чистилище, а то и рискуют попасть в вечное проклятие.

ЖЕНСКАЯ ПРИЧЕСКА

Наконец, существует беззаконие фальшивых волос - как будто добрый Бог не знает, сколько травы должно расти на каждой женской голове! Жил-был один святой человек, который умел исцелять больных. Одна молодая дворянка страдала от сильных головных болей. Чудотворец бросил взгляд на ее возвышающийся головной убор. "Прежде всего, - сказал он, - сними с головы эту леску, которая возвышается над ней. Тогда я буду молиться за вас с большой уверенностью". Жертва была слишком велика, и она отказалась; но с каждым днем ее муки становились все невыносимее, и святой человек был вызван. Он заставил ее отбросить все

свои фальшивые волосы и цветные ленты и поклясться никогда не возобновлять их. Тут же он начал читать молитву - и вот, головная боль прошла.

Эти проповеди и сестринские предостережения Аделы принесли столько результатов, сколько могут дать подобные наставления. Алиенор будет идти по жизни, то опасаясь за свою привлекательность, то за свою душу, но никогда не подвергая опасности ни то, ни другое. И все же она, несомненно, менее легкомысленна, чем соперницы семьи, дамы Форетверт, которые (безвкусные создания!) могли бы украсить своими горшками с красками целый собор святых.

В окрестностях Сент-Алики иногда можно встретить несносных людей, которые вынуждены носить заметную одежду, чтобы предупредить других и таким образом избежать физического или морального заражения. Если вы встретите человека в сером пальто и алой шляпе, отойдите подальше - это прокаженный. Если у него на груди вышит большой круг из шафрановой ткани, посмотрите на свои деньги - это еврей. Если у него на груди с каждой стороны пришит крест, произнесите молитву - это отпущенный еретик. И наконец, если вы отправитесь в Пондебуа и наткнетесь на множество разоблаченных женщин в алых платьях, не обращайтесь на них внимания, если вы порядочный человек, - это женщины города.

Наконец-то мы увидели общий характер нарядов, которые должны украсить свадьбу Алиенора. Настало время самой свадьбы.

Брак в знатных семьях часто означает не союз двух душ, а двух вотчин. Средний барон женится, чтобы расширить свое поместье и вырастить сыновей для его защиты. Жена представляет собой поместье и замок. Не многие молодые люди женятся до посвящения в рыцари. После этого они с радостью вступают в священный брак, поскольку обычный способ, которым молодой кавалерист, чей отец жив, может обрести независимость, - это приданое жены, если только отец не позволит ему получить долю в баронстве.

Возраст для вступления в брак

Поскольку юношей нечасто посвящают в рыцари до окончания подросткового возраста или даже после двадцати, свадьбы с их стороны редко происходят рано. Однако девушки становятся пригодными для брака раньше. Трубадуры Южной страны утверждают, что любовь начинает овладевать девушкой в тринадцать лет, и тогда она может выйти замуж. Если она не "отдала свое сердце" к двадцати одному году, то надежды на брак нет, разве что в женском монастыре; а старые девы не находят признанного места в обществе ни в замке, ни в городе, ни в крестьянской хижине.^[26]

КОРОЛЕВСКИЙ БРАК В ТРИНАДЦАТОМ ВЕКЕ

Из рукописи, хранящейся в Британском музее (Грин).

Конечно, пары могут вступать в брак и моложе. Несколькими годами ранее граф Балдуин VI из Хайно был женат на графине Мари из Шампани. Невесте было всего двенадцать, а жениху - четырнадцать. Таким образом, мальчики и девочки иногда становятся просто "множеством фигур на шахматной доске" в угоду амбициям опекунов.

Если муж дворянки умирает, ей не нужно долго оставаться вдовой, ведь для управления ее вотчиной требуется мужчина. Одним из величайших доказательств сильного характера и способностей матери Конона стало то, что после смерти его отца она не позволила барону Гарнье принудить ее к браку с одним из его благородных компаньонов - буйным сорвиголовой, который, будучи опекуном ее детей, погубил бы их душой и телом. Кроме того, если муж наследницы окажется неподходящим для господствующих сил, могут произойти странные вещи. В 1190 году, когда корона Иерусалима стала вакантной, Изабелла (новая королева) была насильно разлучена со своим мужем, сеньором Онфруа, баронами королевства крестоносцев, и отдана за более могущественного дворянина, Конрада Монферратского. Дважды мужья бедной королевы умирали, и дважды бароны навязывали ей новых супругов. Желания самой Изабеллы, которая искренне заботилась об Онфруа, ничуть не учитывались.

Во всех романах можно найти истории о браках, заключенных с удивительной поспешностью. *Так, например*, рассказывается о старом бароне Эймери, который хотел найти своему сыну наследницу. Парень, не подозревая о том, что должно произойти, был вызван к герцогу, другу своего отца. "Молодой господин, - сказал герцог, - вы принадлежите к высокому роду. Я собираюсь отдать вам свою прекрасную дочь". Юноша молча стоял, пока в комнату вводили герцогиню. "Красавица, - сказал ее отец, - я дал тебе мужа". "Благословен Бог!" - быстро ответила она. Следующим вошел епископ. Церемония была немедленно закончена; молодые люди были спарены на всю жизнь, казалось, еще до того, как они успели отдышаться. По крайней мере, здесь юноша был таким же беспомощным орудием своих старших, как и служанка.

В одном из рассказов "Лотарингского романа" эта процедура едва ли менее скоротечна. Граф Фландрский решает отдать свою убитую горем сестру на воспитание своему доблестному другу Фромону. Она никогда не видела этого героя, но много слышала о нем. Вдруг брат берет ее за руку и говорит: "Моя прекрасная и дорогая сестра, давайте поговорим немного врозь". Затем он объявляет: "Завтра у тебя будет муж". Дама возражает, что она вдова всего месяц и у нее есть грудной сын. "Однако вы сделаете это, сестра моя", - настаивает граф. "Тот, кого я вам отдам, гораздо богаче вашего первого мужа". Затем он произносит много хвalebных слов в адрес Фромона, на что дама отвечает: "Сир брат, я поступлю согласно вашим желаниям". После этого, как гласит история, "они не ждали ни дня, ни часа. На месте они направились в церковь. Оповестили клириков и священников. Там их благословили и обвенчали".

Церковный контроль над браками

Это странное положение вещей, но, к счастью, церковь частично приходит на помощь. Прежде всего, она требует, чтобы дева было не менее пятнадцати лет (этот пункт иногда отменяется), чтобы она не была слишком тесно связана с мужчиной и чтобы она дала свое "свободное согласие" (еще один вопрос, который не всегда исследуется). Вопрос о "запретных степенях", однако, является препятствием для многих планируемых союзов. Ранее церковь пыталась запретить браки между двоюродными братьями и сестрами вплоть до седьмой степени, но это правило оказалось невыполнимым, поскольку крестные родители считаются такими же родственниками. Поэтому Латеранский собор 1215 года признал недействительными браки между двоюродными братьями и сестрами до *четвертой* степени; и святые знают, что это правило создает достаточно сложностей, учитывая, как связаны между собой большие семьи! Конечно, эти правила мудры, иначе наследницы всегда отдавались бы с размахом ближайшим родственникам. С другой стороны, запретные степени иногда немного ущемляются, чтобы дать повод договаривающимся сторонам отречься друг от друга, если им надоест их сделка - хотя здесь опять же есть практика, к которой Церковь относится со справедливым гневом.[\[27\]](#)

Церковь официально не разрешает разводы, но она не может противостоять многим веяниям эпохи. Дворяне часто отказываются от своих жен по пустяковым причинам - например, из-за плохого самочувствия; и часто инициативу проявляют сами женщины. Есть мирские епископы, которые помогут аннулировать брак на основании "отсутствия внутреннего согласия". Опять же, если речь идет о весьма желанном браке с кузеном, часто можно получить "диспенсацию" от тех же покладистых властей. Изучая, с какой легкостью власть имущие могут наложить и расторгнуть "священные узы брака", легко стать циником, хотя иногда великий папа, такой как Иннокентий III, преподаст урок даже могущественному королю, как это сделал Филипп Август, когда попытался отречься от бедной Ингеборг Датской.

Если у девицы есть отец, грамотный брат или дядя, ей повезло. В противном случае дарование руки принадлежит ее сюзеру. Право дарить наследниц или вдов вассалов верным сеньорам - одна из самых ценных привилегий великого сеньора. Многие рыцари хранят верность, надеясь, что в скором времени их господин скажет: "Один из моих баронов умер без сыновей. Я отдам вам его вотчину и его дочь"; или: "Возьмите вдову покойного сира Х..... Ты можешь получить землю вместе с дамой". По феодальным обычаям лишить наследницу ее владений напрямую практически невозможно, но ее брак практически передает ее мужу право собственности. Неудивительно, что герцогу Квелькепарту не терпится узнать, не собирается ли болезненный граф Гревен умереть и оставить только дочь, чтобы обеспечить себе желанную верность барона Сен-Сатурнина, который уже полгода как вдовец, но до сих пор "не успокоился" в надежде, что именно это произойдет.

Скандальные отношения

Что же удивляться, если в таких условиях возникают странные романы, если дама дарит "свою любовь и поцелуй" не мужу, а какому-нибудь молодому рыцарю, если трубадуры Южной страны утверждают, что "супружеские пары не могут любить по-настоящему", и если бароны иногда приводят в свои замки незаконных супругов, подмигивая при этом, возможно, на странные поступки своих жен? Все это правда. Однако, как уже говорилось, не все так плохо. Девушек учат не ожидать слишком многого от своих супругов. Обычно они принимают ситуацию, как принимают штормовую или солнечную погоду. Кроме того, если некоторые отцы или опекуны скандально небрежно распоряжаются своими подопечными, то многие отцы и братья полны искренней привязанности и принимают обязанность выдать замуж своих дочерей или сестер как торжественную ответственность; и если они мудро опекают, то результаты обычно бывают счастливыми. Не стоит слишком жалеть Алиенору за то, что она не имеет права сбежать.

Конан заключил самый выгодный брак. Он отдаст свою сестру за сира Оливье, старшего сына графа Персиньи. Персиньи - великий бургундский род с множеством замков, и графы считают себя немного выше в социальной шкале, чем бароны, но Сент-Аликвис - тоже могущественное владение, и его союз будет полезен Персиньям во время ожидаемой войны с Видамом Дижонским. Конан отдаст молодой паре свой дальний бургундский замок (не представляющий большой ценности для него самого), а союз позволит ему разговаривать со своими нелюбимыми соседями. Прекрасная пара; еще один признак того, что в Сент-Алике живет очень мудрый сеньор!

Алиеноре уже почти семнадцать, а о свадьбе она думает с пятнадцати лет. Ее сестры уже давно просмотрели всех подходящих для нее кавалеров. Она очень боялась, что ей придется выйти замуж за какого-нибудь старого и очень глупого человека, как это случилось с ее кузиной Мабиллой, которую со слезами на глазах отправили в Пикардию, невестой трижды вдовца. Кто может оценить ее облегчение, когда Конан заявил, что не отдаст ее старому Сен-Сатурнину? И тогда жонглеры запели: "Старик, полюбивший юную деву, не только стар, но и глуп!" Это случалось так часто!

Ее идеал - иметь "дамуазо (оруженосца или молодого рыцаря) с первой бородой" - храброго, доблестного, конечно же, учтивого и красивого. Когда-то она надеялась, что Конан устроит большой турнир и отдаст ее победителю; но это желание угасло, когда она узнала, что победитель в последнем турнире был уродлив и жесток. Она была в очень братских отношениях с Уильямом, первым оруженосцем Конана, но Уильям еще слишком молод, а для оруженосца не всегда почетно плести интриги в доме своего господина. Поэтому она находится в очень открытом состоянии духа, когда однажды брат говорит ей: "Прекрасная

сестра, я договорился о твоём браке с Оливье из Персиньи. Он галантный кавалер. Любая дева могла бы радоваться, получив его. Подумайте хорошенько над моими словами, потому что (здесь он добавляет фразу, которую, как он надеется, не воспримут слишком буквально) я не хотел бы, чтобы вы выходили за него против вашего желания".

Если Алиенора имеет что-то против Оливье, если ее антипатия сильна и основана на разуме, Конон, как искренне любящий брат, мог бы придать этому значение; но на самом деле, хотя она встречала Оливье всего несколько раз на турнирах, на рождественском празднике при дворе герцога Квелькепарта и один раз, когда он останавливался в замке, у нее нет ни малейших возражений. У него, безусловно, большие голубые глаза, светлые волосы, крупный нос и веселый смех. По слухам, он добр к слугам, щедр до безобразия, не склонен к пьянству и дракам. На турнире он честно сломал три копия в поединке с более опытным рыцарем. Семья у него отличная, а желания ее брата очевидны. Ей не придется жить слишком далеко от Сент-Аликиса. Что еще можно сказать? После нескольких часов достойного размышления она сообщает Аделе, что выполнит пожелание Конона. После этого в замке начинается радостное оживление.

Церемонии обручения

Перед свадьбой состоялась помолвка. Это была торжественная церемония, благословленная церковью. Сир Оливье приехал в замок с многочисленными родственниками и встретил застенчивую и смущенную Алиенору. В часовне, после соответствующих молитв отца Грегуара, пара неловко обменялась обещаниями! "Я возьму вас в жены". "А я - своего мужа". После этого был бы большой скандал, если бы одна из сторон повернула назад. Однако Церковь решительно утверждает, что обручение - *это не* брак. В противном случае обрученная пара могла бы считать себя в некотором роде венчанной на испытании, чтобы впоследствии отказаться от своих обязательств. Кроме того, не только молодая пара, но и их родители или опекуны должны были присутствовать и дать свое согласие; и, конечно, все клятвы давались над самыми святыми реликвиями.

Все это счастливое время Оливье жил в замке дружественного вассала Сент-Аликиса и часто ездил туда навестить свою суженую. Он прекрасно воспитан и знает все, что ожидается от потенциального жениха из хорошей семьи. О союзе в основном договаривались его родители, но с ним советовались, он понимает, что Алиенор остроумна и красива, и полностью осознает мирские преимущества того, что он будет шурином Конона. За трапезой ему и его возлюбленной разрешается сидеть вместе, а главное - есть из одной кастрюли, когда он деликатно оставляет своей избраннице все самое лучшее. Он советуется с компетентным жонглером и с его помощью сочиняет подходящие стихи, восхваляющие красоту его невесты. Он дарит ей золотое кольцо, на котором выгравированы его и ее имена. Взамен, помимо рукава и чулка для подвешивания на копьё (подарки, которые она уже посылала по дружбе другим кавалерам), она дарит локон своих волос, закрепленный вокруг золотого кольца, а также локон побольше, который он может обмотать вокруг своего шлема. Счастливой паре разрешено совершать долгие совместные прогулки и гулять по саду, причем Оливье вежливо держит свою даму за один палец - так принято показывать близость.^[28]

Мы уже говорили, что Конон решил посвятить брата в рыцари и одновременно выдать сестру замуж. Это подразумевает проведение турнира и множество других процедур, совершенно ненужных для свадьбы; но, разумеется, это привлечет гораздо больше гостей и прорекламирует процветание барона Сент-Алики на весь северо-запад Франции. Однако посвящение в рыцари и турнир пройдут после свадьбы, и проще объяснить эти две вещи по

отдельности. Мы опустим сбор свадебных гостей - приезд дальних графов, баронов и сиров; возведение вокруг Сент-Алики настоящей деревни из блестящих шатров и павильонов; торжественные приветствия; бешеные усилия замковых служителей, чтобы все было готово; неизбежное отчаяние, не раз, а много раз, Аделы, которая всем руководит. Наконец наступает утро *этого* дня, середина лета. Дождя нет, и, благословен Святой Мартин, не слишком жарко. Алиенора окружена дюжиной женщин, старых и молодых, которые готовят ее к свадьбе.

Одевание невесты

Обычного свадебного наряда не существует. Алиенор одевается не намного иначе, чем на Пасху или другой крупный праздник. Две большие косы волос уложены над ее грудью и дополнительно переплетены золотой нитью. Ее сорочка - из очень тонкого льна с шафрановым оттенком. Ее пелиссон полностью окаймлен великолепным горностаем, подарком графини Персиньи, а само одеяние сделано из двух сшитых вместе полотен, внутреннее из тонкой шерсти, внешнее из прекрасного бендала красновато-фиолетового цвета. Все это плотно зашнуровано, так что Алиенор едва может дышать. Поверх этого одеяния парит изящная бляха из зеленого шелка с длинными рукавами, множеством складок и длинным шлейфом. Еще больше шелковой вышивки и искусных воланов. Прекраснее всего пояс, сделанный из множества кусков золота и украшенный камнем удачи - агатом для защиты от лихорадки, сардониксом для защиты от малярии и многими другими подобными. В застежке - большие сапфиры, которые барон Гарнье первоначально "приобрел" у одного из городских купцов незадолго до того, как его повесили. И наконец, мантия - снова из шелка, искусно расшитого и окрашенного в королевский пурпур.

Остроносые туфли Алиенора - из пурпурной кожи из Кордовы, еще больше расшитые золотыми нитями. Пока одна из служительниц застегивает их, ее главная пучеглазка надевает маленькую круглую вуаль шафранового цвета, которую удерживает золотой круг - настоящая корона, красиво выгравированная и украшенная изумрудами. Процесс одевания неизбежно затягивается. Алиенор слишком взволнована, чтобы чувствовать жар или ущемление, но ее сопровождающие находят ее очень требовательной. Они благословляют Деву, что она не такая, как некоторые знатные невесты, которые впадают в страсть, если каждый волосок в их бровях не уложен отдельно.

Тем временем в уединенной части замка жених с помощью двух своих оруженосцев решает аналогичную проблему, хотя это требует меньше времени и мучений. На его ногах - чулки из тонкого коричневого шелка из Брюгге, но надевать шелковую рубашку немодно - подойдет одна из тонкого белого льна. Его пелиссон похож на пелиссон его невесты, хотя и не так туго зашнурован - из ткани и шелка, отороченный богатым мехом; внешний цвет - бледно-красный, неизбежно с золотой вышивкой на шее и рукавах. Его одеяние не опускается ниже колен, но оно из голубого шелка *sendal*; его мантия также оторочена мехом и того же цвета, что и его пелиссон. Как бы ни была проста эта одежда, она должна висеть точно по фигуре. Все будут спрашивать: "Неужели жених надел свою мантию, как великий барон?" Сквайры долго ее поправляют. Туфли Оливье из очень тонкой кожи. На его аккуратно завитые волосы надели золотую чашечку, усыпанную сверкающими драгоценными камнями - очень похожую на ту, что носит невеста.

Едва счастливые супруги собрались, как в бейли появилась свадебная процессия. Такая большая компания никогда не сможет втиснуться в часовню замка. Она отправится по мосту через Клэр в приходскую церковь у деревни - готическое сооружение, достаточно

претенциозное, чтобы соответствовать случаю. Персеины считают епископа своим кузенком, и он будет служить в церкви.

Брачная процессия и церемония

Итак, процессия сформирована. Впереди идет целый взвод жонглеров, надувающих щеки под флейты, бряцающих арфами или бряцающих скрипками. Феодальный век наслаждается музыкой и не возражает, если иногда мелодия сменяется радостным шумом. Следом идет Алиенор. Она верхом на черном муле с длинными ушами и тщательно завитой блестящей шерстью. Его сбруя - из золота, а атрибуты - из алого самита. В седло ее посадил старший брат ("Увы, ее отец, который должен был это сделать, умер!" - ропщут все женщины), и он, как ее опекун, ведет мула. Оливье едет на высокой белой полуторке с седлом из голубой кожи. Его мать, Адела, и все родственницы Сент-Аликуа и Персейнов следуют на других мулах, ведомые нарядно одетыми оруженосцами. Затем прибывают все знатные гости, во главе которых стоит герцог Квелькепарт. Неудивительно, что во всех деревнях на много миль вокруг нет никакой работы, а все холопы выстраиваются вдоль дороги, снимают шапки и ликуют, когда мимо проносится ослепительный кортеж.

Детали у церкви мы обошли стороной. Среди прочих особенностей следует отметить, что невесту спускают с мула на огромной соломенной ферме, что епископ встречает их у священного портала и что у самого здания Оливье и Алиенор обмениваются клятвами, которые составляют основную часть брачной церемонии. После этого главный проректор Конона громким голосом перечисляет все поместья, лошадей, прекрасные одежды и слуг, которых невеста приносит в качестве приданого. Этот обычай может предотвратить горькие споры впоследствии. Затем счастливая пара разбрасывает только что отчеканенные серебряные диньеры среди стаи недоброжелателей, которым разрешено толкаться локтями и карабкаться среди более претенциозных гостей.

Наконец, церковь распаивается настезь. Большой неф открывается таинственный и темный, но в нем горят галактики свечей, а высокие витражи сверкают, как драгоценные камни. Оливье и Алиенор занимают почетные места на хорах, а епископ читает торжественную мессу Троицы и произносит над ними особое благословение. "Пусть эта женщина, - произносит прелат, - будет приветлива, как Рахиль, мудра, как Ребекка, верна, как Сара. Пусть она будет трезвой через истину, почтенной через скромность и мудрой через учение Небес".

Так, наконец, заканчивается месса. Запеваются "Agnus Dei". Жених подходит к алтарю и принимает от епископа поцелуй мира. Затем он поворачивается и прямо у подножия большого распятия обнимает свою жену и передает ей поцелуй. Этот акт завершает церемонию. Вся компания выходит из церкви. Они были обречены на молчание в течение почти двух часов и теперь рады стрекотать, как сороки. Вернувшись в Сент-Алике, они обнаруживают, что большой зал выметен, убран и украшен как никогда прежде. Стены зала увешаны гобеленами с картинками или красивыми кусками красного и зеленого шелка. Ноги сминают свежие розы и лилии, рассыпанные по полу. Алиенор едва не лопается от восторга при виде множества высокородных кавалеров и дам, которые подбегают к ней, чтобы поцеловать и поздравить. Всю оставшуюся жизнь она будет устраивать свадьбы со своими друзьями: "На моей свадьбе было столько графов и баронов". "Но у меня их было так много!"

Все эти гости, однако, ожидают получить подарки - бляхи, мантии, кубки и прочие вещи, каждая из которых соответствует своему адресату. Хорошо, что Конон приберег в своей шкатулке много ливров. Вручение подарков хозяином дома - это целая церемония, каждый предмет должен сопровождаться хорошо поставленной речью. К тому времени, когда этот

прием жениха и невесты заканчивается, раздаются неистовые звуки труб. Они возвещают, что в благоухающем саду под деревьями уже готов пир. Для новобрачных и более высокопоставленных гостей сооружен прекрасный шатер из голубого шелка. Все остальные должны сидеть за длинными столами, открытыми солнечным лучам.

Брачный пир

Что едят и пьют гости мессира Конона - тема настолько серьезная, что мы должны рассказать о ней отдельно. Здесь же мы говорим лишь о свадебных торжествах. Оливье и Алиенору прислуживают два барона в качестве государственных оруженосцев. Жених пьет из большого кубка, затем передает его жене, которая торжественно допивает напиток. В шатре невесты царит благопристойность, но в других местах (блаженные мученики!) какой шум и суматоха! Все холопы, похоже, в сборе, а мещане даже приехали из Пондебуа. Негоже, чтобы люди говорили: "Невеста была очаровательна, но ее брат поскупился на гостеприимство". Еды и питья наедается и выпивается столько, что хватит, чтобы избежать голода следующей зимой. В первой части пира жонглеры молчат; позже они зарабатывают свой ужин, распевая о любви Журдана и Орабеля или о Берте, которая была верной женой Жирара Руссильонского во всех невзгодах своего господина. За многими столами шутки и скачки приобретают невыразимо грубый характер. После распития вина ссорятся два мелких дворянина; один ударяет другого кубком, но сержанты разнимают их, прежде чем они успевают выхватить шпаги.

Через три часа после этого некоторые гости спят под деревьями; но те дворяне, которые сохранили рассудок, переходят в другой большой шатер и, несмотря на обильную трапезу, танцуют с бодростью. Ожидается, что жених и невеста будут танцевать вместе, и все готовы восхищаться красотой одного и грацией и силой другого. С наступлением вечера появляется священник. Он торжественно благословляет усыпанную розами брачную кушетку, а новобрачные благочестиво преклоняют колени. Диван затем "кадят" как алтарь, а женщины-гости присоединяются к причудливому обычаю "укладывания невесты в постель".

На следующее утро после бракосочетания новобрачные посещают мессу в замковой часовне. Здесь они должны наедине произнести всевозможные клятвы хорошего поведения, а Алиенор особенно обещает всегда слушаться своего мужа и называть его покорно "мон сир" и "мон барон".

Празднества продлятся еще две недели и завершатся наречением рыцарей и турниром, о котором мы расскажем чуть позже. После этого Оливье и его жена уедут в свой бургундский замок, не оставив ничего похожего на медовый месяц в чужих краях.....

Итак, они празднуют свадьбу в Сент-Алике. Это далеко не любовный поединок более позднего времени, но все же есть достойная надежда на счастье для двух самых заинтересованных людей. Со времен Греции и Рима в мир проникает новый дух в отношениях мужчин и женщин, и если этот дух слишком часто проявляется в незаконных романах, то это уже что-то, если романтическая любовь вообще может существовать, и если, кроме того, во многих случаях (как уже любят говорить нам жонглеры), их история может гласить, что "таким образом эти двое были обвенчаны, и навеки жили вместе счастливо".

Уже в 1160 году трубадур из Южной страны Бернарт де Вентадун пел о великом мотиве, который должен придать миру красоту:

"Ибо воистину я знаю
Нет более тонкой страсти под небесами.
Чем девичья страсть к деве;
Не только сдерживать низменное в человеке,
но и научить высоким мыслям и приятным словам,
И учтивости, и желанию славы.
И любви к истине, и всему тому, что делает человека мужчиной!"

ССЫЛКИ:

[24] Конечно, северный климат и тот факт, что германские племена носили много одежды из шкур и кожи, были способствующими факторами.

[25] Из средневекового трактата "Наставления юной леди".

[26] Таким образом, любовные истории трубадуров и романтиков, скорее всего, вращались вокруг очень молодых и взбалмошных людей. Если они пережили этот критический период юности, то, скорее всего, до конца жизни останутся степенными и трезвыми.

[27] Насколько серьезной могла быть проблема "запретных степеней", показывает случай с благочестивым Людовиком VII Французским, который выдал замуж свою жену, великую наследницу Элеонору Аквитанскую, потому что был пятым по происхождению от Хью Капета, который женился на сестре прапрадеда Элеоноры. Разумеется, брак оказался не очень дружелюбным еще до того, как был поднят этот вопрос.

[28] Дружья редко ходили рука об руку. Два человека одного пола или разных полов шли, держась за руки, или, если они были особенно дружелюбны, один вел другого за палец.

Глава VII: Кулинария и трапеза.

Бог царствует на небесах, и если кто-то желает свадьбы и турнира, то, хотя первая мысль должна быть о одежде, вторая - о еде и питье. Когда Конон велел Аделе готовиться к празднику, та сразу же послала за дворецким и погребальщиком и проверила, все ли спрятано в больших хранилищах под замком. Затем она приказывает главному егерю собрать всех своих загонщиков и отправиться в лес, но не ради спорта, а ради пропитания. В то же время в Клере расставляют сети, из Пондебуа приходят поставщики с телегами, а в Труа даже отправляют гонца, чтобы привезти тонну редкого греческого вина. Всех свободных служанок из деревни реквизируют для приготовления великолепных пирожков, а для приготовления особых тортов и пирожных из Парижа привозят мастера-повара. Словом, даже для огромного дома Сент-Аликуа не составляет труда накормить несколько тысяч человек без помощи тех чудес, благодаря которым во времена Господа Бога хватало пяти хлебов и двух рыб.

Для пира барона не хватает большого камина в поварне. Они разводят костры под открытым небом во дворе или в саду, и весь день вспотевшие варлеты корпят над большими поленьями, на которых жарятся на длинных вертелах куры и гуси или варятся котлы с мясом. В поварне, где готовятся самые изысканные блюда, у мастера-повара есть настоящий арсенал утвари - кастрюли, , ступка и пестик, стол для измельчения трав, крюки, котлы, сковороды и решетки, сотейники, тарелки, мельница для перца, разделочная доска, шумовка, половник и много чего еще. В помощи на кухне недостатка нет. Полдюжины буйных мальчишек с удовольствием трудятся там целыми днями (получая, кстати, немало тумачов от повара) в обмен на то, что им разрешают лизать сковородки и грызть объедки - так дешев человеческий труд.

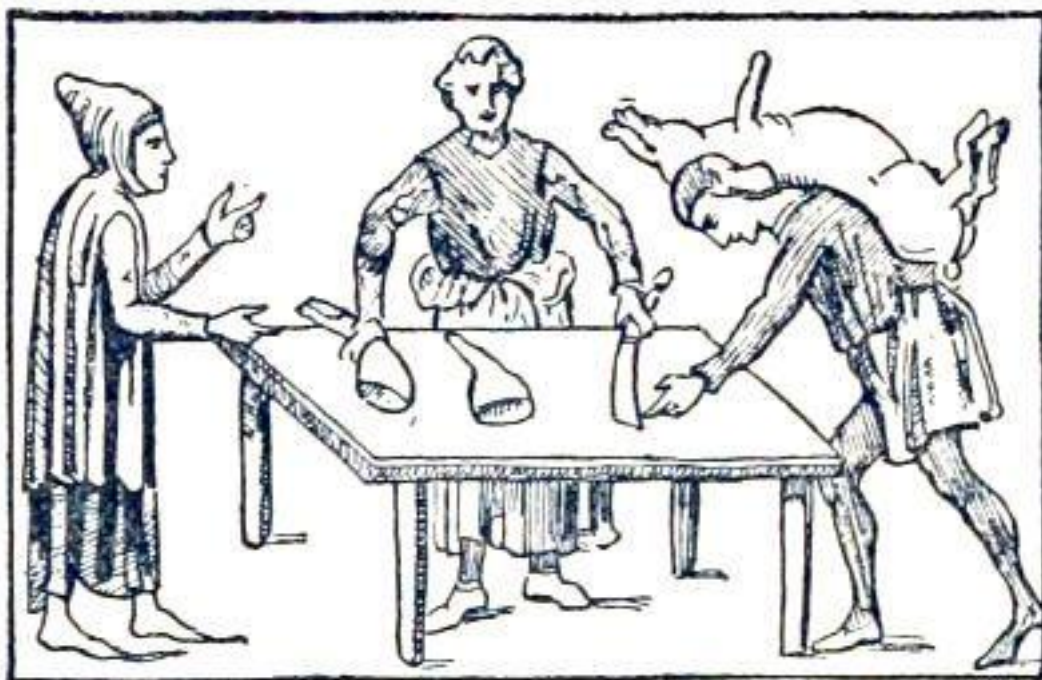
Кулинария и трапеза

КУЛИНАРИЯ

Из рукописи Бодлианской библиотеки в Оксфорде (Райт).

В обычные дни мы бы удивились количеству вареного мяса, подаваемого в Сент-Аликисе. Единственный способ сохранить мясо - это посолить его (чаны замка полны соленого мяса, которое хранится на зиму или во время осады), и это мясо обычно варится. В результате огромный медный котел для мяса, кажется, всегда в действии, а мальчик качает мехи, чтобы заставить котел бурлить. Но часто варят и птицу, и свежее мясо. Мясо мясника, однако, менее желанно на пирах, чем дичь. Идеальное блюдо - олень, зажаренный целиком в большом камине, с хрустящей корочкой и салом, затем разрезанный на четвертинки и поданный на очень больших тарелках. На такие блюда льют горячий, исходящий паром перечный соус. Поэтому на свадебном банкете, помимо многих других видов отборной дичи, будет подаваться олень.

МЯСНИКИ

СВИНИНЫ (БУРЖ)

Поскольку льда нет, несоленое мясо нужно есть сразу после убийства, хотя ваш феодальный эпикуреец не брезгует ничем. Говядину и баранину часто убивают, разделывают и готовят почти на месте. Есть история о мяснике, который, приехав поздно в город, поселился в доме священника, а чтобы заплатить за жилье, убил овцу, которую съели на ужин. Но, пожалуй, самым распространенным мясом является свинина. В Кононе огромные стада свиней откармливаются в дубовых лесах, которые дают обильный урожай желудей. Свиньи, кажется, проникают почти повсюду, кроме покоев мессира и мадам. Они - всеобщие падальщики и, по-видимому, заменяют собой водопровод и канализацию. Они населяют дворы замков и улицы городов. В 1131 году наследный принц Франции был убит в Париже свиньей, которая пробежала между ног его лошади, когда он ехал от Отель-де-Виль к церкви Сен-Жерве. Люди скажут вам, что свинина способствует проказам, но, тем не менее, они ее едят. Свинина также является основным веществом тех больших колбас и черных пудингов, которыми все наслаждаются, особенно на Пасху, когда вы нарушаете пост, употребляя как можно больше тяжелой пищи. Телятина тоже желательна, как и мясо детей; но ягненок далеко не в фаворе.

Почти все виды птиц считаются съедобными. Предпочтение отдается цаплям, журавлям, аистам, бакланам и тем птицам, которых могут поймать ястребы, но вороны считаются очень хорошей пищей. Стая величественных лебедей у устья Рапиды только что опустела, ведь этих элегантных птиц держат скорее для кухни, чем для украшения. Что касается мелкой птицы - дроздов, скворцов, дроздов, перепелов, куропаток и кукушек, - то варлеты могут натаскать их как можно больше, используя арбалеты и силки. Молодые кролики также приветствуются, но старые кролики слишком суровы, чтобы их можно было использовать в рационе наименее разборчивых холопов. Всем известна поговорка: "Старый заяц и старый гусь - пища для дьявола!".

В окрестностях Сент-Аликиса много домашней птицы. Большинство христиан считают, что птицы имеют водное происхождение, поэтому их, как и рыбу, можно есть в постные дни, хотя церковь выступает против этого мнения и постепенно преодолевает его. Куриц откармливали к празднику, закрывая их в темных курятниках и откармливая. С полей слетаются толпы

гусей, огромные армии, толпящиеся на узкой дороге, шипящие и кусающиеся, но все они неуклонно движутся вперед под треск кнутов маленьких гусынь. В дикой природе предпочитают уток; но на площадке для упражнений несколько павлинов нахохлились, и по крайней мере двух из них сейчас принесут в жертву, чтобы приготовить праздничное блюдо для высших сеньоров, ведь павлины считаются особой "пищей для храбрых". Действительно, есть старая пословица, что "воры имеют такой же вкус к фальши, как голодный человек к приготовленному павлину".[29]

Рыба вряд ли пользуется большим спросом. В многочисленные постные дни ее, скорее всего, будет слишком много. Тем не менее, из Клера они вылавливают отличных барбелей и угрей; в ближайшем пруду водится карп, а в ручьях, питающих Рапиду, - великолепная форель. Парни приносят много рыбы. Если вы поедете в Париж, то сможете поесть соленой сельди, добытой в Северном море. Кроме того, всю весну жители Сент-Аликуа питаются лягушачьими лапками из крепостного рва и многочисленных болот, а в Кононе есть "улиточная грядка", где во время Великого поста и по пятницам готовят улиток для гарниров и салатов.

Дикие птицы и домашнее мясо

Невозможно долго пробыть в замке и не узнать, как важен суп. Его едят не менее двух раз в день: "сушеный горох и вода с беконом", суп с водяным крессом, щи, сырнй суп, "суп бедняка" (приготовленный из вещей, собранных за короткое время), а также рыбные супы в Великий пост. Все лучшие супы приправляются майораном, шалфеем и сладким базиликом, а то и любимой приправой - перцем. Но что такое супы по сравнению с мясными пирогами? Всякий раз, когда замковый повар сомневается, чем порадовать их светлость, он решается на благородный пирог. На эту тему было сконцентрировано много размышлений.

Неграмотные повара должны выучить наизусть небольшие стихи, объясняющие этот триумф их тайны, *например*, что они должны использовать "трех молодых куропаток, больших и жирных, не забывая о шести перепелках, положенных на бок"; добавить к ним дроздов, немного бекона, кислого винограда и немного соли. Если все сделано правильно, корж хорошо раскатан из чистой муки, а "печь правильно разогрета и на дне нет золы", то когда все достаточно пропечется, "у вас будет блюдо для пиршества"! Другие пирожки можно приготовить из курицы, оленины, лосося, угря, голубя, гуся и других видов мяса. Наверное, на приготовление пирожков уходит больше энергии, чем на любой другой вид кулинарных усилий.

Жители Сент-Алики вовсе не вегетарианцы, но они не могут есть мясо вечно, а более бедные крестьяне редко прикасаются к мясу, только по важным праздничным дням. В распоряжении поваров лук и чеснок, капуста и свекла, морковь и артишоки, чечевица и фасоль, горох, репа, салат, петрушка, водяной кресс-салат - словом, почти все овощи той эпохи, кроме важнейшего картофеля. Репа в фаворе и фигурирует в гораздо большем количестве диет, чем это будет происходить в дальнейшем. Капуста тоже пользуется спросом: есть римская белая капуста, огромная пасхальная капуста и особенно сенлисская капуста, известная своим превосходным запахом. Считается, что огурцы вызывают лихорадку, но Герман выращивает их в саду для салатов.

Как всегда, хлеб - это жизненная сила. Естественно, холопы вынуждены использовать очень грубую муку из ячменя, ржи или овса - получается черный хлеб, перед которым благородные люди содрогаются. Одним из признаков достатка мессира является то, что все его домохозяева обычно питаются белым хлебом. В замковых печах пекут самые разные хлеба - огромные "папские" или "рыцарские", поменьше "оруженосцев" и маленькие "варлетские",

или булочки. Есть мягкий хлеб из молока и масла, собачий хлеб и двухцветный хлеб из чередующихся слоев пшеницы и ржи. Есть и столовые буханки - большие куски хлеба, которые раскладывают по столам и с которых учтивые кавалеры срезают ножом всю корку, а остаток передают дамам, своим спутницам, чтобы те размачивали его в супе. Слугам достается менее отборный обычный хлеб, хотя он все равно пшеничный. Наконец, есть дважды испеченный хлеб, или крекеры. Их часто используют в монастырях, а также для снабжения замков при осаде.

Хлеб, выпечка и сыр

В моду входят причудливые желе, выпечка и сладкие блюда, хотя они еще не достигли того совершенства, которого достигла более поздняя французская кулинария; но к празднику святого Аликиса они могут приготовить большие лепные конструкции львов и солнц, сделанные из белого куриного мяса и розового желе. Количество используемых специй просто огромно. Наслаждаться едой с таким количеством специй, особенно перца, - это приобретенный вкус, который сформировался после Первого крестового похода. Повара также обильно используют горчицу, а любимый соус готовят из крепкого чеснока. Из Прованса привозят свежие и маринованные оливки, а также много оливкового масла; но масло, используемое в обычной кулинарии, часто добывают из грецких орехов или даже из мака. Еще одна любимая приправа - розовая вода. Весь июнь вы можете видеть большие тазы с водой, наполненные лепестками роз, которые настаиваются на солнце. Полученный таким образом ликер будет добавлять изюминку в соусы в течение следующих двенадцати месяцев. Существует также некое беловатое вещество, известное как "сахар". Его привозят из Леванта в виде небольших неправильных комочков. Его вкусовые качества восхитительны, но он слишком дорог, чтобы использовать его в кулинарии. Небольшое количество передается среди высоких гостей Конона, чтобы их съели в качестве конфет. Обычным подсластителем по-прежнему остается тот, которым пользовались греки и римляне, - мед, поставляемый из хорошо сохранившихся ульев пчел, принадлежащих монастырю.

Сыры почти не участвуют в праздниках, но для повседневного рациона они очень важны. В праздничные дни они часто заменяют мясо. Их разновидностей множество - белые, зеленые, большие, маленькие и т. д. В некоторых местах производят знаменитые сыры, которые экспортируются по всей Франции, а в Париже можно услышать, как уличные торговцы пронзительно скандируют:

"Покупайте мой сыр из Шампани, или мой сыр из Бри!".

Что касается яиц и масла, то это дары добрых святых, которые помогают людям пережить Великий пост и постные дни. Богословы утверждают, что куры, как и другие птицы, являются водными существами, поэтому добрые христиане могут свободно есть их яйца. Но сливочное масло (по какому-то непонятному представлению), если его едят во время воздержания, должно быть свежесбитым. Его нельзя солить и использовать для приготовления пищи.

Переходя к напиткам, следует сказать, что жители Сент-Аликиса - довольно воздержанный народ. Все они иногда напиваются, даже Адела и Алиенор, но лишь изредка. Слуги Конона помогают ему лечь в постель раз или два в год. В деревнях среди крестьян случаются позорные гулянки, особенно в дни святых. Но эти напитки не очень алкогольные - чтобы сильно расстроиться, нужно много выпить. В регионе выращивают собственное вино для обычного потребления, а небольшое его количество поставляется в Париж и даже во Фландрию и Англию, наряду с более известными сортами вина из Гаскони, Сентонжа, Макона, Реймса, Марны и Орлеана. Самое желанное французское вино - Сен-Пуркен из

Оверни, и барон бережно хранит в своих погребах тун. О вине из Сен-Пуркена слагают поэмы, восхваляющие его, "которое пьют для здоровья". Однако по большим государственным праздникам используются импортные вина, главным образом потому, что они необычны и дороги. Поэтому пирующим в честь святого Аликиса предлагают пьянящие кипрские и лесбийские вина из Леванта, а также аквилонские из Испании и немного рейнских из менее отдаленных немецких земель.

Вино, пиво и другие напитки

Осенью, когда поспевают яблоки и груши, крестьяне готовят сидр и перри и напиваются до беспамятства, когда эти напитки становятся крепкими; но за пределами Нормандии такие напитки редко привлекают замковых людей. Также в обиходе множество заменителей вина, которые на самом деле являются настоями полыни, иссопа и розмарина и принимаются в основном для очищения организма; хотя "нектар" из пряностей, азиатских ароматических веществ и меда действительно пользуется спросом.

Большим конкурентом вина является пиво. На севере Франции мы находимся в зоне разделения между землей виноградников и землей пивоварен. Все пьют пиво и делают его. В замке есть большая пивоварня, в монастыре - тоже. Пиво варят из ячменя, и только в конце Средневековья добавляют хмель, чтобы придать пиву изюминку. По-настоящему хорошее пиво - *god-ale* (от немецких "хороший" и "эль") или "двойное пиво". Обычное пиво - "маленькое пиво". С тех пор как крестоносцы вернулись с Востока, все большее распространение получает пиво с пряностями: в него добавляют можжевельник, смолу, горечавку, корицу и тому подобное, пока первоначальный вкус не будет полностью уничтожен.

Однако жители Сент-Аликиса не пренебрегают пахтой. Ее они любят заквашивать, варить с луком и чесноком, а затем охлаждать в закрытом сосуде. Получается *серат*, насладиться которым чужестранцу наверняка будет непросто.

Еще один вид напитка не совсем неизвестен. Некоторые врачи прописывают золотую воду и утверждают, что она "продлевает здоровье, избавляет от лишних дел, оживляет дух и способствует молодости". Кроме того, она "значительно помогает в лечении колик, водянки, паралича и агонии". Несомненно, он помогает пациенту на время забыть о своих проблемах. Однако это не более чем дорогостоящее лекарство. Спустя много лет оно станет более распространенным, но его название будет заменено на "бренди".

Польза даже большого ужина во многом зависит от обычаев повседневной жизни. Невозможно понять великолепие брачного пира сира Оливье и Алиенора, не зная, что регулярно происходит в зале Сент-Алики.

Когда начинается день, мы видели, как все встают на очень легкий завтрак из хлеба и вина, хотя иногда, как в эпосе Дуна Майенского, когда работа обещает быть тяжелой, оруженосец барона может принести ему любимое пирожное, потому что "еда рано утром приносит здоровье и придает больше мужества и духа". Ужин, как мы выяснили, может начинаться уже в девять утра, и большая часть дневных дел происходит после этой тяжелой трапезы. Иногда, когда ужин затягивается, вы не подаете гостям обычный ужин, а когда они ложатся спать, просите прислугу принести пирожные, фрукты и вино. Однако если вы принимаете гостей, всегда следует стараться, чтобы они ели и пили как можно больше. Существует история о негостеприимном графе Гинесе, который не только заставлял любого рыцаря, проезжавшего через его владения, пировать, но и держал под рукой большое количество белого вина, чтобы, если гости попросят разбавить их красное вино водой, их можно было обмануть,

увидев белую жидкость в их кубках. Таким образом он однажды привел в великолепное опьянение всю свиту епископа!

Изобретательный Бартоломеш из Гранвиллы сформулировал следующие требования к идеальному банкету: (1) подходящий час, не слишком ранний и не слишком поздний; (2) приятное место; (3) любезный и либеральный хозяин; (4) много еды, чтобы можно было выбирать блюда; (5) то же самое в отношении напитков; (6) желающие слуги; (7) приятная компания; (8) приятная музыка; (9) много света; (10) хорошая кухня; (11) своевременное завершение; (12) тишина и покой после. Брачный пир и турнир вряд ли могут обеспечить это двенадцатое условие, но они должны, при правильном управлении, обеспечить все остальное.

Обслуживание за столом

СЛУГИ, ПРИНОСЯЩИЕ ЕДУ К СТОЛУ

Из рукописи XIII века, хранящейся в Мюнхенской библиотеке (Шульц).

Столы для знати накрывают и сервируют два класса слуг: во-первых, три оруженосца Конона, которым по такому торжественному случаю помогают несколько молодых дворян, получивших рыцарское звание; во-вторых, старшие профессиональные слуги из числа холопов. Первый класс слуг блистает в одеяниях из цветного шелка с меховой отделкой. Большинство блюд им будут передавать трезвые холопы, а затем преподносить на коленях благородные руки знатым гостям. Всем этим процессом занимается сир Юстас, старый сенешаль, который отдает приказы своим взводам прислуги с такой же точностью, с какой он мог бы отдавать приказы вооруженным людям для защиты замка.

Частью образования оруженосца является умение прислуживать за столом. Возможно, это придется делать для какого-нибудь начальника всю жизнь, если только он не станет королем или императором! Сквайров Конона учат стоять непринужденно, не закатывать глаза и не пялиться в пустоту, не смеяться, только если смеются гости, держать ногти чистыми, а руки хорошо вымытыми. Если они сами садятся за стол, то являются образцами приличия. Они не поглощают пищу, а кладут немного с каждой тарелки в корзину для сбора остатков для бедных; не болтают, не набивают рот до отказа, не жуют сразу с двух сторон, не смеются и не говорят с набитым ртом, не шумят, переедая, не обращаются с кошками и собаками во время еды, не вытирают ножи о скатерть, не ковыряют в зубах, не вытирают нос пальцами, не плюют через стол или за него (последнее, но не менее важное).^[30]

Столы почти всегда длинные и узкие. В большом зале они стационарные, из тяжелых дубовых досок, но есть множество легких столов из досок, которые можно поставить на лошадей, если сенешаль вдруг скажет: "Погода прекрасная, мессир будет обедать в саду". Благосклонным гостям предоставляются подушки, и, конечно, в зале барон и его ближайшие друзья и родственники сидят на длинном хозяйском кресле на помосте, лицом к компании, и с креслом самого барона под балдахином. Этот балдахин - знак высокой сеньориальной привилегии. Его ставят для Конона, даже когда он сидит в саду; и он никогда не уступит своего места, кроме как в гостях у вышестоящих, например у своего сюзерена герцога, или когда, как сейчас, все остальные претензии меркнут перед претензиями новобрачных.

Накрыть стол в помещении или на открытом воздухе - искусство не из дешевых. Огромные скатерти должны быть расстелены ровным слоем, а салфетки аккуратно сложены вдвое; также на каждом месте должен стоять подходящий сосуд для питья, нож и ложка. Эти предметы, золотые или серебряные, аккуратно раздает сенешаль. Они составляют значительную часть переносного богатства замка и должны быть тщательно пересчитаны до и после использования. Ножи - это острая сталь для серьезных дел. Кубки для питья часто имеют причудливые формы - львы, птицы, драконы, а для более скромных людей есть огромные кубки из дерева, а также большие "джеки" из кожи. На каждом месте также должна быть лепешка хорошего размера из белой муки, а между двумя местами - большой порринджер (оловянный или серебряный), который должен быть общим для каждой пары гостей.

Вход в столовую

Праздничный день или постный, но именно громкий звук труб заставляет и сильных, и скромных людей устремляться в сад или в зал. Конечно, на свадебном пиру не обойтись без формальностей, но обычно в доме Сент-Аликиса добродушная толкотня и беготня просто непомерна. Мужчины и женщины живут близко к природе и всегда помнят о разбуженном аппетите. В обычные дни, войдя в зал барона, вы занимали очередь в умывальник, расположенный недалеко от входа. Здесь стояло несколько маленьких умывальников с кувшинами и тазами, и все становилось в очередь в порядке старшинства: сначала приезжие священнослужители, потом приезжие рыцари, потом семья сеньора и т. д. Мытье рук представляет собой прекрасную возможность для флирта среди молодежи: Оливье и Алиенор с большим удовольствием передавали друг другу полотенце во время помолвки. Но вот на большом празднике, когда вы входите в специальный пиршественный шатер, вас встречают два симпатичных варлета. Первый держит кувшин с водой и маленький тазик. Вода ловко льется на пальцы, а затем быстро вытирается вторым варлетом, и каждый гость терпеливо ждет, пока все впереди стоящие не воспользуются этой любезностью. И вот они входят в шатер, а магнаты занимают почетные места.

Размещение компании было предметом серьезного обсуждения между мессиром Кононом и мудрецом сиром Юстасом. Разумеется, сегодня жених и невеста занимают почетные места под балдахином. По правую руку от Оливье должен стоять епископ. Справа от епископа должен быть сюзерен герцог Квелькепарт, а слева от Оливье - невеста и граф и графиня Персиньи. Все это стандартизировано. Но как быть с дюжиной других графов и баронов, которые вместе со своими дамами оказали честь новобрачным? Потерпит ли теперь старый соперник Фореворт, если его усадят дальше от балдахина, чем графа Марика, который богаче и принадлежит к более древнему дому? Кровавые междоусобицы начинались из-за неумения правильно рассадить гостей. Это вопрос высшей дипломатии. По возможности рядом с каждым кавалером сажают даму. Они будут пользоваться одним блюдом и одним

кубком в течение всего пира - очевидно, это еще один случай, когда при выборе партнеров приходится проверять свои мозги.

Сервировка банкета

МОЛОДЫЕ ДЕВУШКИ ИЗ ЗНАТИ, ПРИСЛУЖИВАЮЩИЕ ЗА СТОЛОМ

Из рукописи XIII века, хранящейся в Мюнхенской библиотеке (Шульц).

Так начинается пир после благословения епископа. Начинается бесконечная процессия между поварней и пиршественным залом - мальчики бегут с большими блюдами, которые они передают более официальным слугам, чтобы те передали их гостям. Это торжественный момент, сменяющийся ликованием, когда в шатер невесты под звон кимвалов и звуки труб входит сир Юстас в ярко-алом одеянии, размахивая белым жезлом, а за ним все оруженосцы и старшие слуги, каждый из которых несет на плече огромное блюдо с каким-то яством. На стол ставят огромный оленин окорок. Резчик барона отрезает широкие куски, а два жонглера дуют в свои флейты. Он держит мясо "двумя пальцами и большим пальцем" (без вилки), орудуя большим ножом, как хирург скальпелем. Не меньшего мастерства требуют и виночерпии, когда наполняют флаконы, не проливая ни капли. Даже жених и невеста уже проголодались и готовы к оленине.

Банкетчикам почти не нужны тарелки. Они берут готовые буханки, нарезают их толстыми ломтями, кладут на них куски мяса, а затем нарезают мясо, пока оно лежит на хлебе. Эти "траншеи" (*tranchoirs*) обычно не едят на пиру; они попадают в большую корзину для бедных, вместе с мясными обрезками. Однако сегодня высокие гости наслаждаются роскошью. Под их хлебные траншеи ставят серебряные тарелки. Для большинства гостей, однако, голая скатерть - достаточное дно для этих заменителей фарфора другого дня. Все, что не попадет в корзину для подаваний, будет съедено собаками барона, которые присутствуют на каждой трапезе по праву предписания. И действительно, в самом начале пира герцог Квелькепарт благосклонно бросает кусочек оленины прекрасной борзой.

Время не успевает повторять все те вкусы, которые Конон и Адела ставят перед своими гостями. Идея состоит в том, чтобы искушать аппетит до полного пресыщения, навязывая пирующим сначала одно блюдо, а затем другое. На самом деле последовательность блюд не слишком удачна. Большинство блюд тяжелые, а так как овощи пользуются большим спросом на общих праздниках, средний банкет кажется одной чередой сортов мяса. Благородные люди в свадебном павильоне, по крайней мере, имеют шанс наесться досыта:

Типичные счета

Первое блюдо: Кусочки оленя, кабанья голова, приправленная травяным соусом, говядина, баранина, свиные ножки, лебедь, жареный кролик, пирожные из теста.

Второе блюдо: Потас "дроп и роза" из кряквы, фазана и жареного каплуна, паштеты из мелкой птицы.

Третье блюдо: Кролики в подливке, сильно приправленной луком и шафраном; жареные чирок, вальдшнеп и бекас; пирожки с начинкой из желтка яйца, сыра и корицы, а также пирожки со свининой.

Ни салатов, ни мороженого, ни кондитерских изделий; тем не менее, некоторые блюда превосходны - особенно лебедь, которого еще раз вносят под музыку, выложенный, как будто он живой и плавает, его клюв позолочен, тело посеребрено, он покоится на зеленом тесте, чтобы изобразить травяное поле, и с маленькими знаменами вокруг блюда, которое ставят на ковер из шелка, когда его ставят на стол. Повара могли бы также подать павлина с расправленным оперением. Но ближе к концу трапезы два оруженосца втаскивают огромный пирог. Под ожидаемую тишину Конон поднимается и разрезает пирог кинжалом. Мгновенно вылетает десяток маленьких птичек, которые начинают метаться по шатру; но тут же у входа появляются сокольники барона, ухмыляясь. Они отряжают второй десяток ястребов, которые в мгновение ока набрасываются на несчастных птичек и убивают их, под крики и восторг пирующих, прямо над столами. Неизбежно возникает путаница, шуршание дам и веселая возня, прежде чем квакающих ястребов удастся поймать, накинуть на них капюшоны и унести. Вообще, с самого начала пиршество проходит очень шумно. Все говорят одновременно. Появление оленя положило начало бесчисленным охотничьим историям. Герцогу приходится рассказывать своим верным сеньорам, как он завалил медведя. Две собаки барона затевают драку и чуть не расшатывают кресло графини. Все очень весело.

ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫЙ ПИР В ДВЕНАДЦАТОМ ВЕКЕ

Во время трапезы было принято вносить огромные паштеты, в которых находились маленькие живые птички: они разлетались по залу, когда корка паштета разламывалась; тут же слуги выпускали соколов, которые пускались в погоню. Эта часть пиршества представлена здесь.

Если бы в так называемый постный день потребовался изысканный ужин, повара могли бы удовлетворить его и при этом не нарушить предписаний Церкви, хотя в этом случае было бы не только много рыбы, но и больше овощей. Гостям подали бы печеные яблоки, украшенные щавелем и розмарином; затем можно было бы подать богатый суп из форели, сельди, угря, засоленного двадцать четыре часа, и путассу, вымоченной двенадцать часов, миндаля, имбиря, шафрана и порошка корицы. Если бы можно было доставить их из океана, то в ход пошли бы солес, конгер, тюрбо и лосось - в любом случае их можно засолить, а реки, в свою очередь, поставляют щуку (лучше всего с икрой), карпа и леща. На гарнир можно подать миногу, морскую свинью, скумбрию и шэд с соком крабовых яблок, рисом и жареным миндалем. В заключение можно подать тушеные или спелые фрукты - фиги, финики, виноград и филберты; все это запивалось вином со специями (гиппокрас). Уму людей более позднего времени этот ужин в постный день может показаться лишь чуть менее обильным, чем ортодоксальное пиршество с мясом.

Но как бы ни был изощрен этот свадебный банкет, в конце концов все наелись досыта. Завершающие печеные груши, очищенные грецкие орехи, финики и инжир были съедены. Знатные дамы дожевали свои незнакомые сахарные сливы. Последний кубок вина со специями передан по кругу, но никто не выпил слишком много, чтобы стать хуже, чем весело болтливым. Перед тем как подняться, все гости, как положено, "подумали о бедных", позвали слуг и разложили все оставшиеся блюда на большие тарелки, чтобы сохранить их для нуждающихся. Сегодня, в сущности, все неимущие в округе прожорливо едят за дальними столами, но на следующий день после праздника вы увидите огромное скопление нищих, больных и безработных, слоняющихся вокруг барбакана в ожидании, что Конон и Адела отдадут приказ о раздаче.^[31]

Наконец епископ благодарит; тазы, кувшины и полотенца снова разносятся. Затем гости поднимаются: одни - чтобы пообщаться с менее именитыми посетителями снаружи, другие - чтобы отдохнуть под тенистыми деревьями, третьи - чтобы послушать жонглеров, которые сейчас настраивают свои инструменты, а многие (особенно молодые) - чтобы подготовиться к тому, что, как мы видели, им нравится едва ли не больше всего, - к чрезвычайно энергичным танцам.

За пределами государственного павильона служба, естественно, была менее торжественной, а блюда - менее роскошными, но все деревенские жители были рады заглянуть в сады замка и принять участие в празднике. Жирные, неопрятные холопы протискивались локтями к длинным столам, выхватывали куски мяса, кричали слугам, чтобы те наполнили их кожаные флаконы, и с возмутительной расточительностью разбрасывали куски сыра и хлеба. Тысячи людей, многие из которых, очевидно, будут счастливы, если смогут всю зиму есть черный хлеб, пытаются сегодня отомстить за прошлый голод, поглощая и выпивая как можно больше. Сир Юстас непрерывно взывает: "Еще тун вина! Еще чан пива! Еще четверть пива!" Эти яства для толпы не отличаются разнообразием, но хлеб, мясо и питье есть без ограничений. Счастье, что у Конона нет двух замужних сестер, иначе на сеньории не осталось бы ничего съестного!

По мере того как тени удлиняются, все кажутся довольными. Холопы и мелкие дворяне откладывают свои флажоны. Группы друзей, если они достаточно трезвы, начинают петь песни по кругу, каждый участник импровизирует куплет, а группа подхватывает припев. Но многие из гостей не сохранили достаточно ума для развлечений. Пока их благородные хозяева танцуют, остальные компаниями бросаются на траву, чтобы посмотреть или послушать жонглеров: когда свадебные танцы заканчиваются, Оливье и Алиенор выходят из большого шатра, чтобы занять свои места на усыпанных цветами стульях перед главными менестрелями, и своим присутствием придают некоторую благопристойность тому, что грозит стать постыдно сумбурным и грубым видом пиршества.

На большом празднике жонглеры, по сути, почти так же незаменимы, как и повара. Теперь нам остается задать вопрос о природе северофранцузских менестрелей.[\[32\]](#)

ССЫЛКИ:

[\[29\]](#) Павлины, как особенно желанная домашняя птица, практически заняли место индейки более поздних времен.

[\[30\]](#) Существование многих из этих запретов в руководствах по этикету показывает, что они не были лишними.

[\[31\]](#) См. с. 275.

[\[32\]](#) О том, что в Средневековье для общественного пира требовалось всего лишь угощение, свидетельствует следующая запись о гостеприимстве, оказанном архиепископом Йорка (Англия) в 1466 году. Нет никаких оснований полагать, что такое щедрое "кормление толпы" не было довольно распространено и во Франции чуть раньше.

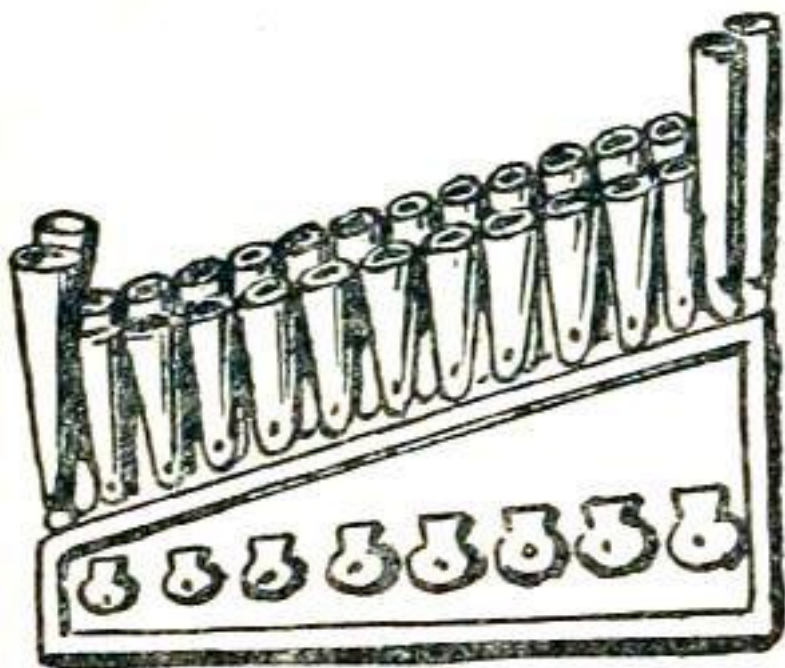
Для этого праздника, согласно официальным документам, требовалось "300 четвертей пшеницы, 300 туннов эля, 100 туннов вина, 104 вола, 100 овец, 304 теленка, 304 свиньи, 400 лебедей, 2000 гусей, 1000 каплунов, 2000 свиней, 100 дюжин перепелов, 4000 крякв и чирков, 204 журавля, 204 малыша, 2000 обычных кур, 4000 голубей и более 500 оленей, козлов и косуль". Кроме того, было приготовлено "4 000 холодных пирожков с олениной, 3 000 блюд с желе, 4 000 печеных пирогов, 1 500 горячих пирожков с олениной, 2 000 горячих заварных кремов" и пропорциональное количество специй, подслащенных деликатесов и вафельных тортов.

Очевидно, архиепископ намеренно планировал накормить все население значительной территории Англии. Разумеется, изображенное здесь гостеприимство Конона не имело ничего общего с этим.

Глава VIII: Жонглеры и светская литература и поэзия.

Жители Сент-Аликиса любят музыку. Очень желательно, чтобы кавалер обладал богатым голосом и умел бренчать на арфе. Эймери, который скоро станет сиром Эймери, умеет петь и играть не хуже многих менестрелей. Адела проводила много часов за скрипкой и маленьким портативным органом, пока семейные заботы не отнимали у нее время. Пять или шесть слуг занимают свои места главным образом потому, что могут так прекрасно играть на импровизированных танцах, которые Конон устраивает по любому поводу.^[33] В замке нельзя долго не слышать лютни, флейты и кастаньеты, а зимой в непогоду музыка не смолкает почти весь день.

МАЛЕНЬКИЙ ПОРТАТИВНЫЙ ОРГАН ТРИНАДЦАТОГО ВЕКА

Из рукописи, хранящейся в Национальной библиотеке.

Однако разнообразие - это пряность жизни. Когда в город прибывает новый жонглер или, что еще лучше, труппа жонглеров, то это уже день красных букв. Они научат постоянных обитателей новой музыке, новым песням, новым трюкам и разрушат то безысходное однообразие, которое иногда заставляет баронов бесноваться от сдерживаемой энергии и развязывать новые войны только для того, чтобы получить облегчение. Что касается такого большого праздника, как нынешний, то, очевидно, необходимо мобилизовать большой штат артистов. Одной только новости о том, что мессир предложил устроить брачный пир и турнир, было достаточно, чтобы многие странствующие дворяне устремились к Сент-Алику.

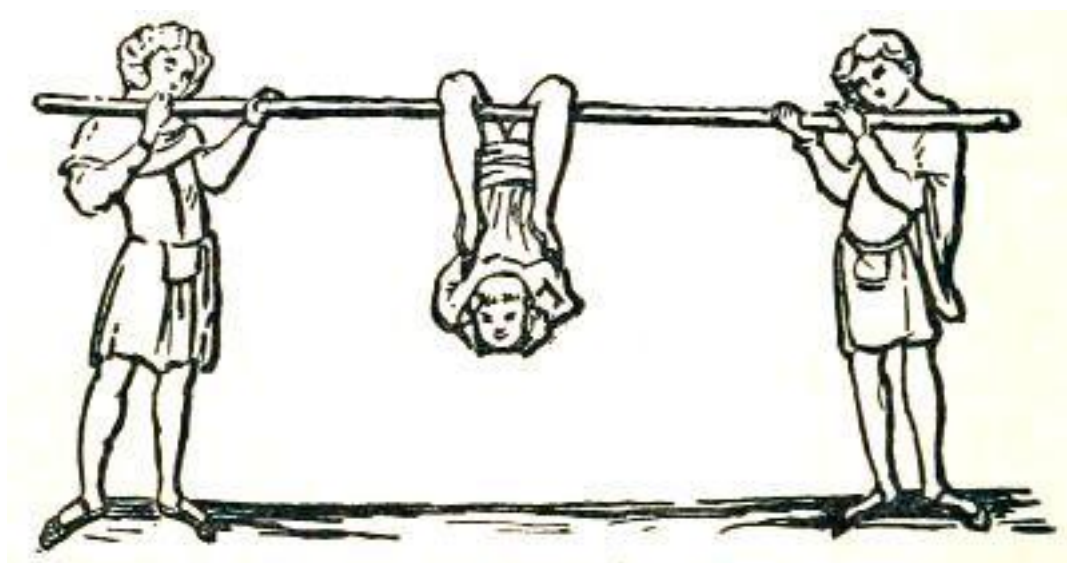
Сир Юстас был завален предложениями о помощи, и ему пришлось почти силой отгонять некоторых из желающих развлечься.

Разновидности танцев

Жонглеры - люди разносторонние, и у каждого из них есть своя специализация. Их название, "джонглер", как и "благотворительность", покрывает множество грехов. Некоторые из них просто умело играют на скрипке и обеспечивают музыкой танцоров. Танцы благородных людей просты: достаточно часто прекрасные дамы и кавалеры просто берут друг друга за руки и бешено кружатся по кругу, а музыка звучит все быстрее и быстрее, пока веселящиеся не перестают и почти тонут от изнеможения. Затем есть вариации, когда кавалеры прилично опускаются с кольца и кланяются своим дамам; или "танец чашечки", в конце которого каждый кавалер церемониально целует свою даму в щеку - поцелуй между равными вполне уместен, если он не в губы. Здесь требуется гораздо больше мастерства, как сейчас, когда молодой Эмери танцует замысловатый гальярд с дочерью барона Боври. Два исполнителя стоят друг напротив друга, продвигаясь, кланяясь и удаляясь, каждый шаг делается под музыку; наконец кавалер кланяется даме, берет ее за руку, благодарит и ведет на свое место. После этого другая знатная пара танцует *турдон* - аналогичное представление, но быстрее и с более бурными действиями.

Для всего этого не обойтись без грамотных музыкантов. Но хороший жонглер - гораздо больше, чем музыкант. Он может сам танцевать, исполняя сложные акробатические фигуры, непосильные для непрофессионала; он может петь любовные песни, напевать или декламировать романсы, а если у него есть компаньоны, то даже представлять короткие фарсы и комедии. Вероятно, он также владеет рядом трюков и ловких приемов, которые больше привлекают простаков, чем высокопарная поэтическая декламация. Если он достигнет вершины своей профессии, то в замках его будут принимать почти как равного сеньору, и он сможет уйти на пенсию богатым, осыпаемый такими подарками, как полусапожки, меха, драгоценности, мантии из красной ткани и, конечно же, большие деньги. Жонглеры с гордостью вспоминают своего соратника-менестреля Таллефера, который галантно возглавил атаку норманнов при Гастингсе, напевая "Песнь о Роланде", когда он подбрасывал меч и снова ловил его перед самым лицом англичан, и который пал в битве только после того, как устроил среди врагов такой же хаос, как и паладин.

Развращенные горцы

АКРОБАТЫ

Репродукции английского археолога Стратта с различных рукописей XIV века, хранящихся в Англии.

Однако между такими претенциозными людьми и менестрелями лежит большое расстояние. Не так давно в Сент-Аликисе появилась пара конных банкиров. Они назвали себя гротескными именами, "Брис-Тет" и "Тю-Бёф". Когда они расправились со свиной лепешкой, сенешаль дал понять, что им лучше заплатить за свой ужин. Тогда Тю-Бёф достал арфу, а Брис-Тет вскочил на стол, замахал руками и ногами и показал себя настоящим акробатом. После этого его спутники заставили парней и девушек "ахнуть!", проглотив ножи и, видимо, съев красные марки прямо из камина. Затем они вступили в остроумный диалог, представляя цепкого священника, вытягивающего деньги из скупого мещанина; и наконец Тю-Бёф начал рассказывать такие возмутительные истории, что Адела (не более брезгливая, чем большинство дам) попросила невестку удалиться. Так они вдвоем продержали весь зал в смехе весь дождливый полдень, и Конон удовлетворил своих гостей, предоставив каждому по денщику.^[34] Они спали на соломе под столами и рано утром отправлялись в путь. Их репертуар, вероятно, был весьма ограничен, и они, должно быть, проводили свою жизнь, странствуя из замка в замок, редко задерживаясь где-либо дольше, чем на одну ночь. Появлялись и другие жонглеры с трюковыми собаками и обезьянами, которые сами могли танцевать через обручи, совершать такие подвиги, как подбрасывание двух маленьких яблок и одновременная ловля каждого на острие ножа, зажатого в каждой руке, или проявлять себя настоящими акробатами, как это заявлено в старом латинском стихотворении:

Он складывает себя,
Он разворачивает себя,
И, разворачивая себя,
Он сам себя складывает!

Часто бывает так, что определить, кто из жонглеров действительно является кем-то большим, чем бродячий негодяй, довольно сложно. Конечно, они часто кажутся полными воровства, разврата и лжи. С ними часто встречаются низкие жонглёрши, женщины, способные развратить целый монастырь. Церковь осуждает весь этот род, мужчин и женщин, как "служителей дьявола". Все пороки, которые другие эпохи приписывают актерам, вменяются им в вину, и есть старый шуточный вопрос: "Кем бы ты предпочел быть, жонглером или разбойником?". Ответ: "Разбойником".

Тем не менее, Бог знает, что людей нужно развлекать, и жонглеры почти незаменимы. Кроме того, как мы уже видели, не все они принадлежат к этому грешному классу. Высший класс жонглеров иногда путешествует большими компаниями. Они берут с собой целый оркестр музыкальных скрипок,^[35] гитар и жигулей - длинных, тонких струнных инструментов в форме восьмерки - и, конечно, флейты, арфы и даже маленькие портативные органы, на которых одной рукой вы работаете с мехом, а другой нажимаете на клавиши, что-то вроде аккордеона. Не обошлось и без рожков, цимбал и цимбал. Феодалным векам не хватает фортепиано, но в остальном у них много инструментов с приятными тонами.

Высший тип жонглера

У каждого члена такой труппы есть своя специальность, и некоторые из подвигов просто чудесны. Обычно среди них есть стройная девушка, которая может исполнить "танец дочери Иродиады" так великолепно, что все понимают, как палестинская принцесса покорила доверчивого царя своими акробатическими подвигами. Она даже может танцевать на руках и бить ногами по воздуху, к великому удовольствию всех гостей, кроме самых ханжеских. Святой святой Бернард не уставал сетовать на сеньоров, принимающих в своих замках подобные труппы: "Человек, увлекающийся жонглерами, скоро обзаведется женой по имени Нищета. Уловки жонглеров никогда не могут угодить Богу". Несомненно, что на свадьбе епископ и его священники после нескольких *условных* покашливаний, кажется, смеются так же громко, как и бароны над всеми проделками увеселителей Конона.

ТАНЦОВЩИЦА ДВЕНАДЦАТОГО ВЕКА

Реставрация Виолле-Ле-Дюка (Музей Тулузы).

Для большого пира требуется достаточное количество жонглеров, чтобы развлекать самые разные круги. Пока один смельчак веселит холопов выходками своего прирученного медведя, а трое других (в том числе и женщина) отплясывают на помосте перед другими зияющими сотнями, главный участник их таинства снова привлекает в пиршественный

шатер множество знатных гостей. Он не обычный артист. Мессир послал за ним в Шалон, обещая большое вознаграждение. Мэтр Эдмон хвастается, что он христианин, то есть воспринимает свою профессию как своего рода мирское священство. Он в дружеских отношениях с великими прелатами. Он никогда не произносит отвратительные *басни*, в которых поносит духовенство. Однако он знает наизусть почти все великие эпосы и романы. Его богатое одеяние из зеленого шелка подчеркивает его внушительную фигуру. Его жесты красноречивы. Он умеет воздействовать на воображение слушателей и доводить их до слез, аплодисментов или дикого восторга. В более зрелом возрасте он мог бы стать великим актером или столь же великим "чтецом", заставляя все части драмы говорить через одного человека.

Мэтр Эдмон посоветовался с Кононом, какой роман или эпос понравится ему больше всего. Здесь собрана большая коллекция историй о героях, обычно написанных певучим стихом и претендующих, в основном, на бретонское происхождение. Целая категория вращается вокруг деяний Карла Великого и его сверстников; другая посвящена королю Артусу (Артуру) из Бретани (на самом деле Британии) и его рыцарям Круглого стола; еще один цикл рассказывает о Троянской войне, о сире Гекторе, сире Ахиллесе и сире Улиссе, превращающих древний Илиум в северофранцузский замок, осаждаемый явно феодальными методами; другие воспевают могучие деяния Александра. Всего существует не менее сорока признанных эпических *chansons de geste* (песен о могучих деяниях), большинство из которых насчитывает от шести тысяч до восьми тысяч строк, а также множество более коротких романсов. Мэтр Эдмон знает удивительно много из них. Эти цифры дают некоторое представление о богатстве этого вида феодальной литературы.

Конечно, знаменитый "Шансон о Роланде" представляет собой самое великолепное повествование. Все знают историю о том, как Роланд и Оливье, любимые пэры Карла Великого, были преданы пайниму в Испании подлым предателем Ганелоном; как они дорого продали свои жизни после бесчисленных подвигов; как их души вознеслись на небо; и как позже Карл Великий страшно отомстил и неверным, и Ганелону. Это эпос, который в последующие времена будет оценен как равный, если не превосходящий, своего немецкого соперника, "Нибелунглид". Но "Песнь о Роланде" насчитывает уже почти два столетия и очень хорошо знакома. Кроме того, она слишком длинна для одного дня, и из нее трудно вычленить отдельные эпизоды. Мэтр Эдмон предлагает несколько сцен из истории Трои, но барон считает, что они недостаточно сентиментальны для такого случая. Тогда они останавливаются на "Истории Тристана и Исолт". Она довольно хорошо известна труппе, но не избита; она дает женщинам возможность поплакать, а жонглер говорит, что у него есть новая версия, не слишком длинная.

Мэтр Эдмон выходит в свадебный шатер в сопровождении красивого юноши в шафрановой мантии, который бренчит на арфе с серебряными пластинками. Высокий жонглер начинает свой рассказ легким речитативом, который время от времени переходит в мелодичную арию. Это действительно смешение стиха и прозы, хотя язык никогда не теряет определенного метра и ритма.

История Тристана и Исолт

АРФА XIII ВЕКА

Со скульптуры в Шартрском соборе.

Повествование ведется по обычной схеме: король Марк Корнуольский был добрым человеком и мудрым принцем. Прекрасная Исолт была его женой, а доблестный и поэтичный Тристан - племянником. Эти двое, будучи совершенно невинными, принимают волшебное зелье, которое заставляет их влюбиться, а все последующие греховные поступки оправдываются чарами. Король Марк долго страдает, пытаясь простить, но в конце концов, застукав Тристана за игрой на лютне в беседке королевы, поражает его отравленным дротиком. Несчастный юноша, смертельно раненный, укрывается в доме своего друга Динаса. Пока он еще жив, король Марк великодушно говорит, что сожалеет о своем поступке, а бедная Исолт объявляет, что не переживет своего возлюбленного.

Тогда Тристан посылает за своим дядей и говорит Марку, что не питает к нему зла, а король (понимая, что племянник не виноват морально) сетует: "Увы, увy! Горе мне, что я зарезал

своего племянника, лучшего кавалериста на свете!". После этого Марк и Исолт навещают Тристана и оплакивают его предсмертное состояние. Вскоре он достает свой меч, чтобы в последний раз взглянуть на него. "Увы, добрый меч, что будет с тобой отныне, без твоего верного господина. Теперь я покидаю рыцарство, которое я чтит. Увы! Друзья мои, сегодня Тристан побежден!" Затем со слезами на глазах он завещает свой меч товарищу по оружию. Затем он обращается к королеве. "Дорогая госпожа, - вздыхает он, - что вы будете делать, когда я умру? Неужели вы не умрете вместе со мной?" "Нежный друг, - говорит Исолт, - я призываю Бога в свидетели, что ничто не доставит мне такой радости, как возможность составить вам компанию в этот день. Уверен, если бы когда-нибудь женщина могла умереть от мук или печали, я бы уже умер". "А вы хотели бы умереть вместе со мной?" - спросил Тристан. "Видит Бог, - ответила королева, - никогда еще я не желала ничего более искренне". "Тогда подойди ко мне, - шепчет рыцарь, - ибо я чувствую, что смерть надвигается на меня, и хотел бы вздохнуть в последний раз в твоих объятиях". Исолт склоняется над Тристаном, который обнимает ее и прижимает к себе так крепко, что сердце ее разрывается, и он умирает вместе с ней, смешивая их последние вздохи.

Нет нужды говорить, что к тому времени, когда мэтр Эдмон (после искусной пролонгации и возбуждения чувств) заканчивает, все благородные дамы предаются рыданиям, а многие бароны и вовсе напряженно моргают. Это восхитительно трагическая история! И хотя менестрель слишком высокого класса, чтобы воскликнуть "великодушие!", когда он заканчивает выступление, как и все скромные жонглеры, ему бросают множество опровержений (которые должным образом собирает арфист), герцог говорит ему: "Приходите ко мне на Рождество и расскажите о любви Лаунселота и Гвинеvры - это будет стоить вашего внимания", а Конон приказывает добавить к обещанной денежной выплате хорошего арагонского мула.

Литературный барон

У мэтра Эдмона, однако, есть и другое направление деятельности. Его возможность открывается так. Среди гостей Конона - барон Харвенгт. Этот богатый сеньор провел много времени в южной стране. Он постиг науку трубадуров. В его замке всегда рады высококлассным менестрелям, да он и сам в некотором роде менестрель. Правда, утверждают, что он слишком интересуется делами, которые в первую очередь касаются холопов или, в лучшем случае, женщин, и пренебрегает ястребами, турнирами и даже правильной враждой с соседями. Тем не менее Орри де Харвенгт - чрезвычайно "мягкий" человек. Он владеет значительным количеством книг на латыни - Virgilia, Овидия, Лукана и других - хотя один заезжий монах ворчал, что почти все книги написаны сомнительными язычниками и что у этого барона почти нет пергаментов с житиями святых и отцов церкви. Однако Орри уделяет мало времени латыни. Он считает, что классический язык лучше всего подходит для религиозных вопросов, а для рассказов о храбрых поступках и сердечных делах нет ничего лучше романтики - языка Северной Франции.

Другом Орри был Жоффруа де Виллегардуэн, написавший на французском языке прекрасную историю Четвертого крестового похода, в котором он участвовал; и хотя церковники жалуются, что "отказ от латыни означает гибель всего обучения", использование вульгарного языка для всех видов книг, несомненно, растет.

Для менее формальных произведений уже существует значительная французская литература. У самого Конона есть книга философских пословиц, сборник мудрых изречений и афоризмов, которые часто приписываются таким древним знаменитостям, как Гомер, Исаа, Моисей и Соломон, но которые имеют чрезвычайно французский колорит. Здесь

можно найти множество изречений, которые надолго переживут тринадцатый век, хотя, несомненно, они гораздо древнее. "Птица в руке стоит двух в кустах"; "Не все то золото, что блестит"; "Бог помогает тем, кто помогает себе сам"; "Друг в беде - это действительно друг"; "Тихие воды текут глубоко" - все это нити мудрости вокруг Сент-Аликиса, а также такие изречения, которые не так хорошо передаются, как "Среди слепых одноглазый - король"; и "Голод изгоняет волка из леса".

Но основную часть этой "вульгарной" литературы составляет поэзия. Эпосы (*chansons*) растут с тех пор, как некий Турульд, по преданию, сочинил "Песнь о Роланде" вскоре после 1000 г. н.э. Мы только что увидели, каким богатством романсов располагает мэтр Эдмон. Ранние из этих повествований - просто рассказ о войне и приключениях; но в поздних, хотя они и продолжаются на северофранцузском диалекте, проявляется южнофранцузское (трубадурское) влияние. В них рассказывается о законной или незаконной любви, а не об ударах копы. Трубадуры языка Лангедок находят теперь своих современников в *труверах* северного Лангедуаля. Барон Орри сам является *трувером*. Он попробовал свои силы в создании *шансона* о приключениях героя Рено из Монтобана; в то время как композиторы менее высокого ранга готовят более короткие *басни*, *конте* и *диты*, которые изобилуют комедией и сарказмом, поражая все пороки и глупости общества.

Северофранцузские эпосы и романсы

Барон Орри, однако (который не является оригинальным гением), , возможно, должен быть классифицирован как *сборщик*, то есть он адаптирует старые романы и помещает их в новую обстановку. Он перелагает истории из Лангедока или с бретонского на свой северофранцузский диалект. Сегодня, в тихий час, мэтр Эдмон отводит его в сторону. "Прекрасный барон, вы знаете, что мы, мастера-жонглеры, редко желаем представлять незнакомым людям письменные копии стихов, которые мы распеваем, но как я могу отказать в этом столь либеральному сеньору, как вы? У меня с собой стенограммы новой песни о паладине Карла Великого, Вильгельме Оранском, и еще одной, подготовленной великим *трувером*, Робертом Борронским, о нахождении Святого Грааля рыцарем короля Артуса, сиром Персевалем. Не желаете ли взглянуть на них?"

Барон Орри несказанно рад. Прежде чем он покинет Сент-Аликвис, он завладеет драгоценными пергаменами, а мэтр Эдмон станет богаче на несколько парижских ливров. Прекрасный экземпляр великого *шансона* ценится на вес серебра. Монахи жалуются, что заглавные буквы так же тщательно проработаны золотом, а миниатюрные иллюстрации так же изящно выполнены, как и в экземпляре Евангелия; а переплеты из тисненой кожи делают книги такими тяжелыми, что для их чтения требуются подставки, перед которыми дамы, тем не менее (пренебрегая более святыми вещами), кажется, готовы стоять весь день.

Однако прежде чем свадебные гости заканчивают свой счастливый день, к ним обращается не мэтр Эдмон, а другой артист. Это сам барон Орри. Он так долго прожил в южной стране, что заразился галантностью трубадуров. Рассказывают, что он оставил трех возлюбленных в трех разных замках; что у него была самая романтическая дуэль с ревнивым мужем, которая, однако, закончилась примирением, доказав, что дружба была лишь платонической; и что он в прошлом мастер всех тридцати четырех различных способов рифмовки и семидесяти четырех видов строф, которыми знающие барды юга Франции слагают свои сентиментальные частушки. В подходящий момент, перед тем как знатные гости соберутся за ужином, Адела обращается к нему:

"Мы знаем, любезный сир Орри, что вы владеете всеми "гей-науками" Юга. Вы умеете петь *шансоны*, песни любви; *вирши*, стихи медленного движения; *сирвенты*, хвалебные или

сатирические поэмы; а также владеете *тенсо*, спором на какую-нибудь нежную тему, ведущимся в придворных стихах. Окажите нам честь своим мастерством, ибо наша северная поэзия груба и некрасива рядом с поэзией Лангедока".

Баррон Орри делает элегантный поклон: "Ах, милостивая государыня, - говорит он, - я хотел бы убедить вас, что хороший отказ стоит больше, чем плохой подарок, но, без сомнения, вы сочтете меня грубым; поэтому я подчинюсь. Хотя многие из вас, боюсь, не владеют прекрасным языком Лангедока, но в столь знатной компании, уверен, большинство из вас, по крайней мере, поймет меня. Что это будет: *тенсо* Бернарта де Вентадорна, остроумно рассуждающего на тему: "Как дама проявляет большую привязанность - побуждая своего друга завоевать славу или побуждая его просто любить ее?" Или я попробую исполнить короткую *шансону* другого высокого трубадура, Арнаута де Марюэля?"

"*Шансон* - любовная песня!" - воскликнула компания.

"Ах! Очень хорошо, мои нежные госпожи и лорды, - отвечает менестрель, - вы выбрали. А теперь я молю королеву Венеру вдохновить меня. Вот, мальчик, моя арфа!" Он берет маленькую лютню и трогает струны. Его голубая мантия распускается статными складками, и он поет чистым, глубоким голосом:

Песни южнофранцузских трубадуров

"Прекрасен для меня апрель.
Ветра, что мягко дуют надо мной;
Соловьи музыкой своей овевают
Пока звезды безмятежно сияют.
Все птицы, как они имеют власть
Пока росы утренние ждут,
Поют о радости в небе и в беседке,
Каждая из них общается со своей подругой.
И пока весь мир одет
Новые наслаждения, пока растут новые листья,
Напрасно пытаться отступить
Любовь, которая делает мои радости о'эрфлоу.....

Helen were not worth comparing,
Сады не могут похвастаться такой красотой,
Зубы из жемчуга, истину утверждающие,
Щеки цветущие, шея снежная,
Локоны, как золотой дождь,
Придворные прелести, за подлость ненавистные.
Бог, который велел ей так возвыситься.
Все остальное - ее путь прямой!"[36]

И так на протяжении многих подобных строф. Глаза барона Орри озорно устремлены на некую графиню, с которой он душевно беседовал весь день. Ее муж выглядит несколько неловко, но в конце присоединяется к горячим аплодисментам. Так заканчивается развлечение на свадебном пиру, и рождается (несмотря на грубость и ложную

сентиментальность) великая светская литература, которая станет бесценным наследием последующей цивилизации.

До сих пор мы видели мирную жизнь святого Аликиса; теперь мы должны постепенно перейти к ее более мрачным аспектам и непосредственной подготовке к войне.

ССЫЛКИ:

[33] Если бы Сент-Аликис был чуть более крупным фьефом, его владыка, вероятно, позволил бы себе роскошь иметь в резиденции профессионального менестреля - наполовину музыканта, наполовину шута.

[34] Небезызвестно, что жонглеры этого низшего класса останавливались на захватывающей части истории, которую они рассказывали, и говорили (как в поэме "Ги Бургундский"): "Тот, кто хочет еще послушать этот рассказ, должен поспешить открыть свой кошелек, ибо настало время дать мне что-нибудь". Таким образом, компания сразу же задерживалась. Или же артист объявлял: "Уже слишком близко вечерня" или "Он слишком устал, чтобы закончить в этот день", - в результате он мог претендовать на гостеприимство в замке своих хозяев еще двадцать четыре часа, пока не удовлетворит всеобщее любопытство.

[35] Виола была практически как скрипка, только более круглая и неуклюжая. На ней играли смычком.

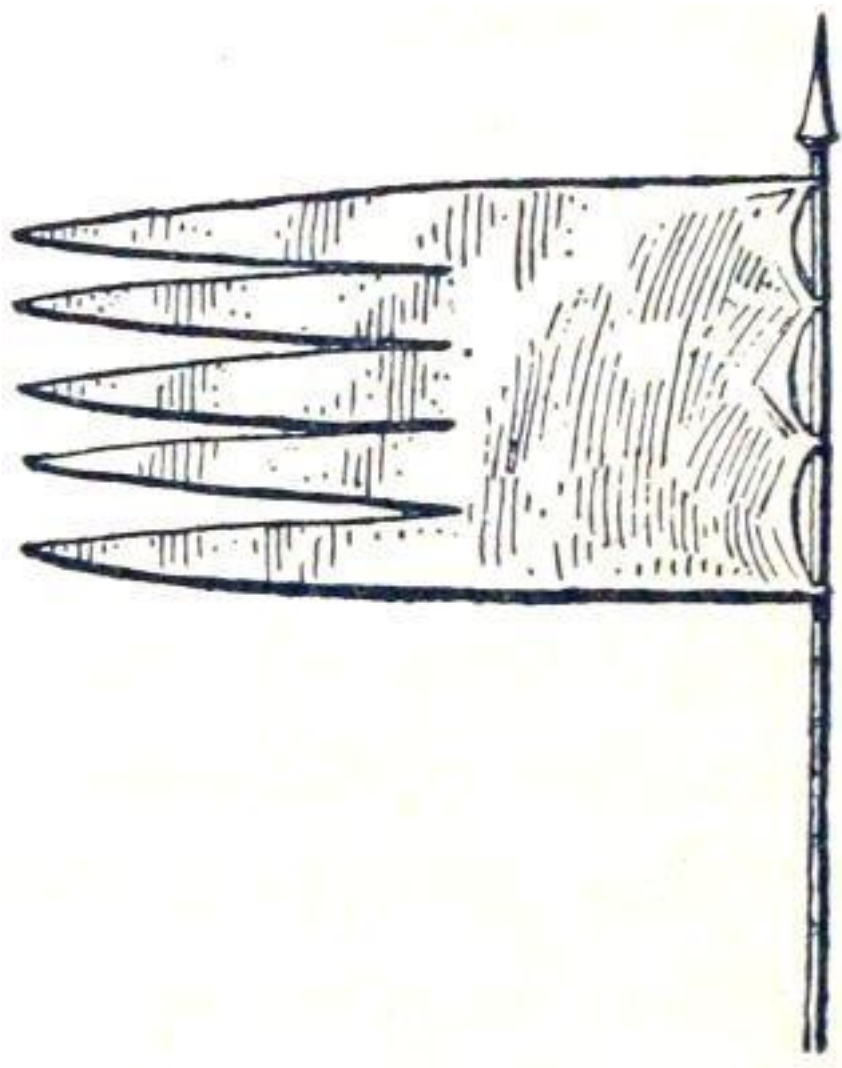
[36] Перевод Джастина Х. Смита. Перепечатано с любезного разрешения издательства G. P. Putnam's Sons.

Глава IX: Феодалные отношения. Подношение.

Несколько дней проходит между свадебными торжествами сестры мессира Конона и посвящением в рыцари его брата с турниром, который следует за этой второй церемонией. Ни один барон не может быть настолько богат, чтобы сделать подарки всем рыцарям, которые посещают турнир, если они также были гостями на свадьбе; с другой стороны, многочисленные кавалеры, которые не интересуются делами Оливье и Алиенора, с удовольствием приезжают, чтобы ломать копыя в поединках и разбивать шлемы в боях. Однако большинство гостей свадьбы остаются на празднике, и к ним присоединяются многие другие. В это время проходят охоты, соколиные охоты, танцы, пиры в саду и выступления жонглеров. Все это - один круг веселых развлечений. Однако постепенно в нем появляются более воинственные нотки. В песнопениях мэтра Эдмона все меньше отклика на расставание влюбленных и все больше на доблестные подвиги. Жених и невеста удаляются от центрального взора. Молодой оруженосец Эмери выдвигается вперед.

Пока готовятся списки для поединка, можно изучить общественное хозяйство сеньории, понять, что она является не только политической, но и военной единицей, а также узнать о процессе воспитания, который позволил Эмери претендовать на гордый статус рыцаря - *миля* - первоклассного бойца.

ЗНАМЯ ТРИНАДЦАТОГО ВЕКА

Из рукописи в Национальной библиотеке (Виолле-Ле-Дюк).

Типы и привилегии владельцев фьефов

Статус Сент-Аликиса типичен для многих баронств . Фифы не обязательно состоят из недвижимости: например, один из вассалов Конона приносит ему дань только за право ловить рыбу на протяжении мили вдоль Клера, а другой - за привилегию содержать баронскую мельницу с соответствующими привилегиями в отдаленном участке сеньории.^[37] Тем не менее, как правило, под "фифом" понимается участок земли, которым владеет человек из знатного рода. Он не владеет этой землей по полному праву, а выплачивает своему сюзерену своеобразную ренту в виде военной службы, денежных сумм в различных установленных случаях, а также различных видов моральной и материальной помощи. Как правило, в центре каждого феодального владения стоит замок, а если его нет, то крепость, мощная башня, способная обеспечить значительную оборону, или поместье, не уязвимое для простых налетчиков. Каждый знатный владелец фьефа претендует на право иметь собственное знамя, печать для заверения документов, а в последнее время

появляются знаки отличия, которые вскоре станут известны как геральдические гербы, которые будут использоваться или выставляться на всеобщее обозрение всеми, кто находится в "мягком состоянии". Многие владельцы фьефов также претендуют на право чеканить деньги, даже если их земли весьма скромны; но сюзерены постепенно урезают эту привилегию, купцы, рожденные в Базе, ехидно жалуются, что монетные дворы меньших сеньоров чеканят деньги, в которых слишком много сплава и досадно изменчивы стандарты; и, более того, поговаривают, что эту привилегию чеканить деньги, вероятно, монополизирует король.

ГЕРБ ГЕРЦОГОВ БРЕТАНСКИХ (ТРИНАДЦАТЫЙ ВЕК)

Феодализм, если его систематизировать, представляется великолепно выстроенной системой, простирающейся вверх от мелких дворян до короля или даже императора.^[38] Маленькие кастеляны приносили дань баронам, те - виконтам, те - графам, те - герцогам, а те - верховному сюзерену, его светлости Филиппу Августу, в Париже. На самом деле, конечно, ничего подобного не происходит. Мало того, что многие владельцы фьефов имеют несколько сюзеренов (как Конон) и служат некоторым из них очень плохо, так еще и не существует реальной градации феодальных титулов. Конон, барон, считает себя равным многим графам и превосходящим большинство виконтов. Могущественный граф Шампани высокомерно держит голову, считая себя равным герцогу Бургундскому. В последние годы, особенно с начала правления Филиппа Августа (1180), короли Франции ясно дали понять, что они - могущественнейшие из могущественных и заслуживают искреннего повиновения. Однако и сейчас многие сеньоры ропщут: "Эти владыки Парижа - всего лишь капетинские герцоги, которые начали называть себя королями около двухсот лет назад. Пусть они не слишком возгордятся, а то мы отправим их по своим делам, как наши предки отправили старых каролингов". Короче говоря, все феодальное устройство совершенно запутано. "Организованная анархия", - назовут ее отчаявшиеся ученые более позднего времени.

ПЕЧАТЬ ГЕРЦОГА ЖАНА БРЕТАНСКОГО (XIII И XIV ВЕКА)

Обязанности владельцев фьефов

Тем не менее, существуют довольно четкие правила владения вотчиной. Как правило, фьеф включает в себя достаточно земли, чтобы содержать хотя бы одного рыцаря и его боевого коня. Этот воин, как правило, обязан вывести за собой несколько вооруженных холопов, пропорциональных числу рыцарей. Условия, на которых можно владеть поместьем, бесконечно разнообразны. Главным обязательством является военная служба. Средний вассал обязан следовать за своим сюзереном в течение сорока дней в году по вызову на наступательную войну. В сугубо оборонительной войне от него требуется гораздо больше помощи, особенно в защите замка своего господина. Временами ему приходится ждать сюзерена, когда тот может пожелать большую свиту, чтобы придать престиж своему двору. На таких собраниях он также должен помогать своему господину отправлять правосудие - дело, порой требующее от судей большой ответственности. Когда сеньор выдает замуж старшую дочь, дарует рыцарство старшему сыну или требует выкуп за пленника, вассалы должны внести свой вклад, и владельцы фьефа Сент-Алики благословляют своих святых покровителей, что Алиенор и Эймери не дети их сеньора - в противном случае они сами оплачивали бы большую часть высоких празднеств. Они также должны, когда их господин посещает их, оказывать ему должное гостеприимство в своих замках. Разумеется, они никогда не должны выдавать его секреты, переходить на сторону его врагов или

отказываться от данных ему обещаний. Это было бы "изменой", худшим из всех феодальных преступлений.

Мы видели, что владение фьефом обычно подразумевает военную службу, и что если поместье переходит к женщине, сюзерен может управлять имуществом, пока служанка не достигнет брачного возраста, а затем отдать ее какому-нибудь компетентному сеньору. Примерно то же самое происходит, если наследник - мальчик. Сюзерен может осуществлять опеку над владением до тех пор, пока мальчик не станет достаточно взрослым, чтобы возглавить свой военный отряд и в остальном оказаться желательным вассалом. Даже если вассалы имеют подходящий пол и возраст, сюзерен имеет право на денежную *выплату*, когда умирает старый рыцарь и его боеспособный сын принимает баронство.^[39] Это всегда довольно крупная единовременная сумма; и она еще больше увеличивается, если фьеф переходит не к сыну, а к побочному наследнику. Кроме того, если вассал хочет продать свой фьеф чужаку, сюзерен не только должен одобрить сделку, но и получить за нее большую плату, зачастую достигающую трехлетнего дохода от всего владения.

Тем не менее, когда все сказано, многие владельцы вотчин ведут себя так, словно они не покорные вассалы. Многие сюзерены счастливы, когда они настолько свободны от распри с равными себе феодалами и собственными владыками, что могут заставить своих верных сеньоров выполнять все их обещания, и когда они могут предаваться роскоши, диктуя им, как они должны управлять своими землями. Некоторые девизы великих баронских домов свидетельствуют о том, как мало значит феодальная иерархия для владыки нескольких сильных замков.

Могущественные роханцы хвастаются:

"Герцогов мы презираем:
Королями нам не быть:
Роханы - это мы!".

И еще более высокомерен сеньор, чья великолепная крепость-шато находится в процессе возведения: "Я не король, не принц, не герцог: Я просто сир Куси". А быть "сиром Куси" означает обладать такой властью, что когда каноники Реймса жалуются королю Филиппу на его жестокие действия, король может просто ответить: "Я не могу сделать для вас ничего другого, кроме как *молить* сира Куси оставить вас в покое".

Иногда, помимо денежных выплат, личной или военной службы, вассал должен был делать символические подарки в знак лояльных намерений. Так, ежегодно Конон посылает герцогу Квелькепарту трех черных лошадей, а за владения в местном аббатстве каждый июнь преподносит аббату корзину роз и букет лилий, и многие другие владения обременены подобными своеобразными обязанностями.^[40]

Бароны в значительной степени независимы

Пока он выполняет свои феодальные обязательства, сеньор может управлять своим баронством практически по своему усмотрению. Если он слишком жестоко обращается со своими вассалами и крестьянами, они могут взывать к сюзерену о справедливости, а иногда сеньор будет рад предложению смирить заносчивого феодала. Но границы вмешательства хорошо обозначены. Ни один сеньор не должен подрывать власть верного вассала над своими подданными. Каждый дворянин почувствует угрозу собственным правам, если

сюзерен начнет вмешиваться в дела зависимого, даже если причина для этого очевидна. Поэтому многие бароны могут сыграть возмутительного тирана, если дьявол его вдохновит. Он должен (как мы уже видели) соблюдать права своих подчиненных в вотчине, иначе он может спровоцировать опасный мятеж в своем собственном замке.^[41] Барон Гарнье из Сент-Аликиса, однако, был типичен для многих представителей своего класса. Пленники, путешественники, крестьяне подвергаются неопишимо жестокому обращению. Об одном таком сеньоре было написано следующее: "Он был настоящим Плутоном, Мегерой, Цербером или чем-нибудь еще более ужасным, что вы можете себе представить. Он предпочитал расправу над пленниками их выкупу. Он вырывал глаза своим собственным детям, когда те, занимаясь спортом, прятали свои лица под его плащом. Он насаживал на колья людей обоих полов. Разделять людей самым ужасным образом было для него приятным пиршеством". О другом таком бароне трепетные монахи рассказывают следующее: "Когда кто-либо силой или обманом попадал в его руки, пленник мог искренне сказать: "Адские муки охватили меня". Убийства были его страстью и славой. Со своей женой он обращался несказанно жестоко. Люди боялись его, преклонялись перед ним и поклонялись ему!"^[42]

Типы злых и добрых баронов

Очевидно, что такие возмутительные сеньоры держат своих сеньоров в каком-то зачарованном повиновении, как эмиры и атабеги у неверных. Конечно, они относятся к купцам как к объектам для грабежа. Если они сами не следят за дорогами, то заключают сделки с профессиональными разбойниками, позволяя последним проникать в их владения в обмен на оговоренную долю добычи. Даже знатные люди могут быть схвачены, заключены в тюрьму и, возможно, подвергнуты пыткам, чтобы получить выкуп. Если вы не можете найти отрицателей, то можете оставить свои кости в нечистой темнице.

Тем не менее, хвала святому Михаилу и всем ангелам, это зло идет на убыль. В прямых королевских владениях такие "люди греха" искореняются со времен старого Людовика VI. Церковь использует свое огромное влияние против порочных сыновей. Города-коммуны крепнут и посылают гражданские армии для осады своих башен и защиты дорог. Лучшее сословие сеньоров также объединяется против этих позорищ дворянства. Что касается барона Гарнье, то он умер вовремя, так как его сюзерен герцог (уставший от жалоб) собирался созвать сбор с герцогства и напасть на Сент-Аликуа. Иными словами, закон и порядок постепенно утверждаются после расцвета мелких тираний, однако в каждом сеньории по-прежнему происходят странные события, а объем произвола, которым обладает средний барон, не устраивает даже совестливого и высокоумного человека.

Не теоретические способности сеньора, а его реальные умственные, а иногда и физические возможности определяют реальный объем его власти. Фьефы не являются чем-то статичным. Они постоянно растут или уменьшаются. Способный сеньор постоянно привлекает к себе новые земли. Он изгоняет неверных вассалов и присоединяет их поместья к своим личным владениям. Он склоняет вассалов своего вассала к переходу подданства непосредственно к нему. Завоевывает земли у своих соседей путем прямого завоевания. Он склоняет вассалов своего соседа к дезертирству, чтобы лучше защитить его сюзеренитет. Он заключает выгодные брачные договоры для своих родственников, благодаря которым в его династию переходят новые баронства. Когда его сюзерену требуется военная помощь сверх ортодоксального "сорокадневного срока", он продает свою помощь за деньги, земли или ценные привилегии.

Затем, когда такой агрессивный сеньор умирает, вся его претенциозная вотчина быстро рушится. Старший сын получает право на центральный замок и львиную долю баронства, но не на все. Младшие отпрыски отхватывают по кусочку, а дочерям нельзя отказать в доле.^[43] Сюзерен предъявляет к ослабевшему наследнику всевозможные требования. Так же поступают и соседние сеньоры, которые являются феодальными ровесниками нового барона. Одна мелкая ссора за другой усугубляется разорительными уступками. Хуже всего, когда прямые вассалы новоиспеченного барона отказывают ему в почестях, ищут более сговорчивых сюзеренов или, присягнув на верность, тем не менее лжесвидетельствуют, вероломно исполняя свои клятвы. Через несколько лет то, что под властью молодого или неспособного барона казалось могущественной вотчиной, оказывается на грани разорения - его лордство сводится к единственному замку, да и то под вопросом, сможет ли он защитить даже его.

Вступление в баронство

Через такую опасность неизбежно прошел Конон, когда, будучи совсем юным рыцарем, принял владения своего неблагословенного дяди. Только благосклонность святых, мудрые советы матери и его собственная внешность и сильная рука помогли ему удержать владения. Но после того как вассальные мелкие дворяне получили должное впечатление от того, что, даже если новый барон будет менее кровавым тираном, чем его предшественник, он сможет взять штурмом непокорную крепость и обезглавить ее мятежного хозяина, в баронстве воцарился относительный мир. В Сент-Аликисе состоялось собрание всех вассалов. Конон, облаченный в полные доспехи, появился в большом зале.

"Хотите ли вы, чтобы сир Конон, племянник вашего покойного господина, стал вашим нынешним несомненным бароном и сюзереном?" - потребовал сенешаль сира Юстаса.

"*Fuam! Fuam!* Да будет так!" - закричали все рыцари. И каждый по очереди отдал честь, а Конон стал их сеньором по всем христианским и феодальным законам. Затем Конон сам посетил герцога Квелькепарте, выплатил ему положенное вознаграждение, в свою очередь отдал дань уважения, и отныне его положение было полностью признано.

С этого времени вассалы Конона подчинялись ему с разумной верностью. Они никогда не отказывались от военной службы; они очень верно сражались под его знаменами в великой битве при Бувине; они не давали ему повода сомневаться, что, если ему будет тяжело, они выполнят и другие феодальные обязанности: защитят его персону с риском для жизни, предоставят ему коня, чтобы он мог спастись в битве, или даже пойдут за него в плен, чтобы добиться его освобождения, если он будет в плену. С другой стороны, Конон заслужил их любовь, показав себя очень благородным сеньором. Когда его вассал, сир Леонард, умер, оставив после себя лишь малолетнего сына, он очень мудро распорядился его вотчиной и вернул ее немного богаче, если вообще вернул, когда наследник достиг совершеннолетия. Когда другой вассал вступил во вражду с соседним сиром, Конон оказал ему военную помощь, хотя это была не его прямая ссора. Он уважал жен и дочерей своих мелких вельмож, словно они были его сестрами. Короче говоря, на Сент-Аликисе почти реализовались те счастливые отношения, о которых говорится в книгах законов: "Сеньор обязан верить и быть преданным своему "человеку" так же, как человек - своему сеньору".

Тем не менее Конон ("мудрый, как змея, но не безобидный, как голубь", как язвительно говорит отец Грегуар) ничего не принимает на веру. Дважды он несколько формально объезжает свое сеньоратство, останавливаясь в каждом замке, позволяя каждому сеньору оказать гостеприимство, а затем снова принимая обещания. Подношение можно оказывать много раз. Чем чаще она повторяется, тем больше вероятность того, что она окажется

эффективной.[44] Ваш вассал, поклявшийся в верности на прошлое Рождество, с гораздо большей вероятностью подчинится *запрету* (призыву к оружию), чем тот, кто дал клятву десять лет назад. Все вассалы Сент-Аликуа принесли эту клятву совсем недавно, кроме одного, сира Андре из крупного замка Ле-Шеневе, чей отец умер прошлым Великим постом и который ждал нынешних праздников, чтобы принести клятву и получить положенную инвеституру.

Эта церемония, таким образом, происходит через день после свадебного пира. В ней нет ничего унижительного для сира Андре; напротив, он рад, что многие из знатных гостей будут свидетелями - они подтвердят его право на отцовский фьеф.

Церемония почтения

Большой зал очищен. Мессир Конон сидит в своем высоком кресле под балдахином. На нем горностаи и бархатная шапочка присутствия. По бокам от него сидит Адела, а по обе стороны от нее - многочисленные кавалеры. Остальные вассалы Сент-Аликиса и знатные предводители замка, все в лучших доспехах, стоят перед помостом полукругом. Сир Юстас держит копье с небольшим красным выпелом. Сир Андре, в посеребренной кольчуге и шлеме, с опоясанным мечом, выходит вперед, подходит к помосту и преклоняет колено. Конон встает, протягивает обе руки, и Андре берет одну из них в свою, затем четко повторяет формулу, продиктованную отцом Грегуаром, который сейчас, как это часто бывает, исполняет обязанности канцлера баронства:

"Сир барон, я вступаю в ваше почтение и веру и становлюсь вашим человеком, устами и руками, и я клянусь и обещаю хранить верность и преданность вам против всех других, сохраняя только справедливые права барона Брейна, от которого я владею двумя фермами и некоторыми правами на охоту, и я клянусь охранять ваши права всеми своими силами."

ДАНЬ УВАЖЕНИЯ В ДВЕНАДЦАТОМ ВЕКЕ

Будущий вассал вложил свои руки в руки своего господина и выражает ему почтение; солдат держит копье, которое господин вручит своему подданному в знак инвеституры в домен.

Конон отвечает: "Мы обещаем тебе, вассал Андре, что мы и наши наследники гарантируем тебе земли, принадлежащие нам, тебе и твоим наследникам от всякой твари всеми нашими силами, чтобы эти земли оставались в мире и покое".

Затем Конон наклоняется, целует Андре в губы, и тот поднимается на ноги. Отец Грегуар протягивает ему небольшую золотую шкатулку, усыпанную драгоценностями, - реликварий святого. Вассал кладет на нее правую руку и произносит:

"Во имя Святой Троицы и в знак благоговения перед этими священными реликвиями я, Андре, клянусь, что действительно сдержу данное мною обещание и всегда буду верен сирю Конону, моему сеньору".

Первая формула технически называется "дань уважения". Вторая - "клятва верности"; теперь наступает "инвеститура". Сир Юстас выходит вперед и отдает вассалу копье - символический знак законной передачи ему вотчины. В других местах, по местным обычаям, это может быть перчатка, дубинка или даже кусок соломы, но какой-то символ всегда необходим. Этот акт завершает церемонию.

Отныне сир Андре владеет Ле Шеневертом и его землями, и не может быть изгнан оттуда до тех пор, пока выполняет свои феодальные обязанности. Конечно, если бы фьеф был пожалован впервые или перешел к кому-то, не являющемуся прямым наследником, то был бы составлен подробный акт передачи, скрепленный множеством громоздких кусков воска, прикрепленных к пергаменту полосками кожи. Во многих случаях, однако, нет необходимости в новом документе, и, действительно, на протяжении всех феодальных веков даже важные сделки, вероятно, часто определялись только на словах - причина, по которой требовалось много свидетелей.

Впрочем, ссора между такими близкими по духу людьми, как барон Конон и сир Андре, не представляет особой опасности. В лучшем случае вассалитет - это не состояние недостойной зависимости; это состояние младшего товарищества, которое, "не стирая расстояния, создает тесную связь взаимной преданности"; и если вассалы часто бывают мятежными, то вассалы снова и снова в истории и в сказаниях доказывали готовность отдать жизнь за своего господина. Немного найдется чувств, которые жонглеры могут повторить в обычном замке, надеясь на аплодисменты, чем когда они в очередной раз декламируют из "Эпоса о Гарине" о герцоге Белине, который заявил, что есть нечто более ценное, чем все его богатства и власть; ибо "богатство состоит не в богатых одеждах, не в деньгах, не в зданиях и не в лошадях, а в родственниках и друзьях; сердце одного человека стоит всего золота в стране!"

ССЫЛКИ:

[37] Право на прибыль от определенных ульев может составлять вотчину, или, скажем, на часть пошлин, собираемых на определенном мосту.

[38] Император Священной Римской империи (Германии и Италии) обычно признавался социальным и титулярным начальником короля Франции, но ему никогда не предоставлялась практическая власть над французами.

[39] Иногда льготы выплачивались и при появлении нового сюзерена, а не только при смене вассалов фьефа.

[40] В одном из замков Южной страны некий сеньор был обязан, если его сюзерен, герцог Аквитанский, посещал его, ждать у стола герцога, надев на себя алые леггинсы с золотыми

шпорами. Он должен был подавать герцогу и десяти рыцарям блюда из свинины, говядины, капусты, жареных цыплят и горчицы. Можно привести множество других обязательств по оплате или оказанию гостеприимства, которые были не менее любопытны.

[41] Можно описать ситуацию, сказав, что многие бароны, хладнокровно приказавшие казнить незнакомца или пленника без суда и следствия, не решались бы повесить или обезглавить его, если бы не наследственный палач сеньории, который имел законное право совершать такие приятные дела.

[42] О том, что могло происходить в феодальных семьях ранее, в XI веке, свидетельствует история о трех поссорившихся братьях, дворянах Ангулема. Двое из них вероломно пригласили третьего на совместное пасхальное празднество. Они схватили его в постели, выкололи ему глаза и отрезали язык, чтобы он не смог донести на них. Однако факты просочились наружу. Их сюзерен, герцог Аквитанский, разоряя их земли огнем и мечом (разоряя тем самым их невинных крестьян), схватил двух преступников и в отместку вырезал им языки и выколол глаза.

[43] Отсутствие строгого правила первородства во Франции и других континентальных странах значительно усложняло весь феодальный режим.

[44] Гомаж можно сравнить с *вакцинацией* в более поздние времена - чем позже она была сделана, тем выше ее эффективность.

Глава X: Правосудие и наказания.

Одна из главных обязанностей высокого сеньора - вершить правосудие. Именно за это (говорят ученые мужи) Бог дарует ему власть над тысячами холопов и право на повиновение со стороны дворян низшего сословия. Действительно, правильнее всего написать, что добрый барон "обязан выслушивать и решать дела и просьбы своих подданных, воздавать каждому по заслугам, выставлять свой щит праведности для защиты невинных от злодеев, освобождать малых детей, сирот и вдов от тех, кто над ними надругается. Он преследует грабителей, налетчиков, воров и других злодеев. Ибо это имя "господин" - имя мира и уверенности. Ибо добрый господин прекращает войны, битвы и сражения и примиряет враждующих. И так под властью доброго, сильного и мирного лорда люди в стране находятся в безопасности".

Лучшие из баронов лишь в малой степени соответствуют этому высокому стандарту. И все же Конон не исключение, когда говорит себе, что репутация человека, следящего за соблюдением справедливости, в конечном итоге приносит больше славы, чем все празднества вокруг святого Аликиса.

Справедливость, конечно, не означает равенства перед законом. Для деревенских холопов существует одна правовая мера, для граждан коммуны - другая, для мелких дворян - третья,

для дворян более высокого ранга, чем сам Конон, - третья. Монахи и священники всегда могут "заявить о своем духовенстве" и добиться передачи их дел в специальный церковный трибунал.[45] На самом деле вопрос заключается в том, получил ли человек все, что полагается другим представителям его сословия? Если нет, то налицо отказ в справедливости.

Законы, действующие в регионе Сент-Алики, - это старые обычные законы, которые использовались со времен нашествия франкских варваров. Многие из этих законов так и не были изложены в письменном виде - по крайней мере, для местных целей, - но мудрецы их знают. В баронстве нет профессиональных юристов. Сир Юстас, сенешаль, разбирается в региональном законодательстве лучше, чем любой другой мирянин в замке, хотя его, в свою очередь, превосходит отец Грегуар. Последний, правда, обладает определенными познаниями в каноническом праве Церкви, гораздо более разработанном, чем любая местная территориальная система, и даже перелистал объемистые пергаменты старого римского права, кодифицированного могущественным императором Юстинианом. В Париже, в окружении короля, теперь есть квалифицированные юристы, которые говорят, что это римское право гораздо более желательно, чем любое местное "обычное право", и они даже пытаются (по мере того как король расширяет свою власть) сделать кодекс Юстиниана основой для всего законодательства Франции. Но условия в большинстве баронств по-прежнему довольно просты, а вопросы, которые приходится решать, требуют лишь здравого смысла и настоящей любви к честной игре со стороны судей. Можно жить в достатке и умереть благочестивым в соответствии с грубыми и готовыми законами, управляемыми с большой неформальностью.

Высокое и низкое правосудие

Конон вершит "высшую справедливость" над своими вассалами и крестьянами. Это означает абсолютную власть жизни и смерти над любым недворянином в сеньории, если, конечно, барон не возмущает купцов, привязанных к привилегированному вольному городу, или других путников, находящихся под особой защитой короля или герцога Квелькепарте. Если у незнакомых дворян возникнут неприятности, то в зависимости от обстоятельств будет зависеть, возьмется ли Конон сам разбирать их дела или направит их к своему сюзерену, герцогу. Однако право сеньоров на правосудие в своих землях даже по отношению к высокородным дворянам упорно отстаивается, и только с трудом герцогу и, прежде всего, королю удастся добиться передачи некоторых дел в их трибунал.[46] Если же предполагаемый преступник - монах, его передают местному аббату или, если священник, епископу Пондебуа, чтобы он разобрался с ним в соответствии с церковным законом.

Даже у меньших государей есть "низкая юстиция", с привилегией сажать холопов в колодки, пороть и сажать в тюрьму на значительный срок за мелкие проступки; а разбойников, пойманных на их землях на месте преступления, могут казнить без суда и следствия. Но серьезные дела должны передаваться в суд барона как верховного судьи, как и все мелкие дела, возникшие в личных владениях этого лорда. Если тяжущиеся стороны - крестьяне, то колеса правосудия движутся очень быстро. Формальности отсутствуют напрочь.

Очень многие споры рассматриваются в суде провианта под председательством сира Макайра, рыцаря не самого высокого сословия, который является "первым провиантом" Конона. Позже мы увидим, как баронские прокураторы практически контролируют жизнь крестьян.[47] Одна из главных обязанностей сира Макайра - преследовать нарушителей, выступая в роли своеобразного шерифа, а после этого судить их. Среди драчливого,

жестокости крестьянства всегда есть прискорбное количество преступлений. В сеньории сравнительно мало разбойников, но время от времени пондебуанского купца обдирают, девушку уводят в лес или даже находят тело путника на обочине. Все это делает должность сира Макэра не синекурой.

Мелкие наказания выносятся каждый день, но более серьезные дела должны дожидаться тех промежутков, когда мессир Конон созывает своих знатных вассалов на "пледы" или "ассизы". Каждый владелец фьефа должен прийти и дать своему господину добрый совет, как следует поступить, особенно если среди тяжущихся есть знатные, а также оказать ему материальную помощь, если потребуется, в исполнении принятого решения.^[48] Последнее очень важно, ведь если владелец фьефа недоволен вердиктом, он имеет техническое право объявить решение "несправедливым" и потребовать, чтобы оно было решено "испытанием боем" - поединок должен состояться не между побежденным сюзереном и его противником, а между этим сюзереном и его судьей!

Всем известно, что произошло (согласно "Песне о Роланде") с предателем Ганелоном. Этот негодяй, предавший своего сюзерена Карла Великого и ставший причиной гибели храброго Роланда, был схвачен императором, но потребовал "суда равных". Карл Великий не мог отвергнуть это требование. Он созвал высших баронов, после чего лорд Пинабель, родственник Ганелона, объявил, что "даст ложь мечом" любому сеньору, который проголосует за наказание. Все бароны испугались. Пинабель был могучим воином. Они доложили Карлу Великому об оправдательном приговоре. Могущественный император разгневался, но чувствовал себя беспомощным, пока не обнаружил храброго рыцаря Тьерри Анжуйского, который смело заявил, что "Ганелон заслуживает смерти".

Испытание битвой

Мгновенно Пинабель выступил вперед и возгласил собрание вельмож: "Я говорю, что Тьерри солгал. Я буду сражаться!" И тут же Карл Великий взял с обоих чемпионов клятву, что они выдержат "испытание". Затем каждый из воинов незамедлительно отправился к мессе, причастился и одарил монастыри великими дарами. Далее они встретились в смертельном бою. После отчаянного поединка Тьерри поразил своего врага "в носовую часть шлема... и при этом мозг Пинабеля вытек из его головы". Этот вердикт не был обжалован! Довольный, Карл Великий тут же приказал разорвать Ганелона на части четырьмя свирепыми жеребцами.

Однако эти благородные обычаи приходят в упадок. Разумеется, когда оба спорящих - молодые кавалеры, равные по силам, и когда дело касается чести, а не юридических тонкостей, настаивать на том, чтобы дело было улажено мирным приговором, словно они ссорятся с купцами, - дело неблагородное. Но Церковь, книгоучи и высшие сюзерены не поощряют такую практику, особенно когда дела запутаны, а один из участников спора не может эффективно сражаться или предоставить своего защитника. Что же касается отвода судьи после вынесения несогласного вердикта, то это становится опасным, поскольку все остальные судьи будут обязаны его поддержать.^[49]

Скорее всего, проигравший тяжбу удалится в свой замок, созовет своих сторонников и бросит вызов суду, чтобы тот исполнил свой вердикт. Так случилось с одним сиром из суда Трабея, соседом Конона. Этот сир, получив от своих пэров приказ отдать поместье, которое он утаивал от своего юного племянника, отправил перед трибуналом преследователя с официальным объявлением войны. Всему сеньории пришлось вооружиться и фактически штурмовать его замок, прежде чем он подчинился.

Однако большинство дел Сент-Аликиса касаются не дворян, а холопов, и с ними (слава Небесам!) можно обойтись короткими мерами. Когда барон занят, делами может заниматься проректор, но хороший сеньор по возможности выступает в роли собственного судьи. Даже в период праздников Конону приходится откладывать свои удовольствия, чтобы однажды утром подняться в зал суда. В зимнее время трибунал, конечно, находится в большом зале, но в такую великолепную погоду большое тенистое дерево в саду гораздо предпочтительнее.^[50] Здесь барон занимает высокий стул. Сир Юстас сидит на табурете справа от него, сир Андре и еще один вассал - слева, в качестве "заседателей", ибо ни один мудрый сеньор не действует без совета. Отец Грегуар стоит рядом, готовый принести клятву на ящике с реликвиями; сир Макэр, проректор, выводит тяжущихся и выступает в роли государственного адвоката.

Суд над холопами

По большей части это гнусное, обиденное дело. Два холопа спорят о праве собственности на ярмо волов. Торговец из Понтдебуа требует от зажиточного фермера плату за белье. Старик сопротивляется требованиям старшего сына отдать его под опеку: младшие дети говорят, что их брат очень хочет получить ферму. Если решения суда и не столь мудры, как у Соломона, то они быстры и, вероятно, представляют собой значительную справедливость. Но есть и более серьезные дела. Весть о празднествах в Сент-Аликисе разнеслась по всему миру. Все злые духи этого региона узнали о своем шансе. Несколько уволенных наемных солдат вторглись в деревню, украли у крестьян кукурузу, свиней и кур, оскорбили их женщин и увенчали свои деяния обстрелом многих домиков и нападением на трех жонглеров, отправившихся на турнир. Они как раз собирались обобрать их до нитки, когда подоспел отряд людей начальника тюрьмы и сумел схватить двоих из этих крепких негодяев. Сир Макэр также арестовал молодого крестьянина, который больно ранил пожилого фермера, когда они ссорились из-за тельника.

Это второе дело было улажено в кратчайшие сроки. У обвиняемого плохая репутация. Он должен весь день простоять на скамье подсудимых, а затем его клеймят на лбу раскаленным железом, чтобы все люди остерегались его. Что касается предполагаемых разбойников, то здесь дело обстоит не так просто. Они хранят угрюмое молчание и отказываются выдать логово своих товарищей, которым удалось сбежать. Проректор намекает, что они могут быть *халегринами*, разбойниками самого отвратительного типа, которые, как говорят, разграбляют могилы и пожирают человеческую плоть. Очень может быть, что они принадлежат к той печально известной банде разбойников, многих из которых король Филипп заманил в стены Буржа, а затем закрыл ворота и убил их, захватив всю добычу. Такие ребята, конечно, пища для ворон, но нельзя позволять им слишком легко расставаться с жизнью.

"Пусть барон распорядится о подготовительных пытках?" - предлагает сир Макэр со зловещей улыбкой. Конон кивает. Два звероподобных несчастных стонут и напрягаются в своих оковах. Подготовительные пытки, как им хорошо известно, применяются как для получения признания вины, так и для выпытывания сведений о сообщниках.

Следовать за прокурором, его стражниками, и его пленниками в некую башню, где в нижнем сводчатом помещении лежат различные железные и деревянные инструменты, не доставляет никакого удовольствия. Нам дают понять, что пытки - вполне обычная часть уголовного процесса, если только обвиняемый - не знатный человек, чье предполагаемое преступление не затрагивает безопасность государства. Правда, мудрые люди не одобряют эту практику. Что может быть яснее того, что написал папа Николай I в 866 году н.э.?

"Признание должно быть добровольным, а не вынужденным. С помощью пыток невинный человек может страдать до последнего, не давая никаких показаний - какое же это преступление для судьи! Или же человек может быть покорен болью и признать себя виновным, хотя он невиновен - что влечет за собой столь же большой грех для трибунала". Тем не менее, говорят, что церковь теперь разрешает пытки в своих собственных церковных судах, а сир Макэр цинично говорит нам, что "пытки - это суверенное средство, с помощью которого можно творить чудеса и заставлять немых говорить".

Пытки в Сент-Алике применяет трезвый человек в странном желтом одеянии. Он известен как мэтр Дени,^[51] "заклятый палач" барона. Он выступает в роли мучителя, главного тюремщика, а также занимается обезглавливанием и повешением. Профессия палача подразумевает значительный остракизм. Семьи палачей вынуждены заключать браки между собой, между вотчиной и вотчиной; сыновья палачей следуют призванию своих отцов. С другой стороны, это гарантированная должность, с хорошими привилегиями и не слишком тяжелым трудом. Мэтр Дени - тихий и благочестивый человек, который может увещевать осужденных преступников так же ханжески, как священник; но его благочестие никогда не заставляет его лгать о милосердии.

Разновидности пыток

Безусловно, существует множество способов помочь преступнику сделать полное признание. Формы пыток варьируются от региона к региону. В Бретани преступника часто привязывают к железному стулу и постепенно подводят к пылающему огню; но в Нормандии лучший эффект достигается, когда один большой палец зажимают своеобразным винтом при обычной, а оба больших пальца - при экстраординарной (вдвойне жестокой) пытке. В Аутене применяют гениальный метод. После того как на ноги преступника надевают высокие сапоги из губчатой кожи, его привязывают у большого костра и льют на сапоги кипятки, который проникает в кожу, разъедает плоть и дает предчувствие адских мук.

В Орлеане используют другой метод. Руки обвиняемого связывают за спиной и прикрепляют к ним кольцо. За это кольцо несчастного поднимают с пола и подвешивают в воздухе. Если же обвиняемый хочет применить "экстраординарную" пытку, к его ногам прикрепляют гири весом около двухсот пятидесяти фунтов. Его подтягивают к потолку на шкиве, а затем рывком заставляют упасть, вывихнув конечности.^[52]

На самом деле существует множество более простых и удобных методов пыток. Можно влить в обвиняемого кипятки, уксус или масло, приложить горячую смолу, положить под мышки горячие яйца, вставить между кожей и плотью остроугольные игральные кости, привязать к рукам зажженные свечи, чтобы их можно было съесть одновременно с воском, или позволить воде капать с большой высоты на живот. Это, как утверждают, сломить самых упрямых преступников, как и поливание подошв ног соленой водой и предоставление козам возможности лизать их.

Однако обычным методом является дыба. Преступника укладывают на деревянный помост, привязывают к его конечностям шнуры, а затем неуклонно затягивают лебедками. В свое время барон Гарнье проявил большой интерес к приобретению хорошо сделанной дыбы. Теперь она используется для "растягивания" двух разбойников. К счастью, эти преступники ломаются после того, как первый из них совершает несколько оборотов до вывиха конечностей, и к удовлетворению начальника тюрьмы они выкрикивают различные подробности о том, как можно взять их товарищей. Поэтому пленников оставляют под стражей до тех пор, пока их показания не будут расследованы. Горе им, если они солгали! В этом случае им обещаны гораздо более жестокие пытки, чтобы они устали от жизни.

Пока сир Макэр ведет свой отряд за оставшимися разбойниками, мэтр Дени ведет двух пленников обратно в тюрьму. Действительно, от большого государственного зала во дворце до камер под старым донжоном всего несколько футов. В своем заключении узники слышат веселье гостей барона. Через вентиляционные отверстия до них доносится музыка жонглера. Временами они почти улавливают шелест богатых платьев знатных женщин. По сравнению со своим дядей Конон считается милосердным стражем, но он не позволяет преступникам забыть о своих грехах из-за доброты.

Заклученные и темницы

Благородные узники имеют право на относительно удобные помещения, на двойной паек приличной пищи, на внесение залога, если их предполагаемое преступление не очень тяжкое, и на освобождение под разумный выкуп, если они являются военными пленниками. У холопов нет таких привилегий. Им повезло, если сначала их не раздевают догола, как щипцы перед тем, как за ними загрохочет замок. Обычно их бросают в грязные ямы, иногда с водой, текущей по полу, и с рептилиями, размножающимися в трясине. В Париже, где король считается более мягкосердечным, чем средний сеньор, мы слышали о камере размером всего одиннадцать на семь футов, в которую бросили на ночь десять человек. Конечно, это были не великие преступники. Последние могли наслаждаться *chausse d' hypocras*, где человек постоянно держал ноги в воде, или *fosse* - круглой камерой в форме кувшина, вделанной в недра скалы, в которую заключенных спускали на шкиве с потолка;^[53] или камерой Little-Ease, где нельзя было ни сидеть, ни стоять. Однако, если у вас есть деньги, вы можете иногда подкупить ключников, чтобы они позволили вам получить камеру более уединенную и менее шумную, с роскошью постели и стула;^[54] но в любом случае тому, кто попадает в феодальную тюрьму, лучше обратиться к своему святому покровителю.

Мэтр Дени обошелся с двумя разбойниками не так уж плохо, насколько это было в его силах. Он оставил им одежду - ведь их наверняка казнят, а одежду он сможет получить позже. Он не положил их в *фоссе* (куда барон Гарнье иногда сбрасывал своих жертв), потому что потом их придется поднимать. Он дает им грубый хлеб и немного мяса, непригодного для собак, одновременно советуя им "под честное христианское слово" посоветоваться с отцом Грегуаром.

Несчастливая пара недолго сомневалась в своей судьбе. Они рассказали правду о логове своих товарищей. Банда прокурора застает их врасплох. Шестеро закоренелых разбойников, занятых подсчетом награбленного, оказываются поверженными. Но зачем утомлять мессира барона пустой формой суда над этими грабителями, если нет смертельных сомнений в их виновности и из них нельзя извлечь никакой новой информации? Поэтому им перерезают горло так же бесцеремонно, как поваренок ухаживает за голубями. На следующий день, совершенно случайно, сир Макэр докладывает своему господину об успехе и замечает: "Полагаю, сир, что Дени сможет повесить тех двоих, что у него в темнице". Конон (как раз собирающий отряд ястребов) отвечает: "Как только капеллан сможет их остричь". Почему, опять же, заключенные должны жаловаться? Им, безусловно, позволено достойно подготовиться к следующему миру, в чем им полностью отказали их товарищи.

Если бы существовали хоть какие-то сомнения в виновности двух бандитов, они могли бы в отчаянии попытаться оправдаться *перед судом*. Если бы они могли выбрать камень из котла с кипящей водой, поднять и нести раскаленное железо или даже причаститься Святых Таинств (предварительно призвав Бога поразить их насмерть, если они виновны), и после такого

испытания не выглядели бы хуже, они могли бы претендовать на свободу. *Испытания* - это старое германское словоупотребление. Они, по-видимому, отсылают принятие решения к всевидящему Богу. Но со времен Карла Великого они стали отходить на второй план. Великие церковники, как правило, слишком разумны, чтобы поощрять их. Люди, сведущие в законах, говорят, что часто они вырывают справедливость. Храбрые рыцари заявляют, что единственное достойное испытание - это поединок двух чемпионов.

Ордалии, пилюли и порка

Иногда, вместо того чтобы спорить, клирики берут на себя труд доказать свою правоту, "пройдя через огонь" - пройдя по узкой дорожке между двумя огромными кучами пылающих костров и уповая на то, что Небеса защитят их так же, как трех еврейских детей в печи Навуходоносора. Такие испытания редко бывают удовлетворительными. Люди до сих пор спорят об испытании, выпавшем на долю монаха Петра Бартельми во время Первого крестового похода. Его обвинили в притворном чуде, и он пытался оправдаться тем, что "прошел сквозь огонь живым". Все согласились, что он вышел из пламени живым, но через несколько дней он умер. Его враги говорили, что он сильно обгорел, а друзья - что, хотя он и не пострадал от огня, его просто затоптала толпа, бросившаяся узнать его судьбу!

Единственный случай, когда можно положиться на испытания, - это проверка на колдовство. Если в этом обвиняют старую женщину, ее связывают по рукам и ногам и бросают в реку. Если она поплывет, значит, ей помогает дьявол; поэтому вытащите ее и сожгите на костре. Если же она утонет (как в недавнем случае в Понтдебуа), то она невиновна. К сожалению, в данном случае бедняжка пошла ко дну прежде, чем удалось установить, что она невиновна; но святые знают своих, и, несомненно, они воздали по заслугам и упокоили ее душу.

Естественно, многие мелкие правонарушения не заслуживают смерти. Преступники обычно слишком бедны, чтобы платить штрафы, и пускать их в тюрьму на определенный срок - пустая трата хлеба честных людей. Для мелких проступков часто бывает достаточно провезти негодяев в телеге по соседним деревням, выкрикивая их имена под улюлюканье и ливень помоев. Но в деревне за Клером находится тюрьма для большого класса мошенников. Это своего рода высокий эшафот с несколькими комплектами цепей и деревянных ошейников, через которые продевают руки и головы преступников, и они часами стоят под жарким солнцем или зимним холодом, подвергаясь насмешкам и ударам камешками собравшихся внизу бездельников.

Следующим этапом наказания иногда является публичная порка. Заключенного раздевают до пояса и водят по сеньории. На каждом перекрестке его стражники наносят столько-то ударов по плечам узловатой веревкой. Мы уже видели, как одного молодого проказника клеймили, чтобы наложить на него неизгладимое клеймо; нередко можно встретить мужчин и женщин с отрубленной рукой или даже выколотым глазом в качестве милосердной замены их истинных заслуг на виселице. Старый барон Гарнье однажды, когда был особенно разгневан, приказал применить "горячую чашу", то есть провести раскаленный мангал перед глазами своей жертвы, пока зрение не будет уничтожено.

Но если холоп совершил тяжкое преступление, его лучше удалить из этого беспокойного мира. Мертвецы никогда не беспокоят проректора дважды. По всей Франции виселицу можно встретить почти так же часто, как замок, аббатство или деревню. У многих раскидистых деревьев у дороги на одной из ветвей болтается скелет. Повезло крестьянской семье, в которой не повесили кого-нибудь из ее членов, и даже тогда многие мошенники умирают в своих постелях. Учитывая всеобщую порочность, создается впечатление, что

между преступниками и палачами идет вечная гонка, причем преступники значительно опережают друг друга.[\[55\]](#)

Общественная виселица

Существует почти столько же видов казни, сколько и пыток. Страшных преступников, грубых богохульников, и тому подобных можно убить четвертованием: сначала их плоть отрывают раскаленными щипцами, а в раны заливают горячий свинец; затем смерть наступает как освобождение, когда к каждой руке и ноге привязывают сильную лошадь и разрывают жертву на четыре части. Ведьм, колдунов и еретиков, конечно же, сжигают, поскольку таким образом они приобщаются к стихии своего покровителя, дьявола. Однако для большинства злоумышленников обычным финалом становится обезглавливание или повешение.

Обезглавливание - это "почетно". Это дворянское наказание за проступки. Жертва не унижается и не оставляет клейма на своих детях. В Англии палач использует топор, но во Франции он обычно размахивает большим двуручным мечом. Искусный палач делает свое дело одним ударом - самая милосердная форма ухода из жизни.

Повешение, однако, "бесчестно". Иногда ему подвергаются дворяне, которые особенно сильно разозлили своих судей. Отныне люди будут кричать своим опозоренным детям: "Их отец был преступником". Когда холопа приговаривают к смерти, его обычно вешают, если не указан другой способ. В деревне близ Сент-Аликуа виселица находится рядом с пилюлей. Она не так велика, как огромная виселица в Монфоконе, недалеко от Парижа, на которой кончают многих городских преступников, и где есть большой ряд каменных столбов с деревянными перемычками, расположенных в два этажа, составляющих в общей сложности двадцать четыре отсека. Здесь установлены постоянные лестницы, по которым преступники поднимаются наверх. Когда все отсеки заполнены и требуется дополнительное место для казней, часть скелетов сбрасывают в глубокую, отвратительную яму в центре сооружения. Менее претенциозная виселица Сен-Аликуа имеет всего четыре отсека. Сооружение стоит близко к дороге, чтобы все могли узнать, насколько энергичны баронские стражи. Однако два отсека сейчас пустуют, и сир Макэр рад возможности их заполнить.

Поскольку оба разбойника быстро дали признательные показания, их не подвергают "предыдущей" пытке, то есть новому избиению в качестве дополнительного наказания перед казнью. Однако их заставляют выполнить *почетную поправку*. Для этого их приводят в приходскую церковь в деревне. В руки каждой жертвы вставляют длинную свечу. Их тащат вперед за петлю, а у дверей церкви они падают ниц и плачут: "Мы тяжко согрешили против Неба. Наше наказание справедливо. Мы просим прощения у Бога и людей. Да смилостивится Небо над нашими душами!" Затем их заставляют вернуться к телеге, на которой их везут на казнь.

"Ехать на телеге" - это привычное выражение, обозначающее путь на виселицу. Для благородного узника быть вынужденным отправиться в свой последний путь на телеге, а не на кавалерийской лошади, - последний штрих унижения. Двух бандитов, надежно пристегнутых, усаживают в двухколесное транспортное средство, сопровождаемое мэтром Дени и помощником, а также отцом Грегуаром, читающим молитвы. За ними, кажется, следуют все развратные парни низкого сорта во всей округе, и даже некоторые рыцари и дамы, приехавшие на турнир, не преминули выгнуть шеи и поглазеть вслед шумной процессии. Повешения в Сент-Алике случаются достаточно редко, чтобы вызвать некоторое волнение. На виселице мэтр Дени действует с пугающей ловкостью. Сначала одного, потом другого преступника тащат по лестнице с петлей на шее, а затем с милосердной быстротой отправляют в вечность. Хороший палач не позволяет своим жертвам долго мучиться. Вскоре

над виселицей будет кружить стая ворон, совершая последние обряды над нарушителями закона, а глазеющая толпа разбежится.

Церемонии во время казни

Бедным несчастным повезло, что их мучения не продлеваются такими обычаями, как в Париже. Там многие повозки смерти останавливаются у монастыря Филе-Дье, где монахини обязаны дать каждому осужденному преступнику стакан вина и три куска хлеба. От этого жалкого угощения редко кто отказывается, и огромная толпа стоит, озираясь, пока оно не будет съедено. Отец Грегуар также милосердно воздержался от длинного публичного увещевания у виселицы о том, что "возмездие за грех - смерть", - еще один обычай перед тем, как преступников отпускают. Но после совершения преступления исповедник, палач и проректор не отказываются от своей привилегии после каждой такой церемонии - обильного банкета в замке.

Эти процедуры были неприятными, но не слишком необычными перерывами между такими событиями, как свадьба и свадьба. Пришло время вернуться к молодому сквайру Эймери и посмотреть, как его воспитывали и "кормили", готовя к величайшему событию в его жизни.

ССЫЛКИ:

[45] См. с. 379, 380.

[46] Разумеется, сеньор, грубо посягнувший на мирно путешествующего рыцаря или, на худой конец, холопа с законным поручением, проезжающего через баронство, мог предстать перед собственным трибуналом своего сюзерена за "отказ в правосудии", и (в явных случаях) все его положение могло оказаться под угрозой.

[47] См. с. 380.

[48] Из-за расходов и хлопот, связанных с посещением суда сюзерена, а также из-за риска выступать в качестве судьи, эта феодальная обязанность часто выполнялась плохо.

[49] Кроме того, было четко осознано, что "право на дуэль" подвержено злоупотреблениям, и были предприняты успешные попытки ограничить его (1) очень серьезными правонарушениями; (2) случаями, когда против обвиняемого не было прямых, а только косвенные улики.

[50] Случай, когда Людовик IX заседал под большим деревом в королевском лесу в Венсенне, можно вспомнить как типичный для этого обычая.

[51] За пределами баронства он, вероятно, был бы известен по имени сеньора, которому служил, *например*, "мэтр Сент-Алики". Вплоть до самой революции главным палачом столицы Франции был "месье Париж".

[52] Этот метод пытки "корчами", по-видимому, обычно использовался инквизицией, которая начала свою несчастную историю в XIII веке.

[53] Это была одна из знаменитых *камер Oubliettes* ("Камеры забвения") или *Vade-in-pace* ("Отступление в мир"), где заключенных оставляли голодать в кромешной тьме или, возможно, кормили несколькими кусочками, сбрасываемыми из отверстия в своде.

[54] Большой уступкой в парижских тюрьмах стало распоряжение правительства, согласно которому тюремщики в более публичных отделениях должны были "держать на тротуаре большие тазы, чтобы заключенные могли брать воду, когда им захочется".

[55] Разумеется, ужасная суровость наказаний заставляла многих людей, виновных в сравнительно небольших проступках, чувствовать, что они согрешили сверх меры. Поэтому они с головой окунались в карьеру великих преступлений, чтобы "оттянуться" перед неизбежной виселицей.

Глава XI: Воспитание феодального дворянина.

Благородному трубадуру Бертрану де Борну, товарищу Ричарда Львиное Сердце, приписывают маленькую песенку, которую, кажется, повторяют во многих замках.

Мир не радует меня!
Война - будь моим делом!
Закона я не знаю
Кроме хорошего удара!

Дворяне наслаждаются войной

Даже сеньор, благочестиво кивающий головой в знак согласия со всем, что монахи и священники утверждают в похвалу миру, в глубине души желает, чтобы молиться о бодрой борьбе было не грешно. Быть хорошим воином, уметь принимать и наносить сильные удары, наслаждаться восторгами победы над смелыми противниками и, наконец, умереть смертью воина на "поле чести", а не "коровьей смертью" в своей постели - таково стремление почти каждого дворянина, достойного своего дворянства.

Бертран де Борн вновь выразил эту жестокую радость в еще более подробном виде:

Я не ценю ни мяса, ни питья, кроме
Криков: "Вперед! Вперед!" из горла, которое трещит:
Рычания, когда испуганные кони несутся вскачь,
без всадников и бешеной стаи,
И лес звенит.
Призывы: "Помогите! Помогите!" - воины лежат
У рва, с поблекшими бровями.
К траве и жнивью прижавшись.

А потом - тела, не знающие помощи.
Все еще пронзенные сломанным копьём или клинком....

Идите, бароны, поспешите, приведите
Своих вассалов для дерзкого набега; -
Рискуйте всем - и пусть игра будет сыграна!

Очевидно, что другие и якобы более мирные эпохи найдут в феодальной эпохе очень кровавый мир.

Есть, по крайней мере, одно смягчающее обстоятельство. Даже во Франции зимы холодные, дни короткие, ночи длинные. Замки в лучшем случае представляют собой прохладные, затхлые казармы. Множество людей живут в небольшом пространстве и постоянно толкаются друг с другом. От скуки многие бароны становятся капризными и тираническими. Даже в летнее время охоты, соколиные охоты, выступления жонглеров и турниры становятся все скучнее. Часто средний кавалерист настроен на войну только потому, что ему ужасно скучно.

КОСТЮМ ДВОРЯНИНА (XIII ВЕК)

Лица пожилых воинов вокруг Сент-Аликиса; огромные шрамы на щеках, подбородке и лбу; изуродованные носы и уши - все это говорит о том, какой напряженной была большая часть их жизни. Шрамы - почетные знаки. Эймери почти сожалеет, что на его юношеском лице нет порезов, хотя сир Юстас, его наставник, мрачно уверяет его, что "эта беда со временем пройдет". Сейчас Эймери девятнадцать лет. Брат дал ему тщательную подготовку, как подобает кадету большого дома, а затем устроил так, чтобы его "вскормил" - то есть взял в семью и воспитал оруженосцем - влиятельный граф. К несчастью, как раз в тот момент, когда

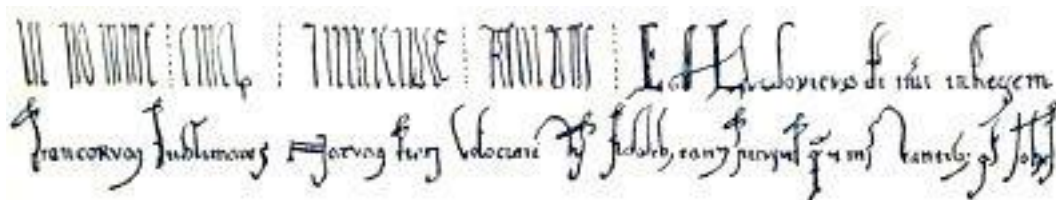
Эмери собирался потребовать у своего господина рыцарского звания, тот внезапно умер. Поэтому он вернулся в Сент-Алики и несколько месяцев с нетерпением ждал, пока Конон сможет дать ему приданое, достойное имени Сент-Алики.

С ранней юности успех в оружии представлялся Эймери как единственное, ради чего стоит жить. Правда, его учили быть благочестивым. Он понимает, что Бог создал священников и монахов, которые своими обрядами и молитвами могут помочь добрым воинам попасть в рай. Но у оруженосца никогда не было ни малейшего желания самому стать священнослужителем. Он благодарит свою божественную покровительницу, святую Женевьеву, за то, что Конон не поступил с ним так, как поступают со многими младшими братьями, и не принудил его к церкви. Что такое стать ленивым богатым каноником или даже великолепным лордом-епископом, если не испытывать даже скромных радостей простого сира с небольшим замком, быстрой лошадью, хорошими ястребами и несколькими крепкими помощниками? Эймери научился благочестиво посещать мессу и безропотно принимать учения священников, но его нравственное воспитание почти полностью основано на "вежливости" - очень светском кодексе. Поэтому он действует в соответствии с советом, данным ему еще в юности: "Почитай всех церковников, но следи за своими деньгами".

Еще одно хорошо запомнившееся предостережение - никогда не доверяться холопам. Он не может, правда, отказаться иметь с ними дело. Он должен относиться к ним обычным образом, соблюдая приличия, но никогда не доверять им как настоящим друзьям. Неблагородные люди привычно лживы. Они не могут понять, что такое "честь кавалера". Они способны на все виды низменных злодеяний. Мудрый человек будет поддерживать дружеские отношения только со своими благороднорожденными сверстниками, а барону в общении с нижестоящими не свойственна гордость.

Литературное образование молодых дворян

Несмотря на то, что Эмери должен стать воином, он получил определенную подготовку в науке письма. Правда, многие сеньоры не могут прочесть ни слова на пергаментях, которые их подьячие толкуют, составляют или скрепляют для них печатью,^[56] но это действительно очень неудобно. Конон искренне благодарен за то, что он не находится во власти отца Грегуара. Еще одна причина для распространения грамотности - множатся восхитительные книги о романтических приключениях. Поэтому младшего брата отдают в школу при соседнем монастыре, где (вместе с несколькими другими дворянскими сыновьями) ему достаточно прививают искусство клерка, чтобы он мог сносно читать по-французски, подбирать некоторые латинские фразы и неуклюже выводить буквы на восковых табличках - писать стилусом, как это делали древние.^[57]

ГОТСКОЕ ПИСЬМО

Из таблицы XIII века.

Овладев этим чудесным искусством чтения, которым Эймери овладел еще в детстве, он смог погрузиться в чудесные пергаменты с романами, повествующими об отважных деяниях

древних. Особенно много он узнал о Троянской войне, которая была одной долгой междоусобной войной между северофранцузскими кавалерами, сражавшимися за прекрасную Елену, заточенную в крепком замке. Его симпатии возбуждались к Гектору, как к "нижнему псу". Он читал о многих подвигах, которые ускользнули от внимания Гомера, но были хорошо известны романским труверам. Он упивался сценами резни, где цифры очень точны, ясно сказано, что 870 000 греков и 680 000 троянцев погибли при осаде этой замечательной троянской крепости.

УЧИТЕЛЬ С ФЕРУЛОЙ В РУКЕ

Восстановлено Виолле-Ле-Дюком по рукописи XIII века, хранящейся в Национальной библиотеке.

Почти столь же интересной была история Александра, основанная на версии псевдо-Каллистена. Она сильно отличалась от тех рассказов, которые другие эпохи считают подлинными. Названия битв с Дарием были изменены, в повествование вкрались странные приключения с сиренами, и в конце концов Александр (как гласила история) умер, горько сокрушаясь, что не смог завоевать Францию и сделать Париж своей столицей.

История Сезара также доступна, но она кажется менее романтической, хотя и полна эпизодов с феями и карликами.

Что касается истории Франции, то Эмери узнал, что первоначально страну заселили изгнанные троянцы, затем пришли римляне, а еще через некоторое время встречается великий император Карл Великий, подвиги которого переплетаются с победой Карла Мартела над сарацинами. Карл Великий, как мы знаем, совершил крестовый поход в Святую землю и взял Иерусалим, хотя позже неверные вернули его себе. Новейшая французская история оставалась весьма неоднозначной в сознании молодого дворянина до великого Клермонского собора (1095), который положил начало Первому крестовому походу. Однако в столетие, прошедшее после этого великого события, события вырисовываются отчетливо, и, конечно, он знает всю историю местных баронских домов, вплоть до истории мелкой вражды сорокалетней давности между двумя бургундскими графами.

Но что такое монашеские или жонглерские познания по сравнению с истинным делом прирожденного кавалера? В семь-восемь лет Эмери фехтовал затупленной шпагой. С десяти лет он стал брать более регулярные уроки фехтования, сначала у сира Юстаса, потом у профессионального мастера, увлеченного гасконца, нанятого Кононом. Так же рано у него появились лошадь, ястребы и собаки; его научили самостоятельно ухаживать за ними, и вскоре ему разрешили совершать длительные поездки в одиночку в густой лес, чтобы развивать находчивость, чувство направления и умение работать с деревом. Затем, когда он подрос, брат начал читать ему длинные лекции, чтобы он стал лучше, как Адела наставляла Алиенора.

Напутствия молодым кавалерам

Однажды Конон увещевал его в стиле старого графа Ги, наставлявшего своего сына Дуна в эпосе "Дун из Майенса". "Задавай вопросы хорошим людям, которых ты знаешь, но никогда не доверяй незнакомцам. Каждый день, честный брат, служи святой мессе; и всякий раз, когда у тебя есть деньги, раздавай их бедным - Бог оплатит тебе вдвойне. Будь либерален в подарках ко всем, ибо скупой кавалер в конце концов потеряет все и умрет в нищете; но везде, где можешь, давай без обещания дать снова. Приходя в незнакомый дом, громко кашляйте, ибо там может происходить нечто такое, чего вам не следует видеть. Когда вы находитесь в знатной компании, играйте в нарды: вас будут больше ценить. Никогда не шумите и не шутите в церкви; это делают только неверующие. Если вы хотите избежать неприятностей, не вмешивайтесь и не претендуйте на знания, которыми вы не обладаете. Не относитесь к своему телесному слуге как к равному себе, то есть не позволяйте ему сидеть рядом с вами за столом или брать его с собой в постель; чем больше чести вы оказываете холопу, тем больше он вас презирает. После женитьбы ни в коем случае не раскрывай жене секретов, ибо, если она их узнает, ты расквасишься в своем поступке при первой же досаде". И с этим пронзительным выпадом в адрес Аделы поток мудрости на время прекратился.

К пятнадцати годам Эймери научился читать и писать, ездить верхом и стрелять из лука, играть в шахматы, шашки и нарды, бренчать на арфе и петь чистым голосом, стрелять из арбалета и фехтовать с большим мастерством. Он также учился обращаться с легким копьем и щитом, сидя верхом на лошади. Затем произошло его первое большое приключение - брат отправил его к благородному графу Бернону, чтобы тот его "подкормил".

Чем выше был барон, тем сильнее он хотел, чтобы в его замке в качестве *нуррисов* размещались благородные отпрыски, которые служили бы его оруженосцами и обучались кавалерийскому искусству. Бернон держал одновременно трех оруженосцев, как и сам Конон. Это дружеская любезность - послать старому товарищу по оружию (каковыми были эти два сеньора) весточку, сказав: "У тебя прекрасный сын (или брат); отправь его "на воспитание" в мой замок. Когда он достигнет зрелого возраста, я дам ему меха и колесницу и назову его рыцарем". Конечно, быть воспитанником такого великого лорда, как герцог Квелькепарт, было большой честью, но младшие сыновья или братья не часто удостоивались такой удачи. Мелкие дворяне вынуждены были отправлять своих сыновей в поместья бедных сэров своего ранга, которые могли содержать только одного оруженосца.

Обучение оруженосца

Поступив в оруженосцы к графу, Эймери вскоре узнал, что его хозяин стал для него чем-то вроде второго отца - он упрекал и поправлял его с большой прямоотой, но брал на себя такую же ответственность за его обучение. В дальнейшем, что бы ни случилось, ни один бывший оруженосец не мог сражаться со своим бывшим хозяином, не совершив при этом явного нечестия. Однажды император Карл Великий в порыве страсти ударил героя Роланда по лицу. Роланд покраснел. Его кулак сжался, но потом он вспомнил, как Карл Великий его "кормил". Он принял оскорбление, которое ему не мог нанести ни один другой смертный.

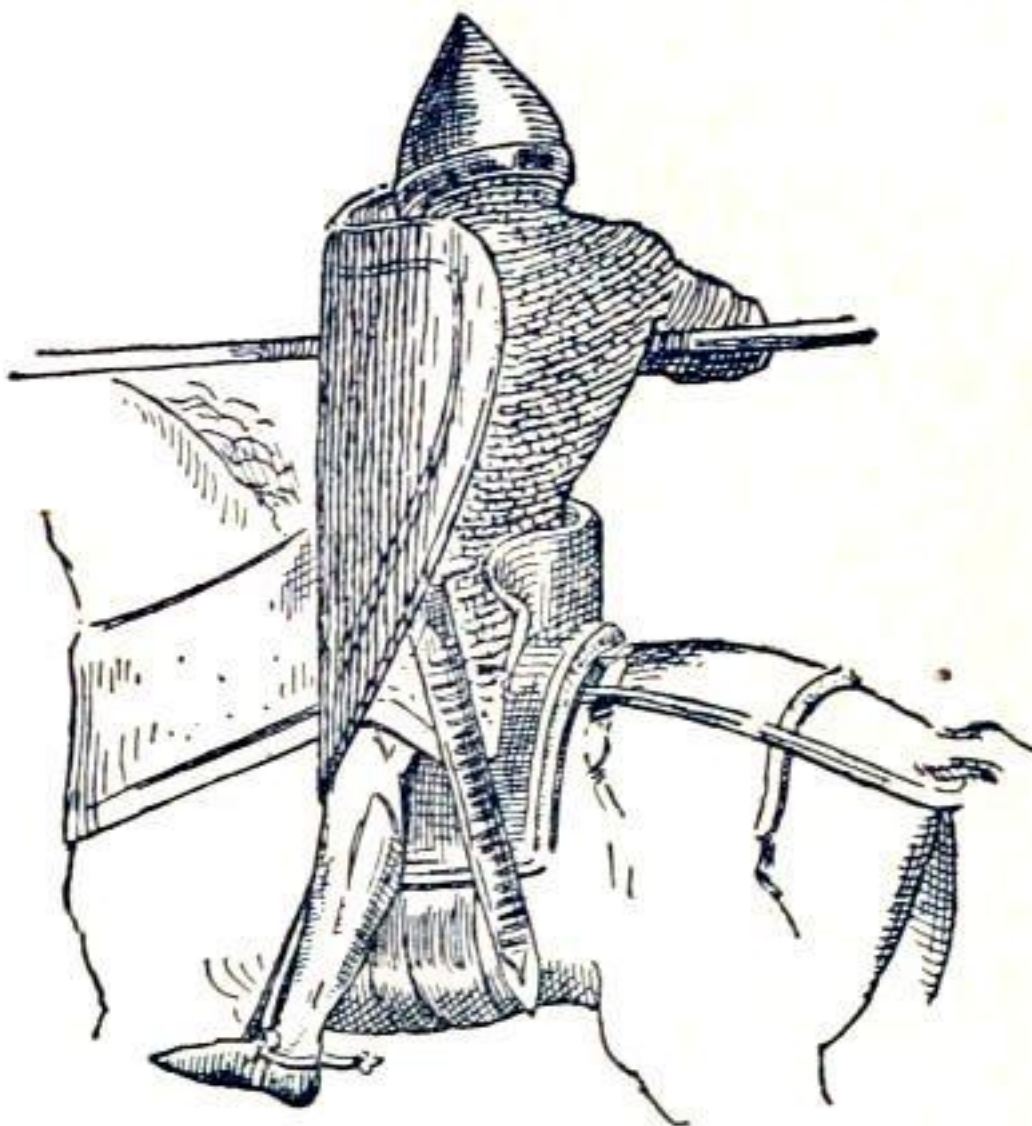
Считается, что ни отец, ни брат не могут обеспечить достаточную дисциплину подрастающему мальчику и что "прежде чем управлять, ему следует научиться повиноваться, иначе он не оценит благородства своего звания, когда станет рыцарем". Эймери в замке де Бернон, несомненно, получил свою долю дисциплины не только от графа, но и от двух старших оруженосцев, которые поначалу нещадно тиранили его, пока они не стали рыцарями, а он не обзавелся двумя новыми товарищами моложе себя, с которыми поочередно играл в деспота.

На службе у своего господина Эймери стал искусен в обращении с оружием. Сначала ему разрешили носить большой графский меч, копье и щит, чтобы он научился, как с ними обращаются старшие дворяне. Затем ему выдали собственное оружие и почту, и он приступил к утомительным тренировкам на наклонном дворе, осознав, что большая часть его жизненного счастья будет заключаться в том, чтобы уметь крепко держать копье, пока его лошадь скачет, честно бить острием по вражескому щиту, пока не сломается крепкое копье или противник не вылетит из седла, и в то же время крепко сжимать коленями собственное седло, прикрывая грудь и голову от смертельного удара щитом. Кувырок, удар, восстановление - кувырок, удар, восстановление - он должен отрабатывать это тысячу раз.

В это время он сопровождал графа как постоянный спутник. Он вставал на рассвете, шел в конюшню и выхаживал лучшую лошадь своего хозяина; затем возвращался в замок, чтобы помочь своему начальнику одеться. Он ждал своего господина и госпожу за столом. В его обязанности входило принимать знатных гостей, готовить их покои и вообще заботиться об их комфорте. В походах он вел большого боевого коня графа, когда сеньор ехал на своей

менее пылкой полуторке; при необходимости он передавал своему господину оружие. На турнирах он стоял у края списков, готовый броситься и вызволить графа из-под топота лошадей, если тот будет разбит. От него ожидали, что он будет сражаться только в случае крайней необходимости, когда его господину будет угрожать большая опасность; но Бернон был галантным рыцарем, и не раз в жарких схватках Эймери получал возможность применить свое оружие.

В то же время он учился вежливости. Ему доверили сопровождать графиню и ее дочерей. Он развлекал играми, шутками и песнями знатных дам, приезжавших в замок. Он узнавал все подробности о делах своего господина. Граф должен был относиться к нему как к младшему самодержцу, доверять ему секреты, посылать его в качестве конфиденциального гонца по деликатным делам, позволять ему носить кошелёк в путешествиях и хранить ключи от сундуков, когда он находился дома. После того как Эймери стал первым оруженосцем, он должен был также помогать сенешалю в последнем ночном обходе замка, чтобы убедиться, что все заперто и охраняется; затем он должен был спать у дверей графских покоев. Несомненно, поскольку граф был человеком благородным и способным, Эймери получил от него обучение огромной ценности. Еще в детстве на него были возложены большие обязанности, он научился передавать команды и справляться с трудными ситуациями. Он был знаком со всеми обычными случаями жизни дворянина. Когда он сам стал рыцарем, то уже не был новичком во всех суровых проблемах феодальной жизни.

МАНЕВРИРОВАНИЕ С КОПЬЕМ В XIII ВЕКЕ

Восстановлено Виолле-Ле-Дюком по рукописи, хранящейся в Национальной библиотеке.

Таким образом, брат Конона за четыре года стал восхитительным *damoiseau* (маленьким лордом), эпитет, безусловно, более похвальный, чем его частичный эквивалент "оруженосец" (*escuier*, щитоносец).^[58]

Военные упражнения, квинтейн

Разумеется, его военная подготовка шла полным ходом. Вскоре ему разрешили наклоняться с конем и копьем к *квинтайну*. Это манекен, покрытый почтовым плащом и щитом и установленный на столбе. Всадник мчится к нему на полном скаку и пытается пробить копьем щит и доспехи. Существует множество вариантов усложнения поединка. После того как Эймери научился наносить точные удары *по квинтайну*, он сделал свой первый выпад против старшего оруженосца. Он никогда не забудет, как вражеское копье раскололось о его щит; как почти непреодолимая сила, казалось, выбила его из седла; как он с ужасом обнаружил, что его собственное копье безвредно отскочило от щита его противника, наклоненного под хитрым углом. Но практика помогает совершенствоваться. Когда он наконец вернулся в Сент-Алики, его родной брат едва не остался без лошади, когда они попробовали дружеский поединок у барбакана.

Так Эймери завершил свое образование. Если ему не удалось научиться смирению, гуманности по отношению к холопам и тому высокому уважению к женщинам, которое рассматривает их не просто как существ, достойных похвалы и ухаживаний, но как равных себе в моральном и интеллектуальном плане, то он, по крайней мере, усвоил высокие стандарты чести в общении со своими коллегами-дворянами. Доверие, оказанное ему его господином, стало для него основополагающим убеждением: лучше дюжину раз погибнуть, чем предать доверие. Он считает, что слово кавалера должно быть лучше, чем клятва невежественного человека. Что касается мужества, то лучше умереть, как Ганелон, растерзанный дикими лошадьми, чем проявить страх перед лицом физической опасности. Его также учили культивировать добродетель щедрости до почти губительной степени.

Безвозмездность - один из признаков истинного дворянина. Щедрость восхваляется менестрелями почти так же, как храбрость. "Тот не настоящий рыцарь, кто слишком жаден". Поэтому деньги, скорее всего, будут течь сквозь пальцы Эймери всю его жизнь. Единственный плюс в том, что, хотя он будет постоянно *отдавать*, он будет так же постоянно *получать*. Среди знати идет непрерывный обмен подарками - лошадьми, доспехами, мехами, ястребами и даже деньгами. Все богатство на самом деле исходит от крестьян, но их господа небрежно распоряжаются им, хотя не они его создают. Однако даже холопы жалуются, если их хозяева не заставляют толпы людей подолгу собирать медяки, не понимая, что эти самые медяки - их собственный пот и кровь.

Требование рыцарства

Как уже говорилось, хозяин Эймери умер (к искреннему горю его оруженосца) незадолго до того, как тот успел сказать ему по формуле: "Прекрасный сир, я требую от вас рыцарства". Соответственно, юноша вернулся в Сент-Алики и стал ждать каких-то действий от своего брата. Рыцарство означает для благородного юноши достижение совершеннолетия. Оно подразумевает признание себя полноправным членом той аристократии, которая была отделена огромной пропастью от холопов. Очень редко рожденные в низах могут надеяться на тот церемониальный буфет, который допускает их в компанию благородных. Если крестьянин проявил недюжинную храбрость и ум, а главное, оказал герцогу или королю необыкновенную услугу, то иногда о его холопской крови могут официально забыть. Но даже если его посвятят в рыцари, всю жизнь с ним будут обращаться как с выскочкой, его барышню будут презирать и поносить знатные женщины, а внукам будут напоминать о том, что их предок запятнал себя.

Правда, не все дворяне могут стать рыцарями. Рыцарство обычно подразумевает наличие минимального земельного владения и способность жить в аристократической праздности. Многие бедные дворяне, и особенно младшие сыновья бедных дворян, остаются холостяками, прозябая в голодных поместьях или служат какому-нибудь сеньору в качестве наемников, надеясь на удачу, чтобы потребовать рыцарства. Но, скорее всего, они так и умрут в своей нищете, завидуя богатым отцам и презирая крестьян и благодаря святых за то, что не прикоснулись к плугу, мотыге или другим вульгарным средствам к существованию.

С другой стороны, есть много сеньоров, которые, хотя и богаты и прозваны рыцарями, тем не менее выдают свои почести распутством и роскошью. Они хуже того барона, которого мы видели *трувером* и собирателем романсов менестрелей, да еще и читающим латинские книги. Монашеские проповедники ругают таких слабаков и притворных галантов. "Сегодня наши воины воспитываются в роскоши. Посмотрите, как они отправляются в поход! Набиты ли их ранцы железом, копьями, мечами? Не так, но кожаными бутылками, наполненными вином, сырами и вертелами для жарки. Можно подумать, что они едут на пир в сад, а не на

битву. Они несут великолепно украшенные щиты, но очень надеются вернуть их обратно не помятыми".[59]

Такие недостойные рыцари, несомненно, встречаются, но они не запятнали все дворянство. Обычный кавалерист всю жизнь готовится к бою; он мечтает о выпадах копьем и вылазках, и меньший из его грехов - избегать смертельных ударов.

Наконец настал великий день, которого Эймери так долго ждал. Завтра Конон провозгласит его рыцарем.

ССЫЛКИ:

[56] Примерно в 1250 году во Франции был "великий камергер", который, похоже, был абсолютно неграмотным.

[57] Рискованно делать обобщения о степени образованности рядовых дворян. Некоторые современные студенты, вероятно, представили бы их как иногда более грамотных, чем Конон и Эмери.

[58] Резкое различие между молодыми слугами, известными как "пажи", и старшими "оруженосцами" едва ли было разработано к 1220 г. н.э. Таких молодых людей также могли называть "варлетами", но это название могло быть дано и не знатным слугам. Когда рыцарство достигло своего расцвета, сложилась теория, согласно которой сын дворянина должен был с первого по седьмой год жить дома с матерью, с восьмого по пятнадцатый проходить обучение в качестве "пажа", а с этого времени до двадцати лет служить оруженосцем. Вероятно, такого точного разграничения времени придерживались редко. Многие амбициозные молодые дворяне служили оруженосцами гораздо меньше семи лет. С другой стороны, многие мелкие дворяне могли оставаться оруженосцами всю жизнь из-за отсутствия средств на содержание уважающих себя рыцарей.

[59] Приведенные слова принадлежат архидиакону Питеру из Блуа, произнесенные им в 1180 г. н.э.

Глава XII: Феодалное оружие и лошади. Обличение рыцаря.

То, что действительно отличает дворянина от холопа, - это превосходство первого в вооружении. Правда, Бог сделал среднего кавалера более благородным, учтивым и мудрым, чем крестьянина; но, в конце концов, его огромное преимущество - материальное. Холопы, бедняги, проводят свои дни с лопатой, мотыгой или в механическом труде. Несомненно, они могут выращивать пшеницу, разводить свиней, ткать полотно или строить дома лучше своих хозяев, но в применении оружия они уступают им в разы. Разве может пахарь, даже если вы дадите ему оружие, удержаться на ногах против дворянина, который с раннего детства обучен владению оружием. Что касается крестьян с их обычным оружием -

фалами, кабаньими копьями, большими ножами, косами, насаженными на шесты, луками и стрелами, - то пусть десять из них встретят одного опытного кавалериста в полном облачении на надежном скакуне. Его броня отразит все их удары. Он, возможно, прострелит мозги или проткнет мордой четверых из них, прежде чем остальные шестеро успеют убежать в лес. Неудивительно, что дворяне отдают закон холопам!

Дворянин - почти всегда всадник. Большую часть его преимуществ обеспечивает великолепный боевой конь, а большую часть - великолепные доспехи, которые позволяют ему часто выходить невредимым из отчаянных схваток и которые настолько дороги, что большинство недворян никогда не смогут себе их позволить. Хороший кавалерист презирает ракетное оружие, он любит схватки. Боуменов презирают, считая их вечными холопами. Поэт говорит: "Трус тот, кто был первым лучником; он был слабак и не смел приблизиться к врагу". А многие армии исчисляются только конницей, как пел другой менестрель о легендарном войске: "В нем было шестьдесят тысяч рыцарей, не считая пеших воинов, которым нет счета".

РЫЦАРЬ В КОНЦЕ XIII ВЕКА

Восстановлено Виолле-Ле-Дюком по рукописи, хранящейся в Национальной библиотеке. Он носит на плечах маленькие металлические бляшки, называемые "аилетт".

Старые воины недолюбливают арбалетчиков - эти ужасные арбалеты, подвешенные на лебедке, которые позволяют пехотинцам, родившимся на базе, посылать тяжелые болты сквозь почтовые рубахи. Это самые неприглядные вещи. В 1139 году Латеранский собор фактически запретил их использование против христиан. Арбалетчики, безусловно, полезны при осаде для расчистки валов или отражения атак; но они так долго сворачиваются после каждого выстрела, что их ценность в открытых сражениях ограничена. Арбалетчики, если их тщательно не защищать, могут быть сбиты кавалерией. Так что еще сто лет рыцарь в кольчуге будет стоять на своем. Затем может появиться английский длинноствольный лук (гораздо более быстрый в своем огне, чем арбалет), и день пехоты вернется.

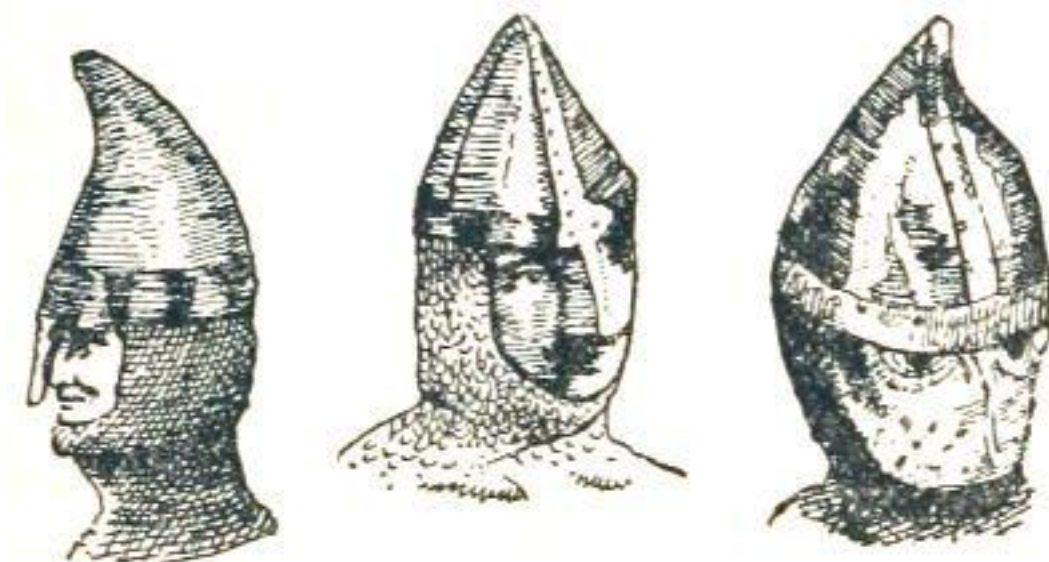
Обучение бою в доспехах

Рыцари постоянно сражаются или, по крайней мере, наиболее жестоко упражняются в поединках, но доля убитых среди них не очень велика. Это объясняется тем, что доспехи делают их практически неуязвимыми. После битвы, если посчитать убитых, то окажется, что все они, как правило, из бедной холопской пехоты или незадачливых лагерников. Однако у этой упряжи есть и неудобства. Она настолько тяжела, что рыцарь становится пленником своих собственных доспехов. Он с трудом может сесть на лошадь без посторонней помощи. А вылетев из седла, он едва ли сможет подняться без посторонней помощи. Самый легкий доспех весит не менее пятидесяти пяти фунтов. Могучие рыцари часто носят гораздо более тяжелые. Но уметь свободно передвигаться, размахивать щитом, управлять лошадью, наконец, с большой силой и точностью управляться с копьем или мечом, и все это в этом громоздком металлическом одеянии - вот чему должны в совершенстве научиться оруженосцы вроде Эймери, прежде чем претендовать на рыцарское звание. Нося такие доспехи, не удивительно, что дворяне всегда предпочитают верховую езду, а пешие сражаются только в экстренных случаях.

Главным элементом доспехов является хауберк. Тот, у кого есть прекрасный хауберк, легкий (учитывая материал), податливый и из такой закаленной стали, что он практически непробиваем, имеет вещь, стоящую небольшого поместья. От этого хауберка часто зависит его жизнь.

В старину, примерно до 1000 года нашей эры, хауберк представлял собой рубаху из кожи или стеганой ткани, покрытую накладными металлическими пластинами, похожими на рыбью чешую. Теперь, благодаря идеям, вероятно, заимствованным у сарацин, это рубашка из кольчуги, прекрасной сети тонких цепочек и звеньев, в изготовлении которых оружейники ("достоинейшие люди среди всех холопов", - заявляет Конон) могут проявить удивительное мастерство. Все двойные и тройные звенья отжигаются. Металл остается ярким и "белым" благодаря постоянной полировке (регулярная работа для оруженосцев), и у Конона есть одна парадная рубаха, которая была посеребрена. Эта одежда представляет собой почти полную защиту благодаря длинным рукавам, длинной юбке ниже колен и капюшону, надвигающемуся прямо на голову и частично закрывающему щеки. Для украшения в звенья иногда вдевают несколько ярких нитей, но сверкающий блеск хорошего хауберка - это его главная заслуга. Овдовевшая графиня Бернон прислала Эймери в знак доброй воли кольчужную рубаху, принадлежавшую ее мужу. Будущий рыцарь клянется, что, надев ее, он никогда не опозорит ее прежнего владельца.

Хауберки, шлемы и щиты

НЕМЕЦКИЕ

ШЛЕМЫ XIII ВЕКА

Следующим важным элементом доспехов является шлем. Шлемы постоянно усложнялись, но большинство воинов по-прежнему предпочитают простой конический стальной колпак, окруженный полосой металла, которая может быть украшена позолоченной эмалью. На ней также имеется "назальник" - металлическая планка для защиты носа. Шлемы обычно пристегиваются к капюшону хауберка небольшими кожаными ремешками. Поскольку даже легкий и хорошо пригнанный шлем - вещь неудобная, его редко надевают перед самым боем. Приказ готовиться к атаке - "Зашнуровать шлемы!", а после ранения рыцаря первым дружеским действием является снятие головного убора. К началу XIII века шлемы начинают оснащаться закрытыми козырьками для защиты от ракет. Но эти козырьки можно снять, не снимая всего шлема, а если они сместятся и маленькие глазные отверстия сместятся, то владелец практически ослепнет. Поэтому открытый шлем старого образца будет оставаться в моде до появления сложных пластинчатых доспехов и более удобных шарнирных шлемов XIV века.

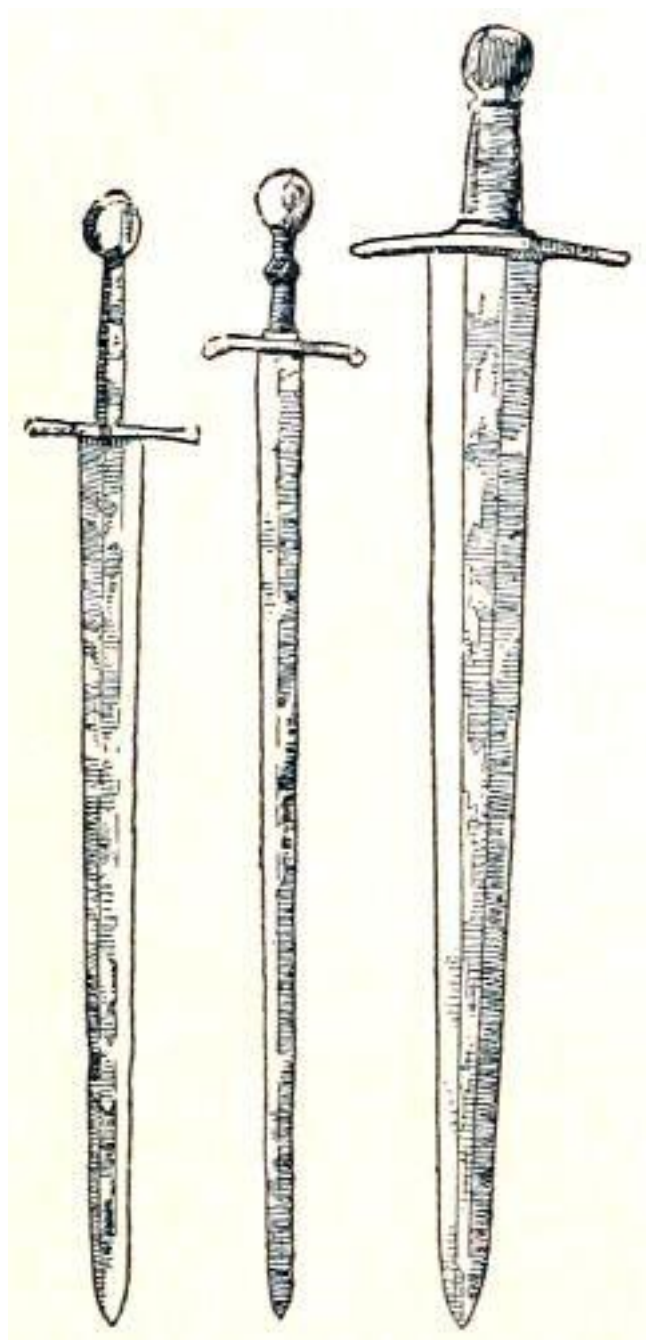

ЩИТ ТРИНАДЦАТОГО ВЕКА

Третьим важным средством защиты является щит. По мере совершенствования хауберков и шлемов они становились все меньше, но нельзя полагаться только на доспехи. Кроме того, щит - это своего рода наступательное оружие. Резкий удар его краем или толчок широкой поверхностью часто может опрокинуть противника. Новый щит Эймери имеет полуовальную форму и слегка заострен снизу. Он закрывает своего владельца от плеч до колен, когда он сидит на лошади. Для его изготовления использована самая прочная шкура, основа из легкого, прочного дерева, а обод из прочного металла. Он слегка загибается внутрь для лучшей защиты тела. В центре находится металлический набалдашник, обычно из блестящей латуни, и название "баклер" происходит от этого крепкого "босса" (*boucle*). Большой кожаный ремень, с помощью которого щит обычно носят на шее; но когда вы идете в бой, вы продеваете левую руку через две крепкие рукоятки.

Щит кажется простым предметом, но почти столько же мастерства уходит на то, чтобы спрессовать дерево, кожу и металл в одну крепкую массу, которую нелегко расколоть или проткнуть, как и на изготовление хауберка. Передняя часть щита, конечно же, окрашена, и,

хотя геральдический "плащ-доспех" еще почти не развит, каждый кавалерист может похвастаться каким-нибудь рисунком в виде льва, орла, дракона, креста или цветочного свитка. Что касается обращения со щитом, то это почти такая же великая наука, как и обращение с мечом; действительно, обученный воин знает, как сделать так, чтобы щит и меч, или щит и копье, наносили удар или сражались вместе почти как одно оружие.

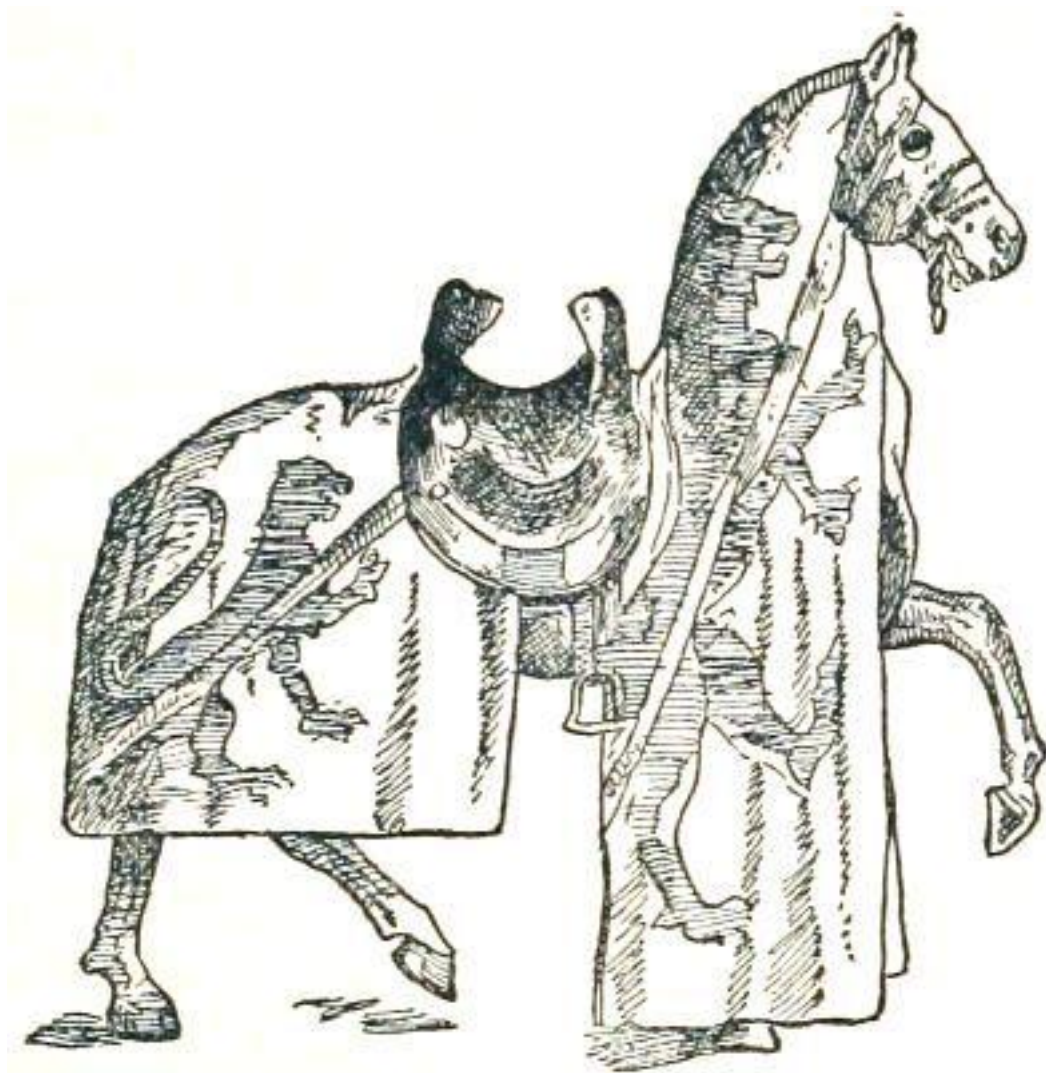
МЕЧИ XIII ВЕКА

Тем не менее, благородный воин больше всего ценит именно наступательное оружие, а оружием *высшего класса* является меч. Бароны часто любят свои мечи, возможно, даже больше, чем своих жен. Они относятся к ним почти как к личности. Они стараются сохранить их на протяжении всей жизни. Согласно эпосам, герой Роланд любил разговаривать со своим мечом "Дюрендаль", а Ожье - со своим "Бранс". Конон дает одну из своих самых жестоких клятв: "Моим добрым мечом "Хаутемиз"", а Эймери назвал свой новый меч "Жуазе" в честь великого клинка Карла Великого.

Мечи и копья

На мечи существует множество модных тенденций. Вы всегда можете оживить завязавшийся разговор, спросив, нравится ли вашему собеседнику сужающийся клинок или клинок равномерной толщины и веса. Но в среднем оружие имеет ширину около трех дюймов у рукояти и длину около тридцати двух дюймов в клинке, слегка сужающемся. Эфес должен быть украшен позолотой, предпочтительно жемчугом, а на конце должен быть набалдашник с небольшими мощами святых, помещенный за хрусталем, чтобы можно было видеть святые предметы. Так, в Hautemise Конона хранятся засохшая кровь святого Василия, несколько волосков святого Мориса и ворсинки от одеяния, которое носила святая Мария Магдалина после покаяния. Эти реликвии очень удобны, ведь когда нужно подтвердить обещание, клятвопреступник просто хлопает рукой по эфесу, и его клятва тут же регистрируется на небесах.

Копье - еще одно главное оружие кавалериста. Обычно его используют в первых боях, а к мечу прибегают только после того, как копье сломано. Длина среднего копья не превышает десяти футов.^[60] Оно имеет ромбовидную головку из тонкой пуатунской или кастильской стали. Необходимо тщательно выбирать прямую, прочную, гибкую древесину для древка и правильно ее сушить, ведь от надежности древка копья и от того, насколько резкую нагрузку оно выдержит в схватке с лошадью, может зависеть жизнь воина. Лучшим обычно считается ясеневое дерево. Как правило, на прикладе нет рукояти. Искусство крепко схватить круглое древко, держать длинное оружие на уровне бедра и, наконец, заставить острый наконечник нанести точный удар по щиту противника (как бы он ни был наклонен) - это тренировка запястья и глаза, которая, возможно, превосходит все навыки фехтования. При игре на копье все тело работает вместе. Лошадь должна управляться коленями; щит должен быть сдвинут левой рукой, копье - правой; глаз и нервы должны быть под совершенным контролем, а затем, когда человек и лошадь сливаются в одно летающее оружие, вы уходите - какой спорт может быть острее в мире?^[61]

АТТРИБУТЫ ЛОШАДИ

Восстановлено Виолле-Ле-Дюком по рукописи, хранящейся в Национальной библиотеке.

Однако есть нечто более важное для воина, чем его паноптикум. Что такое кавалерист без своего коня? Немного найдется людей, которых лучший из баронов поставит выше своего любимого дестрера. Ваши лошади - товарищи на охоте, в турнире и в бою. Своей скоростью и умом они спасают вам жизнь, когда оруженосец или вассал не могут помочь. Если они не справляются, обратитесь к святым - вы скоро окажетесь в чистилище. С детства кавалерист почти живет в седле. В случае опасности он знает все возможности своего возницы и доверяет ему соответственно. С таким спутником нужно обращаться бережно. Его ласково кормят, причесывают и укладывают, как нежную женщину, а когда он болеет, его лечат с большей мудростью, чем, возможно, полагается большинству христианских обитателей замка. Существует множество историй о том, как лошади помогали своим хозяевам и сторожили их во время сна, и даже одна история о том, как, когда рыцарь вернулся через семь лет, его не узнала его суженая, а узнал его верный дистриер. Еще один анекдот рассказывает о том, как один рыцарь на вопрос "Что будет вашей главной радостью в раю?" ответил: "Увидеть Бланшара". "Увидеть Бланшара, моего старого коня".

В связи с этим в коннозаводстве уделяется самое пристальное внимание. Богатые сеньоры радуются ценным жеребцам, и даже монастыри содержат племенные конюшни. Прекрасный конь - еще более приемлемый подарок для властителя, чем знатный ястреб. Многие лошади

называются "арабскими", но, скорее всего, они происходят из Северной Африки. Во Франции выращивают лошадей, не уступающих лучшим, особенно мощных, не таких быстрых, как восточные, но лучше переносящих рыцаря в громоздких доспехах. Особым спросом пользуются гасконские лошади, а Конон получает особое удовольствие от выводка кобыл из Бордо. Однако ездить на кобыле считается неприличным - "женщины для женщин", что, вероятно, является старым тевтонским предрассудком.

Эмери, будучи оруженосцем, считал уход за лошадьми графа своей главной обязанностью. Это не было мелочью, ведь де Бернон, как и любой магнат, всегда держал несколько полукровок, красивых лошадей удобного хода для мирной езды, а также своего особого дестрера - огромного свирепого боевого коня для сражений. "Сесть на высокого коня" - дестрера - значит показать свою гордость, но не пустым хвастовством, а демонстрацией себя в страшном оружии. [62]Разумеется, надменный молодой оруженосец не должен был беспокоиться о *ронсинах* своего господина, обычных лошадях для слуг или *соммьерах* для багажа, более скромных созданиях.

Любимый цвет лошадей - белый, затем серый с проседью, а после - гнедой или каштановый. Поэты исчерпывают свое мастерство в описании прекрасных лошадей, словно красивых женщин. Один бард писал о гасконском коне: "Его шерсть затмевала оперение павлина; голова была худой; глаза серые, как у сокола; грудь большая и квадратная; крупа широкая; бедра круглые, а крестец упругий. Все, кто видел его, восклицали: "Более красивого существа они никогда не видели!"

Лошади Великой войны

РЫЦАРЬ ТРИНАДЦАТОГО ВЕКА

С барельефа в церкви Сен-Назер в Каркассоне (Виолле-Ле-Дюк).

Такие драгоценные существа носят почетные имена. Дестрером Карла Великого был великий Тенкендур. Роланд заряжал вейлантиф. Карбонель, Палантамур, Гризарт - знакомые имена; а любимый спутник Конона - Регибет, на котором, при всей его свирепости, барон мог спокойно ездить без узды, уздечки и шпор. Упряжь боевого коня по-прежнему очень проста. Сложные атрибуты и доспехи относятся к более поздней эпохе, но стремяна и высокое седло могут быть позолочены и даже украшены жемчугом. Еще более заметны десятки маленьких колокольчиков на разных частях упряжи, которые весело звенят, как колокольчики саней другой эпохи, когда огромные кони мчатся по дороге.

Эймери жил там, где хауберки, шлемы, щиты, мечи и копья были мелкой монетой в разговоре с тех пор, как он научился говорить. С лошадиной плотью он познакомился гораздо лучше, чем с другой важной смертной вещью под названием "женщина". Он достиг того возраста, когда чрезвычайно уверен в своих силах и не менее уверен в том, что его ждет слава, подобная славе Роланда или Годфрида Бульонского, если только святые помогут ему. Если бы он мог предаваться мечтам, то после могучих подвигов на поле брани, еще покрытый кровью и грязью, был бы провозглашен рыцарем самим королем; но такая удача выпадает только в романах. По крайней мере, он рад, что у него есть брат, который действительно брат, и он не держит его на заднем плане и не утаивает от него наследство, как это бывает со многими младшими сыновьями.

Кандидаты в рыцари

РЫЦАРЬ XIII ВЕКА

Со скульптуры в Реймском соборе.

К великому сожалению, отец Эмери не дожил до того момента, когда его сыновья "дойдут до рыцарства". Хороший отец всегда с нетерпением ждет этого счастливого дня; хотя в некоторых неупорядоченных вотчинах сеньору приходится ревностно следить за тем, чтобы в тот момент, когда его отпрыски станут полноправными воинами, на них не подействовали

нелояльные вассалы, которые скажут им: "Ваш отец стар и не может управлять баронством; захватите его себе". Даже короли вынуждены защищаться от этой опасности. Филипп Август посвятил в рыцари своего наследника, принца Людовика, только после того, как тот дал торжественную клятву не набирать вооруженных сторонников и не совершать других суверенных действий, кроме как с особого согласия своего отца.

Теоретически, любой рыцарь может пожаловаться любому человеку, которого сочтет достойным; но на самом деле рыцарь, нарекающий холопа, за исключением самых исключительных случаев, ставит под угрозу свои собственные притязания на дворянство; а если он навязывает эту честь молодым, неопытным мелким дворянам, над ним будут смеяться, а их претензии на это звание будут немедленно поставлены под сомнение. Отцы часто нарекали своих сыновей, но еще лучше, если молодой дворянин будет добиваться этой чести у своего сюзерена. Эймери с удовлетворением узнает, что герцог Квелькепарт согласился дать почетный фуршет, ведь чем выше ранг кавалера-дублера, тем больше славы у экс-сквайра.

РЫЦАРЬ XIII ВЕКА

С барельефа в Реймском соборе (Виолле-Ле-Дюк).

Посвящение в рыцари до сих пор остается явно светской церемонией. Несомненно, этот обычай в какой-то мере восходит к грубым обрядам, с помощью которых германские юноши посвящались в ряды первоклассных воинов. Помимо бдения в церкви и слушания мессы, в этом нет ничего религиозного. Клерикальные обычаи действительно навязчивы. Молодые

дворяне любят посещать Рим и быть обласканными Папой. Другие начинают преклонять колени перед епископами и просить рыцарского звания как своего рода мирского посвящения. Однако общественное мнение все еще не одобряет этого. Поклонение - дело военное, и церковникам лучше оставаться на своем месте. Пройдет еще не одна сотня лет, прежде чем религия и сентиментальность смогут сильно повлиять на то, что уже давно является сугубо военным делом.

Церемонии, предшествующие обряду венчания

Пасха, Вознесение, Пятидесятница и День святого Иоанна - приемлемое время для адюбберов; но есть множество прецедентов, когда церемонию совмещают с важной свадьбой, как это может быть с крещением наследника баронства. В данном случае, как это часто бывает, Эймери, хотя и является главным кандидатом на рыцарское звание, не один. Герцог даст отборочный тур еще пяти юношам, сыновьям вассалов Сент-Аликиса; более того, при дворе короля часто посвящают в рыцари двадцать и более кандидатов вместе.

БЕГГАР

Конец двенадцатого века (из рукописи Национальной библиотеки).

В ночь перед церемонией во всем замке царит такой же ажиотаж, как и перед свадьбой. Больше гостей, больше пиршеств, больше жонглеров, вечное пение, музыка, шум. На столе в большом зале Адела и Алиенор (они заменяют мать Эмери) разложили для всеобщего обозрения костюм, который он наденет на следующий день. Все вещи подобраны так же

тщательно, как и для свадьбы, - особенно безупречная белая рубашка, дорогая мантия из горностая и золотые шпоры. В бейлие толпится множество нищих, ведь этот случай требует необычного безрассудства в подаении. Даже приглашенные гости разбрасывают медяки, доказывая тем самым свое благородство.

Что касается Эймери, то с наступлением вечера он и пять его спутников принимают полную ванну, причем не без особой торжественности. Этот акт имеет подлинное значение. "Он призван смыть все злодеяния прошлой жизни, чтобы купальщик вышел чистым". [63] Здесь нет шумного плескания и веселья, когда молодые люди сидят в длинных деревянных ваннах. Пока они одеваются, появляются улыбающиеся сержанты с подарками. Родственники, сюзерен, благородные друзья прислали им дорогие вещи, обычно шелковые и с меховой подкладкой, чтобы они носили их во время "бдения под оружием". Это очень похоже на подарки, которыми осыпают невесту.

От замка Сент-Алики до приходской церкви около полумили. После купания шесть кандидатов отправляются туда, сопровождаемые юношами, которые должны стать их оруженосцами. Компания веселая, но не шумная: буйное веселье было неподобающим. У церкви будущие оруженосцы оставляют остальных. Кандидаты входят в большое темное здание. На главном алтаре горит лампада, а на боковом алтаре святого Мартина, святого воина, пылают свечи перед картиной, изображающей святого в костюме рыцаря, отдающего половину своего военного плаща нищему. На этот алтарь возлагаются новое оружие и доспехи кандидатов. Затем начинается бдение. Шесть избранных рыцарей не должны разговаривать. Все десять часов они могут только стоять или, в крайнем случае, стоять на коленях - серьезное физическое испытание.

Во время торжественной тишины они должны помолиться всем своим святым покровителям и дать торжественные обеты, которые будут определять всю их жизнь. Это время для серьезных размышлений, и Эмери умоляет: "Даруй мне честь, - лояльно добавляет он, - и брату моему долгую жизнь!" Он не просит "честь" и для Конона, ибо это означало бы, что могущественный барон все еще нуждается в ней. Наконец-то рассвет пробивается сквозь многоэтажные окна. Входит пожилой священник и читает мессу, за которой кандидаты серьезно следят. В шесть утра, когда летний воздух вокруг них становится ярким и прекрасным, все они снова отправляются в замок, веселые и разговорчивые, оправившись от долгого ограничения.

Одевание кандидатов

Вернувшись в замок, Эймери радуется необычайно плотному завтраку. Долгое бдение на посту не только утомило его, но и потребует всех его сил для испытаний этого дня. Затем он отправляется в свои покои, где мальчик, который должен стать его оруженосцем, сын дружественного барона, надевает парадный наряд своего нового хозяина. Преобладает белый цвет - "белее снега апрельских цветов". Друзья брата приходят посмотреть на этот процесс и открыто хвалят кандидата за широкие плечи, здоровый цвет лица и закаленные сухожилия. Поздравления усиливаются, когда суетливый слуга объявляет, что "все готово". Эймери выходит во двор. Здесь, кажется, полно рыцарей и дам, старых и молодых, одетых во все лучшее. Все (отчасти из вежливости, отчасти из искреннего восторга) начинают восклицать: "Как он прекрасен! Настоящий святой Аликис! Достойный своего брата!"

Тут же две громкие трубы возвещают о начале церемонии. Большой оркестр жонглеров поднимает шум. Зрелище великолепное. Двор замка словно оживает. Женщины одеты в яркие наряды, их длинные волосы свисают косами на плечи. Рыцари одеты в зеленые, синие или красные бляхи или в ослепительно яркие хауберки. Многочисленные священники одеты

в свои лучшие одеяния. Даже монахи выглядят менее мрачными в своих привычках. Кругом шум, музыка и оживление.

Шесть кандидатов, за которыми следует вся ликующая компания, пересекают бейли и списки и выходят на площадку для упражнений у сада. Здесь есть помост, покрытый прекрасными сарацинскими коврами. На нем стоит герцог Квелькепарт - величественный пожилой воин в золоченых доспехах. Шесть кандидатов образуют полукруг у подножия помоста; первым на него поднимается Эмери, брат виновника торжества.

Тут же появляется его "первый спонсор" - белоголовый рыцарь, дядя по материнской линии. Он нежно целует кандидата, затем, преклонив колено, надевает на него две золотые шпоры. Когда дядя отходит, появляются Конон и Оливье. Они - второй и третий спонсоры. Они натягивают на голову Эмери ослепительно белый стальной хауберк и поправляют накидку. На последнюю они надевают не менее блестящий шлем, украшенный полудрагоценными камнями. Затем четвертый поручитель, величественный граф Персиньи, подпоясывает меч кандидата, добавляя несколько слов напутствия, что молодой человек "должен использовать его достойно", на что тот отвечает поднятием оружия и благочестивым поцелуем мощей, вделанных в эфес.

Рыцарский буфет

Четверо спонсоров отступают назад. Собравшиеся жонглеры издают мощный музыкальный треск. Герцог поднимает сжатую руку. "Склони голову!" - приказывает он. "Я дам тебе удар". Эймери безропотно склоняется перед великим повелителем, но его кротость проверяется страшным ударом кулака его сюзерена, от которого он пошатывается. Но как только он приходит в себя, герцог заключает его в дружеские объятия. "Будьте мужественны, сир Эймери. Помните, что вы принадлежите к роду, прославленному и как сеньоры, и как вассалы, и не делайте ничего подлого. Почитайте всех рыцарей. Подавайте бедным. Любите Бога. Идите!"

Счастливый кавалер отвечает: "Благодарю вас, милорд, и да услышит вас Бог. Пусть я всегда служу и люблю его". Затем он спускается с помоста, и каждый из остальных кандидатов по очереди поднимается на сцену, чтобы быть посвященным в рыцари с аналогичной церемонией, хотя спонсоры (из числа родственников или связей) будут другими. Толпа, стоящая вокруг, следит за происходящим с величайшим интересом, присоединяясь к мощным крикам каждый раз, когда наносится почетный удар. Затем Конон, как церемониймейстер, машет рукой своему маршалу. "Вводите лошадей!"

Тотчас же появляются новые оруженосцы новых рыцарей, ведя за собой шесть коней, безупречно ухоженных и в прекрасной сбруе - подарок барона кандидатам. Как только лошади оказываются перед помостом, новые кавалеры срываются с места и застывают в статной неподвижности. Одетые в тяжелые уборы и шлемы, они бегут, каждый к своей лошади, и пытаются одним рывком вскочить в седло, не касаясь ногой стремен. Тревожный момент для них; не менее тревожный момент для родителей, братьев или сестер. С самого рождения юного дворянина его мать обсуждает с отцом: "Сделает ли он "прыжок", когда его посвятят в рыцари?" Это одно из величайших испытаний воинского воспитания, и относиться к нему нужно с предельной серьезностью. По правде говоря, Эймери и его друзья с отчаянной энергией отрабатывали этот подвиг весь последний месяц. Готово! Все шестеро взошли на коня! Аплодисменты. Друзья поздравляют Конона: "Вот это брат!". Родственники других юных рыцарей тоже в восторге.

Завершающие упражнения

Тем временем счастливые новоиспеченные кавалеры на мгновение задерживают своих коней неподвижно, пока к ним бегут оруженосцы с копьями и треугольными щитами. У копий длинные яркие вымпелы с тремя хвостами, которые падают на шлемы всадников. Выполнив это действие, всадники пускают своих коней во всевозможные галопы и караколы, а затем, "высоко распевая чистым голосом", уносятся прочь, летя к месту на тренировочной площадке, где установлен *квинтайн* - деревянный манекен-воин.[64] Разбить его щит и свалить на землю одним ударом копья - еще одно неизбежное испытание. Это испытание Эймери и его сверстники также выдерживают с терпимой славой для всех. После этих спортивных состязаний новоиспеченных рыцарей ожидают *поединки*, то есть шуточные дуэли на затупленном оружии. Они не считались серьезными состязаниями, но достаточно часто, если кровь бурлит, а соперничество острое, они могут принимать форму энергичных поединков. Однако сегодня все находятся в слишком хорошем настроении для жестоких поединков; кроме того, настоящий турнир начнется завтра, и лучше сохранить силы и оружие до этого времени.

Утро прошло. Сеньориальные аппетиты были благородно разгорячены. В саду снова готовы шатры, а повара приготовили паштеты, куски мяса и огромное количество жареной птицы, как для свадебного пира. Снова пиршество, только на этот раз почетное место занимают шесть новых рыцарей, а главный жонглер рассказывает не о печальном Тристане, а о том, как храбрый Годфрид Бульонский штурмовал Иерусалим.

Все отмечают восхитительную грацию, скромность и мастерство владения оружием сира Эмери. Уже перед ужином к Конону подходит граф. "Прекрасный барон, у вас есть брат, который делает честь вашему имени. Правда ли, что он должен получить Петитмур? У меня есть дочь пятнадцати лет; ее приданое будет..."

Но Конон тактично пожимает плечами. "Прекрасный граф, мой брат действительно получит Петитмура; но сегодня он посвящен в рыцари и может говорить сам за себя. Делайте ему предложения о браке. Я больше не имею права распоряжаться им".

ССЫЛКИ:

[60] В позднее Средневековье копья становились все длиннее и прочнее. В XIV веке их длина достигала пятнадцати футов, и они представляли собой своеобразные тараны, предназначенные для того, чтобы выбить противника из седла, даже если его доспехи не были пробиты.

[61] Еще одним нередко используемым оружием была булава - боевая дубина с железным наконечником и довольно длинной рукояткой. В сильных руках такое оружие могло свалить самого крепкого противника, какими бы хорошими ни были его доспехи. Булава была любима епископами, аббатами и другими церковниками, которые таким образом обходили букву канона, запрещающего священнослужителям "поражать острием меча" или "проливать кровь". Булава просто лишала врага чувств или выбивала мозги, не пробивая легких или груди!

Другим оружием, особенно распространенным в раннем Средневековье, был боевой топор.

[62] Дестрер был назван так потому, что его полагалось держать под правой рукой рыцаря (*dexter*) и быть готовым к мгновенному использованию, когда он ехал на своей менее мощной полуторке.

[63] По мере того как рыцарство приобретало все более религиозный характер, все действия, совершаемые во время адьюбмента, обретали аллегорический смысл - *например*, помимо

ванны кандидат должен был лечь (хотя бы на мгновение) на кровать, потому что "она была эмблемой отдыха, который Бог дарует своим последователям, храбрым рыцарям". Белоснежная рубашка кандидата должна показать, что "он должен беречь свою плоть от всяких пятен, если надеется достичь небес". Алая мантия показывает, что он "должен быть готов излить свою кровь за Святую Церковь". Его рукава из коричневого шелка "своим мрачным оттенком напоминают ему, что он должен умереть". Белый пояс "предупреждает его о том, что его душа должна быть чистой".

[64] См. с. 185.

Глава XIII: Турнир.

Когда Конон решил устроить турнир в качестве кульминации свадебного и свадебного празднества, он послал нескольких слуг приятной наружности и громких голосов, чтобы они проехали по стране на двадцать лиг вокруг. На каждом перекрестке, в каждой деревне, на каждом постоялом дворе и в каждом замке эти варлеты провозглашали.

"В среду после дня святого Ансильда, добрые люди! На лугу в Сент-Аликисе у Клера. В среду после дня святого Ансильда! Пусть приходят все, кто любит смотреть или участвовать в доблестных делах!"

Это и есть "крик о турнире". Как только новость распространяется за границей, каждый мелкий сир советуется со своей женой, может ли он позволить себе поехать. Женщины начинают охотиться за лучшими платьями и мехами, мужчины - украшать свои доспехи. Вскоре различные кавалеры, договорившись со своими друзьями, собираются в отряд. Они пишут на свитке: "В замке А... есть семь рыцарей, готовых сразиться со всеми желающими в Сент-Аликисе". Этот свиток они вывешивают на дереве у дороги, чтобы другие лорды могли организовать такие же отряды для противостояния им.

Турниры считаются "маленькими войнами, которые сами по себе являются малой войной, и ученичеством для больших войн". Они занимают немислимо важное место в феодальной жизни. Церковь тщетно возражает против них. Все дворяне скажут вам, что без турниров невозможно воспитать хороших воинов.

Ранние турниры были сражениями

Турниры, однако, приносят прибыль и удовольствие самым разным людям - и это не повод для непопулярности. И "веселые бабы", которые спешат пустить в ход свои греховные козни, несмотря на все попытки их ограничить; и простые холопы, которые бросают работу, чтобы насладиться одним большим праздником; и купцы, которые действительно устраивают небольшую ярмарку рядом со списками, - все они в восторге. Что касается людей нежной

крови, то английский летописец может сказать об этом как для Франции, так и для Англии: "Рыцарь не может блистать на войне, если он не был подготовлен к ней в турнирах. Он должен видеть, как льется его собственная кровь, как трещат его зубы под ударами противника, как его валят на землю с такой силой, чтобы он почувствовал вес своего противника, и как его двадцать раз обезоруживают; он должен двадцать раз отыгрываться за свои неудачи, как никогда настроенный на бой". Тогда он будет готов к настоящей войне и сможет надеяться на победу!

В раннефеодальные времена турниры отличались от сражений лишь тем, что время и место их проведения определялись заранее, а условия были справедливыми. Согласно эпосам, при "дворе Карла Великого" вельможи часто уставали от обычных видов спорта и "требовали турниров". Результатом становились лишь сражения, в которых многие были убиты, а многие ранены.

В самых ранних турнирах не было ни роскоши, ни помпезности, ни покровительства прекрасных дам.^[65] Это было чрезвычайно жестокое развлечение, в котором "железные люди" мерялись силами и радовались смертельным ударам. С тех пор турниры становятся все менее жестокими. В них появляется важный зрелищный элемент. Правила боя становятся более продуманными, рыцарей убивают все меньше, и появляется обращение к чему-то лучшему, чем просто боевой инстинкт. С другой стороны, в XIII веке поединки и матчи далеки от того, чтобы быть просто демонстрацией прекрасных доспехов и изысканных манер. Военный элемент по-прежнему стоит на первом месте. Более того, поскольку побежденные кавалеры становятся пленниками победителей и подлежат выкупу, или, по крайней мере, их лошади и доспехи конфискуются, некоторые грозные рыцари переходят от поединка к поединку, намеренно стремясь получить прибыль за счет захвата пленников. Короче говоря, турниры настолько опасны, что еще в 1208 году, когда принц Людовик, наследник короля Филиппа, был посвящен в рыцари, отец заставил его поклясться, что он будет просто наблюдать за ними в качестве зрителя, поскольку жизнь королевского принца слишком ценна, чтобы рисковать ею в таких делах.

Римские папы давно осудили турниры. Иннокентий II, Евгений III, Александр III и, наконец, великий и мудрый Иннокентий III запретили христианам участвовать в них под угрозой их душам. Но *cui bono*? Великие бароны, которые содрогаются при мысли о том, чтобы есть говядину по пятницам, бросают вызов Церкви, когда речь заходит о "этих творениях дьявола" (по выражению святого Бернарда Клервоского), в которых так часто прозябают бессмертные души.

Когда Конон решает добавить турнир в качестве кульминации своего праздника, из Пондебуа нанимается несколько плотников, чтобы помочь крестьянам подготовить списки и домики. Некоторые из гостей уже пришли на свадьбу и на приукрашивание, но многие приехали только на рыцарские состязания. Для них, конечно, барон оказывает лишь ограниченное гостеприимство - хорошее место для палатки, вода и фураж, возможно, приглашение в зал замка на ужин для некоторых лидеров. Многие гости могут разместиться в лучших домах в деревне или в монастыре; , но в хорошую погоду большинство предпочитает ставить свои шатры у Клера, и в ночь перед началом соревнований палаток хватает на целую армию.

Списки и домики

Гости приезжают в своих лучших одеяниях и доспехах. Некоторые могущественные графы собирают как можно больше мелких дворян, даже создают отряды из двадцати рыцарей, двадцати оруженосцев, огромного количества дам и официанток, а также нескольких сотен знатных слуг. Если не считать присутствия женщин и отсутствия военных предосторожностей, можно подумать, что они собираются на обычный военный сбор.

В это время на широкой площадке для упражнений, где сир Эймери был наречен, составляются специальные списки. Это простое дело, чем-то напоминающее беговые дорожки других дней. Возводятся две пары крепких деревянных палисадов. Внешняя линия высотой до плеч, внутренняя - ниже и имеет множество отверстий. Между двумя линиями находится пространство для запасных лошадей, оруженосцев, сопровождающих и глашатаев, а также для привилегированных зрителей. Более скромные зрители будут наблюдать, стоя над внешним палисадом, а позади и над ним возвышаются ряды домиков, затененных шатровыми навесами, устланных коврами и украшенных вымпелами. В них расположатся дамы и старшие, менее воинственные рыцари. Пространство внутри списков - около ста ярдов в длину на пятьдесят в ширину. Вечером Конон и сир Юстас осматривают убранство, лес знамен, развевающихся над разноцветными павильонами гостей, и благодушно внимают радостному гулу голосов и песнопениям жонглера, раздающимся повсюду.

"Ах, светлый барон, - говорит сенешаль, - вся Франция будет говорить об этом разбивании копья до самого Рождества! Это будет великий день для святого Аликуиса".

На сером рассвете герольды из замка проходят по аллеям шатров, монотонно взывая: "Пусть готовятся шуты! Пусть поединщики готовятся!"

Вскоре уже видны полуодетые оруженосцы, бегающие туда-сюда. Везде седлают и подпоясывают коней, кличут их. Несколько благочестивых рыцарей и дам спешат в замковую часовню на поспешно прочитанную мессу, но большая часть компании скрещивает руки и бормочет: "Сегодня мы будем грешниками. Благословенные святые милосердны!" Вскоре, когда солнце уже поднялось над деревьями, все отправляются в путь. Дамы, по возможности, едут на белых мулах и одеты так же роскошно, как на свадьбу. Не скоро еще Сент-Аликуис увидит такие наряды из куницы, горностая и ваира, из сандала и самита, из золотых нитей и жемчуга. Простые люди показывают пальцем и громко аплодируют, когда мимо проносится необычайно красиво одетая дама. Какое право имеют великие люди требовать покорности от низших, если они не могут порадовать публику своим великолепием? Что касается жонглеров, то их имя можно перечислять бесконечно. Все действо характеризуется "музыкой", становящейся оглушительной.

Пока дамы и другие небоеые лица занимают места в ложах, в списках появляются шесть маршалов лагеря - знатные рыцари, отвечающие за состязания. Они продвигаются пешком, одетые в блестящие бляхи. Конон, как виновник торжества, естественно, возглавляет их. За ним следуют более скромные по происхождению глашатаи и преследователи, которые помогают им и подбадривают участников состязаний такими возгласами, как: "Помни, чей ты сын!" "Будь достоин своего рода!". Есть также большой отряд варлетов и сержантов, которые следят за порядком, приносят новые копья, убирают сломанное оружие и спасают павших рыцарей. Острый взгляд Конона окидывает двор. Все готово. Барон вежливо кланяется своим сюзеренам, герцогу и герцогине, в центральной ложе; затем поднимает белый жезл. "Вызывайте шутов!" - приказывает он.

Блестящее шествие егерей

Мгновенно с самого дальнего от замка конца списков раздаётся громкий звук труб. Четыре великолепно одетых герольда возглавляют пешую процессию. Затем появляется жонглер на коне, играющий своим мечом, подбрасывая его высоко в воздух и ловя, когда он вихрем летит вниз. Далее следуют собственно участники поединка - около восьмидесяти рыцарей, едущих по двое. Они едут по одной стороне списка и возвращаются по другой. Некоторые кавалеры специально поворачиваются, чтобы поглазеть на дам в ложах, а нежные дамы (старые и молодые) не стесняются наклоняться вперед и махать руками в ответ. Это зрелище будоражит кровь - вся пышность войны, но без резни; присутствие великолепно одетых женщин в изящных позах; воздух, наполненный предвкушением отважных подвигов и грядущих опасностей. Внезапно все рыцари начинают петь. Женщины подхватывают припев какой-то зажигательной мелодии, от которой дрожат списки. Кавалеры заставляют своих лошадей понукать и изгибаться, когда проезжают мимо какой-нибудь особо благосклонной дамы. Со многих копий свисают яркие ленты - не знамена, а рукава и чулки, подарки приветливых дам. Младшие рыцари радуются, видя, как девицы, чей взор они привлекли, поднимаются в ложах и то тут, то там, перед ликующими сотнями, бросают им "мерила любви". Так было и с молодым сиром Эмери, скромно ехавшим в хвосте процессии. Дочь одобрительного графа смело встает и протягивает ему длинную красную ленту, которой она заплетала свои волосы. Остальные новые рыцари получают аналогичные знаки от неистовых поклонниц. Этот процесс продолжается на протяжении всех игр. Визжащие, возбужденные дамы будут бросать в списки перчатки, кушаки и ленты. Многие из них будут сидеть на сайте, имея в качестве костюма только развевающиеся волосы, а также пелиссоны и сорочки.

Некоторые бойцы намерены заняться мрачным делом. Это профессиональные егеря, которые стремятся получить как можно больше выкупа и поддержать свою гордую репутацию. Их доспехи великолепно отполированы, но при этом довольно просты. Они приготовились к обычной битве. Другие рыцари раскрасили свои ножны, наконечники копий и щиты в белый, красный или черный цвет. На гребнях шлемов они установили диковинные фигуры - чудовищ, головы птиц или женщин. Как и на балах других дней, их цель - привлечь внимание необычностью своих костюмов. Конон не желает, чтобы кульминацией его веселья стало кровавое состязание и похороны нескольких дружественных рыцарей. Поэтому было отдано распоряжение притупить острия всех копий, а также закруглить края и острия всех мечей. Турнирные копья тоже легче боевых и сделаны из хрупкого дерева.^[66] Тем не менее, нанесенные ими удары будут ужасны. В герцогской опочивальне уже находится лучший питекантроп из Понтдебуа, и его услуги понадобятся.

Строго говоря, турнир состоит из двух частей: сначала всегда идет поединок, а затем - поединок, который и является собственно турниром, как великая кульминация всего мероприятия.

То, что следует за этим, может показаться людям других дней несколько однообразным после того, как новизна улетучится, хотя первые состязания достаточно захватывающие. Соревнующиеся рыцари разбиваются на пары, частично по взаимному согласию, частично благодаря тактичной договоренности маршалов лагеря. После шествия вокруг списков участники занимают свои места, кто-то в седле, кто-то в седле, кто-то в седле, кто-то в седле, кто-то в седле, кто-то в седле, кто-то в седле, кто-то в седле, кто-то в седле, кто-то в седле, кто-то в седле, кто-то в седле, кто-то в седле. Вдоль ложи и в огромной толпе вульгарных зрителей воцаряется благоговейная тишина. Глашатай громко взывает: "Пусть выйдет на поединок тот, кто желает сразиться!" Мгновенно две резкие трубы отвечают друг другу с противоположных концов списков, и два преследователя выходят вперед. Эти достойные люди на самом деле лишь жонглеры в менее захватывающие дни. Сейчас они взяли в плен двух молодых баронов,

которым не терпится показать себя с лучшей стороны. Преследователи гротескно одеты в яркие мантии и блио. Каждый из них начинает пронзительно кричать, даже когда его соперник зовет: "Вот славный кавалер и барон Ферри из Сен-Потена. Храбрый рыцарь из доблестного дома. Он преподаст урок своим врагам!" "Вот славный кавалерист Рауль, старший сын самого могущественного графа Моревея. Следите за его поступками, все, кто любит храбрые деяния!"

ТУРНИР В ДВЕНАДЦАТОМ ВЕКЕ

Сзади находятся галереи, где сидят дамы; затем, у входа в списки, несколько кавалеров ждут своей очереди принять участие в состязании; в центре несколько слуг и другие участники состязания подхватывают одного из бойцов, которого противник сбросил с лошади.

Затем каждый из них поносит хозяина другого: "Он! Ваш сир Рауль - сын ворона. В этот день все его друзья будут стыдиться его. Пусть он найдет свои деньги на выкуп!"

"Замолчи, преследующий каитифа-хозяина. Сир Ферри, если он переживет потрясение, выбьет шпоры из своих пяток как недостойный рыцаря!"

Тем временем оба чемпиона, неподвижные, как статуи, терпят, пока их оруженосцы ведут их на своих высоких дестриерах в противоположные концы списков. Когда они оказываются лицом к лицу и их оруженосцы кивают, что их хозяева готовы, маршал взмахивает белым жезлом, громко призывая: "Во имя Бога и Святого Михаила, начинайте битву!"

Разбивка копьев по спискам

Все дамы, дворяне и родовитые поднимаются в ложах и кричат вместе, как вдруг два рыцаря и их могучие кони оживают. Земля дрожит и дерн разлетается, когда они мчатся по спинкам, словно подгоняемые непреодолимой силой. Скача галопом, каждый из них низко наклоняется в седле, взмахивает щитом, прикрывая тело, опускает шлем почти до самого верха щита, поворачивает коня так, чтобы обойти противника справа, и уверенным хватом опускает перед ним острие копья.

"Треск!" Сквозь шум, доносящийся из домиков, слышен треск дерева. Оба коня бросаются на дыбы и выбрасывают огромные комья земли. Каждый рыцарь размахивает сломанным наконечником копья, а через щит каждого проходит длинный зазубренный след.

"Справедливо сломан! Справедливо разбиты! Благородный ход!" - кричат все. Оба участника грациозно поворачиваются и галопом возвращаются на свои места. Подбегают оруженосцы со свежими копьями. Сир Рауль берет новый щит - прежний не только расколот, но и побит. Еще один ход, еще одна авария - и еще два сломанных копья. Но при третьем ударе сира Ферри постигает полное унижение. Он действительно встречает копьё Рауля прямо на свой щит, и снова крепкое дерево раскалывается, но волнение, самоуверенность или вмешательство дьявола заставляют его запястье немного пошатнуться. В момент столкновения Рауль отклоняет свое тело немного влево. Копье Ферри полностью промахивается мимо щита противника. Оно взлетает в воздух и в суматохе вырывается из его руки. Холопы улюлюкают; что еще хуже, из всех домиков доносятся пронзительные насмешки. Сир Ферри возвращается на свой пост, скрежеща зубами и произнося богохульные ругательства. Теперь он должен заплатить Раулю выкуп за своего коня и доспехи, несмотря на хвастовство его преследователя, и не иметь даже меланхолического утешения от осознания того, что он был отбит в честном поединке.

Кровавая дуэль

Но следующая дуэль имеет более захватывающий финал. Два кавалера, которые сейчас сойдутся в поединке, - исключительно опытные рыцари. При первой атаке оба коня получают такой удар от дрожащих копий, что их хозяевам едва удастся заставить их встать на ноги. Во время второго удара более искусный всадник держит копьё так крепко, что вместо того, чтобы сломать его, рыцарь противника вылетает из седла, падает с лошади и с грохотом валится головой вперед. Глашатаи и оруженосцы подбегают к нему и обнаруживают, что благодаря своему хауберку он избежал опасных ран, хотя и выкашлял несколько зубов. В ложах царит великое волнение.

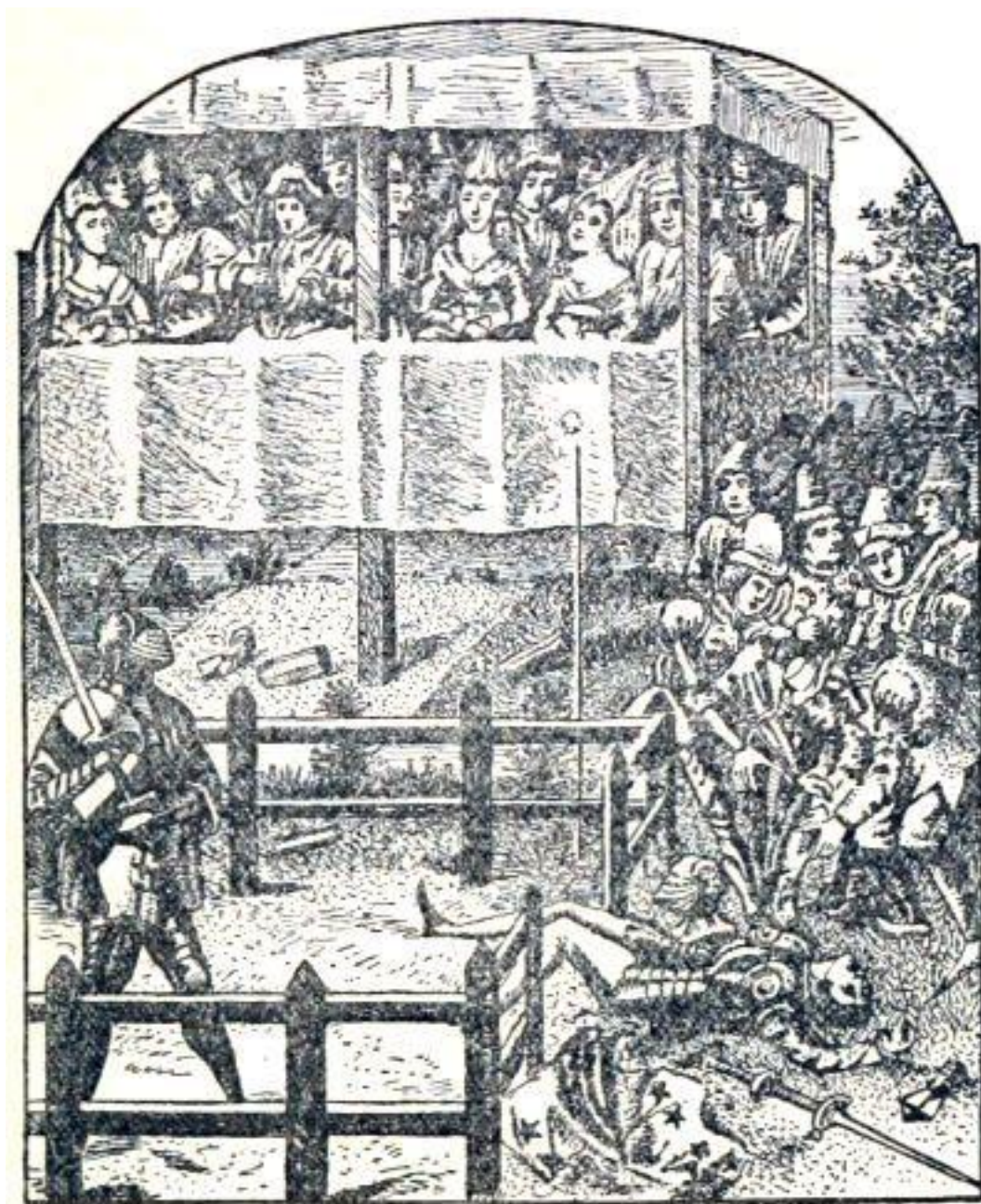
Несколько поединков после этого заканчиваются почетными ничьими. Рыцари договорились "честно сломать три копья ради любви к дамам" и галантно делают это. Нет ни победителей, ни побежденных. Затем объявляется, что два сеньора из Шампани, сир Эмери и сир Луран, имея особое желание "подискутировать вместе" (их первоначальная ссора произошла из-за игры в кости), решили сразаться до тех пор, пока один из них не воскликнет "пощади", и продолжат бой пешими, если один из них не будет сбит с коней. Трижды они ломают копья невредимыми, но на четвертый раз у Лурента ломается стремя, и он падает на песок. Мгновенно он освобождается от своего фыркающего, плюхающегося дестрера и встает на ноги, потрясая своим огромным мечом. Эмери мог бы по праву выехать против него, но не рыцарское это дело - конному рыцарю нападать на неконного. И он тоже прыгает вниз, заставляя свой клинок плясать над головой, словно поток света. Затем, к безграничной радости собравшихся, оба кавалера рубятся и враждуют друг с другом добрых десять минут, пока кровь не стекает по их лицам, яркая краска на щитах не портится, а гребни шлемов не исчезают в углублениях. Наконец Эмери направляет все свои силы на удачный удар. Его меч затупился, но от тяжести удара клинок разбил щит Лурента на куски и обрушился на его шлем, как кузнечный горн. Лурент падает, как бревно.

По домикам пронесся крик. Многие кричат: "Мертв!"; но, к облегчению женщин, вскоре до них доходит весть, что он только крепко оглушен, хотя пиявка говорит, что "он не будет сражаться до Рождества".

Дуэли продолжают до самого утра. В перерывах между ними по ломам разносят пироги и вино, а среди плебеев разбрасывают буханки. Большинство дуэлей кажутся совершенно одинаковыми, но за каждой из них следят с неизменным восторгом. Дамы не хуже своих братьев и мужей разбираются во всех тонкостях состязаний - приемы, с помощью которых каждый чемпион держит копье и щит и управляет конем, мудро обсуждаются сотней пар прелестных губ. Между каждым наклоном герольды, помимо восхваления доблести следующей пары бойцов, не перестают кричать: "Largesse, gallant knights! Largesse!", и то один, то другой барон поднимается в ложи, чтобы бросить монеты холопам (чья грубая возня вызывает бурное веселье) или даже подбросить деньги самим герольдам, которые они не замедлили подхватить.

Соревнования у барьеров

Многие рыцари довольствуются одним прохождением поединка, но некоторые, кому удалось добиться успеха однажды, пытаются испытать удачу во второй раз. Это, скорее всего, профессиональные чемпионы, которые демонстрируют великолепное владение конем и игру на копье. С наступлением второй половины дня начинается борьба у барьеров. Через середину списков устанавливается прочный деревянный брус высотой примерно по пояс, и семь рыцарей из одного сеньора и семь из другого обязуются переправиться через него, не давая при этом другой стороне продвинуться вперед. Они сражаются пешими, с мечом и булавой. Это отчаянная работа; и когда, наконец, одна сторона пробила через переправу, у четверых из побежденной стороны сломаны кости, несмотря на хауберки, и полностью разбиты головы, несмотря на шлемы.

ПЕШИЙ РЫЦАРСКИЙ БОЙ

(Со старой гравюры.)

Тогда один очень самонадеянный барон, выигравший уже три выкупа, решает увеличить свое богатство. Став во главе списков, он велит своему преследователю бросать вызов всем желающим. Наступает долгая тишина. Сир Поль так прославился своей доблестью, что, конечно, в его доблести есть что-то меркантильное, но, несомненно, он - страшный человек. Вдруг в ложах раздаются возгласы: "Святой Аликис!". Сам сир Эймери (который до этого очень аккуратно сломал три копыя вместе с другом) высылает своего преследователя.

Все старшие рыцари бормочут: "Страшный риск для парня! Пусть молится своим святым". Конон гневно спрашивает Оливье: "Неужели ты не мог удержать мальчика от этого безрассудства?" Но разве Небеса не благоволят к молодым и смелым? Возможно, все дело в том, что сир Поль позволил себе беспечность; возможно, в том, что его оруженосец забыл

затянуть подпругу седла; возможно, в том, что святая Женестьева не может допустить, чтобы ее почитатель подвергся позору в самом начале своего рыцарского пути. Как бы то ни было, результаты ставят мудрецов в тупик. "Кувшин, который слишком часто ходит к колодцу, разбивается", - сухо замечает отец Грегуар, когда на первом же скачке сир Поль бесславно вылетает из седла. Хе! Теперь у сира Эмери будет больше рукавов, кушаков и чулок, чем когда-либо могло развеяться от одного копья, а его родня вне себя от радости! Ни одна победа не может быть более восхваляемой и популярной.

Так заканчивается поединок, и в ту же ночь вокруг Сент-Аликуиса зажигаются большие лагерные костры, все готовят сытные ужины (после почти целого дня голодания), все переходят из палатки в палатку, снова и снова сражаются в дневных состязаниях, соболезуя побежденным и восхваляя победителей. Заключаются союзы, как военные, так и брачные, между последовательными баронами; жонглеры показывают фокусы и поют песни; много танцев при свете красного костра; а также, как опасаются, много крепкой выпивки и самого непристойного веселья.

Великое побоище

На следующий день наступает кульминация праздника - меле. По сути, это не что иное, как небольшое сражение. Все детали были оговорены на совете сеньоров замка. Около сорока рыцарей с каждой стороны должны сражаться под предводительством виконта Гемура и барона Домпьера. Места в списках недостаточно. Они отправляются на широкий, удобный луг через Клер, где невоюющие могут наблюдать с безопасного расстояния. Маршалы выстраивают две роты "на расстоянии не менее лука друг от друга". Группы дружественных рыцарей располагаются вместе и напротив групп соперников, с которыми им не терпится столкнуться. В центре каждой шеренги развеваются большие знамена домов Гемуров и Домпьеров, а вместе с ними и маленькие бандероли разных рыцарей.

Когда все готово, Конон дает сигнал: "Заряжайте их во имя Бога!".

БОЙ В ДВЕНАДЦАТОМ ВЕКЕ

Из рукописи Геррада Ландспергского (Шульц).

Каждый барон должен атаковать конкретного противника, но все они могут быть сбиты с пути в огромной толпе людей и лошадей. Два сверкающих эскадрона конницы сходятся вместе, как молнии. Присутствует вся опасность поединков, но есть и еще одна, более страшная - быть растоптанным насмерть бешеными лошадьми. Настоящего руководства нет. Жемур и

Домпьер просто пытаются показать пример доблести и выдвинуть свои знамена вперед, чтобы сплотиться. Поначалу бой идет в шутливой манере, но когда копья сломаны и каждый наносит друг другу удары мечом или булавой, схватка становится отчаянной. Поднимается страшное облако пыли, которое почти ослепляет бойцов и делает их удары еще более безрассудными.

После того как бой продолжается некоторое время, некоторые из менее отважных рыцарей начинают выбывать из игры. Оруженосцы ныряют в гущу воинов и лошадей и вытаскивают в безопасное место то этого, то другого павшего кавалера. Наконец, когда Конон раздумывает, не объявить ли ему "ничью", знамя Гемуров падает. Делается отчаянная попытка поправить его, но оно снова опускается под раздирающие крики победителей. Поднятые руки падают. Бешеные кони взяты под контроль. "Домпьер! Домпьер!" - кричат все глашатаи. И вот бойня заканчивается.

Никто, благодаря отличным доспехам, не погиб, хотя один наследник баронства находится в отчаянном положении, а несколько плеч и бедер сломаны. Бесполезно считать раздробленные ключицы и ребра. "Очень нежное прохождение по оружию!" - говорит герцог Конону, поздравляя своего вассала с праздником и его кульминацией. Все остальные сеньоры присоединяются к аналогичным похвалам. В ту же ночь снова начинаются празднества и визиты. На рассвете вся компания расходится. Музыка жонглеров наконец прекратилась. Танцев больше нет. После более чем двух недель усиленного веселья Сент-Алики внезапно возвращается к трезвой, нормальной жизни.

Алиенор после слезного прощания уезжает с мужем в Бургундию. Эмери едет в свой маленький замок в Петитмуре, который он будет держать как вассал своего брата. Адела читает своим служанкам лекции о том, что нужно успеть за ткачеством, а Конон проводит тревожные совещания со своим начальником-провокатором по поводу расходов на празднование.

Огромные расходы на турниры

Несомненно, это событие принесло славу сеньории. Более ста рыцарей и двухсот оруженосцев или нерыцарственных дворян приняли участие в турнире, а также тысячи холопов. Но как дорого стоили меха, кубки и оружие, подаренные гостям, дестры, врученные новым рыцарям, а главное - огромное количество съестных припасов! Боже правый! Если бы Конон представлял себе все расходы, он вряд ли бы взялся за всю эту затею. Хуже всего то, что крестьяне всего баронства настолько деморализованы, что пройдет еще две недели, прежде чем они вернутся к работе. Чтобы пережить кризис, приходится занимать деньги у еврея Симона в Понтдебуа. Барон должен отказаться от привычного визита ко двору короля в Париже. Он также должен отказаться от некоторых заветных планов - поссориться с сиром Ридо и развязать личную войну. Однако, благодаря Богоматери, Франсуа не нужно посвящать в рыцари эти десять лет, когда (будучи старшим сыном) можно будет взыскать "аид" со всех вассалов, чтобы покрыть расходы.

ССЫЛКИ:

[65] Самый ранний из зафиксированных турниров, как утверждается, был проведен около 850 г. н.э. В Германии они долгое время оставались чрезмерно жестокими. В 1240 году под Кельном был проведен турнир, на котором погибло более шестидесяти человек.

[66] Часто на турнирах использовалось острое оружие, особенно между бойцами, которые сражались *à outrance*, чтобы сгладить какую-то отчаянную личную обиду. Многие дворяне

были убиты таким образом - *например*, на турнире "по французской моде" в Лондоне в 1216 году был убит граф Эссекс.

Глава XIV: Баронская вражда. Осада замка.

Мы посещали Сент-Аликуис в мирные дни, и в мирное время сеньория остается здесь, пока мы здесь задерживаемся. Но мир и конкурсы, не более смертоносные, чем турниры, редко бывают постоянным состоянием вещей. "Слухи о войнах" ходят каждый день; настоящие войны случаются каждые несколько лет. Да будут прославлены святые, если такие состязания носят в основном локальный характер, не сопровождаются ожесточенными боями и прекращаются до того, как они приведут к чему-то худшему, чем издевательства над некоторыми деревнями беспомощных, ни в чем не повинных крестьян.

Несмотря на усилия духовенства и королей, о феодальной Франции можно правдиво сказать, что "война была практически постоянным бедствием почти повсюду". *В обществе того времени война была нормальным состоянием*". Когда эти войны ведутся могущественными королями, можно хотя бы утешиться тем, что, возможно, они решают давние вопросы, касающиеся многих людей, и, какими бы ужасными они ни были, могут проложить путь к прочному миру. В последнее время такая война достигла своей кульминации в решающей битве при Бувине, о которой мы еще расскажем. Но большинство войн ведется за ничтожные ставки. Времена были такие, когда каждый ничтожный сир, держащий слабую башню, считал себя вправе объявить войну любому соседу, с которым он спорил о правах на форелевый ручей. Однако ситуация меняется. Сюзерены настаивают на том, чтобы вассалы низшего сословия решали свои споры и не втягивали в них соседей. Тем не менее, бароны высшего сословия все еще заявляют о войне как о своем "благородном праве". Количество локальных войн с трудом поддается подсчету.

Разновидности баронских войн

Есть что-то ненормальное в могущественном сеньоре, который (если его благословит долгая жизнь) не ведет по крайней мере *одну* войну с каждым из своих сюзеренов, войну с епископами и аббатами, с которыми он поддерживает контакты, войну с каждым соседним дворянином равного ранга, если только их дома не являются неожиданно дружественными, и войну хотя бы с некоторыми из своих собственных вассалов. Война может начаться из-за спора о клочке земли, неопределенной границе или точных обязательствах феодального владения. Теоретически сюзерен может вмешаться в спор между ссорящимися вассалами. Практически же ему лучше позволить им самим разбираться, по крайней мере до тех пор, пока не возникнет реальная опасность, что их вотчинам будет нанесен серьезный ущерб. Тогда он может иногда принудить их к перемирию.

Но, к сожалению, Бог часто допускает, чтобы самые жестокие войны велись внутри самой вотчины. Сыновья воюют с отцами - "старик" не позволяет своим взрослым мальчикам

управлять вотчиной по своему усмотрению.[67] Младшие братья сражаются со старшими за наследство. Племянники нападают на дядюшек, которые, как им кажется, затягивают с опекой. Сыновья даже нападают на овдовевшую мать, чтобы завладеть ее приданными землями. Это лишь некоторые из тех вещей, которые заставляют дьявола терзать свои когтистые пальцы.

Тем не менее, в жизнь проникают некоторые ограничения, обычаи, которые имеют почти силу закона.[68] Например, если вассал нападает на своего сюзерена, никто, кроме его собственной семьи (из числа его знатных последователей), не может ему помочь. Кроме того, в любом случае, прежде чем начать войну, необходимо предупредить об этом как минимум за неделю. После начала войны родственникам вашего врага также должна быть предоставлена сорокадневная передышка, прежде чем нападать на них. За это время они имеют право объявить о своем нейтралитете и тем самым обезопасить себя. Опять же, следует уважать священников, женщин и несовершеннолетних. Наконец, если заключено перемирие, сюзерен обязан наказать нарушителей. Такое понимание лишает войну части ее ужасов, но не предотвращает бесконечной крови и страданий.

Что касается мотива, который в другие эпохи преобладает в развязывании войн, - патриотизма, - то *часто* он не кажется столь жизненно важным. Конечно, французы должны выступать единым фронтом против немцев, итальянцев, англичан и т. д., но отступления от этого обязательства не всегда осуждаются как моральное преступление. Совсем недавно граф Булонский, враждуя с королем Филиппом, брал деньги и у короля Англии, и у императора Германии, чтобы поднять врагов против короля Франции; граф, очевидно, считал это правильной мерой против несносного сюзерена. Важнейшей связью является *личная преданность*. [69] Ужасно предать принца, которому ты поклялся в верности. Сюзерен обратится к своему хозяину с призывом "мои вассалы", ему редко придет в голову обратиться к "моим соотечественникам".

Мало битв и мало стратегии

Мы уже говорили, что войны идут непрерывно, но есть в них одна странная особенность - большие *сражения случаются крайне редко*. Кампании изобилуют мелкими стычками - пышными дуэлями, сюрпризами маленьких замков, случайными столкновениями кавалерии, и, прежде всего, безжалостным опустошением земель, ферм и деревень беспомощного крестьянства. Что может быть лучше для давления на противника, чем довести его холопов до таких страданий, чтобы они не могли ничего дать ему ни деньгами, ни добром, и таким образом довести его до нищеты? Если у вас слабее силы, вы и не подумаете встретить захватчика в бою. Вы закроетесь в своих замках при виде горящих деревень, подавите свою гордость, останетесь пассивными и будете верить, что после истечения "сорокадневного срока службы" вассалов вашего врага они устанут от операций и не решатся осаждать ваши крепости. А когда армия врага начнет рассеиваться, вы сможете нанять какого-нибудь нейтрального барона или аббата для переговоров о мире.

Даже когда короли выступают в поход с действительно большими армиями, противоборствующие стороны почему-то редко рискуют вступить в решающую схватку. Они маневрируют, вступают в стычки и ведут скрытые переговоры с неуверенными элементами во враждебном лагере. В итоге армия вторжения, съев все запасы провизии на открытой местности и не решившись осаждать сильные города с мощным врагом под боком, отступает домой.

Конечно, иногда случаются великие битвы с большими результатами. Таким в одиннадцатом веке был Сенлак, когда герцог Вильгельм Нормандский завоевал всю Англию. Совсем

недавно таким был знаменитый день при Бувине. Такими были несколько крестовых походов против неверных, особенно великий и успешный Первый крестовый поход и Третий крестовый поход, когда Ричард Львиное Сердце, казалось, ближе, чем любой другой феодальный генерал, подошел к тому, чтобы стать действительно способным тактиком, если не великим стратегом.

Эти битвы происходят редко, и даже идеальный стиль сражений могущественного Ричарда был скорее стилем кавалериста, за которым следует всего пятнадцать рыцарей и который своим тяжелым топором прорубает кровавую полосу через толпу неверных, чем стилем осторожного полководца, хладнокровно управляющего могучей армией. Кроме того, в большинстве войн между второсортными баронами участвуют очень небольшие силы. Это всего лишь дела для сотен. Если дело доходит до драки, лучший полководец - тот, кто приказывает: "Вперед, знаменосец! За мной, вассалы!" и устремляется в атаку.

Огромное внимание уделяется подготовке отдельного воина. В плане личной доблести французский кавалерист настолько грозен, насколько это вообще возможно в истории человечества. Но его обучают лишь простым эволюциям при маневрировании в составе роты. Он не любит отдавать приказы. Он устает от долгих кампаний. В его лагерях царит антисанитария и свирепствует мор. Короче говоря, войны для него - это превосходные игры, захватывающие, приправленные опасностью и разыгрываемые на крупные ставки, которые придают изюминку; но, за исключением крестовых походов и некоторых других редких случаев, высшие цели, которые служат войнам единственным оправданием, полностью ускользают от него. "Война, в истинно научном смысле этого слова, - это то, в чем ваш барон обычно пребывает в полном неведении.

В начале этого повествования мы видели, что барон Конон, вскоре после получения сеньории, вступил в оживленную вражду с виконтом Форевртом. Это было так похоже на многие другие междоусобицы в этом регионе, что хорошо бы получить достоверную историю этого события от отца Грегуара, который знает все обстоятельства.

Начало вражды

Причина ссоры (рассказывает он) была обычной. Несомненно, виконт был презрительного мнения о своем тогда еще молодом и неопытном соседе. Между двумя сеньориями находился лес, на который Форетверт не без оснований претендовал; но во все времена ужасного барона Гарнье никто, кроме крестьян Сент-Алики, не имел права рубить там костры. И вдруг Хуон, один из помощников лесника, предстал перед Кононом в плачевном состоянии. У него были отрублены большие пальцы. Он рубил лес на спорной земле, его схватили люди виконта, привели к хозяину, и тот приказал так с ним поступить, добавив с усмешкой: "Это пенни за прикосновение к веточке в моих лесах. Скажи своему молодому господину, чтобы он разнес эту весть среди своих холопов".

Когда Конон услышал эту насмешку, его оруженосцы задрожали от ужаса. Тогда он выхватил меч, положил руки на эфес, прижав к ковчегу, и поклялся "Божьими глазами!"^[70], что заставит виконта и всех отпрысков Фореврта проглотить столько собственной крови, что они напьются до чертиков.

"Конечно, - говорит отец Грегуар, - он, как христианский барон, не мог поступить иначе; ведь господин, позволяющий другому сеньору притеснять своих холопов, не господин; и если бы он не ответил на такое оскорбление, никто из его вассалов не повиновался бы ему".

В тот же день один из оруженосцев Конона прискакал в Форетверт. Он нес "картечь" - пучок меха, вырванный из пелиссона своего господина.^[71] Он был совсем юным оруженосцем, но держал голову высоко. Быть таким посланником было опасно. Сквайр должен был вести себя как можно наглее, не провоцируя Форетверта нарушить положенную герольду защиту. В большой зал обиженного сеньора вошел оруженосец, неся в левой руке ветку сосны, а в правой - пучок шерсти. Его прихода ждали. Приветствия, когда его подвели к помосту, где председательствовал виконт, были холодными и церемонными. Затем оруженосец выпрямился во весь рост и расправил длинную мантию.

"Сэр виконт, мой господин, барон Сент-Алики, требует от вас удовлетворения. Если вы не загладите обиду, нанесенную ему и его семье, я с преданностью бросаю вам вызов от его имени".

И он бросил картуш вниз.

"Вполне уместно, - насмешливо ответил виконт, - чтобы простой мальчишка был оруженосцем для мальчишки. Передайте своему юному господину, что скоро я преподам ему урок военного искусства".

И, обменявшись еще несколькими подобными словами, оруженосец поскакал домой. В это время в Сент-Алике царила суматоха. Большой колокол на донжоне зазвонил. Усердные руки уже прикрепляли сырые шкуры к выступающим деревянным щитам на крепостных стенах. Все оружейные склады в бейли были открыты для раздачи оружия. Из оружейной кузницы доносился мощный звон затягиваемых заклепок. Должно быть, дестры уловили эту новость, раз так яростно топтались в конюшнях. В большом зале Конон сидел с Аделой (мудрой головой в военных делах), сиром Юстасом и другими рыцарями и вел серьезный спор.

Сбор вассалов

Одновременно во все маленькие деревушки и крепости вассалов посыпались гонцы. Холопам они кричали: "Барон объявляет войну с Форетвертом. Приводите свой скот и имущество в замок для защиты". Вассалам они объявили: "Приходите со всеми людьми, которых вы обязаны вести за собой, через семь дней в Сент-Алики, вооруженные и снабженные всем необходимым для службы; и не выполняйте этого, иначе мы вас сожжем". Это право сжигать жилища вассалов, не подчинившихся призыву к запрету, было одним из давних в феодальных землях. Другие гонцы объявляли о запрете, трубя в трубу на каждом перекрестке в баронстве. Не подчиниться этому призыву было бы верхом феодального разврата. Никто из вассалов не осмелился колебаться. Напротив, большинство из них, как добропорядочные сеньоры, с радостью восприняли эту возможность последовать за своим сеньором, сразу же воскликнув: "Мой конь! Моя лошадь!" и приказывали всем своим помощникам.

Настоятель монастыря, как и полагается, посетил обоих вождей и тщетно пытался заключить мир. Он встретил вежливую благодарность и быстрый отказ. Пока он разбирался со своей совестью, Конон оповестил всех своих родственников в окрестностях. Он также отправил письма нескольким влиятельным баронам, которые в прошлом получали вооруженную помощь от Сент-Аликиса и которым теперь тактично напомнили об этом факте. Кроме того, он отправил особенно приемлемого гонца к своему сюзерену герцогу, чтобы убедить его в том, что Форетверт совершенно не прав и что герцогу лучше не вмешиваться. Благодаря этой энергии и дипломатии к концу недели вся сельская местность была разбужена, крестьяне загнали большую часть своего скота так близко к замку Сент-Алики, чтобы его можно было защитить, а многие холопы, покинув свои лачуги, расположились лагерем под открытым

небом (стояла прекрасная летняя погода) на пространстве между барбаканом и бейлием. Что касается Конона, то он с гордостью собрал свой "отряд" - сто рыцарей или достойных битвы оруженосцев; двести сержантов - всадников недворянского происхождения; и около семисот пеших холопов с длинными ножами, пиками, арбалетами, большими топорами и т. д. - не слишком ценными в открытом бою, но обязательно пригодившимися в другой предстоящей работе.

Из Форетверта приходили сообщения о подобных приготовлениях. Но виконт поссорился с некоторыми из своих родственников. Он нарушил данное когда-то обещание помочь одному сиру в междоусобице. Его ближайшие вассалы откликнулись на его призыв, но они считали, что их господину следовало бы посоветоваться с ними, прежде чем так грубо провоцировать Сент-Аликиса. Одним словом, их рвение было не самым большим.

Тем не менее виконт, человек импульсивный и самоуверенный, спешно собрав свои силы, в тот же день, когда закончилась неделя перерыва, вторгся на территорию Конона. Он ожидал найти крестьян своего врага еще на полях, а дозорных Сент-Аликиса - в процессе сбора. К своему изумлению, он обнаружил, что деревни почти опустели, а большая часть скота уведена. Тем не менее он по глупости позволил своим людям разбежаться, чтобы разорить все, что осталось на их милость. Вскоре сгорели сеновалы, были вытоптаны посевы, полыхала солома на оставленных хижинах. То тут, то там воины гнали перед собой копьями зазевавшихся крестьян. Руки этих несчастных были связаны за спиной. Рядом с ними шли их плачущие жены и дети. Все овцы, свиньи и куры, которых можно было найти, конечно же, были конфискованы.^[72] Вскоре у разорителей оказалось достаточно добычи, чтобы нагрузить лошадей до такой степени, что один из более опытных рыцарей Форетверта предупредил его, что его люди становятся опасно нагруженными в случае столкновения.

Переход под оружием

Виконт посмеялся над этими опасениями и уже собирался трубить в трубы, чтобы отозвать фуражиров, как вдруг по лесной дороге, через плохо разведанный лес, на них набросился весь легион Сент-Алики, с большим знаменем Конона наперевес. Половина людей виконта была рассеяна, другая половина едва успела привести себя в порядок, как враги набросились на них, нанося удары, рубя и валясь, словно изверги. В таком случае Форевверту пришлось благословить Деву, что он благополучно покинул поле боя. Он сделал это только потому, что его оруженосец самым галантным образом заколол лошадь сира Юстаса как раз в тот момент, когда тот сближался с виконтом. Сам оруженосец мгновением позже был зарублен булавой сенешаля. Пятеро из рыцарей Форевверта были убиты, несмотря на доспехи. Еще четверых стащили с лошадей и потащили в качестве пленников для получения выкупа.

Предводители фуражиров добрались до дома, пришпорив коней, но несчастных пеших перебили десятками. Многие из них были убиты, когда бросали свою грешную добычу. Около сорока человек были взяты в плен, но, будучи всего лишь холопами (от которых не следовало ожидать выкупа), Конон сразу же повесил десятерых в качестве предупреждения о недопустимости дальнейшего опустошения его земель, а остальных тридцать отвел в свой замок, чтобы повесить позже, если первый намек не окажется действенным.^[73]

Эта необычайно решительная схватка, по мнению многих, должна была положить конец войне. Теперь Конон вторгся во владения Форевверта и с должными предосторожностями отправил *туда свои* опустошительные отряды, которые вскоре преподали своим врагам

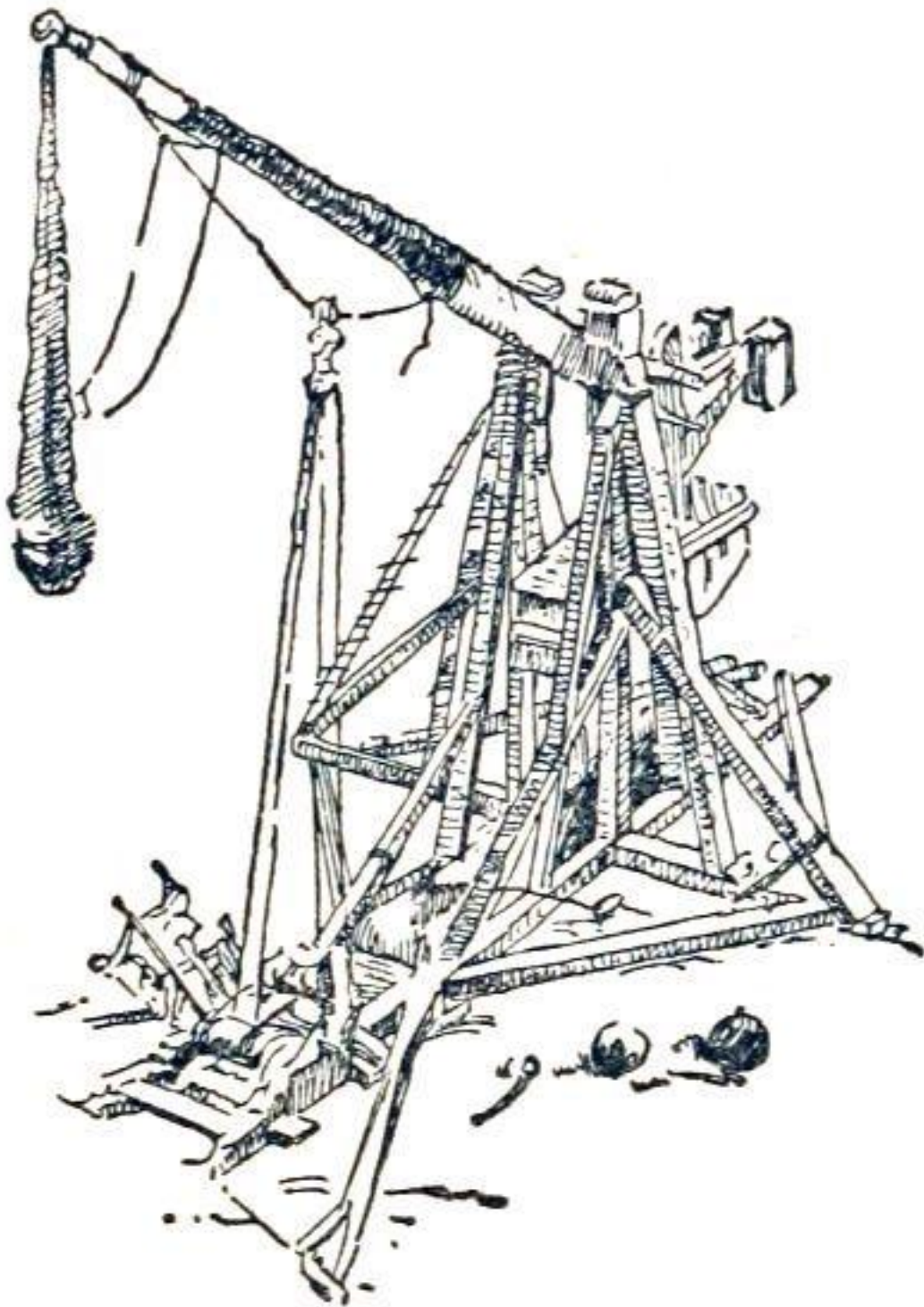
урок, как опустошать сельскую местность. Но виконт, хотя и был сильно потрясен и покинут многими, высокомерно отказался пойти на уступки, которых, по словам Конона, "требовала его честь, прежде он мог думать о мире". Война, таким образом, обещала не прекращаться до тех пор, пока в результате непрекращающихся набегов и контрнабегов крестьяне обоих сеньорий не окажутся на грани голодной смерти.

Виконт, разумеется, рассчитывал, что по окончании обычной "сорокадневной службы" вассалы и союзники Конона покинут его. Большинство феодальных войск, как правило, таяли после очень короткой кампании и оставляли своего лидера почти без всех, кроме его ближайших помощников. Тогда Фореверт мог бы вновь собрать своих людей и возобновить поединок. Но так распорядились святые, что Конон был бережливым сеньором, а также популярным сюзереном и соседом. Теперь он предлагал своим союзникам и вассалам хорошие отступные, если они будут служить до осенних дождей. Он также нанял около пятидесяти всадников и двухсот пеших, которых привел из Лотарингии железной рукой солдат удачи, Риттер Райнульф из Мозеля, который мог поставить своих немецких наемников на службу любому барону, предлагавшему хорошее серебро. Наемники служили не "сорок дней", а столько месяцев, сколько получали стабильного жалованья - большое преимущество.

Конон также нанял барона, мэтра Жерома. Рыцари жаловались, что барон дает ему слишком большое жалованье и доверие, но мэтр Жером был одним из лучших инженеров короля при осаде большого замка Шато-Гайяр на Сене, когда Филипп Август отнял эту якобы неприступную крепость у Иоанна Английского в 1204 году. Сам замок Фореверт был почти так же силен, как Сент-Алики, и ни о какой его осаде не стоило и думать. Но у виконта была еще одна крепость поменьше - Турфьер, которая находилась ближе к землям Конона и была не такой грозной.

Осада замка

Турфьер состоял всего лишь из одной стены вокруг внутреннего двора центрального замка и, конечно же, барбакана перед воротами. Имелся ров, но не глубокий и затопляемый только в сырую погоду, а фундамент этой крепости, судя по всему, не покоился на твердой породе, на что мэтр Жером обратил особое внимание после осторожной рекогносцировки. Внезапно, к изумлению многих, Конон со всеми своими силами появился перед Турфьером и потребовал от его кастеляна, сира Готье, племянника виконта, сдаться, на что тот с насмешкой ответил отказом.

КАТАПУЛЬТА

Своеобразная праща, которую натягивали с помощью брашпиля и которая метала тяжелые снаряды.

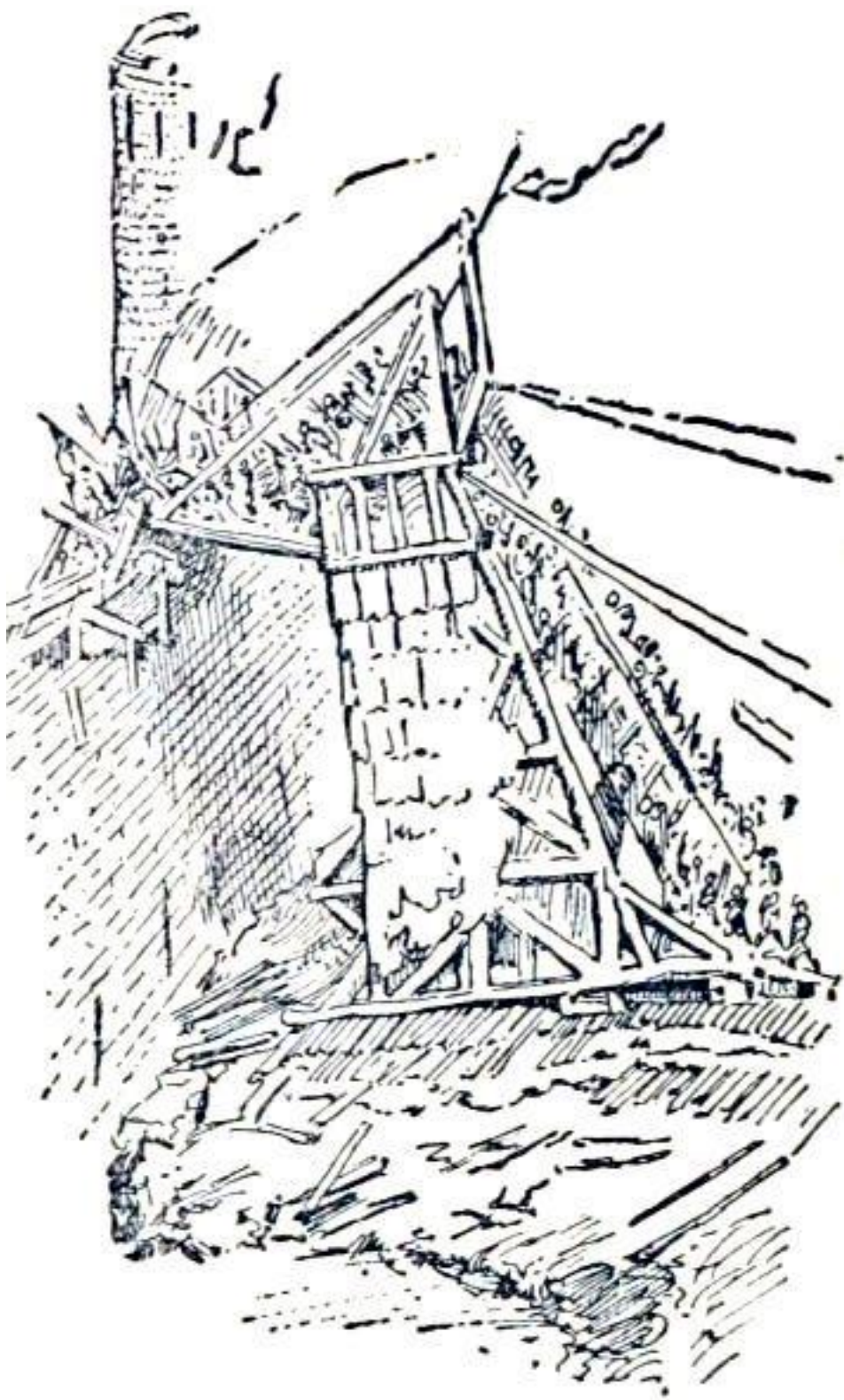
Сир Готье командовал примерно двадцатью рыцарями, оруженосцами или сержантами, а также не менее девяноста вооруженных холопов - достаточная сила, казалось, для небольшого замка, тем более что женщины здесь могли бросать камни, сбрасывать обручи с горячей смолы, заливать кипятком и помогать откручивать литейные механизмы. Поэтому защитники готовились к энергичному сопротивлению, уверенные, что Конон не сможет долго удерживать свои разнородные войска вместе и осада бесславно закончится. Но мэтр

Жером, несмотря на свою холопскую кровь, руководил осадой с удивительным мастерством. Ни один шахматист не смог бы передвинуть свои фигуры лучше, чем он. Сначала он убедил барона не поддаваться порыву внезапно броситься на стены с лестницами, указав, что у Готье, помимо арбалетчиков, есть четыре больших траншеи (каменные точильщики, работающие на противовесах), а также две катапульты - гигантские луки, установленные на штандартах и способные послать тяжелую стрелу насквозь в человека в полном доспехе.

"Мы должны взять Турфьер ломом и лопатой, а не мечом, справедливый сеньор", - с улыбкой сказал Жером, после чего большой отряд крепостных Конона начал рубить лес и строить частокол вокруг осажденного замка, чтобы остановить вылазки или подмогу. Тем временем Жером руководил изготовлением окопов и катапульт для осаждающих. С их помощью они вскоре разбили деревянные щиты, защищавшие крепостные стены, сделав невозможным подъем гарнизона на стены лишь в некоторых местах и в экстренных случаях, чтобы их не сбили арбалетки атакующих. Кроме того, траншейники бросали внутрь крепостного двора небольшие бочки с "греческим огнем" (смесь смолы, серы и лигроина). Эти страшные огненные шары нельзя было погасить водой, только песком. Отчаянными усилиями защитникам удалось избежать решающего поражения, но некоторые здания во дворе сгорели, а люди сира Готье изнемогали, пытаясь предотвратить катастрофу.

В порыве бравады защитники взяли двух пленников и повесили их на самой высокой башне. В ответ Конон немедленно повесил четверых пленников прямо в луках от замка, а его самый большой траншея-бут перебросил мертвую лошадь через крепостные стены во двор. Тем временем сир Готье заметил поразительную энергию нападавших, находившихся за пределами своих палисадов. Кастелян посоветовался со своими самыми опытными людьми, так как осаждающие, казалось, накладывали очень много брёвен.

Осадные машины и башни

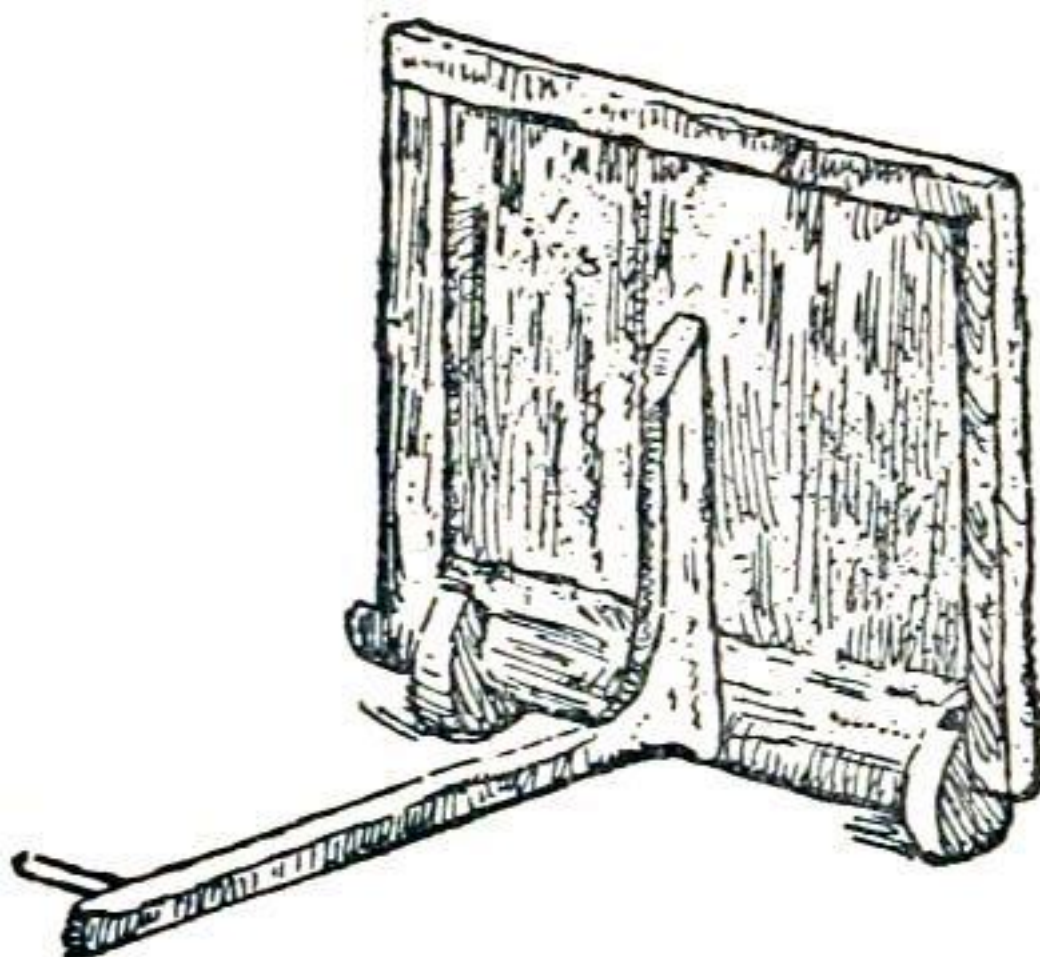
АТАКА С ПОМОЩЬЮ БАШНИ

(Из Виолле-Ле-Дюка); ров был засыпан, башня покрыта шкурами, чтобы защитить ее от огня, и подкачена к стене.

Мнения его советников разделились. Одни говорили, что Конон планирует построить *беффруа*. Это было очень амбициозное мероприятие, которое обычно использовалось только во время больших осад. *Беффрой* представлял собой передвижную башню,

построенную из тяжелых бревен и поднятую на высоту не менее высоты атакуемой стены. Спереди ее покрывали сыромятными шкурами, чтобы отражать стрелы и огненные шары. На роликах или неуклюжих колесах ее двигали вперед, пока она не приближалась к вражескому парапету. Затем, когда, почти касаясь, с вершины перекидывали на стену поворотный мост, нападавшие взбирались по лестнице с тыла и по мосту взбирались на крепостные стены. Защитникам потребовалась вся их доблесть, чтобы уберечь свой замок от быстрого захвата.

Однако другие члены гарнизона с насмешкой отнеслись к идее *строительства беффроя*. Уже зимой можно было бы завершить строительство такого сложного сооружения. Говорили, что барон готовит тараны и "кошку". Таран представлял собой просто тяжелое бревно с металлической головкой, качающееся на цепях с деревянной эстакады. Установленное под стеной, оно тянулось вперед и назад за веревки и повторяющимися ударами разрушало каменную кладку. Кошка" представляла собой длинное, узкое, шатрообразное сооружение из тяжелых бревен, покрытых шкурами или железом для отвода снарядов от парапетов. Один ее конец застраивался до соприкосновения со стенами, и тогда умелые шахтеры под ее защитой пробивали себе путь в кладке кирпичами.

ДЕРЕВЯННЫЙ

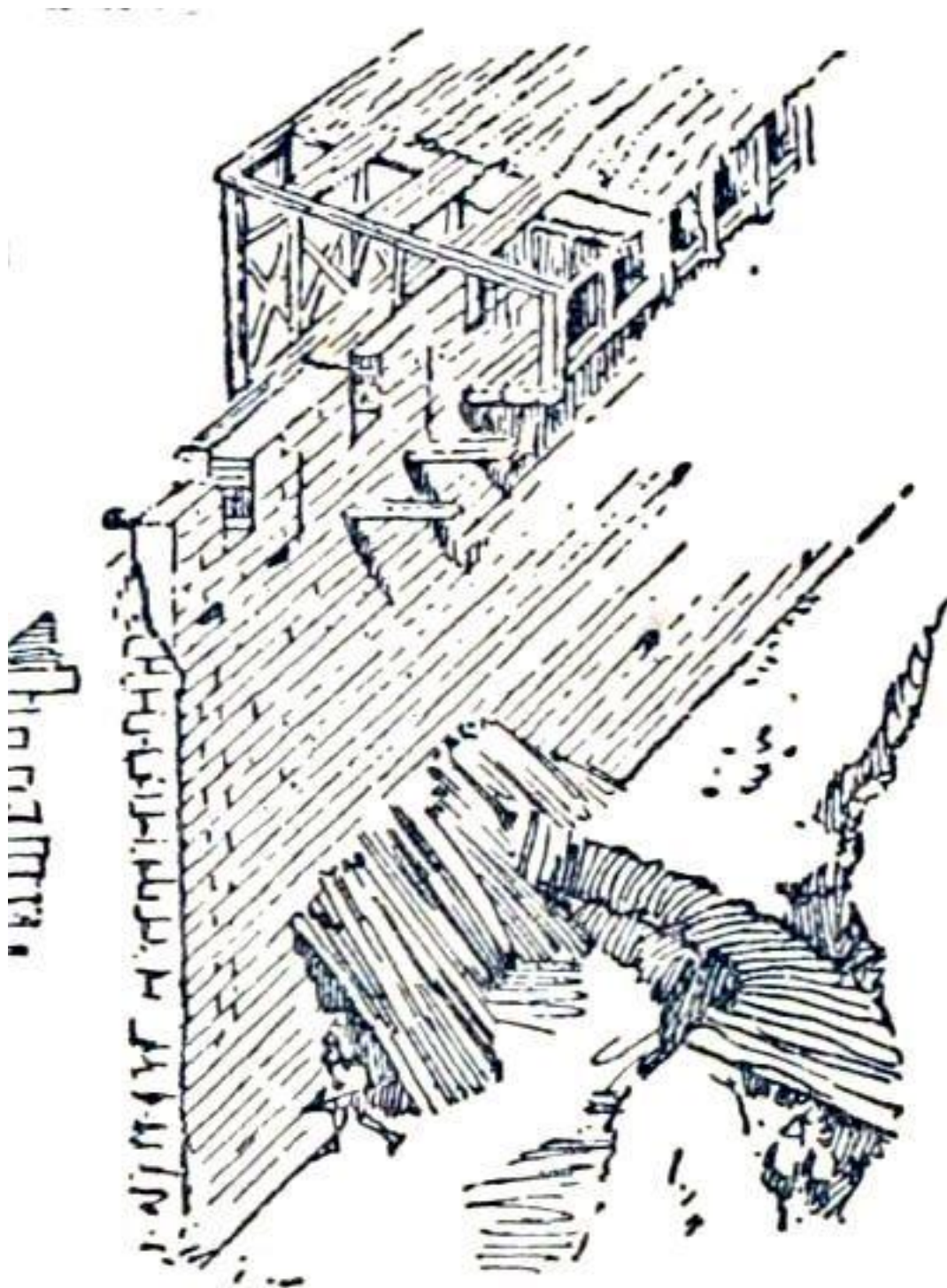
МАНТЕЛЕТ

Эти методы были проще в подготовке, чем *беффрои*, хотя и не столь эффективны. Защитники были уверены, что они будут использованы, когда увидели, как нападающие делают *мантелеты* - большие деревянные щиты на маленьких колесиках - для защиты арбалетчиков, когда те подкрадываются к стенам, чтобы очистить их - необходимая предварительная подготовка к наступлению кошки или тарана. Их уверенность возросла, когда однажды ночью люди Конона внезапным броском ворвались через слабый частокол

барбакана и, пробив себе путь к стенам, начали засыпать ров *фашинами* - связками фагот. Сэр Готье был уверен, что, используя свои траншеи и катапульты с максимальной пользой, он не позволил им выровнять ров настолько, чтобы сделать прочный фундамент для осадных машин. Поэтому люди Турфьера высокомерно воскликнули: "Не торопитесь, прихлебатели из Сен-Аликуа! Ваша "мадам Кошка" никогда не загрызет наших крыс".^[74]

Вскоре, через несколько недель, осаждающие были замечены в большой активности, как бы готовясь к штурму. Готье был уверен, что они в отчаянии попытаются взобраться по лестницам на его стены. И вдруг сержант, охваченный паникой, вбежал на свою сторожевую башню. Из фундамента куртины возле ворот вырывались клубы дыма!

Подрыв стены

АТАКА НА СТЕНУ С ПОМОЩЬЮ САПА

На вершине стены видны строительные леса (теоретический рисунок Виолле-Ле-Дюка).

Готье мгновенно понял, что произошло, но было уже слишком поздно. Мэтр Жером, воспользовавшись мягким грунтом под замком, сделал подкоп, начав с безопасного расстояния в тылу и хитро скрыв вход и вырытую землю, пока она не оказалась под важным участком стены. Затем расчистили большую камеру и подложили под кладку деревянные столбы, пропитанные талом, чтобы они не упали на шахтеров. Когда последние из них отступили, к деревянной конструкции поднесли факел - вся камера была забита горючими материалами. Вскоре огонь поджег столбы. С грохотом рухнул важный участок стены.

Осажденные не успели вовремя осознать ситуацию, чтобы вбить контрмину или возвести вторую стену внутри опасного места. Как только бойцы Сент-Аликиса увидели, что стена рушится, они бросились вперед. Защитники храбро встретили их в проломе, завязалась кровавая схватка на мечах, но численный перевес был непреодолим. Готье и часть его людей, правда, бежали в донжон и преградили вход, но они были полностью деморализованы. Все женщины и дети, собравшиеся в башне, пронзительно оплакивали погибших и были вне себя от ярости. Большая часть провизии находилась в хранилище за пределами донжона. Поэтому конец был несомненен. В конце следующего дня гарнизон в донжоне сдался, пообещав всем жизнь и жизнь, а рыцарям - вежливое обращение.

Штурм Турфьера положил конец войне. Конон мог бы, конечно, окончательно разорить Фореверт, но теперь в дело вмешался герцог. Не в его интересах было, чтобы вассал оказался не в состоянии выполнять свои феодальные обязательства. Конон, однако, смог добиться очень высоких условий. За эвакуацию Турфьера он получил уступку деревни, крестьяне которой платили очень большие подати, а двое из лучших вассалов виконта также передали свою дань Сен-Алику. Спорящие стороны поклялись в мире на самых ценных реликвиях в аббатстве и обменялись поцелуем дружбы. Отныне Фореверт, более печальный и мудрый сеньор, внешне дружелюбно относился к своему могущественному соседу и даже пришел в качестве упрямого гостя на свадьбу Алиенора.

СНОСКИ:

[67] На континенте не существовало первородства, как в Англии. Старший сын имел право на наибольшую долю наследства, но отнюдь не на все.

[68] Они стали официальным законом примерно в 1260 году, во времена Людовика IX.

[69] Французское мнение, конечно же, осудило этого графа, но не за предательство своей страны, а за нарушение верности своему личному сеньору.

[70] Страшная клятва Генриха II Английского и других великих вождей.

[71] По более позднему обычаю, вероятно, к ней полагалась перчатка, отороченная мехом.

[72] Такие грабежи были достаточно распространены, хотя лучшие рыцарские чувства были направлены против непосредственного участия в них. Как сказал один бард, Герауд де Борнейль, "да будет проклят рыцарь, который прогоняет стадо блеющих овец, а затем предстает перед дамой!".

[73] Этим пленникам везло, если они в конце концов сбегали, не получив хотя бы увечий. "Дать пленникам (холопской крови) пустой рукав или деревянную ногу", похоже, было ужасно распространено в феодальных войнах.

[74] Подобные насмешки звучали во время знаменитой осады Каркасона в 1240 году.

Глава XV: Великая феодальная битва - Бувины.

Так закончилась вражда между Сен-Аликом и Форевертом - менее изнурительная и более решительная война между баронствами, чем многие другие, и принесящая соответственно меньше страданий беспомощным крестьянам. Но Конону посчастливилось участвовать и в действительно великом сражении, которое впоследствии войдет в число самых известных в летописи Франции.

Солнечный полдень. Юные Франсуа и Ансо устали от охоты на лягушек у внешнего рва. Под деревьями сада сир Юстас, суровый старый воин, размышляет над горшком с гиппокрасом. Они требуют от него еще раз рассказать о "битве". Для них существует только одна битва - Бувинь. Сенешаль, вечно ведомый своими молодыми господами, после соответствующих уговоров начинает.

"Теперь вы должны знать, моя прекрасная дамуазе, что все это произошло шесть лет назад, в 1214 году, в седьмой и двадцатый день июля. За наши грехи в тот сезон было очень жарко, так что все мы, надеюсь, получили отпущение грехов из чистилища. Дай Бог, чтобы в следующий раз, когда у нас будет великая битва, она произошла приятной весной или осенью, хотя в остальном святые проявили к нам, французам, великую милость. А теперь начнем.

"В тот год король Англии Иоанн, по своему злему правлению и глупости потерявший почти все свои анжуйские и нормандские земли в пользу нашего доброго короля Филиппа, отправил большие деньги и искусных послов во Фландрию и Германию, чтобы поднять смуту. Великие графы Фландрии и Булони затаили обиду на своего сеньора, нашего короля, и к ним присоединились многие другие сеньоры тех краев, в частности герцоги Брабанта и Лимбурга, граф Голландии, а больше всех - сам германский император Оттон IV, который прибыл с огромным войском саксов. Вместе с ними прискакал английский граф Солсбери с большим отрядом фламандских наемников, которые отняли у короля Иоанна злополучный пенни. Никогда с тех пор, как герцог Карл Мартель отразил нападение пайнов, столь грозное воинство не угрожало нашей нежной Франции; и когда наконец в июле все войско под командованием императора Оттона собралось в Валансьене, чтобы двинуться на Париж, даже храбрые рыцари дрожали за короля и королевство.

"Никогда еще призыв к королевскому запрету и запрету тыла не звучал так настоятельно, как тем летом. Королевский гонец прибыл в Сент-Аликовис с "краткой повесткой", в которой мессире Конону предписывалось ехать со всеми мужчинами и юношами, способными управлять конем или орудовать копьем; и так по всей Северной Франции пронесся приказ. Но на юге страны Иоанн проводил грозную диверсию из своих оставшихся владений в Гаскони, и нам, жителям Лангедоуаля, пришлось встречать северный удар в одиночку.

"Когда мессир ваш отец получил повестку, было еще больше приготовлений, чем когда старый Форетверт бросил нам вызов. Сир Конон был в аббатстве и написал свои последние желания, договорился, что если он падет, то будет похоронен в аббатской церкви у алтаря, где святой Бернар когда-то совершал мессу, и оставил монахам пятьсот ливров в обмен на вечные мессы его души. Остальные дали обеты в соответствии со своими способностями. Я ничего не говорю о расставании и о том, как ваша мать храбро обещала охранять замок.

Мобилизация феодальной армии

"И вот по всей земле прозвучал запрет, и собралось великое войско короля. Никогда больше я не видел такого прекрасного сбора рыцарей, какой собрался в Перонне. Он превзошел все турниры. Каждый час появлялись знамена под звуки таборов, рожков и барабанов. Был огромный обоз багажа, так что я думаю, что мулов было больше, чем лошадей, потому что многие бароны привезли свои большие шатры, со множеством сундуков с дополнительным оружием и прекрасной одеждой. В тылу собрался второй отряд жонглеров, торговцев и очень злых женщин, которых не могли разогнать все приказы короля. Поистине, в этой армии было вдвое больше ртов, чем людей для сражения; кроме того, как ни короток был поход, в нем было много болезней, вызванных плохой пищей, плохой водой и, как утверждали некоторые, чрезмерной грязью. Утешало то, что в лагере Оттона дела обстояли, если не сказать больше, гораздо хуже.

"Как бы то ни было, эти бурные дни сборов скоро закончились. Пришла весть, что немцы и фламандцы наступают, и двадцать пятого июля мы вошли в Турнай на окраине Фландрии. Мессир Конон, присутствовавший в королевском совете, рассказал мне, что бароны короля спорили о целях врага. Предложит ли он честное сражение на равнине у Камбрея, как мы того желали, или попытается проскользнуть мимо нашей армии и направиться прямо к Парижу? Мне рассказывали о книгах древнеримских полководцев, Юлия Цезаря и его сверстников, и мне казалось, что для них передвижение армий было делом глубокой проницательности: продвигать свои колонны по тщательно разработанным правилам, подобно тому как вы передвигаете своих людей на игровой доске. Однако в наши дни никто не отличается такой мудростью, и я думаю, что либо просто удача, либо (говорю как христианин) добрый Сен-Дени, охраняющий нашу прекрасную Францию, свели хозяев вместе, когда и где они в настоящее время появились.

"На рассвете того же седьмого и двадцатого июля мы вышли из Турнэ, намереваясь миновать маленькую речку Марк, добраться до города Бувины и таким образом укрыться за болотами, чтобы быть защищенными от неожиданности и в то же время иметь возможность ударить в тыл врагу, если он пойдет по дороге на Париж. Но Оттон и его лорды, раздутые от гордости за Германию и Фландрию и уверенные в своей многочисленной пехоте, были полны решимости атаковать и упорно преследовали нас. От Турне до Бувинов всего девять миль, но наши длинные поезда с багажом ползли по дороге, как улитки. Поэтому было уже почти полдень, когда мулы и пехота перешли мост. Мы, кавалерия, все еще находились на ближней стороне, прикрывая марш, когда прибежали наши разведчики. "Немцы! Немцы!" И там, над склонами кукурузных полей за Бувином, мы уверенно увидели длинные вереницы всадников, летящих в огромном облаке пыли.

"С королем был епископ Гарин из Сенлиса. Это был старый рыцарь-госпитальер, один из тех святых братьев, которые, несмотря на церковные обеты, с радостью сражаются за правое дело, и епископ Гарин сразу же дал шпоры своему дестреру, чтобы произвести разведку. Вскоре он вернулся, обнаружив достаточно. Он обнаружил, что наш господин Филипп сидит под ясенем недалеко от моста и ужинает, а на траве расположились многие вельможи, среди

которых был и мессир Конон. "Вести, сир!" - воскликнул Гарин. Германцы будут сражаться. Их рыцари в паноптикуме, а за ними марширует пехота!

Боевой порядок при Бувине

"Это был не самый приятный момент для короля. Его собственная пехота находилась за рекой, а кавалерия - на этой стороне. Он не мог переправить своих всадников через единственный мост без тяжелых потерь, но, возможно, еще оставалось время, чтобы вернуть пеших. Поэтому мы со всей возможной быстротой бросились в атаку, и несколько храбрых сержантов Шампани так набросились на авангард Оттона, что, хотя их было больше и они были оттеснены назад, они задержали врага, пока наши люди не смогли занять свои места и представить галантный фронт. Что касается нападавших, то, увидев, что мы готовы к бою, они, как благоразумные люди, остановились и выстроили свои ряды. Так в течение часа обе стороны ждали, находясь на расстоянии выстрела из лука, многие из нас очень нервничали и проклинали задержку, тем более что солнце палило нещадно, хотя более набожные поспешно исповедовались священникам, которые постоянно двигались взад и вперед, или, по крайней мере, просили *прощения* за свои грехи.

"Вскоре вы увидели весь строй врага, расположившегося, как на длинном гобелене. Справа от графов Понтё и Дрё стояли наемники под командованием Солсбери и люди этого подлого предателя Булони. Слева - длинные шеренги фламандских всадников против наших кавалеров из Шампани и Бургундии. Но мы из Квелькепарта со многими другими ротами находились в центре сражения, где развевался великий орифламм короля Филиппа, могучее алое знамя из самита, окруженное отборными кавалерами. Мы, всадники, находились в тылу. Перед нами расположились французские пехотинцы - мещане из городов, откликнувшиеся на призыв короля. "Позор, что мещане должны стоять перед рыцарями!" - кричали некоторые из нас; но король и епископ Гарин, который, казалось, все знал, понимали свое дело, как вы увидите.

Рассказывают, что перед самым выходом хозяев король Филипп вслух молился перед своим телохранителем: "Господи, я всего лишь человек, но я еще и король. Твое дело - охранять короля. Ты ничего не потеряешь от этого. Куда бы ты ни пошел, я последую за тобой! Также я слышал, что рядом с королем стоял, сколько мог, королевский капеллан Уильям Бретонский, который на протяжении всей битвы вместе с другим священником пел псалмы, такие как "Благословен Господь, сила моя, Который научил руки мои воевать и пальцы мои сражаться". Но епископ Гарин не пел псалмов. Он скакал вверх и вниз по рядам всадников, приговаривая: "Выдвигайтесь, чтобы враг не обошел вас с фланга. Один рыцарь не должен делать другому свой щит! Так он поставил всех наших рыцарей в первую линию кавалерии. В задних рядах он поставил конных сержантов. У нас было, пожалуй, две тысячи рыцарей и пять тысяч сержантов. Нашей пехоты было более пяти с половиной тысяч, но у противника было даже больше пехотинцев, чем у нас, хотя их лошади немного уступали. Таким образом, битва была очень честной: две линии людей и лошадей длиной в полторы мили, а поля ровные и открытые для поединка. Лучшего места для почетного сражения и не придумаешь.

"После того как мы долго сидели в седлах, размышляя о своих грехах и с ужасом любясь великолепием огромного натиска врага напротив, справа от нас внезапно бросилась на фламандцев группа наших сержантов. Их атака была слишком слабой, и фламандцы отбросили их назад и атаковали в ответ, а их предводители воскликнули: "Подумайте о своих дамах!", словно в вежливом поединке. Тогда, не мешкая, наши бургундские и шампанские рыцари бросились на них и долго вступали в неясную схватку, каждый кавалерист выбирал

себе противника и скакал против него. То одна сторона одерживала верх, то другая, и некоторые воины даже отступали назад, чтобы восстановить дыхание и затянуть сбрую, а затем снова бросались в атаку. Некоторое время мы из центра наблюдали за ними; затем нас захватили более близкие дела.

Поражение французской пехоты

"Я уже говорил вам, что король Филипп и его пехотинцы, а также многие наши рыцари занимали центральное место в сражении. Перед ними стояли плотные ряды фламандской и немецкой пехоты, в их тылу находился сам император Оттон в сопровождении отборных всадников, а в центре мы видели великое имперское знамя - шелковый дракон, белый и зеленый, поднятый на шесте, увенчанном золотым орлом. Его несли не кавалеристы, а спускали с высокого повозки, запряженной четверкой лошадей. Когда мы смотрели на это огромное вражеское войско, казалось, что вся эта масса устремилась вперед на нашу пехоту. Никогда не было такого зрелища: острия копий, хауберки, шлемы - все это сверкало на солнце. Земля сотрясалась от топота тысяч ног. Зазвучали бесчисленные военные горны, и мы услышали глубокое "*Хох! Hoch!*" немецкой пехоты, обрушившееся на нас как гром.

"Тогда императорская огромная масса обрушилась на наших лакеев из коммун. Несомненно, наши бедные рыцари храбро защищали свои стены, и у них всегда хватало храбрости, но никогда бы Франция и король Филипп не были спасены горожанами. Вскоре мы увидели, как вся эта базовая пехота ломится в тыл, и на мгновение наше небо показалось черным. Но "*Разомкните ряды*", - призывал мессир Конон и другие наши вожди, - "*и дайте холопам прорваться*". И мы разомкнули ряды кавалерии и позволили этим робким друзьям бежать. Затем последовали последние затяжки пряжек и натягивание шлемов. Прямо перед нами, тысячи за тысячами, шла императорская пехота. Все вместе мы подняли радостный крик "*Монжуа Сен-Дени!*"^[75] - королевский боевой клич Франции. Затем последовал такой бег, какого я никогда в жизни не надеялся увидеть снова. Не сводя глаз с великого знамени Оттона, прямо на этот пресс немцев и фламандцев, мы, французские кавалеристы, скакали как бешеные, рыцари впереди, а все оруженосцы и добрые сержанты неслись за нами. Лошади знали свой час. Они летели на скорости, не касаясь шпор. Хотя я и благословлен всеми радостями рая, но никогда, после десяти тысяч лет блаженства, я не забуду того дивного восторга, который испытал, когда мы ударили по вражеской линии!"

(Глаза сира Юстаса сверкают, как искры огня. Франсуа и Ансо едва дышат, пока он говорит).

Заряд французских рыцарей

"Мы прошли сквозь пехоту каитиффов, как горячий нож прорезает сыр. Я держал знамя святого Аликуса и держался позади мессира Конона, а все наши люди кричали и ругались позади. Ах! Какой шанс был у этих холопов против *благородных* французов, которые знали коней и копья с тех пор, как перестали пить материнское молоко? Так что мы наступали все вместе, и вскоре, словно замки, возвышающиеся над равниной, можно было увидеть здесь, там и там знамена и эскадроны наших кавалеров на их высоких конях, возвышающиеся над рычащими, бьющимися пехотинцами, которые теснились вокруг них, и все же не могли удержать наших рыцарей от того, чтобы идти вперед, всегда вперед.

"После этого вся битва разладилась. Ибо когда император Оттон и его рыцари увидели, что их пехоту рубят, как баранов, они тоже бросились в атаку, доставив нам искреннюю радость скрестить мечи с благородными людьми. Так что долгое время конь с конем и человек с человеком. Вы слышали, как жонглеры рассказывали о великих делах. Но что касается нас, жителей Сент-Аликуиса, то как раз когда мы были близки к тому, чтобы пробить себе путь

через всю немецкую линию, слева от нас раздался крик: "Король! Король!" И мы увидели, как сир Вадо де Монтиньи, несший королевский штандарт, подбрасывает его вверх и вниз, как в беде. Тогда мы бросились назад, с большим количеством кавалеров - как раз вовремя. Король Филипп, галантно атаковавший, как и любой другой рыцарь, был отделен от большинства своих друзей, и рой фламандских пикинеров попытался стащить его с коня. Его крепкие доспехи отразили их пики, но один солдат зацепился крюком алебарды за цепь на его горле и повалил его на землю. Но король вскочил на ноги так же резво, как молодой оруженосец, и все французские рыцари, находившиеся под рукой, бросились ему на помощь. Тогда сир Питер Тристен соскочил со своего коня и усадил на него своего господина; а мессир Конон, одним из первых прискакавший и рассеявший или растоптавший фламандцев, впоследствии удостоился немалой похвалы и благодарности.

"Итак, в этой части поля Бог благоволил нам; а затем наступила великая милость, когда император Оттон бежал с поля боя. Когда наши рыцари атаковали, а его кавалеры уступили дорогу, наши люди сбили коня Оттона, а когда он упал, они почти схватили императора. Однако его саксонцы, дорого продав свои жизни, добыли ему другого коня. Но в этом германский император отличался от нашего доброго французского короля. Когда Филипп снова сел на коня, он снова поднял свое ясное *"Монжуа Сен-Дени!"* и бросился в атаку; но Оттон (возможно, почти лишившийся рассудка и несколько раненый) бежал с поля боя всего с тремя рыцарями, оставив свое великое знамя и всех своих храбрых вассалов на произвол судьбы; говорят, он так и не спустился с коня, пока не достиг Валансьена.

Разгром немцев и фламандцев

"Немецкие рыцари, хотя и покинутые, все еще храбро сражались, но нидерландцы и фламандцы вскоре стали бежать толпами. Кроме того, на двух флангах конфликта мы, французы, уже одерживали победу, и справа и слева наши рыцари наступали, чтобы помочь центру, прорубая себе путь так далеко в тыл, что когда, наконец, немецкие кавалеры понимали, что все потеряно, и начинали бежать, они часто оказывались окруженными, их стаскивали с лошадей и брали в плен.

"Так закончилась дневная работа, за исключением правого крыла противника. Здесь сражался великий мятежник Реджинальд Булонский, который знал, что ему ничего не остается, кроме победы или гибели. Он выстроил в круг около семисот брабантских пехотинцев. Пиками и топорами они долго отбивали атаки наших кавалеров. Из-за этой живой стены Булонь с несколькими храбрыми рыцарями то и дело вырывалась вперед, совершая подвиги доблести, а затем, как бы переведя дух, отступала в свою крепость. Но теперь, когда оставшаяся часть поля была очищена, король Филипп ввел в бой всю свою кавалерийскую мощь. Он сформировал три тысячи человек в три большие колонны конных людей и, наступая со всех сторон, огромным весом сокрушил брабантское кольцо. Так мы стащили графа Булонского с коня, сражаясь до последнего, и король держит его в плену до сих пор".

"Это была последняя битва, подобной которой не было во Франции уже много лет. Конечно, пехотинцы были убиты очень сильно, несколько тысяч и наших, и их. В тот вечер поле представляло собой жалкое зрелище, и стоны умирающих звенели у меня в ушах, при всем том, что мы были так счастливы. Но святым угодникам было угодно, чтобы благодаря хорошим доспехам мы, кавалеры, остались целы и невредимы. Я слышал, что "только три французских рыцаря были убиты", хотя я уверен, что это число слишком мало. Из немцев и фламандцев, говорят, было убито сто семьдесят рыцарей; но что еще лучше, мы взяли в плен пять немецких графов, двадцать пять баронов и около ста шести мелких рыцарей. Именно

выкуп за барона Имгерфельса, которого мы лишили лошади, в настоящее время послужил основой для свадьбы вашей тети и посвящения дяди в рыцари.

"Что же касается того, как мы все вернулись в Париж радостные, как ангелы, как звонили церковные колокола и все толстые мещане завешивали улицы гобеленами, а духовенство и ученые в университете семь дней иллюминировали, пировали и ликовали, то эта история повторяется каждый день. Но второго Бувинеса никогда не будет".

Так говорил сенешаль. Если прокомментировать его рассказ, то можно сказать, что Филипп явно победил, потому что его совсем не епископальный начальник штаба, епископ Гарин, составил свою армию с большим мастерством, чем вожди Оттона организовали германо-флеминговское войско, а также потому, что, когда, наконец, хозяева вступили в серию бесчисленных поединков, французские рыцари в среднем оказались выше. Король Филипп после начала боя показал себя лично доблестным кавалеристом, но едва ли состоялся как полководец. Оттон преждевременным бегством подкосил боевой дух своих людей, но его огромная пешая рать, несмотря на пики и алебарды, оказалась почти бесполезной против потрясающего удара французской кавалерии, наступавшей на идеально ровной местности, где почтовые всадники могли сражаться с максимальной отдачей. Ракетное оружие не играло никакой роли. Когда появится английский тисовый лук, ситуация может измениться. До тех пор конный рыцарь, во всех своих громоздких доспехах, с копьем наготове или с огромным мечом в руках, будет оставаться монархом полей сражений. Бувинь обозначил апогей феодальной кавалерии.

СЛУШАЯ ТРУВЕРА В ЗАМКЕ XIII ВЕКА

Когда трувер останавливался в замке, господин, его семья и люди собирались в большом зале; трувер читал какую-нибудь длинную поэму, аккомпанируя себе на музыкальном инструменте, при участии жонглеров, которые развлекали публику, пока поэт отдыхал.

ССЫЛКИ:

[75] Этот знаменитый боевой клич французской королевской семьи, вероятно, означал "Следуйте за знаменем Сен-Дени!". Его точное происхождение, однако, неясно.

В феодальных сражениях армии часто использовали только имена своих предводителей: "Бургундия!" "Куси!" "Бурбон!" и т. д. Но у многих регионов был свой особый боевой клич. Так, норманны кричали "*Dex ais!*", бретонцы - "*Malo! Мало!*", анжуйцы - "*Вале!*". Империалисты, скорее всего, кричали "*Рим!*", а крестоносцы - "*Гроб Господень!*". "Выкрикнуть свой прапорщик" было великой целью во всех средневековых сражениях.

Глава XVI: Жизнь крестьян.

Таким образом, мессир Конон и его приближенные были замечены в своих удовольствиях, пирах и войнах. Кажется, что крестьяне монополизировали всю жизнь баронства. Однако в лучшем случае они составляют едва ли одну сотню из всех живущих здесь христиан. Конечно, бедные и скромные люди кажутся гораздо менее интересными и привлекают меньше внимания. У них нет ни пышности, ни живописных праздников, ни подвигов. Жизнь в однообразной бедности редко задерживает летописца; тем не менее, настало время посетить деревню хижин, так часто встречающуюся за мостом к западу от замка.

Крестьянам Сент-Аликуа говорят, что им не на что жаловаться. У них есть добрый сеньор, который "вершит правосудие". С тех пор как Фореворт рассорился с ними, ни одна война их не опустошала. В последнее время святые не посылали ни неурожая, ни моровой язвы. Обижаться на свой удел - неблагодарность Богу.

В феодальные века в изобилии присутствует классовое сознание. Клерки, рыцари, крестьяне - каждый человек знает, к какой из трех великих категорий человечества он принадлежит, и действует соответственно.

Один монашеский проповедник[76] представляет мир как огромное тело, в котором клирики - глаза, ибо они показывают всем людям путь к безопасности; благородные рыцари - руки и оружие, ибо Бог велит им защищать Церковь и слабых, а также содействовать миру и справедливости; наконец, простой народ (*minores*) составляет нижние части тела - их дело питать глаза и конечности. Еще более грубо, еще около 1000 г. н. э., епископ Адельберон Лаонский разделил человечество на два великих подразделения: во-первых, духовенство, которое молится, и сеньоры, которые сражаются; во-вторых, труженики; добавив, что "снабжать всех золотом, пищей и пропитанием - такова обязанность подневольного класса".

Поскольку эти сословия четко определены Небом, восставать против своего статуса - значит ставить под сомнение справедливость Провидения, что является проклятым нечестием.

Мало кто из крестьян Сент-Аликуа мечтает быть кем-то, кроме холопов. Они относятся к дворянам примерно так же, как добрые христиане к ангелам - как к существам из другой сферы. Все, на что они надеются, - это доброе отношение и скромный достаток в пределах, отведенных им провидением. Поэтому они не слишком несчастны.

Если мы проедемся по Франции вдоль и поперек, то обнаружим, что сельское население очень плотное.^[77] Одна маленькая деревушка обычно следует за другой, и каждое скопление хижин кишит человеческими двуногими. Есть, конечно, огромные леса и болота, которые при лучшем управлении можно было бы пустить под плуг, но площадь пахотных земель велика. Небеса, несомненно, любят крестьян, ведь их так много. Похоже, их число ограничивается лишь вопросом обеспечения продовольствием.

Опасность великих голодов

Если состояние крестьянства часто кажется плохим, то утешает тот факт, что на протяжении последних двух столетий оно улучшается. В течение многих лет дела в регионе Сент-Аликуи не шли так, как в некоторых частях Франции во время ужасного голода 1030-32 годов. Нам рассказывают, что в то время бедняки питались травой, кореньями и даже белой глиной. Их лица были бледными, тела худыми, животы вздутыми, "голоса тонкими и гулками, как голоса птиц". Волки выходили из лесов и питались детьми. Незнакомцев и путешественников могли подстеречь в уединенных местах и убивать просто для того, чтобы съесть. Недалеко от Мейкона наконец-то схватили "отшельника", который заманивал путников разделить гостеприимство своей кельи. Там были обнаружены черепа сорока восьми жертв, после чего негодяя сожгли заживо.

ГРУППА КРЕСТЬЯН И ПАСТУХОВ

(XII век), из окна Шартрского собора.

Можно и дальше продолжать рассказывать о голоде: как на рынках продавали человеческую плоть; как голодных детей заманивали предложением немного поесть в места, где упыри могли их убить и попить; как мера кукурузы стоила шестьдесят су золотом; и как даже

очень богатые люди "теряли свой цвет". Эти дни, слава святым, кажутся исчезнувшими, но опасность тяжелых времен все еще реальна даже в благополучном Сент-Алике.[78]

Крестьяне мессира Конона свободны. Крепостные крестьяне баронства были освобождены от податей около ста лет назад одним бароном, которому (после крайне незаконной жизни) на смертном одре его духовник внушил, что он должен совершить нечто экстраординарное для спасения своей души.[79] В результате крестьяне Сент-Аликуа больше не были привязаны к земле и могли покинуть сеньорию, чего крепостные, конечно же, не могли сделать. Они также могли жениться на любых женщинах, не спрашивая согласия своего господина и не платя ему подати. Они могли завещать свое имущество, не налагая на него заповедного ареста. Все это, конечно, повышало их статус, но они по-прежнему облагались многочисленными денежными и натуральными поборами, а также различными видами принудительного труда. Хотя теперь они имели законное право покинуть баронство, только с большим трудом они могли продать свои маленькие фермы и движимое имущество, чтобы получить приличную долю своего имущества в другом месте; и если они забредали в дальние края, местные власти могли назвать их "бесхозными людьми" и предположить, что если они оставили своего старого господина, то они должны быть преступниками.

Эксплуатация холопов

Тем не менее быть свободным крестьянином гораздо лучше, чем крепостным. Большинство французских низов сейчас становятся свободными, хотя в других христианских странах, в частности в Германии, крепостное право будет преобладать еще долго.

Но даже если человек становится свободным, он все равно остается холопом. Даже достигнув процветания и богатства, запятнанный благородной кровью, он остается холопом. Рыцарское мнение выразил великий трубадур Бертран де Борн: "Мне нравится видеть, как бедствует богатый чурбан, если он осмеливается тягаться с дворянами. Мне нравится видеть, как он просит свой хлеб в наготе".

Даже благожелательно настроенный лорд смотрит на крестьянина в основном как на источник дохода. В мирное время налоги и принудительный труд, выжимаемый из него, дают то, что в настоящее время превращается в дестеры, посеребренные хауберки, меха, ястребов, роскошь для прекрасных дам, приданое, приданое, турниры. Во время войны он существует для грабежа и резни, чтобы обеднять своего хозяина, разоряя его доходы. Мещане в городах пользуются чуть большим уважением. Их промышленная продукция востребована. Они могут лучше защитить себя. Но и самый богатый синдик коммуны не может в социальном плане тягаться с холостяком, который влачит жалкое существование в полуразрушенной усадьбе.

На каждом шагу крестьянин оказывается эксплуатируемым. Он должен платить прямой налог, якобы пропорциональный размеру и урожайности его хозяйства. И это только начало. Когда его жена хочет испечь хлеб, его нужно отнести в господскую печь. Одна буханка из такого количества идет в качестве платы. Мука должна быть перемолота на господской мельнице - опять же за плату. Виноград должен быть выжат в господском винепрессе. Овцы должны каждую ночь загоняться в овчарню господина, чтобы он мог получать навоз. Любой спор должен решаться в присутствии лорда-provokatora или самого великого человека - еще больше пошлин. Короче говоря, весь режим направлен на то, чтобы заставить крестьянина обращаться к своему сеньору за всем необходимым, чтобы у него было крайне мало дел вне сеньории. Несомненно, очень удобно, когда необходимые вещи всегда под рукой. Многие поборы приносят определенную прибыль. Но сеньор действует не из благосклонности. Если крестьяне хотят, например, установить собственные печи, они

должны заплатить сеньору сумму, эквивалентную гонорару пекаря, которого он лишен. Если же они захотят сами печь хлеб, то теперь ему это совершенно безразлично.

Помимо пошлин и многочисленных сборов (*banalités*) крестьяне должны *corvées*, оплату по труду. Значительная часть каждого сеньора является "доменом" - землей, находящейся в личном пользовании сеньора. Крестьяне обязаны уделять определенное количество дней тому, чтобы пахать и обрабатывать ее, косить луга, заготавливать сено, подкармливать виноградники. Они также должны следить за тем, чтобы в замке были дрова и корм, чистить ров, поддерживать в порядке укрепления и помогать во многих чрезвычайных случаях.^[80] За это они не получают жалованья, хотя в дни работы им могут выдавать паек. Во время войны они делают практически все - от помощи в обороне замка до участия в наступательных походах в качестве части запрета - служат, как мы видели, конюхами, багажниками, землекопами, саперами, а также презираемыми, но иногда полезными пехотными пикинерами.

Деспотичные сеньориальные чиновники

Таковы тяготы крестьян Сент-Аликиса. Они возжигают святые свечи благодарности за то, что барон Конон не умножает их бед, поручая сбор своих пошлин и управление принудительными работами возмутительным чиновникам. Сир Макэр, начальник тюрьмы, суров к настоящим нарушителям и строго взыскивает последний *соль* или сноп справедливых долгов, но он не шантажист, как и генеральный фактотум Форетверта. Во времена старого барона Гарнье, разумеется, был проректор, который не только взимал отвратительные поборы, отчисляя часть их в свой карман, но и ложно обвинял бедняков в воровстве, а затем брал взятки за попустительство их мнимым преступлениям, при этом он делил доходы настоящих бандитов, которых защищал.

Еще более отвратительным может быть лесничий, контролирующий охотничьи заповедники и пастбища. Он решает, как крестьянские свиньи могут быть выведены в дубовые леса, как и когда можно рубить дрова, и ведет непрерывную борьбу с многочисленными браконьерами. Несколько лет назад Конона обманул один из его подчиненных, некий мэтр Криспин. Он был "очень красивым мужчиной с прекрасной осанкой и хорошо вооруженным луком и шпагой". Никто не мог более изящно облобызывать мадам Аделу или помочь мессииру обнаружить большого кабана, но все это время он набивал свой собственный сундук. Например, он захватил волов хромого Жоржа под предлогом того, что тот срубил три дуба и березу в лесу сеньора, но он забыл бы об этом преступлении, если бы Жорж нашел для него сто су! К счастью, сир Макэр обнаружил злые происки своего лейтенанта, и Конон, крайне разгневанный, после резких формальностей передал гладкого Криспина мэтру Дени с недоуздком. Нынешний лесничий, наученный собственным примером, стал более честным, хотя, конечно, все настоящие браконьеры его проклинали.

КРЕСТЬЯНЕ ЗА РАБОТОЙ

Из рукописи XIII века (Национальная библиотека).

Большая часть времени крестьянина уходит не на работу и не на отдых, а на прогулки. Лишь немногим повезло иметь всю свою землю на одном компактном участке. Даже у довольно бедного крестьянина хозяйство разбросано по нескольким крошечным владениям, возможно, в четырех кварталах района. Когда крестьянин умирает, его дети делят между собой отцовское наследство, и если каждому наследнику нельзя выделить отдельный участок земли, то некоторые участки приходится делить еще мельче. Таким образом, земли Сент-Алики представляют собой любопытное зрелище - бесчисленное множество маленьких участков, разбросанных повсюду, каждый из которых тщательно огорожен и на каждом выращивается свой отдельный урожай. В это время их владельцы с утра начинают работать с тяжелыми мотыгами на одном из своих участков, затем на следующем, и так до заката. Таким образом, они преодолевают несколько миль, но при этом редко удаляются от своей деревни, куда все они должны возвращаться с наступлением сумерек.

Примитивные методы ведения сельского хозяйства

Люди более удачливых дней будут поражены, когда узнают о методах ведения сельского хозяйства даже самых тупых крестьян. Все происходит в соответствии с традициями - "так было у наших отцов". В библиотеке аббатства есть несколько латинских книг о сельском хозяйстве. Однако они посвящены условиям древней Италии, а не феодальной Франции. Самый благожелательный монах вряд ли мечтал изучить своего Катона или Колумеллу, чтобы узнать, как улучшить положение крестьянства, хотя справедливости ради следует сказать, что фермы аббатства в целом гораздо лучше возделываются. Не все крестьяне могут иметь плуги; они берут их в долг или нанимают у соседей, или разбивают землю неуклюжими мотыгами. Те плуги, что есть, имеют только деревянные лемехи. Пшеницу в Сент-Алике выбивают граблями, хотя чуть дальше к югу ее вытаптывает скот. Почва часто обедняется, и обычно треть ее остается под паром, чтобы восстановиться. Такое понятие, как "чередование культур", до сих пор остается предметом туманных разговоров, разве что на некоторых монастырских землях.

В таких условиях даже в лучшие годы не бывает большого избытка пищи. Короткий урожай означает несчастье. Люди пессимистично ожидают голода в среднем один раз в четыре года. Если в последнее время в Сент-Алике его не было, то это потому, что святые богаты милосердием. "В 1197 году от голода умерла несметная толпа", - многозначительно пишет летописец из Реймса. Естественно, холопы редко получают достаточно средств, чтобы научиться бережливости. Если год выдался удачным, в амбарах скопилось много кукурузы, а свиньи и куры нагуляли жир, зима пройдет в обжорстве и безделье. К весне старый урожай истощается почти до семян кукурузы; тогда, возможно, новый урожай будет неудачным. На следующую зиму эти крестьяне могут с удовольствием готовить похлебку из мертвых листьев.

Хромой Жорж, у которого конфисковали волов, несмотря на свои несчастья, является одним из самых зажиточных крестьян в деревне. Он хромает, потому что в юности прислужник барона Гарнье вывихнул ему одну из ног, пытаясь вымогать деньги. На самом деле Жоржу всего сорок пять лет, но по его седой голове, исхудавшему лицу и согнутой спине можно подумать, что ему шестьдесят. Его жена Жанна моложе его на четыре года, но выглядит такой же старухой, как и ее муж. "Старая Жанна", - называют ее дети. У пары было не менее пятнадцати детей, но четверо из них умерли при родах, а еще пятеро не успели вырасти. Остальные шестеро, кроме самого младшего, уже женаты, а Жанна уже несколько лет как стала бабушкой.

Дом Жоржа стоит недалеко от центра деревни. Чтобы добраться до него, нужно пробираться по дорожке, обычно утопающей в грязи. Перед каждым огороженным домиком - огромная навозная куча, облюбованная курами и свиньями, которые свободно разгуливают по ней. Одноэтажное жилище Жоржа представляет собой неровную, ветхую постройку из дерева, плетня и соломы грязно-коричневого цвета. Эта "усадьба" разделена на четыре части. В самой задней находятся кукурузные ясли, в следующей - сеновал и соломенные покосы, затем сараи для скота, а ближе всего - самый маленький дом для семьи.

Крестьянский дом

Отворив тяжелую дверь и подняв деревянный засов, вы попадаете в одну большую комнату, бревна и стены которой полностью почернели от копоти. Здесь действительно только одна квартира. Здесь, кажется, проходит вся хозяйственная жизнь. Пол - земляной, сильно утрамбованный. На нем играют несколько очень грязных, полуголых детей, пришедших навестить "бабушку", и как раз сейчас гоняются за двумя визжащими поросятами под большим дубовым столом в центре. Не обращают внимания на утку, ведущую своих гусят к двери в надежде получить объедки от ужина. Курица несет яйца в коробке у большого камина.

Жанна только что разожгла живой огонь из виноградных веток и сухих поленьев. Она гордится тем, что в ее доме много удобных вещей, которых нет у всех соседей. У камина - железная вешалка для кастрюль, лопата, большие щипцы для огня, медный чайник и крюк для мяса. Рядом с камином - печь, на случай, если она не захочет пользоваться ею в замке и все же заплатит барону. По другую сторону камина стоит огромная кровать, заваленная настоящей горой пуховых матрасов - мы не обсуждаем их неприкосновенность от паразитов. На этой кровати уместилась изрядная часть всей семьи Жоржа, мужчины и женщины, старики и молодые, разумеется, с головами, направленными в разные стороны. Если незнакомец захочет остаться на ночь, то гостеприимно попросит его сделать "еще одну" в этой же кровати!

Если хозяин проведет нас по своему заведению, мы обнаружим, что, помимо различных табуретов и скамеек, у него есть лестница, ступка и пестик для толчения кукурузы, киянка, несколько гвоздей грубой формы, коловорот, очень несовершенная пила, лески, крючки и корзина. К счастью, у него есть плуг и, кроме того, коса, железная лопата, мотыга, пара больших ножниц, удобный нож и точильный камень. Украденных волов он заменил на другую пару, а также обзавелся двухколесной повозкой с упряжью из ремней и веревок. Кроме волов, в его коровнике содержатся три дойные коровы, есть курятник и свинарник. В этом месте, похоже, обитают длинные, тощие кошки, очень дикие, которые зарабатывают на жизнь охотой на многочисленных крыс и мышей, скрывающихся в густой соломе крыш.

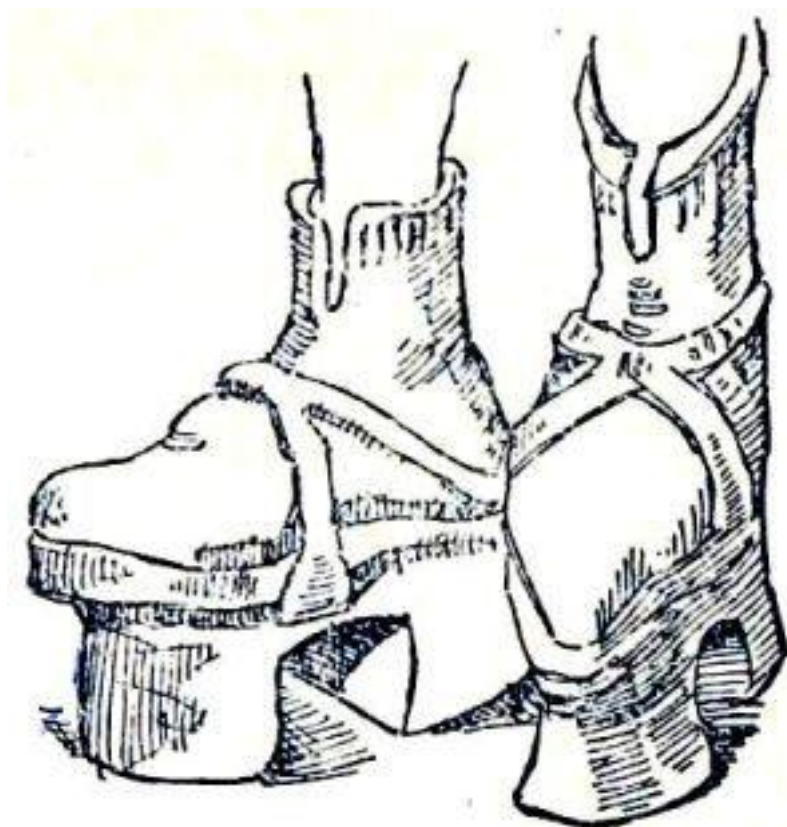
РАБОЧИЙ, XIII ВЕК

Восстановлено Виолле-Ле-Дюком по рукописи Эрраде Ландсбергского.

Сам Жорж носит блузу из грязной ткани, а иногда из овечьей шкуры, подпоясанную кожаным поясом. В холодную погоду на нем мантия до колен из толстого шерстяного домотканого полотна, теперь тоже грязного цвета. У него есть пара очень тяжелых кожаных сапог, хотя нередко он совершает короткие прогулки босиком. Нижнюю часть его тела прикрывает пара свободных шерстяных штанов, которые когда-то были синими. Очень редко, только в бурю, он надевает какой-либо головной убор; тогда он надевает что-то вроде шапочки из той же грязной шерсти, что и его пальто. Что касается перчаток, то он никогда их не надевает, разве что во время стрижки изгороди. Костюм Жанны во многом такой же, с некоторыми изменениями, чтобы сделать его подходящим для женщин. В сундуке у нее, однако, зеленое одеяние из фландрской шерсти, сделанное несколько в подражание тем, что она видела в замке, и даже украшенное красной и пурпурной вышивкой. Это одеяние она с гордостью носит в дни больших праздников, и в нем, несмотря на завистливые надежды дочерей и невесток, она рассчитывает, наконец, быть похороненной.

Очень бедные крестьяне

Дом Жоржа значительно лучше многих других. Некоторые из его соседей живут в простых хижинах, которые едва выдерживают непогоду. Они сделаны из скрещенных реек, набитых соломой или травой, и не имеют дымохода. Дым из очага выходит через небольшое отверстие в крыше (там солома очень легко воспламеняется) или просто через дверь. Ни в одном из этих домов нет стеклянных окон. Жорж заделывает свои немногочисленные отверстия деревянными ставнями, а бедный Алард, живущий неподалеку, вынужден закрывать свои проемы, набивая их соломой, если слишком холодно, чтобы оставлять их открытыми. У Аларда тоже нет кровати. Его семья спит на тонких поддонах из соломы, положенных на землю, и на нескольких потрепанных одеялах. Есть много крестьян, у которых нет даже соломы.

БОТИНКИ КРЕСТЬЯНИНА

Двенадцатый век (церковь аббатства Везелей)

ЖНЕЦ

Из дверного проема Амьенского собора.

У Аларда нет ни коров, ни волов, ни телеги, ни плуга, ни нескольких грубых инструментов. Ему и его людям едва удастся удовлетворить людей проректора, перемалывая полевые работы, и у них остается достаточно зерна, чтобы дотянуть до следующего урожая. Если будет слишком сухо, если будет слишком мокро, если, короче говоря, случится что-нибудь из ряда вон выходящее, то к следующей весне он, его согбенная и костлявая жена и пятеро худых детей будут стоять у ворот замка или аббатства вместе со многими другими нищими и звать: "Хлеба! Ради Христа, немного хлеба!"

Крестьяне женятся так же рано, как и дворяне. О моральном состоянии многих из них лучше не говорить. Добрый отец Этьен, приходской священник, тратит много времени на то, чтобы

сначала крестить младенцев, не признавших своего отцовства, а затем разыскивать их предполагаемых отцов и заставлять их содержать своих детей. Но девушка часто может предаваться удивительным распутствам, а потом найти какого-нибудь уважающего себя крестьянина, готового на ней жениться.

Каждая девушка с нетерпением ждет своего замужества как кульминации жизни. Если она надеется найти мужа в наступающем году, то танцует вокруг костра, а затем бросает несколько булавок в бурлящий фонтан. Если они всплывут на поверхность, это знак, что подходящий жених обязательно найдется. Если, набирая воду из колодца, бросить в него яйцо, разбитое о голову спутницы, она сможет увидеть в воде образ своего будущего мужа. Что касается юношей, то когда один из них решает, что хочет жениться на определенной девушке, он часто приходит к ее родителям, поднося кожаную бутылку вина. Если они пьют одно и то же, то его предложение принимается. Однако если он не уверен в том, что его примет сама девушка, он приглашает себя на ужин в ее дом. Если в конце она подаст ему блюдо с грецкими орехами, это явный знак того, что он отвергнут. Ему лучше скрыться.

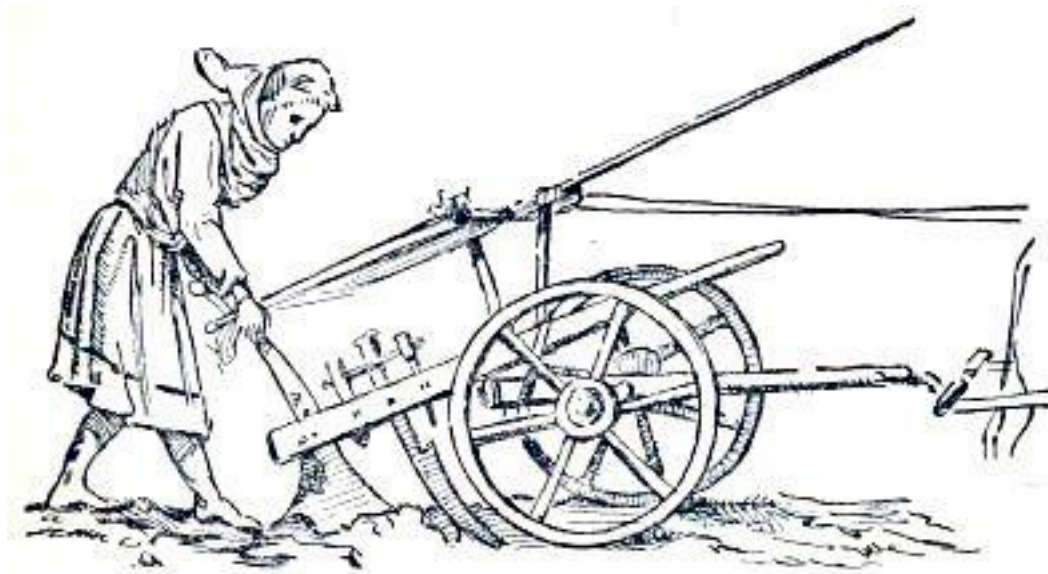
БРАК В ТРИНАДЦАТОМ ВЕКЕ

Из рукописи Национальной библиотеки (Бордье и Шартон).

В день свадьбы, если невеста всегда была мудрой и скромной, соседи дарят ей белую курицу, а мать - кусок тонкой ткани, чтобы сшить парадное платье, которое в конечном итоге послужит саваном. На самой церемонии главным вопросом является: "Как будет надеваться

обручальное кольцо?". Если легко, то невеста будет покорной. Если же оно будет надето плотно, то она будет править своим мужем!

Тяжелый труд и невежество

ПЛУГ

Восстановлено Виолле-Ле-Дюком по рукописи XIII века, хранящейся в семинарии Суассона].

Крестьяне нуждаются во всевозможных общественных и частных праздниках. В обычные дни труд начинается с серым рассветом и обычно продолжается до сумерек. Восьмичасовых законов не существует; даже "полдень" короток, хотя в жаркую погоду иногда удастся выкроить время для сиесты после обеда. Женщины работают в поле так же усердно, как и мужчины. Дети начинают пропалывать, копать и носить, когда еще совсем маленькие. Их помощь настолько важна, что многие крестьяне рассматривают большие семьи как достояние неоплачиваемого полевого труда, а не как пассив, который нужно одевать и кормить, пока дети не достигнут зрелости. Образование почти неизвестно. Один или два очень способных мальчика из деревни каким-то образом попали в руки церковников и обучались священству. Есть даже история о мальчике, родившемся в соседнем сеньории и ставшем таким образом епископом! Но такие случаи - исключение. Во всей деревне Сен-Аликуа отец Этьен - единственный человек, постигающий тайны чтения и письма, за исключением двух помощников проректора, которые должны вести счета для барона.

Великим людям очень трудно понять такое учение Церкви, как "все люди - братья".

"Несомненно, это правда, - часто говорили друг другу Адела и Алиенор, - что "Бог создал человека по образу и подобию своему", но как возможно, чтобы Бог имел образ большинства холопов в сеньории? Разве не похожи многие из них на крестьянина, описанного в эпосе "Гарин"? "У него были огромные руки и массивные конечности. Его глаза были отделены друг от друга расстоянием в ширину ладони. Плечи его были велики, грудь глубока, волосы щетинились, а лицо было черным, как уголь. Он шесть месяцев не мылся. Ничто, кроме дождевой воды, никогда не касалось его лица".

Манеры этих людей столь же отвратительны. Бесчисленные баллады, а также монашеские проповеди и трактаты представляют типичного холопа вечно недовольным, ругающимся из-за погоды, которая всегда то слишком сырая, то слишком сухая, обращающимся с женой как с животным, таскающим ее за волосы. Недавно в замке один жонглер рассказал такой

анекдот: "Один крестьянин осыпал свою жену ударами из принципа. Пока я работаю в поле, она должна иметь какое-то занятие, - сказал он. Если она будет бездельничать, то будет думать о дурном. Если я буду бить ее, она будет плакать весь день, и так пройдет время. А когда я вернусь вечером, она будет более ласковой". Однако, согласно другим историям, многие крестьяне умны, агрессивны и наглы - и вполне способны позаботиться о себе сами.

Грязные привычки крестьян

Замковые жители и мещане не слишком следят за гигиеной, но даже для них крестьяне отвратительно грязны. В Пондебуа рассказывают такую историю: "Однажды один холоп, ведя за собой ослон, пошел по дорожке, ведущей к лавкам парфюмеров. От непривычного запаха он тут же упал в обморок. Однако его привели в чувство, поднеся к его носу лопату, полную навоза". Согласно другой истории (рассказанной в монастыре), дьявол отказался принять в ад больше холопов, потому что от них так мерзко пахнет!

В деревне вы вскоре встретите множество типичных крестьянских персонажей, и почти все они плохие. Вот угрюмый парень, который даже не скажет путнику дорогу. Есть недовольный холоп, который завистливо бурчит при виде рыцаря, выезжающего на охоту; есть безумный дурак, который поносит Бога, святых, церковь и дворянство; Есть болтливый холоп, вечно отстаивающий дурные доводы в суде и подстрекающий соседей к бессмысленным тяжбам; есть честный простак, забредший в Пондебуа и обчистивший карманы, разглядывая скульптуры на портале собора; наконец, есть скряги, мелкие спекулянты зерном (которые молятся о голоде) и все племя браконьеров. Конечно, есть и огромное количество трудолюбивых, честных людей, которые почтительно кланяются, когда мимо проезжает мессир Конон, и безропотно платят налоги. Такие люди обеспечивают процветание сеньории; но именно негодяи всегда занимают видное место.

Холопы Сент-Аликуа кажутся глупыми и грязными, но они не идут ни в какое сравнение с теми, что живут во Фландрии. Несколько монахов недавно вернулись оттуда, выполнив дела своего ордена. Они с ужасом рассказывают, что летом фламандские крестьяне разгуливают по своим деревням, не снимая одежды, не больше, чем при рождении. Когда монахи возражали, грубый ответ гласил: "Как это вас касается? Вы не устанавливаете для нас законов". Жалко (говорят монахи), что любой сеньор терпит такое в своем вотчине, ведь крестьяне - такие безропотные существа, что от них нельзя ожидать лучшего.

Если рыцари эксплуатируют крестьян, то духовенство делает это едва ли меньше. Епископскому сборщику десятины, как известно, нелегко получить ту долю свиней, кур, яиц, пшеницы, овощей и т. д., которую, как всем известно, холоп должен церкви после или одновременно с тем, как он удовлетворит сборщиков для барона. И действительно, некоторые нечестивые холопы жалуются: "Десятина хуже, чем поборы и *корвеи*". Монахам-проповедникам приходится постоянно угрожать этим грешникам, которые медленно платят десятину. Церковная десятина - это собственность Бога. "Это налог, который вы должны платить Богу, знак его вселенского владычества". Те, кто утаивает ее, не только рискуют своими душами, но Бог пошлет им "засуху и голод", наказывая их как в этом мире, так и в следующем.

Слишком часто холопы нечестиво настаивают на работе по воскресеньям и святым дням. Крестьяне жалуются, что святых дней так много, что трудно уследить за ними, но если бы они ходили в церковь по воскресеньям, когда священник объявляет о ближайших святых днях, они могли бы избежать этого греха. Еще хуже те крестьяне, которые, видя, что их товарищи послушно идут на мессу, прячутся под изгородями, а затем ускользают, чтобы ограбить неохраемые фруктовые сады.

Грубое угнетение со стороны рыцарей

Поэтому кажется несомненным, что Бог не питает такой любви к холопам, как к благородным рыцарям и их дамам. Рыцари демонстрируют свое превосходство, постоянно напоминая крестьянам об их положении. Для некоторых баронов выпороть холопа за самый пустяковый проступок - такое же обычное дело, как для них съесть свой обед. Даже Конон находит применение своей плетке для верховой езды. Если только удары не очень жестоки, средний крестьянин воспринимает это как работу на весь день. Он просто обменивает свои удары на удары жены и детей. Говорят, что большинство холопов настолько оцепенели умом, что не понимают самых простых приказов, пока их не загонят домой полосами. Во время войны судьба крестьян, как мы уже видели, гораздо хуже. Что бы ни значила вражда для враждующих сторон, для их холопов она означает сожжение домов и посевов, посадку фруктовых деревьев, увод молодых девушек в позорную жизнь и, возможно, хладнокровную расправу над многими крестьянами. Одна из причин, по которой дворяне так радуются войне, заключается в том, что им редко приходится испытывать ее настоящие муки и ужасы; но в церквях недворяне молятся *"Даруй нам мир"* столь же горячо, как и *"Спаси нас от голода"* - и с такой же справедливостью.

Монахи-проповедники, занимающиеся бранью, иногда обличают высокородных угнетателей холопов. Один монах так восклицает: "Все, что крестьянин накапливает за год упорного труда, дворянин поглощает в час. Не довольствуясь законными доходами, он опустошает их незаконными поборами. Как волки пожирают падаль, пока вороны каркают над головой, ожидая своей доли в пиршестве, так и рыцари грабят своих подданных, а провосты (их агенты) и прочая адская команда радуются перспективе пожирания остатков". Или еще: "Вы, дворяне, - хищные волки; поэтому вы будете выть в аду", ибо вы "разоряете своих подданных и живете на крови и поте бедняков". (Жак из Витри). Тем не менее, те же самые проповедники обвиняют крестьян в кардинальных грехах скупости и уклонения от труда. Лишь изредка холопов успокаивают, говоря, что если они добросовестно работают и воспитывают достойную семью, то в моральном отношении они равны "с клириком, который целыми днями распевает в церкви".

В вотчинах Сент-Аликуа, да и во многих других, таких грубых злоупотреблений нет, но нигде холопы не избавлены от одного зла, которое они должны встречать с тупой покорностью, - сеньориальных охот.^[81] Конон и его гости не стесняются ездить с лошадьми и ястребами или гончими прямо по вспаханым и засеянным полям или даже по стоящему зерну. Это абсолютное право сеньора, и протест невозможен. Охотники тоже имеют право, находясь далеко от дома, останавливаться у крестьянских хижин и требовать еды и корма, возможно, для большой компании. Если плата и взимается, то только из милосердия. Еще большее зло может принести хищничество дичи, если поля находятся рядом с охотничьими угодьями. Холопы не могут причинить вреда оленям, обгладывающим молодые ростки. Они могут только отпугивать их, а хитрые твари вскоре становятся смелее. Кабан может выкорчевать дюжину маленьких фермерских участков, прежде чем барин найдет время его загнать. В некоторых вотчинах крестьяне могут договориться с господином о дополнительной плате, в обмен на которую он держит возле их полей только кроликов; но охота на одного кролика, если летучий гад удвоится среди кукурузы, может разорить целую семью.

С другой стороны, наказания за браконьерство, за "убийство дичи", ужасны. Вероятно, в Сент-Аликисе, как и в любом другом поместье, безопаснее рискнуть убить путника, чем олененка или даже зайца. Лесники безжалостно следят за соблюдением закона. Мэтр Дени скажет вам, что за браконьерство он повесил больше крепких парней, чем за любые другие два преступления вместе взятые.

Тщетные крестьянские восстания

Восстают ли когда-нибудь холопы? Иногда, когда их доводит до отчаяния крайнее несчастье; когда они находят умного вожака; когда обстоятельства складываются особым образом. Тогда может произойти внезапный поджог усадеб и небольших крепостей, резня их обитателей и другие жестокие акты запоздалого возмездия. Восставшие могут похвастаться, как это делали некоторые восставшие крестьяне в Нормандии в XI веке: "Мы были слабы и безумны, чтобы так долго гнуть шею. Ведь мы крепкорукые люди, более сильные и выносливые, чем дворяне. На каждого из них приходится сотня наших!"

Такие восстания всегда имеют один конец. Невежественные крестьяне не подчиняются никакой дисциплине. Они не могут использовать рыцарское оружие, если захватят его. Они не могут организовать. Если они захватывают замок, то спиртное в подвалах делает их беспомощными в течение недели оргии. Сеньоры мгновенно объединяются и на своих огромных конях отслеживают мятежников, считая их существами хуже волков. Месть мятежников такова, что у каждого, кто ее услышит, затрепещет в ушах. Возможно, на протяжении целой лиги дороги с каждого дерева будет свисать труп. Такие меры эффективно препятствуют восстанию только в самых исключительных обстоятельствах. Даже с жестокими сеньорами обычно лучше смириться с волей Божьей и просто молиться об избавлении.

Умственные горизонты Жоржа и Аларда можно себе представить. В редких случаях им доводилось бывать в Пондебуа, хотя некоторые из их соседей прожили целую жизнь, не имея даже такой привилегии. У них есть только самые ограниченные, можно сказать, самые животные надежды и страхи. Их представления о таких вещах, как королевский двор, Париж, различные христианские и неверные земли, представляют собой мешанину абсурдных понятий. "Религия" означает несколько молитв, несколько историй о святых, которые рассказывают в церкви, пьесы о чудесах на Рождество и страх перед тем, что за неуважение к монахам и священникам они будут вечно мучиться в пыточных камерах похуже, чем у старого барона Гарнье.

У холопов, конечно, есть свои деревенские праздники, полные грубых видов спорта - борьбы, метания гирь, стрельбы из лука, а также петушиных боев и травли быков. Лучшее развлечение - когда двое мужчин с завязанными глазами, каждый с дубиной, пытаются убить гуся или свинью, выпущенную на волю в загоне. Вся деревня ревет, глядя на то, как они убивают друг друга. Во время свадебных торжеств, чтобы выразить свое почтение Алиенору и Оливье, крестьяне устроили в их честь особую церемонию. Четырех человек с завязанными глазами водили по окрестностям, а перед ними шли двое мужчин, один из которых играл на гобое, а другой нес красное знамя, на котором была нарисована свинья. После этого шумного веселья была изготовлена настоящая свинья, и перед собравшейся компанией, состоящей из большинства жителей замка, четверо чемпионов "напали на свинью". Они так сильно били друг друга, что одного из них подняли почти мертвым. Свинья стала собственностью холопа, которому удалось выбить из существа жизнь как раз в тот момент, когда Алиенор в знак милосердия собирался просить об окончании состязания.

Несмотря на обиды и недовольство, простые крестьяне преданы своим сеньорам, как бессловесные собаки. Конон и Адела пользуются настоящей любовью своих холопов благодаря актам благотворительности, но даже барон Гарнье относился к ним с поразительной верностью. Многие рыцари были обязаны жизнью или честью скромным иждивенцам, с которыми они обращались не так хорошо, как со своими лошадьми или гончими. Именно тысячи тружеников в маленьких соломенных хижинах делают возможными

свадебные пиры, приемы, турниры и захватывающие сражения. Когда-нибудь эксплуатация прекратится - но не в тринадцатом веке.

ССЫЛКИ:

[76] Этот клирик, Жак из Витри, возможно, писал на несколько лет позже предполагаемой даты этого повествования, но оно полностью отражает ортодоксальную точку зрения 1220 г. н.э.

[77] По оценкам специалистов, численность сельского населения Франции в XIII веке была почти такой же, как в XX. Вероятно, в четырнадцатом веке, благодаря Черной смерти (1348 г.) и опустошительной Столетней войне, произошел некоторый спад.

[78] К 1220 году эти массовые голодоморы действительно стали традицией, благодаря улучшению транспорта и методов ведения сельского хозяйства. Однако очень скудные годы, почти разорительные для крестьянства, по-прежнему оставались крайне мрачной возможностью.

[79] В Бретани и, в меньшей степени, в Нормандии большинство крестьян в это время были свободными. В Шампани и центральной Франции было еще так много крепостных, что, вполне возможно, крестьянам Сент-Алике повезло больше, чем большинству холопов в соседних баронствах. Однако преимущества свободных крестьян перед крепостными были несколько преувеличены.

[80] Список любопытных *корвеев*, которые требовались от крестьян в различных сеньориях, очень длинный. В одном фьефе они должны были бить воду в замковом рву, чтобы прекратить шум лягушек, когда хозяйка болела. Или же в определенных случаях они должны были выполнять какую-нибудь нелепую услугу: прыгать на одной ноге, целовать засов замковых ворот, устраивать пьяные скачки в присутствии господина или петь широкую песню в присутствии его дамы.

[81] См. страницу 67.

Глава XVII: Благотворительность. Уход за больными. Похороны.

Даже в хорошо организованном сеньории число бедняков, инвалидов и вообще несчастных велико. Несмотря на презрение, проявляемое великими людьми к ничтожным, феодальная эпоха не лишена довольно обильной благотворительности или, скорее, милостыни. Самый заносчивый кавалерист считает своим долгом разбрасывать медные оболы, когда идет среди бедняков, хотя, несомненно, он велит своему оруженосцу бросать монеты только для того, чтобы "удовлетворить этот голодный сброд". К достоинствам Конона и Аделы относится то, что они бросают деньги своими собственными нежными руками. Это как-то повышает ценность пожертвования.

Нынешний сезон в Сент-Алике процветает. Кроме того, в замке только что прошел такой день открытых дверей, что даже самые незадачливые гости должны были на какое-то время насытиться. Тем не менее на следующий день после отъезда гостей Аделе сообщают, что перед разводным мостом стоят более тридцати человек и скандируют: "Милостыня! Ради Христа, милостыня!". Баронесса, подавив вздох, оставляет своих служанок, которым она как раз поручает ткать, и отправляется в бейли. Вместе с ней идет брат-мирянин Генсениус, помощник отца Грегуара, который исполняет обязанности замкового алмонера. В толпе много знакомых лиц. Вон тот старик на одной ноге, слепая женщина, которую ведет маленькая девочка, парень с исхудавшей рукой, женщина, обезображенная зобом, вдова, чей муж был убит в драке, оставив ее с восемью детьми, безобидный идиот - всех их Адела узнает сразу. Но оживление празднеств привлекло и других, которых она и брат Генсениус внимательно изучают. Этот меланхоличный парень на костылях, возможно, способен очень быстро бежать, если видит, что за ним гонятся люди прокурора. Его спутник, покрытый язвами и утверждающий, что совершает паломничество к целительной святыне, - явный мошенник и злодей. Прямо перед баронессой падает странная женщина с пеной у рта, как будто у нее эпилепсия. Генсениус качает своей хитрой головой. "Это та самая самозванка, - шепчет он, - которая вчера в деревне пыталась проделать свой фокус с куском мыла".

Так овцы постепенно отделяются от коз. Некоторых шарлатанов прогоняют. Некоторые из тех, кто получает хлебы и ломоть мяса, возможно, не более достойны, чем отвергнутые. Но разве можно быть слишком критичным? В конце концов, причина, по которой великие люди подают нищим, заключается в том, чтобы отменить грехи. Если нищие недостойны, это вряд ли умаляет заслуги Конона и Аделы перед святыми. Было бы катастрофой, если бы вдруг не стало нищих, достойных или недостойных, ибо как тогда, расставаясь с частью своего изобилия, богатые могли бы купить мир для своих душ? Однако, к счастью, такой опасности нет. Наш Господь прямо сказал: "Нищие всегда с вами", и это самое утешительное слово Писания. Таким образом, бедность - это благословенный институт даже для тех, кому повезло в этом мире; она позволяет им получить вход на небеса делами милосердия. Что касается нуждающихся, то, конечно, если они переносят свой жребий с христианской покорностью, они накапливают благословенный запас индульгенций, которые сократят их пребывание в чистилище.

Физическая суровость средневековой жизни

В Сент-Алике, как и во всех других замках и монастырях, регулярно раздается утренняя милостыня. Количество раздаваемой пищи действительно очень велико. Но со стороны среднего сеньора почти нет попыток исправить эту нищету - придумать честную работу, усиленную для слепых или хромых, дать систематическое пособие вдове, поместить мальчика-идиота в какое-нибудь приличное учреждение. Все внимание уделяется бездельникам, самозванцам и низкопробным мошенникам, которые предпочитают все, что угодно, честному труду. Даже во времена настоящего голода соблазн преждевременно прекратить борьбу с тяжелыми временами и скатиться к нищенству очень опасен. Поэтому, несмотря на искреннюю доброту многих дарителей, в феодальную эпоху благотворительность более чем обычно покрывает множество грехов - как дарителей, так и получателей. В баронстве Сент-Алики поразительно много бессовестных трутней и паразитов.

Однако у этих несчастных есть некоторое оправдание. Условия жизни в феодальную эпоху, даже для кавалеров, очень суровы. Мужчины и женщины приступают к своим обязанностям

молодыми, взрослеют молодыми, стареют молодыми. Генриху II Анжуйскому и Английскому было всего сорок семь лет, когда его начали называть "старым". Филиппу Августу было всего пятнадцать, когда он смог приступить к выполнению обязанностей ответственного монарха. Многие бароны седеют в сорок лет. В пятьдесят лет его сыновья часто интригуют, чтобы вытеснить своего ушедшего из жизни отца. Если это касается дворянства, то что же говорить о работающем крестьянстве? Мы уже видели, как Жорж и Жанна состарились раньше времени.

Изнурительный труд, ослабляя организм, конечно, делает его подверженным многим обычным болезням. Но, конечно, условия жизни в замке и деревне открывают двери и для необычных болезней. Эпоха счастливо не знает о санитарных мерах предосторожности, которые более искушенные смертные считают само собой разумеющимися. Крестьяне "почти живут на навозной куче". Духовенство (хотя сами они не так уж нечистоплотны) редко проповедует о достоинствах купания; более того, их рассуждения о "презрении к телу", очевидно, препятствуют этой практике. Мясо трудно хранить долгое время, если его не солить, а огромное количество соленого мяса, потребляемого повсеместно, является прямым провокатором цинги и гангрены. Мы видели, что почти вся одежда, прилегающая к телу, - шерстяная. На ней задерживается грязь, ее трудно отстирать, она раздражает кожу, что является еще одной причиной частых кожных заболеваний - золотухи, чесотки и еще более серьезных.

Страшная чума и смертность

ЛЕПЕР

Держит в руке кости, которыми эти несчастные вынуждены были издалека сигнализировать о своем приближении. Из окна собора в Бурже (XIII век).

Проказа - страшное бедствие. Ее природу неправильно понимают. Часто тяжелые, но излечимые случаи экземы путают с ней, а безобидных жертв обрекают на пожизненную смерть - вечное изгнание в грязные хижины в лесу. Холера и оспа время от времени

вспыхивают в округе, и почти всегда они смертельны. Для борьбы с ними ничего нельзя сделать, разве что молиться святым. Эти болезни, как говорят самые осведомленные, передаются "по воздуху", поэтому обычная изоляция бесполезна. В целом, они опустошают деревни больше, чем замки, хотя вряд ли потому, что жители замков могут принимать более эффективные лекарства. Тем не менее, достаточно часто барон и вся его семья могут быть сметены с лица земли. Очень редко высказывается мнение, что чистая вода, чистота и рациональные схемы изоляции могут многое сделать, чтобы победить явное желание небес опустошить целое герцогство.

Страшно распространены и другие болезни. Страдающие от нервных расстройств составляют небольшие армии. Всеобщие ужасы и войны того времени, затаенные страхи перед дьяволом, адом и вечными муками, зрелище страшных наказаний, а с другой стороны, тоскливая жизнь во многих замках и в некоторых плохо управляемых монастырях выбивают мужчин и женщин из колеи. Таким страдальцам повезло, если к ним отнеслись с добротой и не заточили в темницу, как "одержимых дьяволом".

Наконец, следует сказать, что повезло той матери, у которой от трети до половины потомства не погибает в момент рождения. Каждое появление младенца на свет - это бросок костей со смертью, даже если акушерка умна. Появившись на свет, дети, скорее всего, получают такие травмы в процессе инициации, что будут физически несовершенно или опасно ослаблены. Это верно даже в королевских семьях; насколько же более верно это в крестьянских хижинах! Неудивительно, что средний мужчина феодальных веков может наносить и выдерживать сильные удары. Только сильнейшие смогли выжить в испытаниях рождения и детства.

Чтобы бороться с этими опасностями, необходимо прибегать к помощи как людей, так и богов. Добрые христиане обычно считают, что святые-целители помогают больше, чем врачи или мудрые женщины. Если у вас несварение желудка, обращайтесь к святому Христофору; если водянка - к святому Евтропию; если лихорадка - к святой Петронике; от паразитов - к святому Роху; от безумия - к святому Матурину; от почечной недостаточности - к святому Рене; от судорог - к святому Крампану - и так со многими другими недугами. Тем не менее, не стоит доверять только молитвам. Однако только великие люди нанимают постоянных лекарей (*mires*). У холопов обычно есть "добрая женщина", гораздо лучше, чем знахарь. Дыхание осла изгоняет яд из тела. Прикосновение к зубу мертвеца лечит зубную боль. Если у вас идет кровь из носа, зажмите нос двумя соломинками в форме креста. Если вас мучает зуд, поваляйтесь голышом на овсяном поле. Жорж, крестьянин, скажет вам, что такие средства редко оказываются безрезультатными.

Местный профессор лечебного искусства - мэтр Дени, палач. Раз уж он так хорошо знает, как уродовать тела, то должен понимать и обратный процесс их лечения. Он имеет широкую репутацию как целитель сломанных костей и часто продает своим пациентам панацею от множества недугов - "жир только что повешенного человека".

По крайней мере, это можно сказать о крестьянах: наука их лекарей почти в такой же степени совпадает с наукой более поздних врачей, как и наука самих современных "лекарей". Церковь не слишком поощряла медицину. Могущественный святой Амвросий говорил, что правильное лечение - это молитвы и бдения. К изучению медицинских наук допускаются только священнослужители низших орденов, а вскрытие трупов решительно отвергается.^[82]

В замке обычным помощником в борьбе с телесными недугами является мэтр Луи, цирюльник барона. Когда он не скребет подбородки, то, скорее всего, устраивает замковым жителям ежемесячные кровопускания, без которых очень трудно сохранить здоровье.

Кровопускания проводятся, по возможности, в большом зале у камина, и им регулярно подвергаются представители обоих полов. Когда войска Сент-Аликиса призываются на войну, мэтр Луи отправляется с ними в качестве парикмахера-хирурга, и он действительно обладает значительным мастерством вправления переломов, прижигания и замазывания ран, а также несколькими сильными лекарствами, в основном чистящими средствами, которые, вероятно, помогают выздороветь тем из его пациентов, у кого наиболее крепкая конституция.

Профессиональные врачи

Когда кто-то из семьи барона серьезно болен, принято посылать в Пондебуа профессионального врача. Около двух лет назад сам Конон слег с лихорадкой. К нему привели мэтра Пайена, который утверждал, что научился своему искусству, как *трясине*, путешествуя по медицинским школам - в Салерно на Сицилии, в Монпелье в Лангедоке и даже в Кордове у неверных, хотя барон гневно клялся (после его ухода), что ни в одном из этих мест он не был ближе, чем в Париже.

ВРАЧ XIII ВЕКА

Восстановлено Виоле-Ле-Дюком по рукописи, хранящейся в Национальной библиотеке.

Мэтр Пайен был изысканно одет, наполовину как священник, наполовину как богатый мещанин. Он носил элегантные меха. Он очень заученно говорил о "фебрифугах" и "гуморах" и постоянно повторял: "Так говорит Авинценна, принц испанских врачей" или "Так говорит Альбукасис, непогрешимый последователь Авинценны". Если бы Конон страдал от какого-

нибудь легко обнаруживаемого недуга, мэтр Пайен, вероятно, смог бы предложить достаточно эффективное средство лечения. Он был не лишен проницательности, и в его сундуке лежал целый арсенал трав и снадобий. Были у него и эффективные мази, хотя он никогда не слышал слова "антисептик". Но барон подхватил один из тех недугов, которые не поддаются простой диагностике. Мэтр Пайен суетился, явно выдавая свое недоумение, потом взял себя в руки и прорицательно объявил: "Препятствие здоровью находится в печени".

"Нет, - простонал барон, - это в голове я чувствую себя так плохо".

"Это глупость", - сокрушенно ответил *болотник*: "Остерегайся слова "препятствие", потому что ты не понимаешь, что оно означает".[\[83\]](#)

Затем он пробормотал несколько кабалистических слов; сказал, что барон должен радоваться, что у него поражена печень, потому что это место чести, и что после выздоровления его честь будет увеличена. Селезенка - место смеха, а легкие - сердца. Затем Пайен заговорил о средствах лечения. Возможно, лучше всего подойдет моча собаки или кровь козы; но это были лишь холопские средства. Мессир, пациент, был знатным вельможей и нуждался в благородных средствах, соответствующих его рангу. Поэтому (поскольку была поражена печень) он дал ему высушенную и растертую печень жабы. И вот он оставил свои лекарства, взял золотой кусок и ушел.

В ту ночь Конон бредил, но Адела, которая, как и всякая хозяйка замка, поневоле научилась многому в уходе за больными, прикладывала к его телу холодные ткани, а отец Грегуар молился святым. На следующее утро, благодаря тряпкам, святым или жабьей печени, лихорадка спала. Возможно, она просто прошла естественным путем. После выздоровления барон стал ужасно ругаться при упоминании мэтра Пайена. Он был готов воскликнуть "аминь!" на изречение монаха Ги Прованского: "Они (лекари) убивают множество больных и изнуряют себя поисками болезней для каждого. Горе тому, кто попадет в их власть! Я предпочитаю каплуна всем их микстурам!" Монах признает, что некоторые врачи действительно полезны, но исцеление происходит благодаря доверию, которое они внушают, а не благодаря их лекарствам.

Целебные реликвии и процессии

Когда Конон заболит в следующий раз, он клянется, что доверится только мэтру Людовику или даже мэтру Дени, хотя может согласиться послать за монахом-лазаристом, членом великого монашеского ордена, который специализируется на исцелении больных. Ведь хотя эти поистине благородные монахи (сочетающие в себе житейскую мудрость и не меньшее благочестие) лечат прежде всего проказу, они постепенно обращают свое внимание и на болезни вообще. Если не удастся найти лазариста, он, скорее всего, наймет астролога, чтобы тот нашел лекарство, обратившись к звездам; или же отец Грегуар организует "исцеляющую процессию" из всех монахов, священников и благочестивых мирян, которых сможет собрать. С торжественностью они понесут к больному сеньору весь запас мощей святых, находящихся поблизости, и благочестиво положат их ему на живот. Это средство было испробовано в Париже некоторое время назад для лечения принца Людовика, наследника короля, и он быстро поправился. Подобная помощь доступна и такому великому сеньору, как Конон.

Не всегда, правда, помогают даже мощи святых. Когда пришло время доброй леди Оделины, матери Конона, отложили отпевание до последнего момента, потому что после этой церемонии больной не имеет права на выздоровление. Волосы выпадают, а естественное

тепло уменьшается. Как только дыхание покидало тело благородной дамы, слуги бешено носились по замку, опустошая каждый сосуд с водой, чтобы не утопить в нем отлетающую душу. За мертвым телом также тщательно следили до самого погребения, чтобы дьявол не подменил его в гробу черной кошкой, а также чтобы собака или кошка не перебежала через гроб и не превратила труп в вампира. Конон и Адела не уверены в этих представлениях, но не спорят с прислугой.

СЦЕНА ПОГРЕБЕНИЯ ТРИНАДЦАТОГО ВЕКА

Из английского манускрипта (Шульц).

Затем тело было тщательно забальзамировано. Сердце вынули, чтобы похоронить в женском монастыре, покровительницей которого была леди Оделина. С лица сделали восковую посмертную маску, а тело положили на красивую кровать с черными подвесками. В квартире установили временный алтарь, чтобы там можно было читать мессы, а один или два вассала или оруженосца Конона днем и ночью стояли на страже в полном вооружении, а вокруг кровати горели два или три десятка высоких свечей.

Похоронные обычаи

Погребение состоялось в церкви аббатства, в трансепте, где покоятся многие из рода Сент-Алики. На грудь леди Оделины положили серебряный крест, на котором были выгравированы слова отпущения грехов; в тяжелом каменном гробу также похоронили четыре небольших глиняных горшочка, в каждом из которых было немного ладана, сожженного во время погребальной церемонии. Наконец, когда обряды были завершены, Конон нанял хитрого скульптора, чтобы тот сделал мраморное чучело его матери в натуральную величину, которое должно было покоиться на плите, покрывающей ее гробницу, - чучело, которое своим достоинством и неподдельным спокойствием форм и лица должно было выразить, насколько поистине благородной была его милостивая мать.

Простые люди не могут иметь мраморные гробы и чучела, но даже бедные крестьяне получают удовольствие от тщательно продуманных похорон. Когда умирает самый незначительный человек в деревне, по всем переулкам ходит глашатай, звонит в колокольчик и называет имя покойного, добавляя: "Молитесь Богу за умершего". Качественных крестьян, скорее всего, положат в гипсовые гробы, а самых бедных холопов завернут в лохмотья и бросят в неглубокие ямы.

Еще хуже судьба тех, кто умирает отлученным от церкви или самоубийцей. Этих несчастных нельзя даже похоронить в святой земле. Их тела часто выставляют на всеобщее обозрение, чтобы их растерзали собаки и вороны. Иногда, однако, закоренелый грешник раскаивается на смертном одре настолько, что возвращается к благодати религии. Но в этом случае его тело часто сжигают, обвешивая железными или медными оковами. Идея заключается в том, чтобы умертвить тело, даже после того как дыхание жизни покинуло его, и таким образом ослабить те костры в чистилище, которые, несомненно, ожидают всех, кроме великих святых, которые могут пройти прямо на небеса, или многочисленных отступников, чья вина требует не временных, а вечных мучений.

ССЫЛКИ:

[82] В результате такого отношения такой выдающийся и по-настоящему образованный ученый, как Альберт Великий, как говорят, перепутал сухожилия и нервы.

[83] В одном из средневековых медицинских трактатов намеренно советуют использовать этот аргумент, чтобы заставить пациента замолчать, когда врач не может поставить диагноз, но должен что-то сказать.

Глава XVIII: Народная религия. Паломничества. Суеверия. Поклонение реликвиям.

Все жители Сент-Аликиса - христиане. Никто, за исключением нескольких евреев в Понтдебуа, открыто не отступает от католической религии, не отрицает истинность вероучения и не отказывается от внешнего соответствия церковным обычаям. Эпоха не слишком заинтересована в улучшении общего морального и социального состояния простых людей. Да и сами простые люди не всегда в этом заинтересованы. Каждый крестьянин молится о "справедливом отношении" и об удаче. В остальном и замок, и деревня принимают как некий естественный закон неизменность общества. Бог установил различные порядки и градации. Все, о чем можно просить, - чтобы каждый человек принял отведенное ему состояние и жил в нем эффективно и счастливо.

Религиозное отношение рыцарей

Конон, как и любой другой рыцарь, не подвержен искушению неверием. Доктора церкви знают все о религии, так же как королевские сокольники знают все о ястребиной охоте. Разумно довериться эксперту. Задавая пустые вопросы, вы просто рискуете своей душой, как это делают последователи лжепророка Махаунда. Барон часто обличает высокомерие и корыстолюбие духовенства и противится их притязаниям, но тем не менее доверяет им приобщать его к таинствам и благословлять смерть и погребение, чтобы его душа могла

быстро пройти через чистилище в рай, где существование предположительно представляет собой одну грандиозную смесь брачного пира в прекрасном саду и великолепного турнира. Многие рыцари расхлябанны и богохульны, но вряд ли они сознательно неверующие.^[84] Хорошие рыцари должны каждое утро слушать мессу, почитать святыне предметы и места, ненавидеть евреев и сарацин, поклоняться Деве Марии и святым, а также соблюдать большинство главных постов и других особых церковных праздников. Конон делает все эти вещи. Он "добрый христианин". Но он освобожден от серьезного размышления над таинственными вопросами.

ГРУППА СВЯЩЕННИКОВ, XIII ВЕК

Тот, кто стоит у алтаря, одет в рясу, а второй и третий - в далматику, или дьяконскую мантию. Второй несет освященную облатку, а третий - своего рода веер. (Из рукописи, хранящейся в Национальной библиотеке).

Когда Конон молится утром, если его не торопят, он ложится, повернув голову к востоку и вытянув руки в виде креста. Он перечисляет милости, которые Бог оказал ему в прошлом, и умоляет Небеса продолжать оказывать ему благосклонность. Часто он добавляет Credo и некий парафраз молитвы "Отче наш, желающий всем нам спастись, даруй, чтобы мы приобрели любовь Твою, как и ангелы, творящие благоволение Твое на небесах; и дай нам хлеб наш насущный - для души Святое Таинство, а для тела - необходимое пропитание". И если его настроение не отличается необычайным смирением и раскаянием, он, скорее

всего, покровительственно заключит: "И я также полагаюсь на силу моего сердца, которую Ты даровал, на мою хорошую шпагу и моего быстрого коня, но особенно на Тебя!"

Многие кавалеристы раздражаются богохульствами, когда дела идут плохо. Такие люди подобны Уильяму Руфусу Английскому, который восклицал: "Бог никогда не увидит меня хорошим человеком - я слишком много страдал от Его рук!" Или Генрих II, который, узнав, что его сын Генрих поднял мятеж, громко воскликнул: "Поскольку Ты, Боже, отнял у меня то, что я ценил больше всего, Ты не получишь того, что Ты ценишь во мне больше всего, - моей души". И даже Конон, однажды, когда его сильно потрепали, воскликнул, подобно некоему крестоносному лорду: "Какой король, Господи, когда-либо покидал своих людей? Кто *теперь* будет уповать на Тебя или сражаться за Тебя?"

Тем не менее, к таким греховным словам следует относиться милосердно, ведь, в конце концов, разве мир не очень злой, а соблазн гневаться на Бога чрезвычайно велик? Действительно, сейчас все не так, как в 1000 году н. э., когда даже самые мудрые были уверены, что Последний день близок. Затмения, кометы и голод казались тогда предвестием этого. Люди в агонии толпились в церквях, ожидая услышать, как семь труб возвестят об антихристе. С тех пор неоднократно, когда наступали бедственные годы, монахи и старухи будоражили толпы людей горячими предсказаниями, что язвы Апокалипсиса и другие предвестники тысячелетия не заставят себя ждать. Еще в 1200 году н. э. монах Ригорд из аббатства Сен-Дени писал: "Мир болен; он так стареет, что впадает в младенчество. Поговаривают, что в Вавилоне родился Антихрист и что близок Судный день".

Страшное отлучение

Подобные страхи удерживают даже безрассудных сеньоров и опустившихся крестьян от немислимых преступлений. Ведь муки проклятых будут так ужасны! Проповедники прекрасно понимают, что бесполезно пытаться сдерживать нечестивцев, говоря о "любви и милосердии Божьей". Если бы король Филипп применял к своим вассалам только любовь и милосердие, он был бы сейчас королем без королевства. Именно страх перед вечным горением, по-видимому, удерживает большую часть христианства в повиновении самым важным предписаниям морали и церкви.

Когда великий преступник сознательно бросает вызов Церкви, происходит церемония, которая заставляет даже праведников задуматься о собственном спасении. Несколько месяцев назад некий нечестивый барон ограбил приходскую церковь, украв потир. В Пондебуа епископ немедленно принял меры. Большой колокол собора зазвонил, как на похоронах, и так оно и было, хотя душа была гораздо ценнее, чем тело. Епископ появился в алтаре со всем своим духовенством. Каждый священнослужитель держал зажженную свечу. Здание было увешано черными гобеленами. В страшной тишине епископ объявил переполненный неф имя рыцаря-нарушителя, а затем громко провозгласил: "Да будет он проклят в городе и проклят в поле; проклят в своем зерне, в своем урожае и в своих детях; как Датан и Авирам были поглощены разверзшейся землей, так и ад да поглотит его; и как сегодня мы гасим эти факелы в наших руках, так и свет его жизни да будет погашен навеки, если он не покается!" После этого все священники бросили свои факелы на мостовую и растоптали их. Можно было почти увидеть, как этот святотатец-барон корчится в пламени Геенны.

После подобной сцены грешник не может быть восстановлен в правах, если только не совершит какой-нибудь великий акт покаяния. Отлученный от церкви человек оказывается по соседству с преступником. Он может найти себе соратников по преступлению, но большинство людей будут сторониться его, как прокаженного. Этот барон, после тщетных

хвастовств и пререканий, в конце концов был настолько уязвлен совестью и оставлен, что заключил с епископом ничтожный мир. Сначала он преподнес собору разорительно дорогие подарки, а затем предстал перед алтарем босым и в одеянии паломника. Он преклонил колени и в течение дня и ночи пребывал в молитве перед главным алтарем, ничего не ел и не пил. После этого он снова встал на колени, а присутствовавшие при этом три десятка клириков и монахов стали бить его жезлом, при этом после каждого удара он громко восклицал: "Справедливы суды Твои, Господи!". Только когда все это было закончено, епископ поднял его, произнес отпущение грехов и дал ему поцелуй мира. Это было очень страшно.[85]

За меньшие проступки против Церкви предусмотрены более мягкие, но действенные наказания. Однажды в Пондебуа во время Великого поста проходила религиозная процессия. Некая женщина шла в ней с притворной набожностью, но потом вернулась домой и, нарушив пост, поужинала бараниной и ветчиной. Запах вырвался на улицу. Женщину схватили, и епископ приговорил ее к прогулке по городу с четвертью баранины на вертеле через плечо, с окороком на шее и, конечно же, с назойливой толпой позади. После этого покаяния посты в Пондебуа стали соблюдаться.

Праздничная сторона народной религии

Однако не стоит думать, что религия этого феодального века была в целом печальной. Напротив (один из тех резких контрастов, которые стали привычными), духовенство и народ получают огромную радость, чтобы не сказать развлечение, даже от священных таинств. "Люди весело идут по дороге к спасению". Например, великие паломничества (пардоны) часто представляют собой праздничные встречи с торговцами, играющими или исполняющими свои трюки жонглерами, пока вся компания направляется к какой-нибудь святыне.

Даже в здании церкви не всегда соблюдается торжественность. Хор, действительно, предназначен строго для богослужений, но в нефе могут проходить всевозможные светские мероприятия, даже собрания недовольных группировок и бунтовщиков. Церковные колокола звонят на рынках, на сборах или на мирных собраниях почти так же часто, как и на святых службах. Что касается священных праздников, то добрые епископы жалуются, что они настолько многочисленны, что светский элемент полностью вторгается в них и уродует их бездельем и гулянками. Крестьяне могут пойти на раннюю мессу; после этого они пьют, болтают, поют, танцуют (в очень буйной манере), участвуют в борьбе, скачках и соревнованиях по стрельбе из лука до самой ночи.

Помимо этих обычных злоупотреблений святынями, в каждом приходе, кажется, есть свой особый Reign of Folly, хотя название праздника в разных местах разное. В таких шуточных церемониях участвуют даже молодые священнослужители. В Пондебуа иподиаконы избирают Папу Буффона, дарят ему серебряную тиару и возводят на престол с большим достоинством, одновременно избирая нескольких "кардиналов", которые помогают ему руководить празднествами. Шумные процессии, кавалькады и даже скандальные пародии на некоторые из самых священных церковных служб. Папа-шутник издает "буллы", предписывающие всевозможные развлечения, и выпускает своеобразные свинцовые деньги с такими легендами, как "Живи весело и радуйся" или "Дураки иногда бывают мудрыми". Ограничить подобные развлечения улицами, рынком и церковной папертью кажется невозможным, хотя добропорядочные епископы борются с вторжениями в святое здание. Каноны собора в конце концов побудили младшее духовенство и светский сброд

воздержаться от более экстремальных пародий и от таких шалостей, как кража церковных колоколов путем предоставления "Папе" и всей его шумной компании большого ужина. Благочестивые служители церкви стонут в такие дни, но утешают себя тем, что подобные мероприятия делают религию популярной и дают выход "плоти", которая, если ее слишком сильно сдерживать, поддастся еще более страшным искушениям дьявола.

В деревне Сент-Алики приходской священник действительно участвует в церемонии, способной поразить другую эпоху. В определенное воскресенье народ празднует добродетели ослицы, которая несла Господа и Пресвятую Деву, когда святой Иосиф бежал с ними в Египет. Крестьяне берут лучшего осла в округе, нарядно наряжают его и ведут по улицам к церкви, все дети бегут рядом, размахивая цветочными палочками и крича, а пожилые люди почти так же демонстративны. У святого портала их встречает священник и объявляет на латыни: "Это день веселья. Пусть все, кто смотрит на нас с кислым видом, уйдут отсюда. Прочь зависть! Те, кто празднует праздник Аса, желают веселья!"

Месса с ослом

Затем осла ведут прямо в алтарь и привязывают к алтарным перилам. Торжественная проза, наполовину латинская, наполовину французская, воспекает достоинства верного, стойкого животного, благодаря которому наш Господь смог спастись от злобного Ирода. Вновь и вновь кантор останавливается, и вся переполненная церковь звонко повторяет: "*He! haw! sire ass-he! haw!*", каждый старается задрать нос и как можно громче подвывать. Наконец, когда осла пристойно ведут обратно в его стойло, хористы с многочисленными друзьями предаются обильной трапезе. Праздник осла отмечается во многих французских городах и деревнях.

Следует также понимать, что некоторые святые являются особыми покровителями определенных регионов. Святой Мартин - это мощный святой во всей Франции, но святой Денис - особый покровитель королевских владений; святой Николай - Лотарингии, святой Андре - Бургундии и, конечно, святой Георгий - Англии. Святой Михаил тоже может помочь французским рыцарям скорее, чем иностранцам. Кроме того, существует множество местных святых, обладающих неисчислимой святостью в своих небольших регионах, но о которых почти ничего не слышно в других местах. Так, если вы уедете очень далеко, вы, скорее всего, потеряете все следы доброго святого Аликиса, и, более того, сердобольные посетители предполагают, что он никогда не был канонизирован в Риме или должным образом принят католической церковью. Несмотря на это, его почитают на местах, возможно, с большим рвением, чем любого другого святого, за исключением самой Пресвятой Девы Марии.

Нет ни одного святого, с которым можно было бы сравнить Богородицу. Она - "Владычица Небесная", "Царица Святого Града", "*Госпожа Дебоннер*". Бог-Отец и Бог-Сын, возможно, кажутся недоступными небесными императорами, но Пресвятая Дева, понимающая нужды трудящихся людей, передаст их мольбы и окажет свое огромное влияние в их интересах. Поэтому на своих статуях она одета как феодальная королева: богатые одежды, корона, сверкающая драгоценностями, в руках - царский скипетр и сфера мира. Все святые являются ее вассалами и оказывают ей почести.

Есть еще один набор радостных праздников, законных и поднимающих настроение. На Рождество, в канун *Ноэля*, добрые люди устанавливают в приходской церкви телку, вола и осла, "чтобы они своим дыханием согревали святого младенца". Повсюду зажигают факелы, а на холмах разжигают костры. Группы людей шествуют, одетые как пастухи, направляющиеся к яслям младенца, во главе с трубами и скрипками, и все радостно поют:

"Добрые господа, слушайте!
Из дальних стран пришли мы,
ибо это Ноэль".

Затем в церкви поют длинные отклики, рассказывающие историю Рождества в просторечии и перемежающиеся комментариями животных на латыни, потому что (как говорится в гимне)

Все звери в другие дни
Говорили по-французски хуже, чем по-латыни.

Так петух кричит о своем удовлетворении, коза блеет, теленок блеет, вол блеет, осел блеет. Все это делается просто, благоговейно и на благо простых, любящих душ.

В Понтдебуа, однако, устраивают более сложное представление. Двенадцать клерков, представляющих шесть иудеев и шесть язычников, появляются на хорах собора и заявляют, что хотят изучить доказательства того, что младенец, недавно родившийся на свет, действительно является Искупителем. Затем в величественной последовательности появляются все пророки, предвещавшие пришествие Христа: Моисей с рогом, Валаам с ослицей, трое еврейских детей из огненной печи, языческие сивиллы и двенадцать апостолов. Каждый из них отвечает песнопениями на звучной латыни, пока двенадцать сомневающихся не объявляют себя удовлетворенными и не падают ниц, поклоняясь Младенцу-Царю.

Пьесы-мистерии

На Пасху ставятся и другие мистерии, рассказывающие о Божественных страстях и Воскресении, а также другие спектакли, которые проходят через определенные промежутки времени в течение года. Некоторые из участников - священники, но многие - миряне, как мужчины, так и женщины.^[86] Все наиболее важные эпизоды из Библии разыгрываются со значительными подробностями и с большим количеством комедийных моментов. Толпа ликует, когда Анания, как проникательный иудей, выторговывает продажу своего поля, или когда отвратительные черти выпрыгивают из ада, чтобы схватить дочь Иродиады, как только она исполнит свою злую волю с Иоанном Крестителем. Здесь нет никаких попыток изобразить древние времена. Ирод одет как феодальный герцог, а перед ним несут распятие. Многочисленные черти всегда черные, ангелы - синие, красные и белые, "Бог" предстает в папской тиаре, а "души умерших" покрыты пеленами - белой для спасенных, красной или черной для проклятых. Участие в этих спектаклях доставляет людям огромное удовольствие, и даже великие люди не прочь принять в них участие. Нет нужды говорить о том, насколько сильно подобные представления поражают воображение людей, не знающих истории Ветхого и Нового Заветов. Библию могут *читать* лишь немногие, но существенную ее часть *видят* и понимают многие.

Это касается обычных религиозных верований и случаев. Но есть множество людей, которые считают свои грехи настолько ужасными, что для того, чтобы умиловать Небеса, им приходится прибегать к великим покаяниям, зачастую занимающим всю оставшуюся жизнь. Кроме монахов и монахинь, живущих в монастырях, существует множество отшельников и "религиозных одиночек", которые живут в маленьких хижинах в лесу, возможно, содержат крошечную часовню для путников и питаются подаяниями лесничих и крестьян. Однако не

все эти отшельники живут в подлинном уединении. Прямо в деревне Сент-Аликвис повсеместно встречается женщина-отшельник.

Много лет назад некая крестьянка Элиза убила своего мужа. Ее сразу же приговорили к виселице, но барон Гарнье, проявив необычайное милосердие, помиловал ее при условии, "что ее закроют в маленьком домике на кладбище, чтобы она могла там совершать покаяние и так закончить свои дни". Каменная хижина была построена, и несчастную женщину провели туда с обычной процессией, два священника благословили хижину и дали Элизе своего рода освящение. Ее поместили внутрь. Все отверстия были заделаны, кроме узкой щели, чтобы пропускать воздух, немного света и небольшую порцию еды от родственников.

Элиза живет в этой хижине уже двадцать лет - живет в грязи и темноте, но очень набожно разговаривает с посетителями, стоящими снаружи. Кажется, она почти ничего не делает, кроме как беспрестанно бормочет молитвы. О ее преступлении уже забыли. Крестьяне говорят о ней как о "святой женщине" и даже задаются вопросом, нельзя ли после ее смерти в своей келье - ведь она никогда ее не покинет - причислить ее к лику святых. Есть множество других, гораздо более невинных затворников, мужчин и женщин, которые были замурованы добровольно - либо из благочестия, либо из любви к безделью, а возможно, из-за того и другого.

Отшельники и пилигримы

Тем не менее, как правило, лучшим способом избавиться от груза нечистой совести является паломничество. Исповедники часто навязывают кающимся это средство покаяния, как лучший способ снискать божественную милость. Поскольку смерть является практически единственным судебным наказанием за тяжкие преступления, покаяние в виде паломничества в течение шести, десяти или двенадцати лет - от святыни к святыне по всему христианству - действительно заменяет срок тюремного заключения. Паломники этого ярко выраженного типа обязаны ходить босиком, с обритой головой, бросить свои семьи и жен и постоянно поститься - то есть не притрагиваться к мясу более одного раза в день.

Даже возвышенные дворяне проводят остаток жизни, искупая свои грехи. Все слышали о графе Фульке Черном из Анжу, который накапливал проступки, вплоть до убийства своей жены. В конце концов он осознал, какая страшная опасность грозит его душе. Трижды он совершал долгое паломничество в Иерусалим, а в третий раз позволил протащить себя по улицам Священного Города на плетне, пока два варлета били его кнутами.

Такие великие преступники часто носят с собой паспорта, выданные епископами, удостоверяющие, что они искупают паломничеством совершенные ими злодеяния, и просят христиан предоставить им ночлег, пищу и помощь. Эти кающиеся, если они рыцари, скорее всего, носят на запястьях и шее цепи, выкованные из их собственных доспехов, как свидетельство их социального положения и искреннего раскаяния.

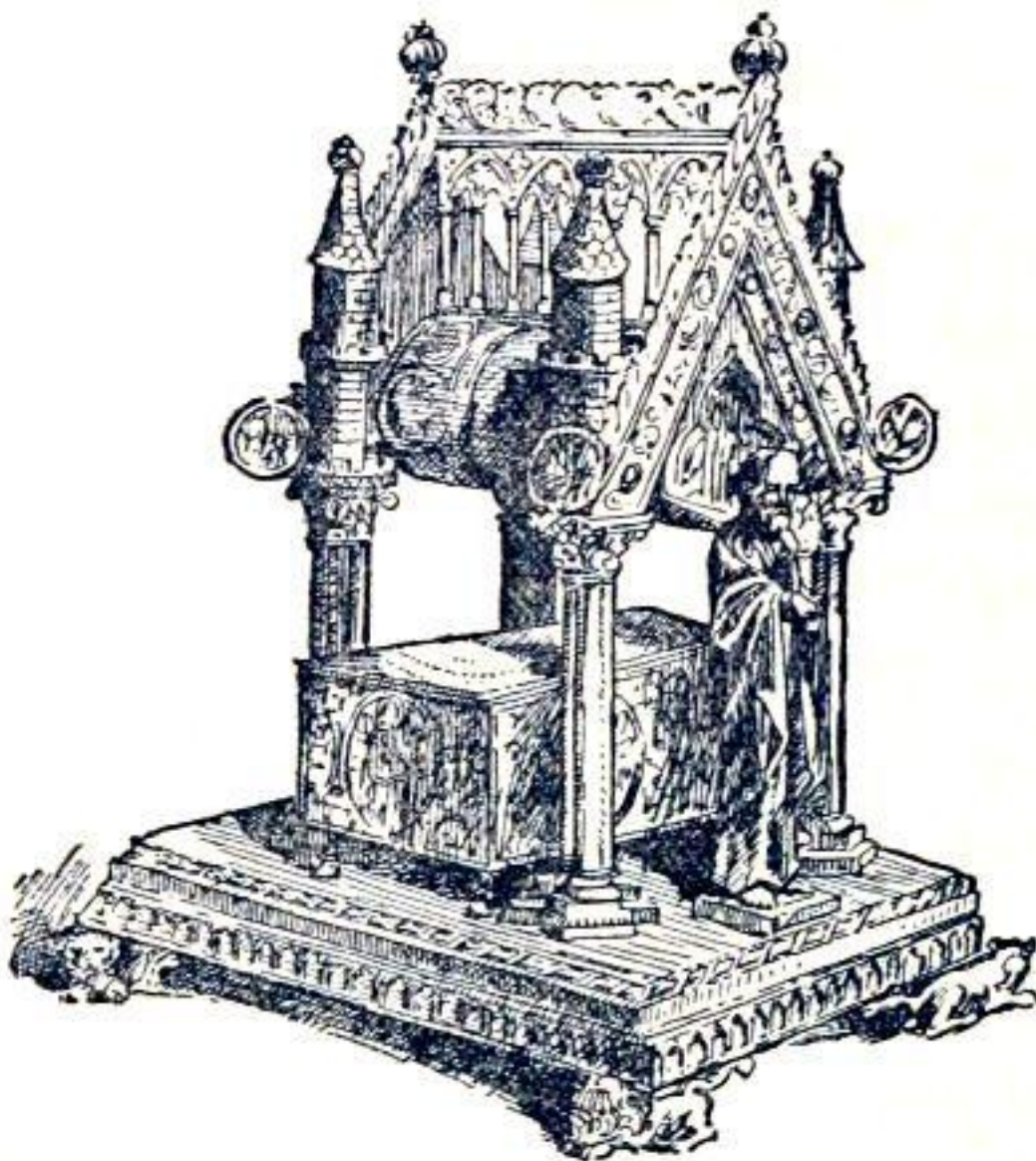
Однако у большинства паломников нет таких страшных вещей, отягощающих их души. Они просто обычные заблудшие люди, движимые искренним благочестием, возможно, с примесью желания найти оправдание "повидать мир". Каждый день они появляются у ворот замка Святого Аликиса, чтобы попросить долю в ужине и постель на камышах в зале, и к ним относятся с почтением, хотя Конон иногда жалуется, что их дорожные одежды из коричневой шерсти, тяжелые посохи и мешки на поясе - всего лишь маскировка для многих странствующих разбойников. Хотя многие из них немыты и неопрятны, никогда не стоит отталкивать их, чтобы не лишиться благословения Писания для тех, кто принял незнакомцев и тем самым "нечаянно привлек к себе ангелов".

Паломники также являются хорошими информаторами. Они снабжают вас вестями из Италии, Германии, Испании и даже Святой Земли. Они также несут письма в чужие края и передают устные послания родственникам. Они путешествуют не всегда в одиночку, а двойками, пятерками и даже десятками. Недавно в Дюнkerке, где крестьяне подняли восстание, епископ наложил на двадцать пять их предводителей епитимью, согласно которой они должны в течение года посещать различные святые места и участвовать в религиозных процессиях "в двадцати шести церквях", не надевая никакой одежды, кроме штанов, босиком и неся прутья, которыми их наказывали.

Неисчислимы святыни, посещение которых может принести грешникам пользу. Каждое значимое аббатство претендует на звание паломнического курорта, а монахи рассказывают об удивительных чудесах, совершенных всеми святыми, чьими мощами им довелось дорожить. Вероятно, существует более тысячи таких мест, чьи притязания в той или иной степени признаны Церковью. Во многих из этих святилищ есть знаменитый образ Мадонны, часто привезенный с Востока крестоносцами, но часто очень старый и, по плотскому мнению, уродливый, возможно, всего лишь "черная девственница", неуклюжая кукла, вырезанная из дерева. Это не имеет значения, если она святая и действенная. "Богоматерь у фонтана в Самуре, Богоматерь на Озере близ Гренобля, Богоматерь Доброй Надежды в Валансьене, Богоматерь в Шартре, в Лиссе, в Рокамадуре, в Орее, в Пюи - это лишь примеры.

Любимые святыни паломников

Чем большее расстояние приходится преодолевать паломнику, тем, как правило, больше его заслуга. Счастлив тот паломник, который может поклониться костям настоящего апостола, как в Риме. Счастливее всех тот, кто может поехать в Иерусалим и помолиться у Гроба Господня. Тем не менее, Бог предоставил очень действенные святыни и ближе к дому. Прямо в Париже находятся места святой Женеvьевы и великого святого Дени. В Туре вы можете отдать дань уважения могучему святому Мартину, идеалу благочестивых воинов. В Нормандии, где Мон-Сен-Мишель смотрит через пески на бушующий океан, лучше всего молиться могучему архангелу, приближенному к Богу. Также полезно побывать у святого Марциала Лиможского, святого Сернина Тулузского, а еще лучше - посетить Испанию и в Компостелле умолять о заступничестве святого апостола Иакова.

СВЯТЫНЯ В ВИДЕ

АЛТАРЯ (XIII ВЕК) В СОБОРЕ В РЕЙМСЕ

Однако, безусловно, лучше всего Рим (за исключением Иерусалима), и по пути туда паломник может облегчить свой духовный груз, посетив множество прекрасных итальянских святынь, таких как "Богоматерь-хранительница" в Генуе и "Богоматерь Розы" в Лукке. В самом городе Святого Петра не хватит времени, чтобы перечислить триста церквей, достойных благочестивого посещения. Помимо величественного собора Князя Апостолов и гробницы Святого Павла, даже самый торопливый паломник не преминет заглянуть в собор Святой Марии Маджоре, где находятся настоящие ясли, в которых родился Христос; и собор Святого Иоанна Латеранского, где хранятся святыне ясли. Иоанна Латеранского, где находится святая лестница, по которой поднимался Христос в терновом венце; Святого Петра в Монторио, где был распят сам Петр; Святого Лаврентия Без Стены, где похоронены блаженные мученики Святой Стефан и Святой Лаврентий; не говоря уже о других. Человек должен быть настоящим преступником, если он не может избавить свою душу, посетив эти бесценные святыни в Риме.

Как известно, блаженные святые и в этой жизни, и после смерти творили множество чудес через свои мощи. Эти чудеса продолжаются и по сей день, хотя беззакония человечества делают их несчастными. Время от времени Небо все же позволяет какому-нибудь святому творить несомненные чудеса. Так, совсем недавно рассказывали, что когда почтенный аббат

Сен-Жермер проповедовал Четвертый крестовый поход в Англию, ему достаточно было благословить фонтан, как его воды заставили немых говорить, слепых прозреть, а больных выздороветь. Однажды (так рассказывал один паломник в замке буквально на днях), когда этот аббат добрался до деревни, нуждавшейся в воде, он собрал всех жителей в церкви. Прямо в присутствии людей он ударил своим посохом по камню, и потекла вода - не просто питьевая, но исцеляющая от всех недугов.

Бог также говорит с нами в снах, как это было с фараоном и Навуходоносором. Он заставил святого Фому Бекета посетить покойного короля Людовика VII и предупредить его о необходимости совершить паломничество к новой святыне святого Фомы в Кентерберии, чтобы помолиться о выздоровлении своего сына Филиппа, впоследствии "Августа". Генрих II Английский был врагом Людовика, но король беспрепятственно совершил торжественное паломничество, и кронпринц выздоровел.

Приметы, духи и чудовища

Предзнаменования бедствий тоже появляются часто, хотя не всегда понятно, от кого они посланы - от Бога или от дьявола. Несколько лет назад волки в лесу возле монастыря Святого Аликиса непрерывно были весь день праздника Святого Оноре. "Явный признак беды", - объявил настоятель; а через четыре дня началась вражда между Кононом и Форевертом, которая потрясла всю деревню. Многие люди, увидев на болотах волка, падающую звезду или стервятника, парящего над их домом, предупреждают, что нужно готовиться к смерти. Если тринадцать человек сидят за одним столом или если одному из них приснился врач, это свидетельствует о том, что кто-то в доме скоро умрет. То же самое происходит, если человек по неосторожности надевает чистую белую рубашку в пятницу; если же левый глаз покойника не закрывается быстро, то у него скоро появятся гости в чистилище. Недолго осталось жить на этом свете и той женщине, которая бездумно стирает свою одежду в щелоке во время святой недели. Нет нужды объяснять, насколько зловещими являются затмения и кометы. В июле 1198 года была видна большая комета. Мудрецы с меланхолическим удовлетворением покачивали головами, когда вскоре после этого умер Ричард Львиное Сердце.

Времени не хватит, чтобы перечислить все странные существа - ни люди, ни ангелы, ни точно дьявол, - которым Провидение позволяет населять мир. Эти существа не имеют душ, а когда погибают, то исчезают, как скот, хотя живут долго и их очень трудно убить. Вероятно, их больше в диких и уединенных местах, но города и многолюдные замки не свободны от них. Так, есть *феи* - добрые и злые существа, похожие на людей; ундины в водах, которые своей коварной красотой заманивают неосторожных рыцарей на погибель; людоеды, которые подстерегают и пожирают маленьких детей; упыри, которые раскапывают мертвых и грызут их кости; вампиры, которые каждую ночь поднимаются из могил и сосут кровь; Люди-волки (люди, превращенные в зверей), которые нападают на одиноких путников; драки, которые уносят маленьких детей в свои подземные царства; мудрые волшебники на болотах, которые являются душами некрещеных мертвых младенцев; а также множество довольно дружелюбных духов, таких как *солевы*, которые иногда за ночь делают за усталого рабочего его работу. Нужно обладать немалыми знаниями, чтобы отличить добрых духов от злых, *например*, чтобы понять, имеете ли вы дело с гоблином, который только демонстрирует безобидные выходки, или с *эстри*, настоящим порождением тьмы, который может обнять вас, как медведь, до удушья.

Церковь не запрещает верить ни в этих существ, ни в таких языческих монстров, как великаны, пигмеи, циклопы, сатиры, тритоны, сирены и т. д., хотя ясно учит нас, что они -

лишь служители дьявола. Существование дьявола столь же несомненно, как и существование Святой Троицы. Как уже говорилось, страх попасть в его лапы часто оказывает на грешника более благотворное влияние, чем любовь к Богу. Бесчисленные легенды и скульптуры в соборах рассказывают о хозяине-огнепоклоннике. Монах в монастыре, крестьянин в своей хижине, да (при всех его храбрых словах и длинном мече) барон в своем замке - все они трепещут, чтобы не встретиться с ним.

Дьявол порождает всевозможные страдания, и он действительно может завладеть живыми телами людей. Рассказывают, что однажды неподалеку от Сент-Аликиса один рыцарь мирно сидел за столом, как вдруг в него вошел дьявол. Дьявол заговорил устами бедняги. Он бредил и произносил богохульства. Священник принес свою книгу экзорцизма. Когда он прочитал их, дьявол ужасно закричал. Но еще несколько дней он сопротивлялся святым формулам, а потом ушел, оставив свою жертву совершенно измученной.

Сделки с дьяволом

РИШАР КЕР ДЕ ЛЕВ

Из "Истории Филиппа-Августа" Капефига

Гораздо хуже, когда вы заключаете прямой договор с дьяволом. Рассказывают, что некоторое время назад в Париже жил молодой ученый. Он был очень обеспокоен тем, что медленно продвигался в учебе. Тогда к нему пришел сатана и сказал: "Окажи мне почтение. Я сделаю так, что ты преуспеешь в мудрости!" Он дал юноше камень, утверждая: "Пока ты держишь этот камень в руке, ты будешь знать все". Вскоре юноша поразил школы своей эрудицией, но, заболев, признался в своем преступлении, выбросил камень и тут же забыл все свои познания. Вскоре он умер. Дьяволы тут же принялись терзать его душу, но Бог незамедлительно послал ангела, приказав им "отпустить душу, которую вы терзали". Душа тут же перелетела обратно в тело, которое ожило еще тогда, когда парижские студенты праздновали похоронную службу. Оживший ученый, однако, сразу же поступил в монастырь и больше не рисковал заниматься плотскими науками.

Однако очень многие люди, сошедшиеся с дьяволом, оказались менее удачливыми. Очевидно, что дьявол не придет, пока человек не окажется в отчаянном положении и не будет готов пообещать все. Тогда обычно несчастный смертный должен отречься от христианской веры, отречься от святых, произнести богохульства и, как утверждают, даже поцеловать архи-изверга в ягодицу. Затем нужно дать страшную клятву, стоя внутри трех магических кругов и сжигая ладан. После этого дьявол, правда, дарует своему жертве большое мирское процветание и особенно богатство на протяжении долгой жизни, но в конце концов изверг не преминет потребовать его душу в вечное владение. Говорят, что сатана заключил такую сделку с великим церковником Гербертом, который стал папой Сильвестром II. Он был очень мудрым^[87] или очень злым, возможно, и то, и другое; мнению многих, он стал папой с помощью "иерархии демонов и медного идола, который произносил оракулы". Но в день его смерти (1002 г. н.э.) сатана потребовал свое; и всякий раз, когда папа приближается к своему концу, кости Сильвестра II гремят в гробнице. Церковь дискредитирует эту скандальную историю, но в нее широко верят.

После недавнего суда над ведьмой и чародеем перед епископом в Пондебуа жители окрестностей Сент-Аликуа стали гораздо лучше разбираться в черном искусстве. Маги обычно начинают свои церемонии с создания волшебного дыма из различных горючих веществ и специй, а также сжигания таких внушающих страх ингредиентов, как мозг орла, кровь черной кошки и большое количество чемерицы. Созданный таким образом дым настолько густой и дурманящий, что непосвященные клиенты легко убеждаются в том, что в парах поднимаются демоны и разговаривают с магом. Благодаря такой помощи маг и его еще более грешная жена, ведьма, могли научить, как найти горшок с золотом и как ограбить дом богатого еврея, но особенно они умели готовить фильтры - одни из них должны были внушать любовь, другие - ненависть. Жены могли купить страшные составы из веществ "трех областей природы" - внутренностей животных, чешуи рыб, обрезков ногтей, человеческой крови, толченого грузного камня и таких сильных снадобий, как мандрагора, - которые, если их должным образом сварить и взбить вместе, а затем положить в кубок неверного мужа, должны были вернуть его расположение. Другие подобные зелья, немного измененные, могли заставить заклятых любовников расстаться.

Методы колдовства

Торговцы черным искусством в Понтдебуа могли также продавать магические кольца, которые имели власть над демонами, защищая владельца от внезапной смерти, болезни или опасностей путешествия, а также позволяя ему заключать выгодные сделки. Колдун и ведьма также, несомненно, обладали "дурным глазом", который, если решительно направить на быка или овцу, приводил к их гибели и был почти так же опасен для людей. Однако в настоящее время эти двое были погублены (тем самым показав, насколько непостоянным защитником является дьявол), потому что некий глупый дворянин заставил их "омрачить" рыцарского врага, против которого у него не хватило мужества вести почетную войну. После того как волшебник сжег множество благовоний, ведьма принялась лепить из девственного воска куклу, максимально похожую на жертву. Затем, беззастенчиво пародируя обряд крещения, она окрестила куклу именем врага своего покровителя. Затем волшебник поместил печени ласточек под мышки и на то место, где должно было находиться сердце куклы. Наконец, он и его жена протыкали восковое изображение раскаленными иглами, а затем бросали его в пылающий огонь, напевая при этом кабалистические слова - вероятно, умоляя дьявола оказать особую помощь.^[88]

Неизбежно, что вскоре после этого рыцарь, подвергшийся нападению, заболел бы и умер, если бы, по милости Божьей, все это не было раскрыто. Рыцаря спасли мощные экзорцизмы епископа. Колдун - после соответствующих пыток, чтобы добиться признания, - был похоронен заживо. Его жена, ведьма, была сожжена. Глупый кавалерист, замышлявший убийство, спас свою жизнь, поскольку у него были влиятельные родственники, но был осужден на паломничество в Рим. Некоторые глупые женщины, купившие любовные филеры, были публично обличены в церкви и провели несчастный день в столбе. Добрые христиане надеются, что пройдут долгие дни, прежде чем черное искусство снова будет так незаконно практиковаться в этой части Франции.

Тем не менее, существуют некоторые формы гадания, которые Церковь считает невинными. В любое время вы можете обратиться к священным книгам. С надлежащей молитвой и осмотрительностью откройте наугад Библию и обратите внимание на то, как звучит первый попавшийся вам на глаза отрывок. Благоприятна ли она для вашего состояния или неблагоприятна? Благодетельный Симон де Монфор, прежде чем принять крест в Альбигойском крестовом походе, таким образом, сверялся со "священным жребием". Канонические палаты используют этот метод, чтобы узнать, какие предзнаменования касаются кандидата на епископство. По рассказам жонглеров, даже папы обращались к оракулу, прежде чем предпринять какой-либо важный шаг в управлении Церковью, хотя в этих историях разумно сомневаться. Более точным методом предсказания является "Sortes Apostolorum". Пятьдесят шесть предложений (выражающих хорошие или плохие чувства) написаны на пергаменте; к каждому прикреплен нитка, которая должна торчать, пока предложения закрыты. Вы произносите молитву, берете наугад нитку, а затем ведете ее вниз, чтобы прочитать ее смысл. Таким образом, святые, а не дьявол, откроют вам будущее.

Несомненно, крестьяне слишком далеко зашли в своей вере в дурные предзнаменования или неудачные поступки. Конон и Адела от души смеются над некоторыми их представлениями. Чтобы избежать несчастья, Жорж, отнимая теленка от матери, всегда тянет его за хвост назад. Он никогда не начинает пахать, пока трижды не обойдет вокруг плуга с зажженной свечой. Жанна никогда не прядет и не шьет по четвергам и пятницам, чтобы не заставить Деву плакать. Весной в саду выкладывают кость из головы кобылы, чтобы отогнать гусениц. Времени не хватит, чтобы перечислить эти деревенские поверья, к тому же они варьируются от деревни к деревне. Но у какого крестьянина их не так много, как волос на голове?

Всеобщее поклонение реликвиям

Есть одно благочестивое дело, одинаково разделяемое великими и смиренными и высоко одобряемое Церковью, хотя самые мудрые церковники осуждают некоторые его излишества, - поклонение святым мощам.

Мощи святых изобилуют. Куда же без них в монастыре, церкви или даже замке? Иногда они покоятся в золотых ларцах в том самом месте, где святые ушли из жизни. Иногда их привозят из Рима или Палестины благочестивые паломники, очень часто они приходят в дар. Прямая покупка реликвий несколько кощунственна, но вы можете подарить королю, герцогу или великому церковному деятелю хорошую реликвию так же, как вы дарите ему ястребов или горностаевые шкурки - в награду за оказанные или ожидаемые услуги. Папа всегда посылает желанные реликвии епископам и аббатам, которых он желает почитать; и, как всем известно, после того как латиняне разграбили Константинополь в 1204 году, во всей Франции не было ни одной святыни, которая не получила бы череп, несколько ребер или даже все тело какого-нибудь восточного святого. Добыча в виде мощей, по сути, была почти такой же важной, как золото и драгоценности.

Обладание реликвиями очень желательно. Молитвы, произнесенные возле них, имеют дополнительную силу. Клятвы, принесенные на их шкатулках, вдвойне обязательны, но иногда святые предметы тайно убирают в момент дачи обещания; тогда нарушение обещания не является лжесвидетельством. Поэтому, имея дело со скользкими личностями, следует остерегаться. С другой стороны, кто не знает о том, как Вильгельм Норманнский уговорил Гарольда Англосаксонского принести великую клятву верности? Неразумный англичанин поклялся в верности договору, полагая, что в ларце, на который он положил руки, находятся мощи очень низких достойных людей, которые никогда не смогут наказать его, если он будет лгать; но в тот момент, когда слова были произнесены, священники открыли священный ларец, показав его полным костей самых могущественных святых, которых только можно себе представить. Гарольд побледнел от ужаса, поняв, как его заманили в ловушку. Когда позже он нарушил свою клятву, то, вне всякого сомнения, именно эти разгневанные святые стали причиной его гибели при Гастингсе.

Хорошие реликвии также подразумевают источник дохода, при условии, что они должным образом рекламируются, чтобы сделать церковь или аббатство, обладающее ими, местом паломничества. Иногда, правда, возникает опасение, как бы слишком ретивые монахи не преувеличили чудеса, сотворенные мощами в их аббатской церкви. Рассказывают, что когда аббатство Святого Ванны сильно задолжало, настоятель заявил: "Все наши долги будут оплачены красной туникой святого Ванны (реликвией). Я никогда в этом не сомневаюсь".

Монахи из Сент-Алики гордятся своей коллекцией, хотя она далеко не самая большая в регионе. У них есть два зуба пророка Амоса; волосы святого Мартина и святого Леонарда; ногти мучеников Фиванского легиона; кусочки мантии святого Бернарда; кости пальцев святых Сатурнина, Себастьяна и патриарха Иакова; пятое ребро св. Амонда; череп одного из Святых Невинных; обломок камня, на котором стоял Христос, когда вознесся на небо; челюстная кость святого Сикста; немного сена из Вифлеемских яслей; и, наконец, немалых размеров осколок настоящего Креста. Одно только поклонение таким вещам отменяет многие тяжкие годы в чистилище.

Для всего региона выгодно иметь такую коллекцию. Если нужен дождь, мощи можно пронести крестным ходом по жаждущей стране, и обязательно придет облегчение. Если предстоит общественное собрание, святые мощи можно пронести перед спорящими рыцарями или мещанами - и тогда последуют мудрые советы. Если вы отправляетесь в

путешествие, посещение святилища с такими реликвиями почти гарантирует благополучное возвращение. Мы уже видели, как Конон (как и другие рыцари) всегда держал определенные реликвии в эфесе своего меча, чтобы подтвердить свои клятвы и придать действенность своим поступкам.

Состязания за реликвии

Огромная ценность таких святынь часто делала их добычей воров. Так, в 1219 году банда грабителей похитила останки святой Леокадии из аббатства Вик, а когда их преследовали, бросили святые кости в реку Эсну, откуда их удалось спасти с серьезными трудностями. Нам нет нужды множить записи о подобных преступлениях. Распутные дворяне иногда захватывают и хранят в своих замках очень святые реликвии, как талисманы против долго откладываемого правосудия.

Не менее чудесным является и то, как реликвии сохранялись, когда терялись менее священные предметы. Это поистине божественная тайна, не подлежащая легкомысленному исследованию. Однако когда во Франции выставляются две идентичные мощи одного и того же святого, как можно умолчать о мирских сомнениях? Ведь, несомненно, святые мужи древности имели только одну голову и две руки. Не так давно монахи Сент-Этьена выставили череп Сен-Дени. Но монахи Сен-Дени заявили, что у *них* уже есть череп их собственного святого покровителя. Какое отсутствие милосердия! Перепалки не прекращались до тех пор, пока великий папа Иннокентий III тактично не утихомирил споры, не решив, какая реликвия подлиннее. Многие говорят, что такие реликвии могут чудесным образом дублировать друг друга, так что *все они* одинаково подлинны; и, несомненно, Бог творил гораздо большие чудеса, чем это.

Тем не менее, греховность людей такова, что верующим часто навязывают поддельные реликвии. Добрые церковники ревностно разоблачают эти святотатственные мошенничества. Не так давно отец Грегуар велел Конону устроить страшную порку притворному паломнику, который пытался продать доверчивым крестьянам "кусоч паруса лодки Святого Петра и перо ангела Гавриила". Еще серьезнее обстоит дело, когда устанавливается фальшивая святыня. Недавно в окрестностях Лиона крестьянки настаивали на почитании "гробницы святого Гинефора". Оказалось, что это всего лишь место, где одна дама похоронила любимую борзую. В другом случае, много лет назад, великий святой Мартин обнаружил неподалеку от Тура часовню, где люди поклонялись предполагаемому мученику. Святой встал на гробницу и взмолился: "Открой мне, кто здесь на самом деле!" Вскоре появился темный образ, и призрак признался Мартину: "Я разбойник. Моя душа в аду, а тело - в этом гробу". Таким образом, святой разрушил часовню и спас многих от напрасной траты их молитв и средств.

Однако слишком скептически относиться к популярным реликвиям - дело опасное. Даже великие церковные деятели, такие как покойный епископ Орлеанский, могут подвергнуться нападению толпы, если назовут предполагаемый и почитаемый череп святой Женевиевы "головой какой-то старухи", как однажды сделал этот проницательный прелат. Тем не менее, власти стараются выполнять свой долг. Папа Иннокентий III сделал официальное предупреждение французскому духовенству о недопустимости принятия поддельных реликвий, а монахи каждого монастыря не стесняются оспаривать подлинность практически любой реликвии, если только она хранится в соседнем и конкурирующем аббатстве!

"Переводы" реликвий

Если же реликвии подлинные, то невозможно преувеличить их желанность. Они изготавливаются на сайте по многочисленным праздникам, и часто объявляется особый праздник, когда они "переводятся". Тогда можно увидеть, как мощи какого-нибудь святого проносят по улицам деревни или города, сами святыни несут в золотых коробах под балдахином, в сопровождении всего местного духовенства, причем, возможно, баронам и герцогам всей области разрешается помогать высшим прелатам нести или хотя бы сопровождать священный ларец.

Так были объяснены некоторые особенности религии мирян, скромной и возвышенной. Наконец-то мы можем приблизиться к одному из тех великих институтов, на которых зиждется сила католического христианства. В лиге от замка находится другой великий центр сельской местности - монастырь святого Аликиса.

ССЫЛКИ:

[84] В известном романе об Аукассине и Николетте Аукассин жалуется, что если он не может получить свою возлюбленную, то ему все равно, как попасть в рай. "Ведь туда идут и престарелые священники, и старые калеки, и увечные, которые весь день и всю ночь кашляют перед алтарями... которые голые, босые и полные язв. *Но в ад я пойду!* Ибо в ад уходят честные клерки и великие воины..... И туда же идут прекрасные и обходительные дамы, у которых есть подруги, две или три вместе с их женатыми лордами!" Это было достаточно кощунственно, но не атеистично.

[85] Это было очень похоже на покаяние, наложенное на Генриха II после убийства Томаса Бекета в Кентерберии.

[86] Эти пьесы могли быть гильдийными или даже гражданскими, с преобладанием светского элемента среди актеров.

[87] Его настоящая "мудрость", вероятно, заключалась в превосходном знании математики.

[88] Этот маг и ведьма, очевидно, использовали почти те же средства, чтобы "омрачить" свою жертву, что и волшебник Роберта из Артуа, когда (в 1328 году) этот великий дворянин пытался уничтожить свою тетку Махо.

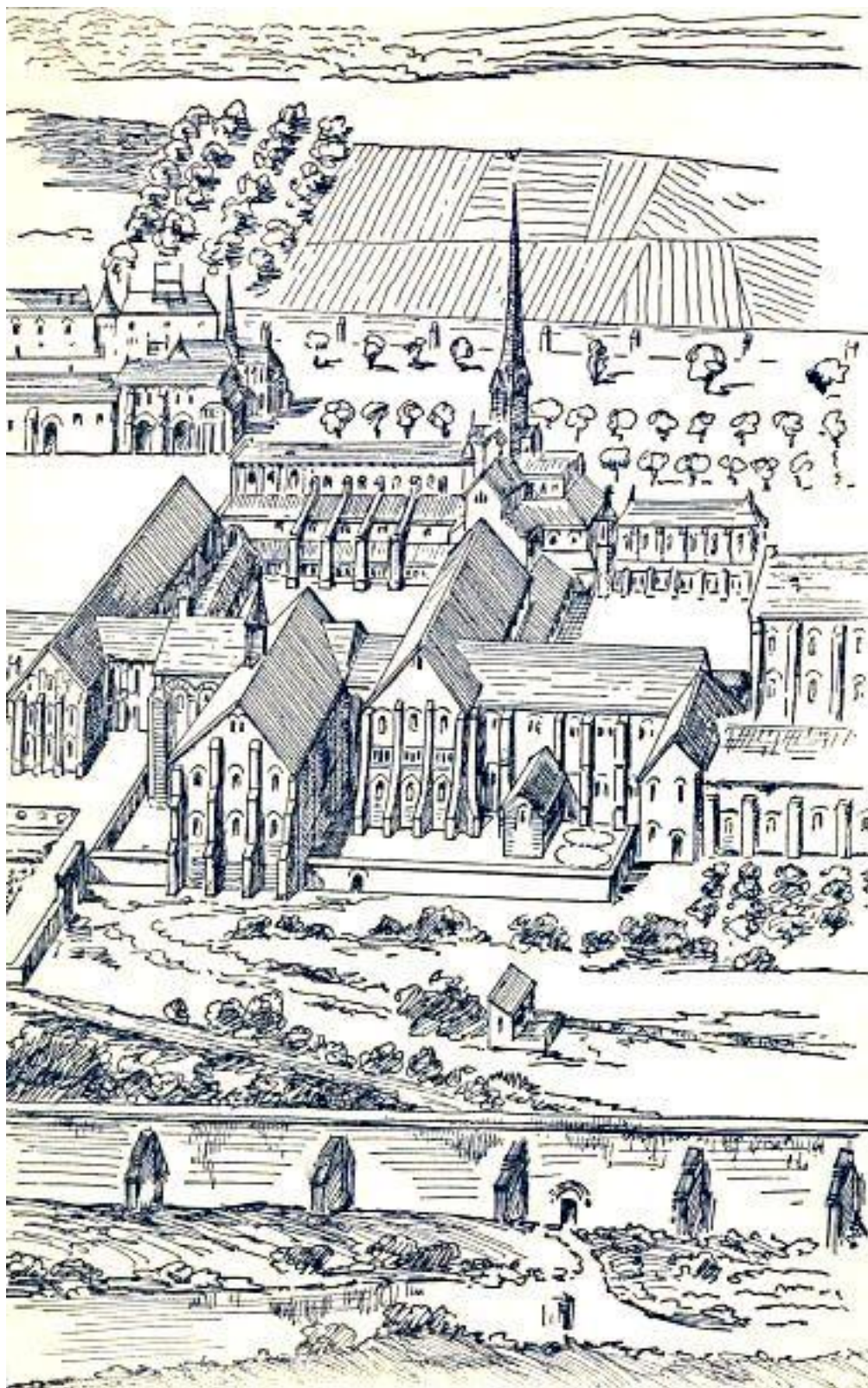
Глава XIX: Монастырь Святого Аликиса[89] : Здания. Организация. Неуправляемое аббатство.

Великий святой Бернар так писал об этом монастыре: "Хорошо нам жить там, где человек живет чище, падает реже, поднимается быстрее, ступает осторожнее,

отдыхает надежнее, умирает счастливее, получает отпущение грехов легче и награду обильнее".

Время от времени в замке Сент-Алики говорят: "Такой-то и такой-то кавалер стал монахом!" Тогда раздаются возгласы изумления и, возможно, невнятные замечания, но даже Конон в глубине души задается вопросом: "Не выбрал ли он, в конце концов, лучшую партию?" в тот самый момент, когда он бурно обсуждает "жадных монахов" перед своими сыновьями. Монастырь - это великий пункт допроса, поставленный перед замком. Замок говорит: "Охота, турнир, азарт феодальной войны - это все для человека. Кто знает о будущем?" Монастырь отвечает: "Есть королевство не от мира сего, где барон и холоп должны проводить эоны. Готовьтесь к нему!" Вероятно, монастырь прав.

ВИД НА АББАТСТВО XIII ВЕКА

Слева от него - здание для гостей, а перед ним - церковь; за двумя клуатрами - здания, предназначенные для монахов; на переднем плане - сады аббатства и внешняя стена.

Монастырь Святого Аликиса существует уже много веков. Это бенедиктинский монастырь, то есть его правила (система управления и дисциплины) исходят от знаменитого святого

Бенедикта Нурсийского, жившего в Италии в VI веке. С тех пор было основано множество новых монашеских орденов, но ни один из них не является более святым, чем бенедиктинцы, когда они действительно живут в соответствии с идеалами своего основателя. Бароны Сент-Алики и другие богатые люди время от времени одаривали монастырь обширными землями. Это мимолетно богатое учреждение.

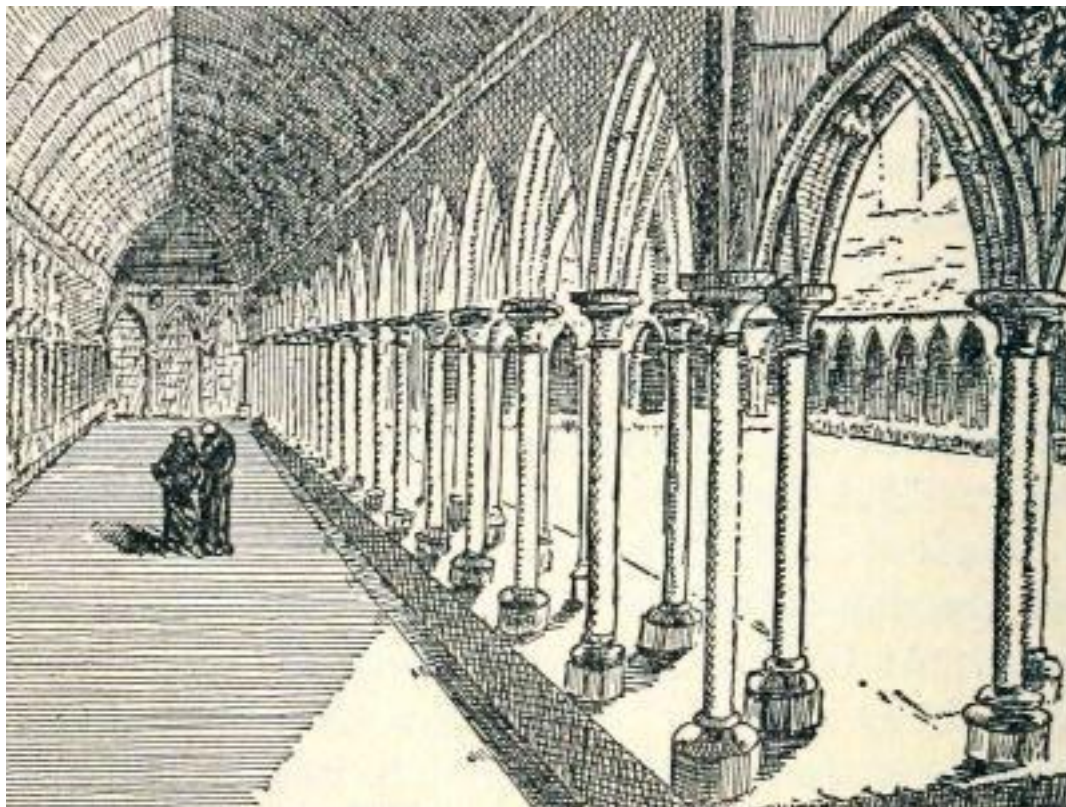
Невежественные люди других эпох могут думать о монастыре как о собрании бездельников, размышляющих о небесах и живущих на благотворительность. Возможно, такие группы когда-то и существовали в восточных землях, но никогда - в бенедиктинских монастырях. В каждом из них кипит насыщенная жизнь. Здесь ведется множество производств. Монахи находятся почти на самообеспечении. Монастырь, по сути, вносит большой вклад в экономическую жизнь региона, чем замок, а аббат Виктор, его глава, едва ли менее важен, даже в мирском смысле, чем мессир Конон, с которым, к счастью, он сейчас находится в теплых отношениях.

Здания аббатства

Монастырь, однако, представляет собой учреждение, четко выделяющееся на фоне других. Он находится в мире, но не принадлежит ему. По дороге от замка вы попадаете на необычайно хорошо возделанные поля. Это часть земель аббатства. Затем вы попадаете в небольшую деревню, сравнительно чистую и хорошо построенную, где живут со своими семьями мирские слуги монахов. Далее прямо перед вами возвышается мощная крепостная стена широкой окружности, окруженная заполненным водой рвом. За этой стеной виднеются шпили и пинакли вычурных зданий. Стена нужна для того, чтобы отражать нападения банд безбожников, мечтающих даже о разграблении монастырей. Здесь есть разводной мост, порткули и крепкие ворота. Внутри вы оказываетесь в маленьком мире. В центре находится не донжон, а новая монастырская церковь - элегантное остроконечное строение, почти равное небольшому собору. Вокруг нее сгруппировано множество зданий - как правило, длинных, высоких и узких. Это дортуары, трапезная, клуатры для прогулок и занятий монахов, а также множество менее красивых амбаров, складов и рабочих помещений. Здесь есть большой сад, где с любовью ухаживают за редкими травами и цветами, и фруктовый сад, где с необыкновенным мастерством прививают фруктовые деревья. В удобном уголке можно увидеть скотобойню, кожевенный завод (на безопасном расстоянии от сада!) и здание, где прядут и ткут одежду для монахов из льна и шерсти, выращенных на землях аббатства. Таким образом, монахи Сент-Аликиса - не заурядные отшельники.

Некоторые монастыри действительно представляют собой небольшие города. В знаменитом монастыре Ключи проживает четыреста монахов, в Клерво - семьсот, в Везеле - восемьсот. Святой Аликиз довольствуется ста пятьюдесятью братьями, но и этого количества (плюс служители-миряне) достаточно для оживленной общины. Как уже было сказано, центром всей ее жизни является аббатская церковь. Без церковного здания монастырь практически невозможен. Хор постоянно нужен для чтения канонических часов; требуется много алтарей, чтобы монахи, находящиеся в священном сане, могли часто совершать мессу; большие процессии вокруг нефа - часть рутины, особенно по воскресеньям. Аббат Виктор, как и все его предшественники, напрягает все силы, чтобы собрать средства на благоустройство своей церкви. В ней хранятся бесценные реликвии святых. Однако трудно убедить мирян в их исключительной святости, если они не помещены в великолепное здание. Монахи конкурирующих монастырей всегда с завистью сравнивают свои церкви. Виктор задумал расширить трансепты и установить новое окно с розой. Только бы некая благочестивая наследница из Шампани была призвана на небо!

Монастыри аббатства

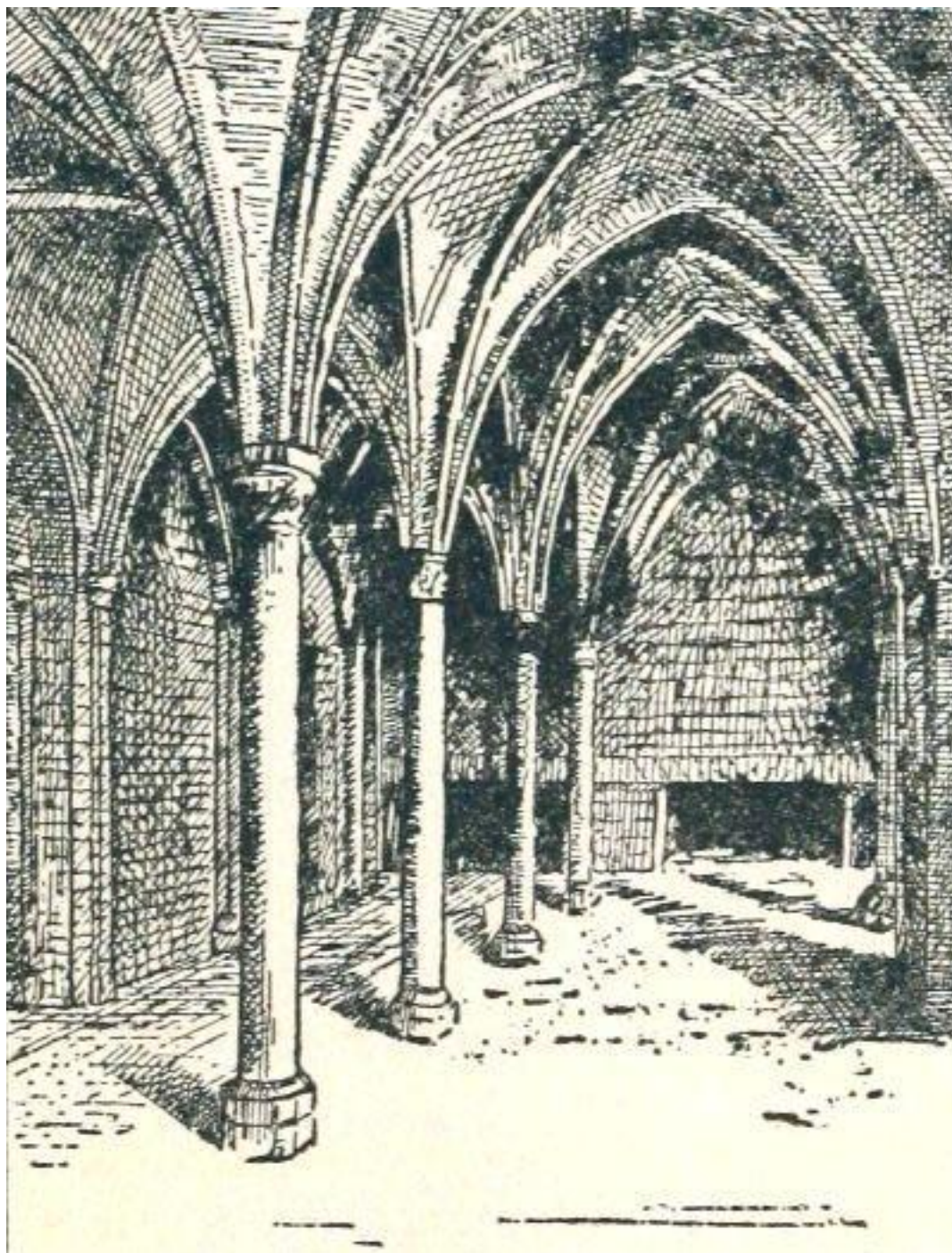
ГАЛЕРЕИ МОНАСТЫРЯ АББАТСТВА МОН-СЕН-МИШЕЛЬ (XIII ВЕК)

В хоре находится длинный ряд столов, по одному для каждого монаха в порядке старшинства. Аббат восседает в государственном кресле на южной стороне; настоятель, его главный лейтенант, стоит перед ним на северной. С одним трансептом церкви связан клуатр. Он представляет собой прямоугольный двор. Его четыре хода покрыты крышей, ближайшие к двору стены пронизаны открытыми аркадами. Колонны, поддерживающие эти аркады, украшены прекрасной резьбой с флорированными капителями, каждая отдельная колонна представляет собой отдельное произведение искусства, выполненное с любовью и немного отличающееся от своих соседей. Три хода монастыря, которые не касаются церкви, примыкают к очень нужным зданиям - , где собираются братья, трапезной на стороне, противоположной церкви, и общежитию. Ближайший к церкви ход - место, где монахи должны проводить время, отведенное для благочестивых размышлений. Она обращена на юг, и большое строение позади отсекает ледяные ветры. Поэтому в холодную погоду это приятное место. С внутренней стороны этой части монастыря есть множество маленьких альковов, проделанных в массивных стенах; здесь монахи могут заниматься или даже беседовать, не мешая другим.

На монастырском дворе находится примечательный объект. Если бы святые братья не владели им, крестьяне объявили бы, что в него вселился дьявол, хотя сейчас такие механизмы встречаются все реже. На циферблате отмечены двенадцать часов, и с помощью хитроумной системы шкивов и гирь часы показывают, когда наступает полдень или полночь, не ориентируясь на смещение теней или движение звезд. Здесь даже есть колокола, которые звонят каждый час, что очень удобно.^[90] Монахи гордятся этим устройством почти так же, как и реликвиями некоторых менее значимых святых.

Книги, которые отнимают у монахов так много времени, хранятся в шкафах в альковах монастыря, поскольку это не цистерцианский монастырь, где всегда есть отдельная

библиотека. Из клуатра можно попасть в дом главы. К этой большой продолговатой комнате было приложено почти столько же усилий, сколько и к церкви. Потолок красиво рифленый и сводчатый. Аббат сидит на возвышенном сиденье в восточной части, а все его служители - справа или слева. Остальные братии сидят на каменных скамьях, расставленных вдоль стен, а в центре пола стоит стол, за которым ежедневно читается "лекция" из жития мучеников или глава (отсюда и название комнаты) из святого Правила святого Бенедикта - документа, лишь немногим менее авторитетного для монахов, чем Священное Писание.

ТРАПЕЗНАЯ В АББАТСТВЕ МОН-СЕН-МИШЕЛЬ (XIII ВЕК)

Затем следуют другие помещения. *Предполагается, что* в монастырях должно быть очень тихо для учебы и медитации. Но грешная плоть требует выхода. Отправляйтесь в парлор (place of *parle*) - хорошую по размеру комнату, куда купцы могут принести свои товары. Подприор может обсудить болезнь некоторых свиней на фермах, а святые знают, как много

личных сплетен может быть разбросано. Далее находится дортуар - большая открытая квартира, где кровати монахов стоят у стен между многочисленными окнами, так что ноги спящих направлены двумя длинными рядами к центральной линии комнаты. Тихое место, но ночью, когда несколько десятков братьев храпят все вместе, какой покой остается для чужака? В любом случае, уединения здесь практически нет, ведь мало у кого из монахов есть отдельные спальни.

Трапезная, кухня и лазарет

Рядом с клуатром находится трапезная - зал без нефов с деревянной крышей. В восточной части находится высокий стол для офицеров - все помещение напоминает большой зал в замке. Большинство братии сидит за длинными столами, которые тянутся вверх и вниз по залу; рядом с высоким столом находится еще более высокая кафедра, к которой ведет винтовая лестница. Здесь монах заунывно читает латинскую проповедь, в то время как его соратники должны молча есть и слушать.

К трапезной примыкает кухня с большими каминами. При входе в столовую, как и в замке, находится умывальник - большой каменный бассейн со множеством кранов, удобный для мытья рук. Поскольку некоторые братья непременно болеют, здесь есть отдельный лазарет - хорошо обустроенный номер с местами для сна, обеда и даже маленькой часовней для тех, кто слишком слаб, чтобы добираться до церкви.^[91] У аббата есть собственные апартаменты, где он может принимать знатных гостей, хотя от него ожидают свободного общения с собратями-монахами, а не уединенного величия. Менее знатных гостей размещают в специальном *гостеприимном доме* во дворе. Монастырь не отказывает ни одному прилично ведущему себя путнику, но хозяин постояльцев, старый хитрый религиозник, естественно, предоставляет лучшие покои и ужин тем, кто, скорее всего, положит отказника в ящик для милостыни, чем тем, кто, возможно, только что сбежал от проректора.

Это лишь краткое описание важных зданий заведения. Если бы Сент-Аликвис был цистерцианским монастырем, следовавшим правилу святого Бернарда Клервоского, его постройки были бы предельно простыми - никаких мозаик, витражей, шелковых занавесок или цветочной резьбы в церкви; и ничего другого, что могло бы отвлечь монахов от размышлений о небесных тайнах. Он строго сказал: "Произведения искусства - это идолы, уводящие от Бога, и годятся в лучшем случае для назидания слабым душам и мирским людям". Бернар был великим святым, но не все следовали этому суровому учению. Монахи Сент-Аликиса, в свою очередь, уверены, что Небеса радуются каждый раз, когда они добавляют новый каменный лист к неувядающей листве на арках монастыря или вырезают историю Давида и Ионафана на большом грецком орехе, стоящем за креслом настоятеля в доме главы.

МОНАХ-БЕНЕДИКТИНЕЦ (ТРИНАДЦАТЫЙ ВЕК)

Из рукописи, хранящейся в Национальной библиотеке. Он одет в рясу - одеяние с широкими рукавами и капот.

Монахи Святого Аликиса, будучи бенедиктинцами, являются "черными монахами". Если бы они были цистерцианцами, то были бы "белыми монахами", то есть в белых рясах и капотах. Капот - это громоздкое одеяние, закрывающее все тело, но его надевают только на

торжественные церемонии. Обычно монахи носят черные скапулярии, закрывающие голову и тело менее полно. У них также есть короткие накидки в стиле мантии. Ежегодно им выдается новая верхняя одежда, каждые восемнадцать месяцев - новая дневная обувь, раз в пять лет - новые сапоги, раз в четыре года - новая пара шерстяных рубашек. Им также положены тонкая и толстая туника, плащ на меховой подкладке для холодной погоды, нижняя рубашка и кальсоны - словом, никакой глупой роскоши, но и никакой абсурдной строгости.

Аббат: Центр монашеской жизни

Контроль над всей общиной возложен на настоятеля. Согласно монашеским правилам и обетам, монахи обязаны ему беспрекословно повиноваться. Если он практичный, эффективный человек, то все учреждение счастливо и процветает; если же наоборот, то оно вскоре оказывается в долгах, имущество растрачивается, монахи живут дурно или дезертируют, а все место часто разоряется. Аббатства похожи на сеньории - они либо растут, либо уменьшаются. Многие церковные каноны запрещают аббатам злоупотреблять своим положением, жить роскошно, расточать имущество аббатства или предпринимать важные шаги, не посоветовавшись со старшими монахами, но такие постановления трудно привести в исполнение. К счастью, глава Сент-Аликиса - аббат Виктор - умеренный, добродушный, но при этом по-житейски мудрый человек. Он был младшим сыном мелкопоместного дворянина, и в монастырь его занесло по той причине, что его мирское наследство было бы очень небольшим. Однако монашеская жизнь пришлась ему по душе. Он стал популярен среди крестьянской братии, но никогда не позволял им забыть, что его родители были мягкими. Как настоятель он знал, как вести себя с Кононом и другими сеньорами. Когда старый вождь умер, все монахи, собравшиеся в доме главы, воскликнули: "Пусть Виктор будет нашим аббатом!" С тех пор, несмотря на неизбежное ворчание, он правит достойно, избегая как цистерцианской строгости, так и той расхлябанности, которая сделала некоторые монастыри гнездами скандалов.

По торжественным случаям Виктор носит митру с золотой бахромой, хотя она не украшена жемчугом, как у епископа. У него также есть красивые перчатки (особые эмблемы его должности), крозер (пастырский посох) и перстень. В управлении ему помогает целый корпус офицеров. Прежде всего, это настоятель, назначаемый аббатом и старшим лейтенантом аббата, который является заместителем своего начальника и главным управляющим делами.^[92] Далее следует субприор, третий по старшинству; затем третий и четвертый приоры, известные как *circatores*, потому что им приходится совершать частые инспекционные обходы; под ними - *прецептор*, отвечающий за пение и песнопения; *ризничий*, ответственный за колокола, светильники и украшения церкви; все заведующие кухней, складами, лазаретом и монастырскими финансами. Есть также гарнерер - пронцательный монах, который собирает зерно, причитающееся с земель аббатства, и либо выгодно продает его, либо передает кладовщику (*келереру*).

Распорядок дня монахов

Деятельность монахов многообразна, но в действительности все подчинено обязанности петь святыя службы в церкви. Братия ложится спать, даже в зимнее время, на закате. Затем при свете крессетов - чаш с маслом и плавающими фитилями - они встают в полночь, облачаются, садятся на каменные сиденья в обоих концах общежития, а затем молчаливой процессией проходят в большую темную церковь. Там они отпевают длинную службу, под мрачными сводами которой грохочет орган, - служба становится еще длиннее из-за молитв за умерших. Так же торжественно, как и раньше, они возвращаются в общежитие и спят до

рассвета зимой, до восхода солнца летом; после этого все снова поднимаются, идут в церковь и поют Prime. Тирс следует около 9 утра, Секст - в полдень, Нонес - в 3 часа дня, а Вечерня - на закате. Так продолжается каждый день на протяжении всей жизни. Неудивительно, что все монахи знают наизусть свои службы на день и ночь, как указано в бревиарии.

После прайма в доме главы проводится собрание. Читается раздел из Правил, настоятель или настоятельница отменяют работу для каждого монаха, могут быть высказаны индивидуальные жалобы, а также исправления и публичные упреки со стороны служителей. На Тирсе служит месса; затем утренняя работа продолжается до Секста, после чего принимается первая обычная трапеза, хотя более слабым братьям разрешается немного хлеба, смоченного вином. Разговоры во время трапезы не поощряются, но, тем не менее, много шепчутся, пока чтец (которому разрешено есть раньше) пытается сосредоточить внимание на кафедре. Затем братья встают и поют молитву, заканчивая "Miserere", которую поют в процессии, шествующей по монастырю. После этого все удаляются в общежитие и наслаждаются сиестой, пока не наступит время нонса. Далее работа возобновляется до вечерни, которая совершается перед ужином. После ужина - еще одно собрание в доме главы, с чтением из благочестивой книги. Затем снова в церковь для пения Complimenta; после этого (поскольку Святой Аликиз - хорошо организованный монастырь) все монахи вынуждены сразу ложиться спать и не вставать для плотских разговоров. Все двери заведения надежно заперты. Служители совершают обход, чтобы убедиться, что каждый монах в безопасности на своей койке, и так вся братия устраивается на ночь.

Таким образом, жизнь в монастыре обретает строгий распорядок, который вскоре входит в привычку у большинства обитателей. Конечно, от монахов, работающих в поле, не требуется приходить на все дневные службы - они могут бросить свои инструменты, когда зазвонит большой колокол, и молиться в тишине, благоговейно стоя. В женских монастырях действует примерно такое же разделение времени, хотя капелланы должны приходить, чтобы совершить мессу. Единственное, что впечатляет каждого посетителя хорошо управляемого монастыря, - это сильное чувство порядка по сравнению с беспорядком и грубой неформальностью, характерными даже для лучшего замка. Для определенного типа ума эта регулярность неопишимо увлекательна, помимо вопроса о ее преимуществах в религии.

Если спросить, как разные братья святого Аликиса попадают в его двери, то это значит задать столько же индивидуальных вопросов. Аббат типичен для многих компаньонов, которые попали туда, потому что мирские перспективы были невелики, и потому что их благоразумно побуждали родственники. Иногда давление не было мягким. Есть несколько братьев, которые кажутся недовольными людьми без призвания, страдающими от бесповоротных обетов, данных практически по принуждению, и жаждущими вернуться в мир. Есть также один грубый, покрытый шрамами старик, который был рыцарем-разбойником. "Тонзура или эшафот?" - так поставил вопрос герцог. Для такого человека монастырь - не что иное, как почетная тюрьма. Есть, однако, еще два-три пожилых бывших кавалера, которые находятся здесь по более веской причине - их переполняет сознание своих преступлений, и они искренне стремятся искупить свою душу. Значительная часть монахов - благочестивые, хотя большинство - недворяне. Однако если они принадлежат к последнему классу, то перед поступлением их подвергают тщательной проверке, чтобы убедиться, что они будут полезными членами общества. Если же это просто клоунские крестьяне, то их часто берут только в качестве *conversi* (братьев-мирян), которые учат несколько молитв, но большую часть времени проводят на фермах аббатства и не спят в общежитии.

Причины вступления в монашество

Большинство монахов, очевидно, добровольно вступают в монашество в раннем возрасте - потому что их отталкивает суматоха и тяготы мира, потому что они тянутся к интеллектуальной жизни и потому что они искренне стремятся к освобождению своей души. После череды праздников, турниров и вылазок многие молодые рыцари, внезапно отвернувшись от них, заявляли своим спутникам: "Какая выгода? Где я проведу вечность?", прощался со своей возлюбленной дестрером и стучался в двери монастыря. Иногда он слишком поздно осознавал свой выбор. Чаще всего в этом новом мире песнопений, торжественных служб, книг, честного труда, ласковых слов и тишины он находил удовлетворение, которого не было у его брата, все еще остающегося messire the seigneur.

В монастыре есть, однако, несколько совсем юных мальчиков, которые, надо надеяться, окажутся довольны своей профессией. Их родители или опекуны привели их к аббату и от имени своих подопечных произнесли обеты, которые навсегда связывают беспомощных детей. "Я отдаю этого моего сына (читается формула) Всемогущему Богу и Деве Марии для спасения моей души и душ моих родителей..... И да пребудет он в этой святой жизни все дни свои до последнего вздоха". Мудрейшие братья искренне молятся о том, чтобы эти практически осиротевшие мальчики не стали источником печали для себя и раздора для общины в последующие годы.[\[93\]](#)

Святой Аликвис - хорошо организованный монастырь. Однако его монахи с некоторым фарисейским удовлетворением указывают на некоторые соседние заведения. Говорят, что "десять злоупотреблений в монастыре - это дороговизна жизни, выбор пищи, шум в обители, раздоры в капитуле, беспорядок в хоре, пренебрежение дисциплиной, непослушная молодежь, ленивые старики, строптивые монахи и мирские офицеры". Утверждается, что все эти и еще худшие пороки существовали в монастыре Сент-Озон, расположенном в пяти лигах от него. До двадцати лет назад эта община имела прекрасную репутацию святой. Тогда глупый аббат принял в монастырь слишком много "младших сыновей", которых заставляли поступать туда их родственники. Герцог также неосмотрительно помиловал целую банду разбойников при условии, что "они станут верующими". Кроме того, несколько корыстолюбивых кавалеров намеренно вступили в орден, грешно рассчитывая на то, что влияние семьи позволит им стать аббатами или епископами - должностями, имеющими большое мирское значение. Таким образом, наш старый враг, Сатана, вошел в Сент-Озон. По всем данным, он до сих пор отказывается быть изгнанным.

Беспорядочный монастырь

Дурная весть об этом монастыре вскоре дошла до Рима, и святой отец, глубоко опечаленный, приказал епископу Пондебуа посетить это заведение и восстановить дисциплину.[\[94\]](#) Хорошо, что он взял с собой отряд вооруженных сержантов, иначе разъяренные обитатели монастыря закидали бы его камнями. Монахи Сен-Алике в ужасе поднимают руки при одном только рассказе о его открытиях. Часть отчета епископа гласит следующее: "Брат Регно обвиняется в великой нечистоте жизни. Бартоломе, помощник кантора, часто напивается и не встает на утреннюю службу. Роже, третий приор, часто посещает таверны. Жан, четвертый приор, - заядлый выпивоха. Морель, еще один помощник кантора, склонен к ударам и злословию. Фирмин, управляющий землями аббатства, делает то же самое и т.д."

Однако эти обвинения - всего лишь детали. Настоящая печаль заключается в том, что вся организация Сент-Озона, начиная с аббата, полностью отошла от монашеского идеала

"школы для служения Господу" (по выражению святого Бенедикта). Настоятель был не только очень мирским, но и очень скупым. Недавно один жонглер попросил гостеприимства в Сент-Озоне. Монахи предложили ему лишь черный хлеб и воду, хотя их собственный ужин был куда более роскошным, чем "два приготовленных блюда и полпинты вина", разрешенные бенедиктинским правилом. Покидая аббатство, менестрель встретил аббата, который возвращался из Парижа, чтобы попытаться счастья в политической жизни. Он горячо поблагодарил прелата за благородное гостеприимство монахов, ведь они угостили его отменным вином, богатыми блюдами и, наконец, подарили хорошие башмаки и пояс. Аббат вернулся домой в ярости и приказал выпороть своего гостя-хозяина за растрату монастырского имущества. Менестрель, конечно же, разнес историю о его мести и тем самым косвенно послужил поводом для посещения заведения.

Кроме того, епископ сообщил, что из Сент-Озона многие монахи странствуют по стране "с блуждающими ногами" - как простые религиозные бродяги, взявая милостыню с крестьян, а иногда имея при себе письма от настоятеля, позволяющие им покинуть монастырь по своему желанию. Сам аббат, вопреки канонам, устраивал сложные охоты с ястребами и гончими. Церковный закон лишь разрешал монахам убивать кроликов и ворон, опасных для урожая; но епископ обнаружил в святой обители псарню с огромными собаками и сноп кабаньих копий. Питание в Сент-Озоне соответствовало замку. В пятницу подавали оленину, а количество выпитого вина поражало воображение. Женщины никогда не должны ступать на порог монастыря, но, чтобы избавить церковь от дальнейшего скандала, они скрывают, что епископ обнаружил в этом заведении.

Монахи из Сент-Озона также бросают упреки своим более честным собратьям в других местах. Один из них, посетив монастырь Святого Аликиса, как выяснилось, жаловался: "В трапезной нельзя разговаривать, а в церкви всю ночь "бьют" канцелярии. Питание очень скудное; нам дают бобы и яйца в скорлупе. Вино слишком жидкое и смешано с коровьим питьем (водой). Нет, я никогда не смогу напиться *этого* вина. В Сент-Алике лучше умереть, чем жить!"[95] Другой брат, по-видимому, скитался по герцогству, навещая более безалаберных сеньоров, становясь их благосклонным спутником, ублажая их женщин и хвастаясь, что его идеал жизни - "большой лосось на ужин и сидение у фонтана с приветливой дамой".

С такими монахами можно было совершить настоящее святотатство при совершении священных обрядов. Рассказывают, что на утренней службе все они были очень сонливы. Вскоре их головы падали на богослужебные книги в конце каждой строки. Ожидалось, что мальчики из хора будут продолжать петь; но последние, нечестивые молодые смертные, вскоре научились начинать тихие игры, как только последний монах засыпал. Затем, когда истекало положенное время, мальчики громко зывали: "Благословим Господа!". "Слава Богу!" - отвечали монахи, пробуждаясь от сна, а затем все расходились по своим местам.

Дисциплина непокорных монахов

Доклад епископа, вероятно, вызовет одно из двух распоряжений из Рима: либо Святой Отец назначит нового настоятеля, которому будет строго предписано управлять монастырем с помощью железного прута и восстановить дисциплину, либо все заведение будет разрушено как безнадежное, а его обитатели распределены по другим, более строгим монастырям. Случаи, подобные случаю в Сент-Озоне, редки, но они порождают бесконечные скандалы и служат источником возмутительных историй для жонглеров. Пока существует монашество, будут существовать учреждения, страдающие от праздности и роскоши - "похоти плоти, похоти очей и гордости житейской". Несомненно, ни один монастырь не свободен от злых

мыслей и дурных поступков, но все же жалко, что святые позволяют существовать таким заведениям, как Сент-Озон, чтобы приводить в презрение десятки тысяч монахов, которые пытаются искренне служить Богу.

ССЫЛКИ:

[89] В этих главах термины "монастырь", "аббатство" и "женский монастырь" используются как синонимы. Конечно, термин "монастырь" (от "conventus", или "собрание") может также использоваться для обозначения женского монастыря. Приорат" обычно был меньшим по размеру учреждением, управляемым настоятелем, а не аббатом (см. с. 322), и зависящим от какого-то более крупного "аббатства".

[90] Часы, работающие исключительно от гирь, были известны еще во времена Карла Великого, а знаменитый "маг" папа Сильвестр II (см. с. 303) изучал их механизм. К XIII веку они постепенно вошли в обиход. Конечно, сначала у них была только одна стрелка, показывающая часы.

[91] По своей природе монастырь должен был содержать непропорционально большое количество дряхлых стариков или больных и беспомощных людей. Их так и называли - "*стагнарии*" или "*станционарии*". Кроме того, монаху полагалось четыре-пять раз в год брать кровь для поддержания здоровья. Во время восстановления после этой операции он мог оставаться в лазарете.

Церковь обычно отвергала кандидатов в священники, страдающих серьезными физическими недостатками. Монастырям приходилось быть менее разборчивыми. Поэтому они, вероятно, получали больше, чем свою долю слепых, полуинвалидов, слепоглухих, глухонемых и т. д. Говорят, что в 1161 году в аббатстве под Булонью было так много хромых, одноглазых и одноруких монахов, что аббат отказывался принимать новых дефективных в течение тридцати лет. Вероятно, это был крайний случай.

По аналогичным причинам многие женщины, неспособные выйти замуж из-за физических дефектов, были помещены в женские монастыри.

[92] В монастырях, связанных с великим аббатством Ключи, высшим должностным лицом был приор; единственный аббат на всю группу заведений находился в Ключи. В других небольших зависимых монастырях был только настоятель, предположительно зависящий от аббата в вышестоящем монастыре.

[93] Хотя иногда таких детей отдавали в монастырь из искреннего благочестия, чтобы спасти свои души или искупить души своих родственников, часто их отдавали в монастырь, чтобы избавиться от нежелательных наследников или избежать расходов на их воспитание. Разумеется, мудрые аббаты тщательно отсеивали такие случаи.

[94] Теоретически епископы имели право на инспекцию, если только монастырь не имел прямой папской грамоты; но в любом случае монахи, вероятно, решительно сопротивлялись бы епископскому вмешательству, если бы Папа не дал епископу особых указаний вмешаться.

[95] Эти жалобы совпадают с теми, которые в действительности были высказаны мирским монахом, посетившим почтенное аббатство Ключи.

Глава XX: Монастырь святого Аликиса: Деятельность его узников. Монашеское обучение.

После того как монах дал великий обет "отречься от родителей, братьев, друзей, имущества, суетной и пустой славы мира сего... и отречься также от собственной воли ради воли Божией, и принять все тяготы монашеской жизни", как ему следует заниматься? Ведь, как с великой мудростью писал святой Бенедикт, "*праздность - враг души*". Древние отшельники посвящали все свое время созерцанию, надеясь на видения ангелов; но слишком часто случалось, что им являлись лишь видения дьявола. "Поэтому, - продолжает святое Правило, - в определенное время братья должны заниматься ручным трудом, а в определенное время - священным чтением". Таким образом, в целом монахи святого Аликиса заняты двумя великими делами - *работой* в поле и *учебой*, копированием или написанием выгодных книг.

Завещания монастырям

Монастырь богатый, его управление составляет большую мирскую заботу. С тех пор как это учреждение появилось, примерно в то время, когда Гериберт сделал этот регион достаточно безопасным, возведя свою крепость, монахи постоянно пополняли свои владения. Церковные устои никогда не умирают. Мортмейн не дает им разрушиться. Доход можно получить из многих источников, но, вероятно, лучшие земли пришли в аббатство благодаря приему новых членов. Мало кто принимает послушников, если они не передают все свое имущество учреждению, и, хотя большинство младших сыновей и крестьян не имеют достаточно средств, время от времени аббатство принимает человека со значительным состоянием. Кроме таких приобретений, для мирян нет лучшего способа погасить задолженность перед ангелом-регистратором, чем дарение аббатству земли или денег. Некоторые из этих даров приходят при жизни, иногда на смертном одре. Знатные люди жалуются, что монахи таким образом обманывают их имущество. "Когда человек ложится умирать, - сетует эпическая поэма "Эрвис де Мец", - он не думает о своих сыновьях. Он призывает черных монахов святого Бенедикта и отдает им свои земли, свои доходы, свои печи и мельницы". Люди этого века обеднели, а клирики с каждым днем становятся все богаче". Нередко человек, находясь на смертном одре, действительно "принимает постриг" и записывается в монахи, передавая, разумеется, аббатству все свое имущество. Это, как нам говорят, "самый сладкий способ для человеческой совести уладить свои дела с Богом".

Таким образом, имущество поступает в аббатство со всех сторон. Никакие дары не отвергаются как "испорченные деньги". Дарение Небесам неизменно является благочестивым поступком и, как правило, оправдывает все те не прямые средства, которые были использованы для получения пожертвования. Так монахи Сент-Аликиса накапливают пахотные земли, луга, виноградники, а часто и арендную плату за земли, принадлежащие другим. Эти ренты выплачиваются пшеницей, ячменем, овсом, скотом, а также правами на пастбища. Некоторые пожертвования даются без условий, другие - с условием, что доход будет использован на милостыню для бедных, приют и утешение для больных или совершение специальных месс за упокой души благодетеля. Поэтому аббату Виктору

приходится контролировать множество ферм, лесов, мельниц и т. д., разбросанных на многие мили вокруг. Он также получает десятину (церковный налог) для пяти или шести приходских церквей в регионе, при условии, что он назначает их священников и содержит их из части этих доходов.

За эти земли аббат несет феодальную службу, и над ними он осуществляет феодальный сюзеренитет, обладая, таким образом, сеньором и вассалами, как и дворяне, владевшие этими вотчинами до их перехода к аббатству. Таким образом, он является обычным сеньором, принимающим и приносящим дань, обязанным поступать справедливо по отношению к своим вассалам и способным призвать их к оружию, когда возникает светская необходимость. По церковному закону он, конечно, не может лично вести их в бой, но должен принять Конона в качестве своего защитника; и именно как защитник (или, как его называют в других местах, *vidame*) аббатства Сент-Алики, способный вести своих многочисленных сторонников в бой и действовать в военных вопросах как вполне самостоятельный лейтенант и защитник аббата, барон обязан многим из своего значения.^[96] Например, он получает треть всех пошлин, выплачиваемых аббатству за обеспечение правосудия среди его иждивенцев, а когда он сам находится в состоянии междоусобицы, то иногда пытается призвать вассалов аббата следовать за его личным знаменем, даже если эта ссора не имеет ни малейшего отношения к монахам.

Тем не менее, такой властный защитник обычно необходим монастырю. Несмотря на страх перед отлучением, недобросовестные лорды часто захватывают земли аббатства и даже грабят священные здания, надеясь позже сгладить ситуацию с помощью подарка или паломничества. Соблазн, возникающий при виде богатого и беспомощного монастыря, иногда почти непреодолим.

Монастырская промышленность и милостыня

В невоенных делах, однако, монахи контролируют все. Они руководят сельским хозяйством сотен крестьян. Они поддерживают настоящую промышленность, производя гораздо больше церковных украшений, облачений, изящных шерстяных гобеленов, сложных книжных обложек, музыкальных инструментов, эмалированных ковчегов, а также резьбы по дереву, бронзе и серебру, чем они могут использовать для своей собственной церкви. Все эти излишки продаются, и третий настоятель только что вернулся из Понтдебуа, чтобы сообщить о своем успехе в продаже прекрасного епископского трона, на изготовление которого брат Октавиан, обладающий большим мастерством работы резцом, потратил целых три года. Монахи также содержат школу, в первую очередь для тех, кто рассчитывает стать клириками, но она открыта и для сыновей дворян и, конечно, крестьян, которые не видят смысла в том, чтобы позволить громоздким мальчишкам, не рассчитывающим попасть в церковь, изучать латынь и бороться с ямщиками и вешалками.

У монахов есть еще одна большая забота и расходы - раздача милостыни, еще более щедрая, чем в замке. Носильщик обязан всегда держать в своем домике небольшие буханки хлеба, готовые раздать странствующим беднякам. Каждую ночь стаи путешественников, высоких и низких, должны быть размещены и накормлены хозяином, и ни один из них не будет отвергнут, если он не потребует четверти на вторую ночь - тогда будут заданы вопросы.^[97] В плохие годы монастырям приходится кормить несчастных тысячами. Все это приводит к большим потерям в доходах, даже если сами монахи живут скудно.

Часто возникает еще один серьезный вопрос, связанный с доходами аббата. Обладая столь многочисленными и разнообразными земельными участками, он почти всегда вовлечен в дорогостоящие тяжбы - с конкурирующими церковными учреждениями, претендующими на собственность, с наследниками дарителей, отказывающихся от ожидаемого наследства, с кредиторами или должниками по коммерческим сделкам аббатства и с корыстолюбивыми соседними сеньорами. "У кого земля, у того и проблемы" - старая пословица, к которой Виктор с радостью присоединяется. Он не так судится, как многие аббаты, но его время, похоже, занято плотскими делами, которые не приносят пользы душе.

Деятельность в большом, хорошо организованном монастыре достаточно обширна, чтобы дать простор индивидуальному гению почти всех братьев, хотя в каждом аббатстве, скорее всего, есть свои особые интересы. Некоторые южнофранцузские монастыри производят и экспортируют редкие сердечные и целебные снадобья. Другие могут похвастаться садоводством, разведением скота или изготовлением всевозможных изящных изделий, как уже отмечалось. Однако только возделывание полей, где братья трудятся бок о бок с мирянами, хотя и выполняют функции надсмотрщиков, отнимает силы у большей части монастыря. Остальное время большинство монахов посвящает обучению. Великий монастырь Ключни подает достойный пример. Там каждый брат, по крайней мере пока он молод, должен упражняться в смирении, копая землю, выдергивая сорняки, очищая бобы и выпекая хлеб. Но эта работа в значительной степени дисциплинирует.^[98] Если у него есть хоть малейшая склонность, его вскоре побудят посвятить себя копированию рукописей, изучению книг, совершенствованию в латыни и, наконец, самостоятельному написанию оригинальных латинских произведений.

Копирование рукописей и изучение

Весь день, кроме времени пения молитв, старшие братья и многие из младших находятся в маленьких альковах вокруг монастыря, конспектируя или переписывая огромные тома на пергаменте или пергаменте, или шепчась вместе над какой-нибудь научной проблемой. Вся официальная литература написана на латыни. До недавнего времени считалось чем-то постыдным показать себя нецерковным, используя вульгарный язык: "романтика" считалась уделом лишь светских дворян и жонглеров.^[99]

ПРЕДМЕТ МЕБЕЛИ, СЛУЖАЩИЙ СИДЕНЬЕМ И СТОЛОМ ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

Восстановлено Виолле-Ле-Дюком по рукописи XIII века. Слева от письменного стола стоит чернильница; рядом с сиденьем - круглый пюпитр, который держит канделябр и может поворачиваться по желанию читающего.

В Сент-Алике, как и в каждом монастыре, монахи до сих пор не прочь поспорить между собой: "Насколько безопасно изучать языческих, а не христианских писателей?"

Несомненно, Гораций, Овидий и Ливий доставляют удовольствие любому студенту, умеющему читать по-латыни. Какое богатство новых идей! Какая удивительная сила языка! Какие просторы странного, удивительного мира открываются перед воображением! Но, к сожалению, все эти авторы умерли, поклоняясь демонам; их души находятся в аду или, по крайней мере, в лимбе, его самом верхнем и наименее болезненном отсеке. Разве не писал папа Григорий I одному епископу, увлекавшемуся классикой: "Не подобает, чтобы уста, освященные для восхваления Бога, открывались для восхваления Юпитера"? Разве Одилон, аббат Ключи, не отрекся от своего любимого Вергилия (, самого любимого из всех языческих писателей) после предостерегающего сна, увидев в нем дивную античную вазу, которая, когда он потянулся, чтобы взять ее, оказалась полна извивающихся змей? Тем не менее, языческие авторы настолько соблазнительны, что монахи упорно продолжают их изучать, хотя всегда с чувством вины за то, что "краденые воды сладки, а хлеб, съеденный втайне, приятен".

В монастырской школе продвинутое обучение получают младшие монахи, а также те немногие миряне, которые прошли начальное обучение *тривиуму* - *грамматике*, риторике и диалектике (искусству рассуждения), преподаваемых, разумеется, на латыни. Затем способных учеников поощряют продолжить обучение под руководством одного или двух монахов с высшим образованием в *квадривиуме* - *астрономии*, арифметике, геометрии и музыке. Систематического обучения чему-либо другому почти никогда не дается, хотя отдельные сведения о некоторых других науках можно почерпнуть в окрестностях Сент-Аликиса.

Учебные книги

Основными учебниками являются грамматика Доната для обучения латыни, а затем, почти для всего того, что притягивает к настоящему обучению, латинские переводы мастера Аристотеля. Долгое время монахам приходилось довольствоваться логическими сочинениями знаменитого грека, объясняющими процессы аргументации, но к 1200 году они могут пользоваться огромным преимуществом, используя латинские версии "Физики", "Метафизики" и "Этики" - великих трудов Мастера Знающих (цитируя Данте, писавшего восемьдесят лет спустя). Некоторые из этих книг были переведены непосредственно с греческого, но другие были искажены в результате прохождения через арабскую версию, которая, в свою очередь, была переведена на латынь. Существуют также различные арабские комментарии, представляющие значительную ценность. Любопытно, конечно, что Небо, отказавшее в спасении и греку, и мусульманину, должно допустить, чтобы неверующие обладали мирской мудростью, превосходящей мудрость добрых христиан, но в Библии действительно сказано: "Дети мира сего в своем поколении мудрее детей света". Во всех светских вопросах Аристотель является окончательным авторитетом. "Так говорит Аристотель" - лучший способ заставить замолчать любой враждебный аргумент. Лишь в очень редких случаях человек может надеяться своими собственными рассуждениями опровергнуть дикту этого замечательного афинского мудреца.

Большую часть времени студента-монаха занимают абстрактные проблемы филологии и логики. Тем не менее, в аббатстве хранится множество пергаментов, расширяющих познание мира. Например, в "Зеркале природы" Винсента де Бове можно прочесть подробное описание Вселенной и всех вещей в ней. Вы узнаете удивительный факт, что мир - это своего рода глобус, подвешенный в центре космоса. Описаны и многие другие удивительные вещи - например, превращение свинца в золото, а также всевозможные

чудеса, которые не поддаются обычному опыту, но в которых не стоит сомневаться, ведь Бог, конечно же, может все. А можно обратиться к трактату "О зверях и других вещах" Гюга де Сен-Виктора и узнать все о повадках животных - о том, как олень может жить девятьсот лет и как голубь "правым глазом созерцает себя, а левым - Бога". Есть книги и по медицине, часть из которых содержит трезвую мудрость, достойную внимания врачей-убийц, а в других даются такие указания, как то, что поскольку осень - "меланхолический сезон", то люди должны есть более сытно, чем летом, и воздерживаться от любовных отношений.

Что касается более абстрактных наук, то в музыке монахи знают четыре главных и четыре второстепенных звука - *до, ре, ми* - гаммы, семь модуляций и пять струн скрипки. В геометрии они могут с помощью палки, "лежа на земле, находить высоту стен и башен". В арифметике они умеют умножать и делить с большим успехом и ведут счета, как королевские казначеи. В астрономии они понимают движение планет и их качества - Сатурна, который "горд, мудр и честолюбив", и Марса, "злобного и дурного, вызывающего раздоры и сражения", и как солнце подвешено посреди планет, три вверху и три внизу, и много других подобных премудростей; хотя в астрономии нужно действовать осторожно, ибо она тесно связана с астрологией, а от астрологии до черного искусства путь неблизкий.

Научные исследования и составление хроник

Добрые монахи, пожалуй, добились наибольших успехов в ботанике и геологии. Некоторые из братьев собрали коллекции диковинных минералов, трав, а также высушенных шкур птиц и животных, хотя интерес, похоже, заключается скорее в целебных свойствах различных веществ, чем в природе самих вещей. Так, точно известно, что инжир полезен при ранах и переломах костей; алоэ предотвращает выпадение волос; корень мандрагоры заставит женщин полюбить вас; а обилие шалфея в саду каким-то образом защищает владельца от преждевременной смерти. Что касается геологии, то она заключается в сборе и расположении диковинных камней. Разумеется, в Бытие утверждается, что мир был сотворен за несколько дней. Неверный Авинценна действительно выдвинул теорию о том, что горы возникают в результате колебаний земной коры и действия воды. Однако в это трудно поверить. Вряд ли это согласуется со Священным писанием.

С другой стороны, в книгах о животных без обиняков рассказывается об удивительных существах, которые упоминаются в Аристотеля, Плиния или арабов. Хорошо известны единороги, фениксы и драконы, а также морские чудовища, такие как, например, огромные кракены, которые своими щупальцами утаскивают корабли, сирены или русалки, и, наконец, "морские епископы" (вероятно, разновидность тюленей), которые благочестиво "благословляют" свои человеческие жертвы, прежде чем поглотить их.

Помимо изучения этих древних книг, монахи сами пишут некоторые книги. Самая важная из них - большая хроника, начатая несколько лет назад ученым братом Эмери. Она начинается с сотворения мира и Адама и Евы, рассказывает о греках и римлянах, Карле Великом и его наследниках, а затем в гораздо более подробных деталях излагает новейшую историю герцогства Квелькепарт, события в аббатстве, а также многое о баронах Сент-Аликиса. Эмери уже умер, но хроника продолжается из года в год. Это действительно сборник разнообразных сведений. Из нее, например, можно узнать о войнах Юлия Сезара, о крестовых походах, о большой тяжбе десятилетней давности за некоторые земли аббатства, о вражде между Кононом и Фореввертом, о том, как в 1216 году в соседнем баронстве родился двухголовый теленок, а в 1217 году вблизи Пондебуа упал метеорит.

Латынь в этой хронике в целом очень хороша, иногда почти не уступает Ливию, а история украшена постоянными цитатами не только из Вергилия и Горация, но и из Гомера и Платона. Исходя из этого, можно предположить, что авторы были знакомы с греческим языком. Однако это далеко не так. Все цитаты из греческих авторов и многие из латинских взяты из обычных книг. Тем не менее, повествование кажется более изящным благодаря этому заимствованию. Монахи гордятся своей хроникой, и не перестают хвастаться, насколько она полнее, точнее и эрудированнее, чем аналогичные труды, составленные в конкурирующих учреждениях.

Когда монахи не учатся, они часто переписывают. В библиотеке святого Аликиса более двухсот томов. Пергамент очень дорог, но очень долговечен. Когда аббат видит, что ему нужно приобрести материал для очередного тома, он, скорее всего, отправляется в какой-нибудь дружественный монастырь, чтобы одолжить книгу, которой у его монахов еще нет. Тогда несколько самых искусных братьев приступают к работе, делая копию, по возможности более красивую, чем оригинал. Через шесть месяцев или год работа, вероятно, будет закончена, хотя, если дубликат должен быть сделан с уже имеющегося произведения, спешки будет меньше, и процесс может растянуться на годы.^[100]

Копирование - прекрасное средство умиловать Небеса. Святой Бернард выразительно сказал: "Каждое написанное слово - это удар, поражающий дьявола", а Кассиодор, гораздо раньше, утверждал: "Упражняя ум в чтении Священного Писания, вы передаете читающим своего рода нравственное наставление. Вы проповедуете рукой, превращая руку в орган речи - таким образом, как бы сражаясь с дьяволом пером и чернилами".

Пергамент, как мы уже говорили, является дорогостоящим материалом. Чтобы создать одну книгу, должны умереть десятки овец. Однако сейчас в моду входит новый вид писчего материала. Бумага, вещество из льняной ткани, теперь производится в небольших количествах во Франции, хотя, как обычно, кажется, что она была изобретением арабских неверных. Возможно, когда-нибудь бумага станет настолько обильной и дешевой, что книги можно будет размножать огромными тиражами, но пока практически все приходится делать на пергаменте, который, конечно, гораздо менее разрушаем, чем бумага, независимо от стоимости.^[101]

Изящные рукописи и переплеты

В альковах монастыря десятки переписчиков с бесконечным терпением выполняют свою работу. Их вопрос не в том, "как быстро?", а в том, "как хорошо?", ведь они выполняют "работу перед Богом". Как правило, они пишут свои листы в два столбца, делая знаки либо округлым минускулом, либо более квадратным готическим шрифтом. Инициалы выполнены в ярких цветах - некоторые на золотом фоне. То тут, то там может красоваться блестящая миниатюрная иллюстрация. Работа лучших переписчиков отличается прекрасной разборчивостью. Переписчики вкладывают в свои произведения всю душу. Они рассчитывают, что эти тома будут служить памятью об их верности и благочестии спустя много лет после их ухода из жизни.

Когда листы закончены, книгу переплетают в кожу, как и в другие эпохи, хотя иногда боковые стороны делают из дерева. В любом случае, на обложках, скорее всего, будут металлические застежки и латунные бобышки. Некоторые из самых ценных томов украшены пластинами из серебра или резной слоновой кости. Так год за годом пополняется библиотека. Нет нужды говорить о том, что каждый экземпляр *читается* и *перечитывается* с преданным тщанием. Поэтому то, чего не хватает образованию феодальной эпохи в широте, в некоторой степени компенсируется интенсивностью. Старшие и более ученые монахи знают почти наизусть *все*

факты, содержащиеся в их полном собрании. Младшие братья почитают их как носителей в своих головах практически всего значимого в плане житейской мудрости.[\[102\]](#)

Таким образом, мы видим поверхностную и материальную сторону типичного монастырского заведения. В его духовную и интеллектуальную атмосферу мы не можем найти времени, чтобы проникнуть. Наш сегодняшний долг - "вернуться в мир" и осмотреть часто упоминаемый, но до сих пор не посещенный Добрый город Пондебуа.

ССЫЛКИ:

[\[96\]](#) Между аббатами и их защитниками постоянно возникали трения по поводу их соответствующих прерогатив. Если Виктор и Конон уживались в честном согласии, то они были в некотором роде исключительными и как прелаты, и как сеньоры.

[\[97\]](#) См. также с. [319](#).

[\[98\]](#) В таком большом аббатстве, как Ключи, было так много слуг-мирян, что монахи могли обойтись без ручного труда, за исключением тех случаев, когда у них не хватало личных способностей к чему-либо другому.

[\[99\]](#) В результате французский язык успел стать очень сильным и выразительным, не испорченным педантизмом, прежде чем на нем было написано много серьезных книг. То же самое можно сказать об английском, немецком и других современных языках.

[\[100\]](#) Особенно это касается копий Библии, которых в каждом аббатстве должно было быть не меньше одного экземпляра; а дополнительные экземпляры готовились очень тщательно, с намерением сделать новую работу как можно более красивой и постоянной.

[\[101\]](#) Внедрение бумаги, конечно, было абсолютно необходимо, если изобретение книгопечатания должно было иметь какую-то реальную ценность.

[\[102\]](#) Пожалуй, уместно сказать, что Данте (1265-1321), человек, безусловно, незаурядного интеллекта, сумел овладеть *всем фондом* научных сведений и наук, доступных в его время. Этого нельзя сказать о следующем великом ученом Средневековья, Петрарке (1304-71). К его эпохе запас человеческих знаний стал слишком велик для одного мозга. Петрарке пришлось стать специалистом.

Глава XXI: Добрый город Пондебуа: Аспекты и организация.

С наступлением лета Конон, его баронесса и приближенные ежегодно посещают большую ярмарку, которая всегда проводится в это время в Понтдебуа. Практически ничего, кроме пшеницы, скота и некоторых других основных товаров, обычно не покупается и не продается в Сент-Алике или его окрестностях. Конечно, за товарами, которые срочно нужны, можно послать гонца в город, но, как правило, семья барона

откладывает все важные покупки до ярмарки, когда в продажу поступают многие желанные вещи, которые обычно нельзя купить в городе. В нынешнем сезоне ярмарка кажется тем более важной, что из-за дорогих праздников Конон не может позволить себе посетить Париж и вынужден делать покупки поближе к дому.

До Пондебуа всего несколько лье, но мессир путешествует со значительной свитой - не менее двадцати вооруженных людей, хорошо экипированных, а также слуги для себя и своей жены и длинная вереница крупного рогатого скота, чтобы привезти желанные товары, ведь замок должен запастись на год вперед. Барон вряд ли опасается нападения разбойников так близко от собственного замка и дружественного города, но он не рискует. Лучшие сеньоры снимают с себя всякую ответственность за судьбу путешественников, которые едут ночью, а один сеньор, контролирующий несколько миль пути, возможно, спокойно договорился с некоторыми разбойниками, что они могут скрываться в его лесах и следить за дорогами без лишних вопросов, если они воздерживаются от нападений на важных людей и делают ему щедрые подарки на Рождество и Пасху.^[103] Как бы то ни было, несколько купцов, вьючников и других скромных путешественников, благополучно добравшихся до Сент-Аликиса, с радостью завершают путь в грозной компании барона. Конон, в свою очередь, с радостью их защищает: приближение к Пондебуа с многочисленной свитой повышает его престиж.

Дороги здесь не хуже, чем в других местах, но все же отвратительны: большую часть года они представляют собой тропы и грязные колеи, проходимые, как правило, только для лошадей и мулов, хотя летом по ним могут проехать грубые двухколесные повозки. Чтобы пересечь ручьи, которые вы, в некоторых местах приходится переходить вброд, очень опасный в весеннее время. Одна неширокая река, впадающая в Клер, действительно пересечена грубым деревянным мостом. Строительство мостов поощряется церковью. Несколько лет назад епископ провозгласил большую индульгенцию, когда этот мост был построен как благочестивое дело, особенно полезное для паломников. К сожалению, никто не отвечает за его содержание. Он приходит в упадок и уже настолько шатается, что люди, проходя по нему, повторяют формулы, "вознося душу свою к Богу", которые Церковь предлагает использовать при попытках пройти по неустойчивым мостам.

Путешественники и трактиры

На пути вам встретится множество скромных путников, вынужденных преодолевать изнурительные мили. Вот бедный крестьянин, ищущий ферму в далеком селении. У него есть ослик, на котором он везет кое-что из домашней утвари и одного из детей. Его жена с трудом несет младшего ребенка. Сам бедняга пошатывается под большим мешком. Более солидные путешественники ездят верхом на лошадях, с большим почтовым или кожаным портпледом, привязанным к крупу животного. Их ноша тяжела, потому что часто приходится ночевать в отвратительных помещениях, а значит, нужно, по возможности, иметь при себе кремь, сталь и хворост для разведения костра, что-то вроде подстилки и очень часто палатку. Вдоль дороги также можно встретить множество нищих, настоящих или притворяющихся калеками и другими уродцами, которые бродят и живут на подаяние, или слепых с посохами и собаками. Маскировка нищих - излюбленный прием грабителей. А также жалкие люди, которые выкрикивают: "Милостыня, мессир! Милостыня!" и держат за запястье минус руку или указывают на выколотый глаз, вероятно, понесли справедливое наказание за преступления, хотя некоторые из них, возможно, изуродовали себя просто для того, чтобы подействовать на сочувствие доверчивых людей.

По мере приближения к Понтдебуа дома становятся все лучше и ближе друг к другу, а сразу за воротами находится группа таверн, доступных для тех, кто предпочитает веселиться или ночевать не в городских стенах, а на улице. Конон находит гостеприимство у богатого мещанина, который счел благосклонность барона выгодной, и быстро ведет свою компанию внутрь ворот, но многие из более скромных путешественников сворачивают в эти таверны. Адела с аристократическим презрением фыркает, когда они проезжают мимо таких заведений. Они, несомненно, очень грязные, и от них исходит запах несвежего вина и плохой кухни. Хозяева, гладкие, ухмыляющиеся мужчины, стоят у дороги, когда путники появляются в поле зрения, и начинают расхваливать свои пансионы. "Внутри, - зазывает один из них, - всевозможные удобства, расписные палаты и мягкие кровати, набитые белой соломой под мягкими пуховыми матрасами. Это ваше общежитие для любовных утех. Когда вы уйдете на покой, вы уснете на подушках из фиалок, после того как вымоете рот и ополоснете руки розовой водой!"

Однако его жертвы окажутся в грязной общественной столовой, где мужчины и женщины выпивают и закусывают за голыми дубовыми столами. Ночью гости будут спать в немногочисленных покоях, прижавшись друг к другу, а может, и по двое в одной постели, на перьях, не защищающих от паразитов. В задней части большинства трактиров есть сад, где гостям предлагают порезвиться с непривлекательными женщинами, которые посещают эти заведения. Посетителям повезет, если им удастся благополучно уйти, не напившись до беспамятства и не подвергшись ограблению, или если трактирщик заберет их багаж или даже одежду под предлогом того, что они не расплатились.

Оставив эти таверны по одну сторону, компания Сент-Аликиса едет прямо вперед. Перед ним возвышаются шпили и стены Пондебуа. Цепь серых куртин и башен спускается к Клеру, на котором качаются баржи и через который перекинут прочный деревянный мост, давший название Доброму городу. Над стенами виднеются двускатные крыши более претенциозных домов, большой круглый донжон, городская сторожевая башня, и, прежде всего, парящая ткань и величественная масса собора со строительными лесами, все еще окружающими его недостроенные башни. Видны также несколько небольших приходских церквей. Компания барона вынуждена остановиться у ворот - таков наплыв и поток шатких телег, сутулых зверей и людей, протискивающихся через разводной мост. "Дорогу, добрые люди", - кричат оруженосцы Конона. "Дорогу мессиру Сент-Аликису!" - и наконец, не без треска кнутов, чтобы эти механические толпы узнали своих старейшин, партия прокладывает себе путь по узким улочкам.

Въезд в город

Для жителей замка посещение Понтдебуа не в новинку, однако при въезде в город они всегда испытывают ощущение суеты и простора. Здесь восемь тысяч, а некоторые утверждают, что и десять тысяч человек, и все они живут вместе в одной общине.^[104] Как, должно быть, смущаются даже святые, когда смотрят с небес и пытаются сосчитать этот рой молодых и старых, богатых и бедных, мастеров и подмастерьев, собравшихся за одной стеной! По правде говоря, окружность Пондебуа не очень велика; чтобы сделать стены как можно более обороноспособными и сэкономить средства, укрепления были сделаны так, чтобы охватить наименьшую окружность. В результате, земля внутри очень ценна. Дома тесно прижаты друг к другу. Улицы необычайно узкие. Люди едва могут передвигаться, не сталкиваясь с другими, и единственные реальные места для дыхания - это рынок и открытая площадка вокруг собора. За епископским дворцом также есть небольшой сад, обнесенный стеной. В остальном же создается впечатление, что в Пондебуа не растет ни одной зеленой

вещи. Поэтому контраст с открытой местностью, откуда только что прибыли путешественники, просто поразителен.

Даже самые лучшие улицы темные, извилистые и грязные. Тротуары почти не вымощены.^[105] Из окон домов выливаются сточные воды. Отвратительные отбросы, а также кровь и отходы с многочисленных скотобоен. Свиньи пользуются привилегией падальщиков, даже на рынке. Улицы темнее, потому что вторые этажи домов значительно выступают над первыми, третьи над вторыми, а также четвертые и пятые (которые часто существуют) над теми, что ниже. Таким образом, над переулками образуется почти крыша, отсекающая дождь, свет и воздух. На верхних этажах соседи могут не только сплетничать, но и пожимать друг другу руки. Все проспекты также удивительно кривые, как будто каждый когда-то построил свой дом там, где ему было удобно, а потом вокруг него образовался какой-то обходной путь! Ночью эти извилистые проспекты темны как смоль. Без фонаря здесь не обойтись, да и с фонарем лучше, по возможности, оставаться дома. Чтобы предотвратить легкое бегство воров, по ночам принято растягивать по улицам множество тяжелых цепей. Несмотря на это, в черных углах часто скрываются воры.

В Пондебуа мало тихих кварталов. Здесь почти ничего нет, кроме маленьких магазинчиков и небольших производств, которые часто объединены под одной крышей. Магазины, как правило, выходят прямо на улицы, а их прилавки вторгаются в общественное пространство, как восточные базары. Улицы, по сути, кажутся почти собственностью торговцев. Пешие пассажиры с трудом могут найти проход. Телеги не могут проехать по городу в рабочее время, и компания Конона на лошадях могла бы оказаться совершенно заблокированной, если бы ей не посчастливилось прибыть почти точно в полдень, когда шум и суeta внезапно прекращаются и достойные жители Пондебуа оставляют свои прилавки и скамейки, чтобы насладиться сытным обедом.

Дом богатого мещанина

Они добираются до рынка как раз в тот момент, когда городской палач завершает необходимую церемонию. Некий Ламберт, мастер шерстоткачества, был пойман на продаже фальсифицированной и нечестно сотканной ткани, вопреки уставу своей гильдии. Палач торжественно сжег оскорбительные куски ткани перед толпой подмастерьев, а преступление Ламберта было громко выкрикнуто. Он опозорен и уничтожен. Ему придется снова стать простым наемным работником или вовсе покинуть город. Его несчастье - главная новость часа. Запах горячей ткани еще витает в воздухе, когда партия Конона проезжает мимо столба и останавливается у дома богатого Оттона Бушо, готового принять их.

Мэтр Оттон - один из главных мещан. Он разбогател за счет импорта товаров из Венеции, Константинополя и земель неверных. Скандально (говорят некоторые дворяне), что он, холоп по происхождению, с руками, привыкшими держать только кошелек или перо, может говорить с великим сеньором, не унижаясь, как положено хорошему крестьянину. Он и его жена даже носят золотые кружева, жемчуг и дорогие вещи в дни праздников, как если бы они были дворянами; и говорят, что они действительно нарушили закон, запрещающий недворянам носить меха. Очень прискормно, но что поделать? Оттон настолько богат, что может доставить неприятности даже герцогу. Ничего не остается, как говорить с ним начистоту и принять его гостеприимство.

Дом этого могущественного купца находится на рыночной площади. Он возвышается на пять этажей и построен из балок, заполненных рейками, раствором и штукатуркой. На первом

этаже находятся кладовые для дорогих восточных товаров и столы, за которыми сидят клерки хозяина, кажется, вечно занятые сложными счетами. На следующем - комнаты для семьи, и, хотя здесь нет того просторного великолепия, что в большом зале в Сент-Алике, Адела с легкой завистью замечает, что жена хозяина пользуется многими удобствами и роскошью, о которых в замке почти не знают. На верхних этажах расположены небольшие покои для семьи Оттона, его клерков и младших подмастерьев, обучающихся его делу. Перед входной дверью висит знак дома - позолоченная ступка (в знак порошкообразных специй, которыми торгует хозяин). Дома в Понтдебуа не имеют номеров. Прапорщики служат для их идентификации. Один из соседей Оттона живет в "Крадущемся коте", другой - в "Жестяном горшке", третий - в "Серебряной рыбе" и так далее по всему городу.

Дом Оттона, как и многие другие, кажется совсем новым. Однако это сомнительный знак удачи. Всего несколько лет назад большая часть Понтдебуа была сожжена. Узкие улочки, соломенные крыши, отсутствие каких-либо средств для борьбы с огнем, кроме наспех организованной линии ведер, делают большие пожары постоянной угрозой для каждого города.^[106] Оттон жалуется, что в любой момент он может оказаться почти нищим из-за небрежности какой-нибудь жалкой служанки или подмастерья в таверне. Он также скажет, что почему-то в перенаселенном городе опасность заразиться чумой выше, чем в деревенских замках или даже в деревнях с их навозными кучами. Дюжину лет назад Понтдебуа потерял четверть своего населения в результате вспышки чумы, которая не пощадила ни богатых, ни бедных, перед которой врачи и крестные ходы казались одинаково беспомощными и которая деморализовала общество, прежде чем святые милосердно остановили опустошение.

Коммунальный донжон

В Понтдебуа всего несколько каменных домов. Даже лучшие дома горожан, как правило, из дерева и раствора. Еще не возвышаются те великолепные каменные ратуши, которые впоследствии станут славой Северной Франции и Фландрии. Но по одну сторону от рыночной площади возвышается коммунальный донжон. Добрый город похож на сеньора (правда, в некотором роде это сеньор, наделенный полномочиями): у него есть свои стены и, следовательно, сильная цитадель. Донжон образует высокую, массивную, квадратную башню, доминирующую над площадью. На ее вершине всегда стоит часовой, готовый при первой же опасности пожара или нападения забить тревожный колокол. Сама башня достаточно велика, чтобы в ее основании располагались хорошие комнаты. Ближе к земле находится зал совета, где заседают эшеваны. Над ней находится архивная комната, где хранятся подробные городские записи. Непосредственно под залом совета находится тюрьма, в которой обычные преступники содержатся не более комфортно, чем в безднах святого Аликиса.

Душа коммунального донжона, однако, витает вокруг его колоколов. Там, на темной башне, висят пронзительный Жаклин, громкий Каролус, самый глубокий и могучий из всех - Святая Троица и несколько других. Перезвон мощных колоколов полагается каждому свободному городу. Конечно, по праздникам они звонят громко и весело; правда, чужестранцы считают, что для отдыха они звонят слишком часто.^[107] Но если они начинают прыгать и звонить все вместе, это, скорее всего, знак к массовому собранию горожан на открытой площади перед донжоном. Возможно, магистраты захотят обратиться к населению с балкона, расположенного прямо над залом заседаний, с речью о какой-то общественной опасности или мирно объяснить новое муниципальное постановление. В любом случае, коммуна без

донжона и колоколов подобна кораблю без руля, и если когда-нибудь Пондебуа уступит высшей власти, первым шагом завоевателя, вероятно, будет "отнять колокола" - это будет то же самое, что аннулировать городские свободы.

Пондебуа является Добрым городом с привилегированной хартией уже около ста лет. Еще во времена Карла Великого на этом месте существовала деревня. Место оказалось удачным для торговли, но жители, несмотря на успехи в торговле и промышленности и растущую численность, долгое время были простыми холопами, зависящими от господина епископа города и области и имеющими не больше прав, чем крестьяне на полях. Однако, имея дело с людьми, которые неуклонно богатели и перенимали чужие идеи от иностранных общений, оказалось гораздо труднее держать их в довольстве своим положением, чем холопов. Кроме того, герцоги Квелькепартские, хотя и не любили давать привилегии своим холопам, были не прочь, чтобы привилегии были даны подданным таких независимых и ненадежных вассалов, как епископы Пондебуа. Поэтому, когда около 1100 года н. э. горожане стали поднимать крик "Коммуна! Коммуна!" в епископском присутствии, епископ не мог рассчитывать на поддержку своего сюзерена. В самом деле, умные сеньоры понимали, что выдача хартии городу часто означала большой рост богатства, так что если фискальные права сеньора тщательно оберегались, он фактически выигрывал от кажущейся уступки части своей власти. В итоге около 1110 года н. э., когда одному епископу понадобился большой кошелек для поездки в Святую землю, горожане за круглую сумму купили у него хартию - драгоценный документ, который практически выводил их из статуса холопов и защищал от казней и тираний, с которыми крестьяне вынуждены были смиряться, как с плохими зимами.

Устав коммуны

Эта хартия частично гласила следующее: "Я, Анри, Божьей милостью епископ Пондебуа, объявляю всем присутствующим и будущим, что я установил нижеуказанные правила для жителей моего города Пондебуа. Каждый житель этого города мужского пола должен ежегодно платить мне двенадцать динаров и бушель овса в качестве платы за свое жилище; а если он желает иметь землю за стенами, то по четыре динара в год за каждый акр. Дома, виноградники и поля могут быть проданы и отчуждены по желанию владельца. Жители этого города не должны отправляться ни на *ост* (феодалный сбор), ни в какой-либо другой поход, если я не возглавлю их лично. Им полагается шесть эчевинов для ведения обычных дел города и для помощи моему проректору в его обязанностях. Я особенно постановляю, что ни один сеньор не должен выводить из этого города жителей по какой-либо причине, если только они не являются его людьми или не задолжали ему налоги и т. д.". [108]

Получив эту хартию, жители Пондебуа начали поднимать голову, чем очень огорчили соседних дворян, а еще больше - богатое духовенство, ведь князья-епископы часто были исконными сюзеренами городов, а их власть была самым серьезным образом урезана. [109] Книги полны гнева церковников по поводу изменившейся ситуации. "Коммуна!" - название новое и отвратительное!" - язвительно писал аббат Гиберт из Ногента, даже когда движение было еще молодым; а епископ Ив из Шартра уверял всех, что "договоры (с горожанами) ни для кого не обязательны: они противоречат каноническому праву и решениям святых отцов". Даже в 1213 году Парижский синод осудил коммуны как творения "ростовщиков и скупцов", которые установили "дьявольские обычаи, стремящиеся ниспровергнуть юрисдикцию Церкви".

Каким бы праведным ни был гнев этих святых людей, он оказался напрасным. Коммуны становятся все сильнее, и ежегодно какой-нибудь новый сеньор вынужден продавать хартию или даже выдавать ее за бесценок. Короли благодушно наблюдают за движением,

ослабляющим их непокорных феодалов. Иногда горожане становятся наглыми и пытаются защитить свои привилегии с помощью насилия. Однажды в Лаоне был очень тираничный епископ. Он по глупости пытался отменить хартию, выданную городу, и хвастался: "Чего вы ожидаете от этих людей, когда они устраивают беспорядки? Если бы мой негр Джон схватил самого страшного из них за нос, тот бы даже не зарычал. То, что они вчера называли "коммуной", я заставил их бросить - по крайней мере, до тех пор, пока я жив!" На следующий день крики "Коммуна! Коммуна!" раздался на улицах. Толпа разграбила епископский дворец и нашла епископа, спрятавшегося в бочке на дне подвала. Вопящие люди вытащили его на улицу и зарубили топором. Затем, чтобы дополнить это святотатство над помазанным епископом, они разграбили большую часть знати, случайно оказавшейся в городе. После таких деяний неудивительно, что король отправился в Лаон и восстановил порядок сильной рукой. Тем не менее, несколько лет спустя городу была дарована новая хартия, и последующим епископам приходилось идти осторожно, несмотря на внутренние стоны.

Правление эшевеннов и богатых купцов

К счастью, Пондебуа был избавлен от этих судорог. Как правило, местные прелаты были благоразумны и примирительны. Епископ по-прежнему называется "сюзереном". Он получает фиксированный налог, предусмотренный первоначальным соглашением. Он обладает юрисдикцией над гражданами в духовных вопросах, которые включают в себя ересь, богохульство, оскорбления, нападения на священников и посягательства на церкви. Также ему подведомственна большая часть того, что можно назвать "судебными делами по завещаниям", касающихся действительности браков и детей, а следовательно, завещаний и имущественных прав, затрагиваемых ими. Однако в большинстве светских вопросов граждане имеют довольно полный контроль. Они взимают многочисленные поборы, прямые налоги, пошлины и рыночные сборы; они формируют ополчение для защиты стен и выхода на поле боя под своими собственными офицерами и знаменами, когда объявляется общий сбор; они принимают множество местных постановлений; они назначают своих собственных магистратов, осуществляющих "высшую справедливость". Они даже могут вести локальные войны, если у них есть претензии к соседним баронам, будучи сами своего рода коллективными сеньорами. Единственное, чего они *не могут* делать, - это чеканить деньги; эта привилегия тщательно охраняется королем и высшим дворянством.

Практически все эти полномочия осуществляются шестью эшевенами, во главе которых стоит высший сановник, мэр (*maire*).^[110] Однако настоящей демократии в Пондебуа почти нет. Богатые купцы, такие как Оттон, и более преуспевающие мастера образуют практически олигархию, исключая бедных ремесленников и подмастерьев из участия в городских делах, кроме уплаты налогов и выслушивания указов магистратов. Одни и те же чиновники переизбираются из года в год. Они используют городские деньги по своему усмотрению, отказываясь от публичного подсчета и простодушно заявляя, что "они предоставляют свои счета друг другу". Поэтому есть недовольные, которые даже ропщут: "Мы, "свободные мещане", обложены налогами и угнетены хуже, чем холопы барона Конона в Сент-Алике".

Тем не менее, часто возникает огромное желание стать хотя бы пассивным гражданином Пондебуа. Если вы сможете прожить там без охраны "год и один день", вы выйдете из-под юрисдикции господина, в чьем поместье вы были холопом. Вы защищены от тех бесчинств, которые возможны даже в самых лучших сеньориях. А главное, вы получаете шанс стать кем-то большим, чем просто пахарем. Возможно, хотя бы ваши внуки станут достаточно богатыми и влиятельными, чтобы принимать у себя в гостях барона, как это делает богатый Оттон.

Так что можно бродить по извилистым улочкам Понтдебуа до ночи, пока громкие рожки не объявят комендантский час - "прикрытие огня". После этого на улицах становится безлюдно, лишь изредка встречается сторож, бряцающий своим железным посохом и взывающий в темноте: "Молитесь за мертвых!"

ПЯТНАДЦАТЬ:

[103] Другим злоупотреблением было бы взимание большой пошлины со всех путешественников, проезжающих мимо замка, независимо от наличия законного права требовать того же.

[104] Если в Пондебуа действительно проживало до восьми тысяч постоянных жителей, то в феодальные времена это была не самая лучшая община. Многие города насчитывали всего две-три тысячи, а то и меньше. Место с населением в десять тысяч и более было бы важнейшим центром обширного региона. Во Франции таких городов было немного.

[105] Даже в Париже в это время мостовые были только на улицах, ведущих прямо к городским воротам. Остальная часть оставалась просто болотом, излюбленным местом размножения тех заразных болезней, против которых предосторожности считались бесполезными и которым люди должны были подчиняться "по воле Божьей". Мольбы к какому-нибудь святому-целителю, например святому Фирмену или святому Антуану, обычно казались более действенными, чем любые реальные санитарные меры предосторожности.

[106] Руан пережил шесть сильных пожаров в период с 1200 по 1225 год, и все же не был исключительно несчастным. Если город находился рядом с рекой, он также был подвержен очень сильным приливам и отливам. Конечно, каждый город постоянно подвергался опасности быть взятым штурмом, разграбленным и сожженным во время войны.

[107] Современные путешественники и по сей день поражаются количеству колокольных звонов, которые раздаются в таких нетронутых средневековой застройкой фламандских городах, как Брюгге.

[108] Конечно, ни одна коммунальная хартия не была одинаковой, хотя многие из них были составлены по единому образцу. Многие города получали не полную хартию, а "права бюргерства" - *например*, гарантии против различных распространенных форм притеснения, хотя законы все равно фактически управлялись чиновниками, назначенными сеньором.

[109] Епископы часто располагали свой собор и епископскую резиденцию в самом крупном месте своих епархий - именно в тех местах, которые чаще всего требовали хартий.

[110] Эшеваны часто назывались "журе", и их число часто превышало шесть человек. Мэры могли называться "проректорами" или "наградами".

Глава XXII: Промышленность и торговля в Понтебуа. Большая ярмарка.

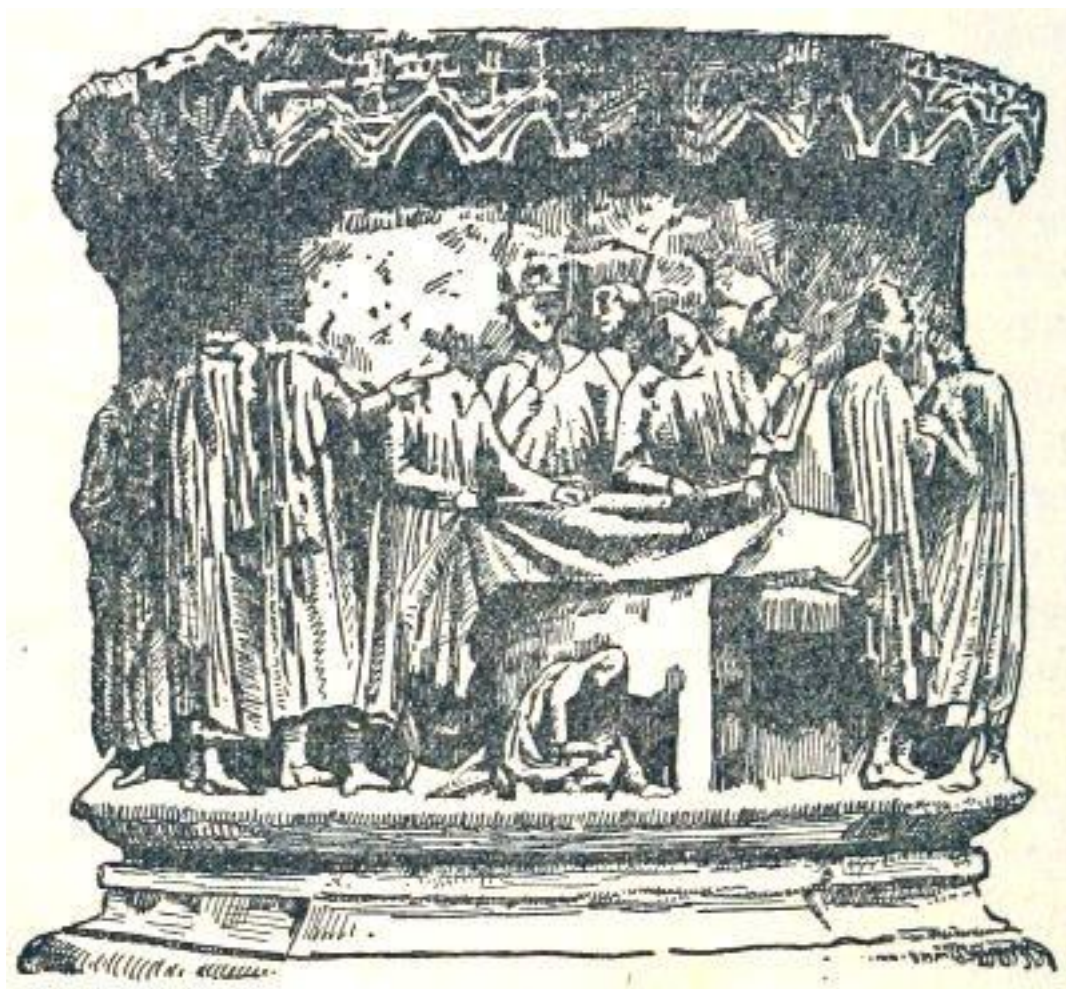

Жители Сент-Аликиса приехали в Понтебуа в основном для того, чтобы посетить большую ярмарку, которая скоро откроется, но самые обычные товары, которые они будут покупать, можно найти в продаже в любой будний день. Город представляет собой промышленный улей. Несмотря на то, что в феодальные века много говорили о торговле, средства связи и транспорта настолько плохи, что вывозить далеко можно только предметы роскоши, но не предметы первой необходимости. В хорошую погоду путешествие из Парижа в Марсель занимает тридцать дней. Чтобы добраться из Понтебуа в Париж, иногда требуется неделя; при этом ближе Парижа нет ни одного крупного промышленного города. В результате почти все, что обычно необходимо в замке, деревне или даже в монастыре и что нельзя изготовить на месте, производится и продается в этом Добром городе.

Однако промышленная жизнь, похоже, существует в очень малых масштабах. Здесь нет настоящих фабрик. Заведения, в которых работает более четырех-пяти человек, включая владельца, встречаются редко. Гораздо чаще встречаются мелкие мастерские, управляемые владельцем в одиночку или с помощью одного молодого подмастерья. Множество мелких предприятий придают Понтебуа вид оживленности и активности, чего нельзя сказать о его реальном населении.

Когда вы ведете дела в городе, просто назовите свои желания, и вас направят на маленькую извилистую улочку, где находятся все магазины той или иной отрасли. Здесь есть улица стекольщиков, улица кожевников, переулок мясников, улица пергаментщиков (ее часто посещают монахи-комиссары из аббатств), переулок ювелиров и т. д.

Лавочники, оплакивающие свои товары

ТОРГОВЦЫ ТКАНЯМИ

С барельефа в Реймском соборе (XIII век).

Как правило, товары выставляются в задней части магазина и продаются через небольшой прилавок прямо на улице, где покупатель стоит, пока торгуется. Письменные вывески и карточки с ценами практически отсутствуют. Как только в поле зрения появляется возможный покупатель, все служащие у входа в лавки поднимают страшный шум, каждый пытается урезонить своего соседа, расхваливает свои товары и чуть ли не затаскивает посетителя, чтобы тот их осмотрел. Торговый этикет позволяет владельцам магазинов выкрикивать самые унижительные вещи о своих конкурентах. Отец Грегуар, желающий купить обувь, почти деморализован этим шумом, хотя это далеко не первый его визит в Пондебуа. Когда он входит в переулок Сапожников, ему кажется, что все недоброжелательные подмастерья толпятся вокруг него. Один из них срывает с него плащ. "Вот, добрый отец! Именно то, что вам нужно!" "Не слушай вора, - кричит другой, - примерь нашу обувь и назови свою цену!" Третий пытается втолкнуть его в еще одну кабинку. "Господа, - в ужасе кричит Грегуар, - ради Бога, обращайтесь со мной помягче, иначе я вообще не куплю никакой обуви!" Лишь с неохотой они дают ему сделать выбор, а затем заключают сделку без посторонних глаз. На рыбных, хлебных и винных рынках сцены бывают еще более буйными, а фразы, которые используют лоточники, предлагая свой товар, своеобразны и живописны.

Как и всегда в торговле, "покупатель должен остерегаться"; фиксированные цены действительно неизвестны, а некачественные товары неумеренно хвалят. Тем не менее городские власти и гильдии стараются всячески оградить покупателей от недостоверной

информации. Чиновники постоянно устраивают внезапные обходы, чтобы проверить, как соблюдаются постановления гильдии.^[111] Судьба нерадивого производителя шерсти уже отмечена. В последнее время крупные штрафы были наложены на изготовителя веревок, который вставлял лен в пеньковый шнур, и на резчика, который вставлял серебряные украшения в костяную рукоятку ножа. Однако это было сделано не для защиты покупателей, а потому, что они вышли за рамки работы, разрешенной членам их гильдии, и навалились на других ремесленников. И действительно, уже короткое пребывание в Пондебуа позволяет понять, что в пределах чартистской коммуны вопрос стоит не так, как в строго феодальных владениях: "Чей это человек?", а "К какой гильдии он принадлежит?". Все, очевидно, вращается вокруг торговых и ремесленных гильдий.

Некоторые из этих гильдий, как, например, гильдия мясников, якобы существуют гораздо дольше, чем выдача хартии; но несомненно, что со времени получения этого драгоценного документа организации размножились и выросли в силу.^[112] Каждая специальная отрасль обращается к сеньору (в этом городе - к епископу) за особыми привилегиями, и за определенную плату он обычно удовлетворяет просителей, тем более что они желают получить привилегии главным образом для защиты от своих собратьев по ремеслу, а не от себя. В Париже насчитывается более трехсот пятидесяти отдельных профессий; в Пондебуа их гораздо меньше, но их число кажется большим. Многие гильдии состоят всего из нескольких человек, но даже самая маленькая смертельно ревнует к своим прерогативам. Одна "тайна" делает мужскую обувь, другая - женскую, третья - детскую. Некоторое время назад последняя из них продавала якобы "детскую обувь", которая казалась очень большой! В результате - горький судебный иск, поданный производителями женской обуви. Христианское милосердие среди гильдий до сих пор не восстановлено. В Париже говорят, что портные возбудили дело против торговцев старой одеждой, потому что последние "ремонтируют их одежду настолько, что она становится практически новой". В скором времени королевские судьи, если не все остальные, будут получать большие гонорары.^[113]

Разделение и правила гильдий

Такие трения возникают, конечно, потому, что каждой гильдии предоставляется строгая монополия на торговлю в определенных установленных пределах. Седельщик из чужого города, открывший лавку, не будучи принятым в соответствующую гильдию, вскоре обнаружит, что его лавка закрыта, изделия сожжены, а его собственные ноги лежат на складах у городского донжона. Однако в обмен на эти привилегии гильдии должны подчиняться строгим правилам. Устанавливаются условия труда, часы и дни работы. Фиксируется качество продукции, а иногда даже размер изделий и цена продажи. Ночная работа, как правило, запрещена, так как в это время нельзя увидеть, чтобы изготовить совершенный товар, хотя плотникам разрешается делать гробы после захода солнца. В предпраздничные дни все должны закрываться до трех часов дня, а в праздничные дни разрешается открывать только кондитерские (торгующие пирожными и сладостями). Нарушители облагаются штрафом, который идет частично в корпорацию гильдии, частично в городскую казну; эти штрафы составляют значительную часть муниципальных доходов.

Гильдии не являются профсоюзами. Все члены гильдии являются хозяевами - работодателями рабочей силы, хотя обычно ведут бизнес в очень небольших масштабах. Гильдия - это также религиозный и благотворительный институт. У каждой корпорации есть свой святой покровитель, а в какой-нибудь церкви есть специальная часовня, где священник отслужит мессу за души умерших членов.^[114] Если с членом корпорации случится

несчастье, гильдия должна оказать ему помощь, а в случае смерти - позаботиться о его вдове и помочь сиротам обучиться ремеслу отца. У каждой организации также есть свое знамя, очень великолепное, которое обычно висит рядом с алтарем гильдии, а в гражданских процессиях его гордо несет один из синдигов, должностных лиц ремесла. Быть синдиком во влиятельной гильдии - обычное стремление почти каждого молодого промышленника. Это означает вершину власти и достоинства, которую можно достичь, не будучи избранным эшевроном.

Путь к полноправному членству в гильдии довольно труден, но его могут преодолеть парни с хорошими моральными качествами и законным происхождением, если у них есть желание и ум. У мастера может быть от одного до трех подмастерьев, а также собственный сын, если у него есть желающий обучиться ремеслу. Подмастерья служат от трех до двенадцати лет.

Подмастерья, наемные работники и мастера

ПРОСТОЛЮДИН (XIII ВЕК)

С барельефа в Реймском соборе.

Чем сложнее ремесло, тем дольше служба; так, чтобы стать квалифицированным ювелиром, требуется десятилетнее ученичество. Парни, которых так "повязали", обычно ни при каких обстоятельствах не могут покинуть своего мастера раньше положенного срока. Если они сбегут, их могут вернуть и жестоко наказать. Их обычно обильно стучат, не слишком хорошо

одевают, они спят в холодных подвалах, питаются объедками со стола хозяина и редко могут назвать время своим, разве что по праздникам. Хозяин может выдать им немного карманных денег, но не регулярную зарплату. С другой стороны, он обязан обучать их своему ремеслу и защищать от дурного влияния. Нередко, конечно, дело заканчивается тем, что любимый подмастерье женится на дочери своего мастера и практически захватывает заведение.

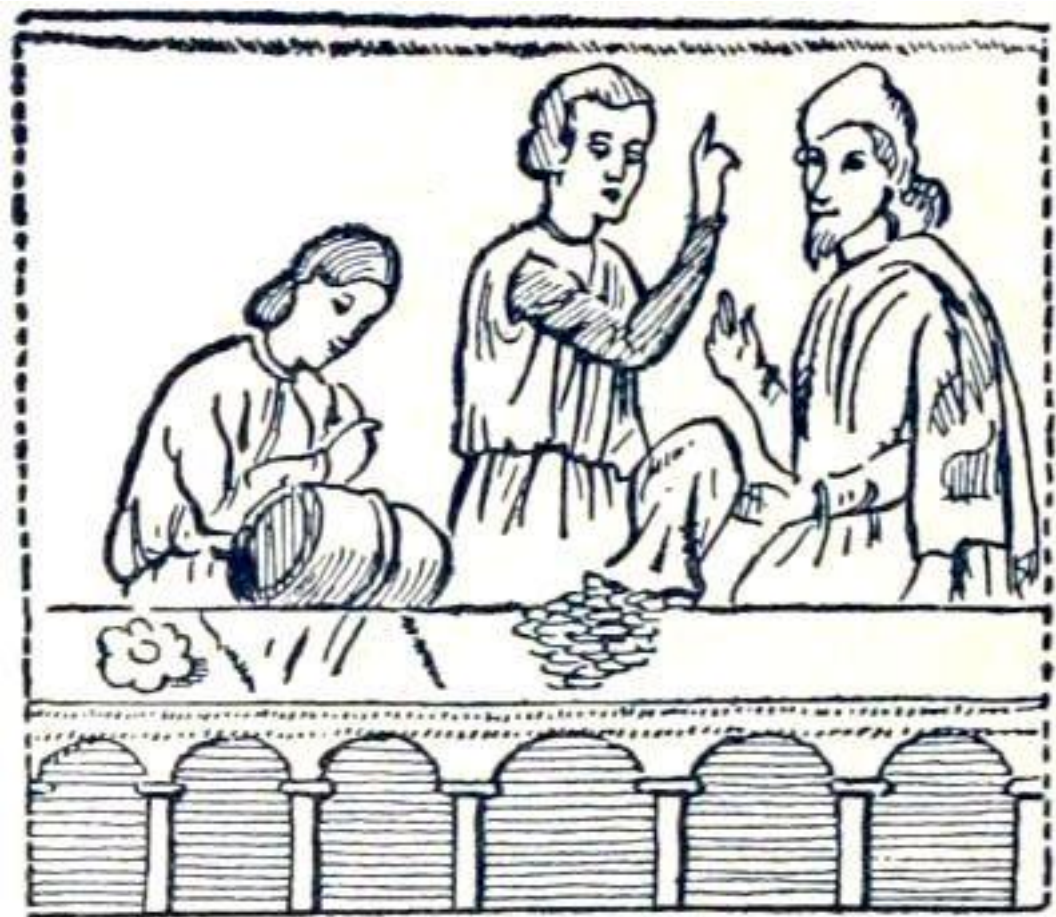
По окончании ученичества молодой промышленник становится наемным рабочим, возможно, в лавке своего старого мастера, возможно, в другом месте.^[115] Его нанимают и оплачивают понеделю, и он часто меняет работодателей, пока находится на этом этапе своей карьеры. Гильдия защищает его от грубой эксплуатации, но его рабочий день длится долго - с 5 утра до 7 вечера в летние месяцы. Наконец, если он вел нравственную жизнь, зарекомендовал себя хорошим работником и накопил небольшой капитал, он может обратиться к синдикам с просьбой принять его в качестве полноправного мастера. Происходит своеобразный экзамен. Например, если он был ткачом, то должен изготовить очень хороший моток ткани и показать мастерство в изготовлении и настройке станка. Пройдя это испытание, он платит взнос (поделенный между городом и гильдией) и проходит посвящение, полное косноязычия и абсурдных аллегорий. Так, кандидат на должность пекаря должен торжественно представить главному синдику "новый горшок, полный грецких орехов и вафель", а после того, как тот примет содержимое, кандидат намеренно "разбивает горшок о стену" - провозглашение того, что он теперь полноправный член гильдии. Последний акт - это, конечно, грандиозное пиршество: все братство выпивает танкер за танкером за счет нового "брата".

Есть в городе один квартал, куда вряд ли осмелятся зайти гости Сент-Аликиса. В жалких лачугах, прижатых к одному углу стен, живет "проклятая раса" - евреи. Это темноволосые, темноглазые люди с восточными физиономиями. Они очень обходительны с христианами, но последние не доверяют им. Эти бородатые мужчины с серьгами в ушах, эти женщины с яркими платками из восточных тканей - все они, кажется, содержат маленькие магазинчики, где можно купить самую дешевую мебель, домашнюю утварь и особенно старую одежду в Понтдебуа. В этом квартале также находится небольшое каменное здание, которое, как удивляются Конон и его последователи, эчевины не позволяют себе существовать - очень древняя синагога, ведь еврейская колония так же стара, как и город. Те немногие христиане, которые погубили свои души, заглянув внутрь, говорят, что окна здесь очень маленькие, а темный, мрачный интерьер освещают тусклые лампы. Здесь также хранятся странные древние книги, написанные иероглифом, который не может истолковать ни один язычник, но шепотом передают, что в них содержатся страшные хулы на католическую веру.

Евреи и денежное кредитование

Почему в Понтдебуа допускаются такие люди? Мэтр Оттон вынужден объяснить, что если Бог обрек этих евреев на вечное проклятие, то он позволил многим из них в этом мире обладать непомерными богатствами. Некоторые из них, имеющие самый жалкий вид и вынужденные по закону носить на груди шафрановый кружок, могут найти деньги, достаточные для того, чтобы оплатить расходы герцогской кампании. У каждого крупного сеньора есть "свой еврей", а у короля - "королевский еврей", который одолжит ему деньги, когда ни один христианин не сделает этого, чтобы вести свои войны или продвигать более мирные начинания. Без евреев действительно трудно обойтись, потому что Церковь строго запрещает давать деньги в долг под ростовщичество, но почему-то кажется, что очень трудно одалживать большие суммы просто под страхом их возврата. Евреи, не опасаясь за свои души, без колебаний дают в долг под проценты, иногда нагло требуя сорок, пятьдесят и даже шестьдесят процентов.^[116] Это возмутительно, но иногда деньги нужны, а что, если ни

один христианин не даст займы? Есть достойные люди, особенно лангобарды из Северной Италии, которые говорят, что было бы хорошо, если бы Церковь разрешила давать кредиты под разумные проценты, и они начинают делать соответствующие займы. Однако это предложение попахивает ересью. Тем временем евреи продолжают презираться, подвергаться жестокому обращению и толпам каждую Страстную пятницу, но, тем не менее, они почти незаменимы.

ДЕНЕЖНЫЕ

КАССЫ (ШАРТР)

Главным объектом, который привлекает в Пондебуа так много посетителей, является ежегодная ярмарка, проводимая каждый август в поле у реки, к югу от города. Здесь можно купить множество необычных товаров, которые не продаются в городских магазинах и даже на общем рынке, который проводится на площади перед донжоном каждый четверг. Ярмарка в Пондебуа, конечно, не может соперничать по масштабам с ярмарками в Руане и Дижоне, знаменитой ярмаркой в Лендите (близ Сен-Дени и Парижа) и, прежде всего, с большими ярмарками в Шампани в Труа и других местах, ведь это лучшие места для покупки и продажи во всей Франции. Тем не менее нельзя презирать ярмарку, на которую съезжаются почти все добропорядочные жители Квелькепарта, нацеленные на выгоду или покупку.

В некоторых отношениях ярмарка во многом напоминает турнир в Сент-Алике. Длинные вереницы путешественников на животных или пешком приближаются, бесчисленные палатки развевают яркие вымпелы, и те же самые жонглеры, которые на празднике Конона собирались, чтобы помузицировать или показать фокусы, также прибывают сюда. Но путешественники, как правило, не рыцари в ярких доспехах, а трезво одетые купцы. Их сопровождающие ведут не быстроногих дестров, а тяжело нагруженных мулов; шатры

отданы не галантным пирам и нежным интригам, а энергичной борьбе за то, что все рыцари презируют, - за хорошие деньги. Поэтому, хотя суэта кажется одинаковой, результаты оказываются совершенно разными.

На этих ярмарках есть особая сложность. Какими деньгами мы должны расплачиваться? Предполагается, что королевская монета должна циркулировать повсюду и представлять собой эталон, но власть короля не может подавить целый рой местных монет. Кроме хороших королевских монет из Парижа, существуют денеры Анжу, Мэна, Руана, Турени, Тулузы, Пуату, Бордо и многих других районов; в обильном обращении находятся константинопольские безанты, венецианские цехины, немецкие крупы и английские серебряные шиллинги, а также множество диковинных неверных монет весьма сомнительной ценности. К тому же существуют различные стандарты мер и весов. При каждой покупке вам придется уточнять, какой из них используется.[117]

ЯРМАРКА В ШАМПАНИ В ТРИНАДЦАТОМ ВЕКЕ

В центре картины - простолюдин с женой, идущие за покупками; справа, перед лавкой, торговцы тканями и их покупатели; лавочник на коленях распаковывает ткани, другой несет тюки; слева - нищий; еще одно заведение драпировщика; группа людей, у которых меняла взвешивает деньги; дальше - господин со слугами, проходящий сквозь толпу; слева - парад конных банков; справа - другие магазины; на заднем плане - стены, дома, церковь и т. д.

Тяжелые пошлины на торговлю

Королевский фут" - довольно общая мера, но иногда он делится на десять, иногда на двенадцать дюймов. Еще хуже обстоит дело с весом в фунтах. Парижский фунт делится на шестнадцать унций, лионский - на четырнадцать, марсельский - только на тринадцать. Очевидно, что для успешной торговли на этой ярмарке нужны время, терпение и здравый рассудок!

Если вспомнить, сколько пошлин взимается повсеместно с торговли - примерно с каждого груза, пересекающего мост, проходящего по реке или шоссе, проезжающего мимо замка и т. д., - то становится удивительно, что перевозка грузов вообще имеет смысл. Плата невелика, но как она возрастает даже на коротком пути! Вдоль Луары между Роанной и Нантом насчитывается около семидесяти четырех мест, где нужно что-то платить. По суше дела обстоят так же плохо. Духовенство и рыцари обычно освобождены от уплаты, но купцам приходится путешествовать почти с одной рукой в кармане, чтобы угодить сборщикам местных сеньоров. В результате издалека не привозится почти ничего, что не было бы достаточно портативным и на что не было бы спроса в местных мастерских.

Тем не менее, хорошая ярмарка - выгодное приобретение для разумного сеньора. Нынешняя ярмарка была учреждена семьдесят лет назад необычайно предприимчивым лордом-епископом. Он убедил баронов региона согласиться на разумное обращение с посетителями ярмарки и предоставить им защиту от разбойников. Он также установил строгие правила, чтобы обеспечить каждому торговцу честную игру при продаже его товаров, поручил сержантам патрулировать территорию и устроил прямо среди палаток компетентный провиантский суд, чтобы люди, попавшие в спор, могли получить быстрое решение без дорогостоящих судебных разбирательств.^[118] Взамен он взимал небольшой налог с каждого проданного товара. Это соглашение хорошо работало. Последующие епископы были достаточно мудры, чтобы понять, что довольные купцы приносят больше прибыли, чем разграбленные. "Заяц! Заяц!" - кричат сержанты прелата в первый день, возвещая об открытии, а затем в течение двух недель продолжаются торговля, торги, развлечения и наперстки.

Многочисленные товары на ярмарках

Время проведения ярмарки тщательно рассчитывается. Многие купцы проводят все теплые месяцы, путешествуя со своими товарами с одной ярмарки на другую. Многие торговцы из Понтдебуа половину июня проводят в Лендите, где "продается все, от телег и лошадей до прекрасных гобеленов и серебряных кубков". Товары на нынешней ярмарке почти столь же обширны, хотя выбор, возможно, несколько меньше. Помимо всевозможных французских товаров, здесь есть стенды с чудесными шелками из Сирии, а может быть, только из Венеции; есть пылающие сарацинские ковры, сотканные в Персии или даже в более отдаленных странах, а местные красильщики и набивщики могут запастись восточными красителями - прекрасным красным из Дамаска, индиго из Иерусалима и многими другими цветами. В Венеции можно приобрести прекрасные стеклянные сосуды, изготовленные в Сирии или имитированные по восточным образцам. Монахи купят много новой бумаги, пока закупают годовой запас пергамента, а Адела разрешит повару из Сент-Аликиса достать за много динаров драгоценные специи - перец, корицу, гвоздику и другие, необходимые для приправы ко всем видам блюд, даже если они очень дороги. Пряности продает смуглый восточный человек с ястребиным взглядом, который говорит по-французски на причудливых гортанных интонациях, неряшливо одет, но вряд ли похож на еврея. Поговаривают, что он откровенный негодяй, то *есть* отъявленный неверный, возможно, даже не магометанин. Возможно, он родом из тех земель, что расположены недалеко от места восхода солнца, откуда приходят пряности. Стоит ли иметь дело с такими людьми? Тем не менее пряности желанны, и он продает их дешевле, чем кто-либо другой. На ярмарке много других незнакомых людей, в том числе негр-контрабандист, несколько немцев из рейнских торговых городов и несколько так называемых итальянцев, в основном менял и торговцев предметами роскоши, которые, однако, похоже, на самом деле евреи, скрывающие свою непопулярную религию ради выгоды.

После начала ярмарки многие товары продаются ежедневно, но другие выставляются лишь на короткое время. Так, по обычаю Труа, в первый день или два выставляются ткани в особом разнообразии; затем кожаные изделия и меха; затем различные сыпучие товары, такие как соль, лекарственные препараты, травы, сырая шерсть, лен и т.д.; далее следует ажиотаж рынка лошадей и скота, когда Конона побуждают купить для своего старшего сына полукровку, а для своих ферм - кровного быка;[\[119\]](#) и после этого различные товары общего потребления занимают главенствующее положение.

ПРОДАЖА

ПЕЛЬТРИ (БУРЖ)

Хозяева Пондебуа обязаны закрывать свои лавки и вести все дела на ярмарочной площади, чтобы не было несправедливой конкуренции с приезжими торговцами. Более того, все дела за пределами ярмарки строго запрещены, чтобы предотвратить мошеннические сделки, которые епископские чиновники не могут пресечь. Таким образом, кроме дорогих импортных товаров, вы можете приобрести все, что вам обычно нужно, у кузнецов, сапожников, медников, продавцов скобяных, льняных и швейных изделий, а также у торговцев рыбой, зерном и даже хлебом.

Все это приводит к перебранке, болтовне, а иногда и к ссорам, которые заставляют задаться вопросом: "Неужели вернулись времена Вавилонской башни?" Сержанты постоянно носятся пешком или верхом среди извилистых аллей палаток и киосков и часто тащат какого-нибудь бродягу на скамью подсудимых. Они даже хватают с полочным кошелька и вскоре доставляют бездельникам жестокое удовольствие наблюдать за повешением. Есть

несколько палаток, где нотариусы готовы с воском и пергаменами составлять и скреплять договоры и сделки. Фламандские купцы договариваются со своими бордосскими коллегами о поставке последним в следующем году партии крепкого линеze; а виноторговец из Майенса пытается доказать сеньору, насколько улучшат его погреба несколько туннов Рейнгольда, доставленных для выдержки после сбора следующего урожая.

Профессиональные артисты на ярмарках

Наряду со всем этим честным движением на ярмарках проводятся достойные и недостойные развлечения. На ярмарке можно увидеть несколько собак-фокусников и медведей. В клетке сидит существо, называемое "львом", хотя оно, конечно, больное, бездуховное и лохматое; есть также мужчины и женщины, танцующие на канате и акробаты, профессиональные рассказчики, профессора белой магии и, конечно, жонглеры разного качества, пиликающие на своих скрипках или декламирующие романсы и веселые *басни* - умные, но часто неопиcуемо грубые рассказы. Кроме того (пусть грешная правда будет сказана), здесь есть совершенные стаи наглых женщин дурного толка; а пьянящего вина употребляется столько, что хватит на ручей в Клэр. Сержантам постоянно приходится отделять пьяниц, которые лезут в драку, и отволакивать их "полноправных братьев" - еще более полноправных - в безопасные места, где они могут отсыпаться от спиртного, не пинаемые лошадьми и не раздавленные постоянно проезжающими телегами.

Эта суeta продолжается две недели. К этому времени все, кто пришел прежде всего покупать, уже потратили все свои деньги. Если же он пришел продавать, то, надо полагать, остался доволен. Пьяницы наконец-то грустят и трезвеют. "Заяц! Заяц!" - кричат сержанты вечером последнего дня. Ярмарка окончена. На следующее утро иностранные купцы упаковывают свои товары, разбивают палатки и отправляются на другой рынок, расположенный в пятидесяти милях, а торговцы и промышленники Понтдебуа возобновляют свою деятельность. Они запаслись необходимым сырьем на год, впитали множество новых идей о том, как сделать товар лучше или торговать с большей выгодой; и все же, вероятно, большинство из них ворчат на "этих немцев, фламандцев и евреев, которых епископ напускает на нас". Святые угодники! Сколько денег они вывезли из окрестностей!" Но епископ, когда его проректор докладывает о налоговых поступлениях, чрезвычайно доволен.

СНОСКИ:

[111] В течение длительного периода эти правила имели большое значение для обеспечения высокого уровня мастерства в соответствии с традиционными методами, но впоследствии они стали серьезнейшим препятствием для любых усовершенствований в промышленных процессах. Оригинальность, новые конструкции и трудосберегающие устройства были практически запрещены, и некоторым отраслям было суждено оставаться почти в застое вплоть до Французской революции.

[112] Одними из старейших гильдий Парижа были мастера-чандлеры и маслoбойщики, получившие королевские привилегии в 1061 году. Другими старыми парижскими гильдиями были мясники, кожевники, сапожники, драпировщики, меховщики и сумочники.

[113] Суконщики постоянно судились с ткачами. Могут ли последние, если захотят, окрашивать ткань, которую они сами соткали? Пекари постоянно судились с владельцами небольших лавок, которые сами пекли хлеб и т. д.

[114] Некоторые святые, естественно, были покровителями определенных ремесел - например, святой Иосиф у плотников, святой Петр у рыботорговцев и т. д.

[115] Мастер не мог нанять более одного-двух оплачиваемых работников, чтобы не создать слишком большой бизнес и не разорить своих конкурентов. Система гильдий, похоже, специально создана для того, чтобы увековечить существование большого количества *очень мелких* производств.

[116] Чрезвычайная сложность взыскания ссуд, выданных влиятельным сеньорам, во многом объясняет эти поразительные процентные ставки. Вероятность того, что недружелюбный еврей не сможет получить хоть какую-то часть своего займа, была чрезвычайно велика. Как правило, он надеялся стать незаменимым деловым человеком и финансистом короля или другого крупного сеньора, который поддержал бы его при взыскании основной суммы и процентов с мелких должников в обмен на большие милости для себя. Так, Ричард I Английский, как утверждается, заставил евреев, поселившихся в его королевстве, обеспечивать почти *треть* всех его доходов в качестве вознаграждения за то, что они позволили им использовать его суды для взыскания с их частных должников.

[117] Монеты Средневековья различались до такой степени, что почти невозможно сделать правильные общие заявления об их современной стоимости. Во времена Филиппа Августа, вероятно, северофранцузская денежная таблица была примерно такой:

1 фунт (ливр)-2 марки-20 (ранее 24) су-240 денье-4760 оболов.

Су, просто счетные деньги, равнялся примерно 20 современным франкам (3,86 доллара золотом), а денье, обычная монета, - примерно одному франку (19,3 цента золотом). Медные оболы, таким образом, стоили около одного цента. Но покупательная способность денег в феодальную эпоху была по меньшей мере в десять раз выше, чем сегодня, и попытки приблизительного подсчета, безусловно, тщетны.

[118] Дворы Шампани прилагали особые усилия, чтобы гарантировать купцам честное обращение и защиту, и их ярмарки пользовались необычайным успехом. Конечно, Шампань, благодаря своему центральному расположению между Сеной и Рейном, Миди и Фламандскими землями, имела все возможности для привлечения купцов.

[119] Часто, однако, рынки скота могли проводиться в особые сезоны, совершенно не связанные с общими ярмарками.

Глава XXIII: Лорд-епископ. Каноники. Приходское духовенство.

После того как Конон и его баронесса запятнали свою нежную кровь осмотрительной торговлей на ярмарке в Пондебуа, сеньор должен был нанести церемониальный визит лорду-епископу. Он, конечно, мог бы остановиться в епископском дворце, но не стоит брать на себя слишком много обязательств даже перед таким примирительным прелатом, как епископ Нивелон. Между светскими и церковными

владыками есть комплименты, но мало привязанности. Оба объединяются в презрении к холопам и недоверии к монахам, но на этом гармония часто заканчивается.

Господин епископ занимает почти вершину церковной власти, не считая Папы и его кардиналов; и все миряне должны почитать духовенство. Знакомая история иллюстрирует признание, причитающееся даже самым скромным служителям церкви. Однажды святого Мартина попросили отобедать с императором. Ему предложили чашу до того, как она была передана государю. Это была большая честь. Предполагалось, что он просто прикоснется к губам, а затем передаст сосуд его величеству. Но вместо этого, к всеобщему удивлению и восхищению, он передал ее бедному священнику, стоявшему позади него, преподав тем самым наглядный урок, что слуга Божий, даже самого низкого ранга, заслуживает почета выше самого высокого светского государя.

Духовенство делится на две большие части - религиозное (монахи) и светское, которое "в миру" и занимается "лечением душ". Приходские священники, конечно же, принадлежат ко второму классу. Они совершают мессу и проводят таинства и утешения религии. Возможно, миряне считают их чуть менее святыми, чем монахов, но их сила неисчислима. Во главе каждой епархии (церковной провинции) стоит епископ. Поскольку богатство Церкви охватывает по меньшей мере пятую часть всей недвижимости Франции^[120], а контроль над этой огромной собственностью в значительной степени принадлежит епископам, легко понять, что подразумевает обладание такой должностью. В Квелькепарте нет такого богатого сеньора, как епископ Нивелон, не считая самого герцога, и герцог справедливо колебался бы, не считаясь с чувствами благочестия, чтобы затевать ссору со столь великим духовным сеньором.

Деятельность и привилегии духовенства

ЕПИСКОПСКИЙ ТРОН XIII ВЕКА

Восстановлен Виолле-Ле-Дюком по образцу слоновой кости, хранящемуся в Лувре.

Другим эпохам будет трудно осознать ту роль, которую играет церковь в феодальные века. Духовенство - это не просто духовные наставники. Они руководят образованием и поддерживают практически все, что связано с интеллектуальной жизнью, наукой и

образованием. Они помогают слабым светским властям сохранять закон и порядок. Они поставляют практически всех учителей, адвокатов и профессиональных нефеодалных судей в христианстве, а также очень многих врачей. Как уже говорилось, множество юридических дел, известных как "завещание", связанных с распоряжением обширными наследствами, часто поступают непосредственно в церковные суды.

Если обычный человек проявляет интерес к литературным вопросам, его часто записывают в "клерки", даже если он открыто не заявляет, что принял священный сан. Действительно, с юридической точки зрения очень желательно, чтобы простой человек (не привилегированный дворянин) был едва грамотным. Если он сможет это сделать и будет арестован по какому-либо обвинению, он часто сможет "оправдать свое духовенство". Проверка заключается не в предъявлении справки о том, что он священник или монах, а в умении прочитать несколько строк из Библии или другой священной книги. Если он может прочитать эти роковые "шейные стихи", то иногда ему удастся избежать скорой встречи с палачом. После этого его обычно передают епископу или епископскому чиновнику (судебному чиновнику) и судят в соответствии с милосердным и научным каноническим правом, которое, каким бы ни было преступление, редко или никогда не назначает смертную казнь, за исключением ереси.^[121] Самое худшее, чего можно опасаться, - это долгое заключение в неуютной темнице под епископским дворцом.

При таких условиях, что удивляться, если в ряды светского духовенства продолжают проникать очень мирские элементы. Многие сыновья баронов раздумывают, что лучше - "шапка присутствия" сеньора или епископская митра? Епископ, конечно, не может жениться, но Церковь не всегда сурова в отношении других форм социального наслаждения. Иногда сильный Папа-реформатор заставляет прелатов соблюдать монашеский аскетизм, но следующий Папа может оказаться слишком занятым, чтобы проявлять настойчивость в отношении "грехов плоти". Большая часть всех епископов - сыновья знатных домов. Простое пострижение в монахи не сделало их святыми. Они - дети боевых отцов, и они привносят в Церковь многое из того, что было в замках их отцов и братьев.

Выборы епископов

ЕПИСКОП ДВЕНАДЦАТОГО ВЕКА

С эмалированной доски, изображающей Ульгера, епископа Анжерского (1125-1149). На нем альба, далматика, мантилья, амис и митра. Он благословляет правой рукой - поза, в которой часто изображают епископов.

Конечно, прелатами могут стать и люди скромного происхождения. Одна из слав Церкви в том, что благодаря ей дети бедных холопов могут получать почести от великих мира сего.

Папа Сильвестр II был сыном простого пастуха из Ориллака. Шугер, могущественный аббат Сен-Дени и вице-герцог Людовика VI, был сыном самого настоящего крепостного. Папа Адриан IV, единственный англичанин, когда-либо восседавший на троне Святого Петра, похоже, имел едва ли более возвышенное происхождение. Все это показывает, какая судьба иногда может ожидать ярких и удачливых мальчиков, которые вместо того, чтобы идти за плугом, поступают в монастырские школы.^[122] Но Небеса редко изменяют естественный порядок вещей. Как правило, когда дворянин поступает в церковь, влияние семьи и социальный престиж его касты остаются позади. У него гораздо больше шансов быть избранным епископом и наслаждаться местами славы, чем у его собратьев по духовенству, ученых и благочестивых, которые не имеют такой поддержки.

Нивелон из Понтдебуа - пример среднего епископа высшего рода. Он был вторым сыном умеренного по уровню достатка господина. Влияние семьи обеспечило ему, еще довольно молодому, назначение каноником в кафедральный собор. По счастливой случайности старый епископ умер в то время, когда и герцог, и его сюзерен, король, хорошо думали о молодом канонике и стремились примирить его родственников. Нивелон, наряду с истинным благочестием, проявил достаточную осведомленность в делах, чтобы люди говорили, что он станет достойным "духовным принцем". Каноники (на которых номинально лежал выбор) поспешили избрать его после широкого намека герцога и короля. Подтверждение было получено из Рима после переговоров и, возможно, некоторых денежных переводов.^[123] С тех пор Нивелон хорошо управлял своей епархией. Он не был ни великим богословом, ни литератором, как некоторые современные епископы, ни корыстным политиком, ни клекочущим воякой, как другие. В его дворце не было скандальной роскоши, и он никогда не пренебрегал своими обязанностями, которые, как никто не может отрицать, многочисленны.

У Нивелона есть масса оправданий, если он позволяет религиозным задачам захлестнуть светские. От сеньора он во многом отличается тем, что его интересы и обязанности более сложны. В его непосредственных владениях находятся приходские церкви, аббатства, фермы, крестьянские деревни и леса, которыми он должен управлять с помощью своих чиновников и проректоров, как Конон управляет святым Аликисом. У него много знатных вотчин, которые обязаны ему данью и регулярными феодальными повинностями в мире и на войне. Его рыцарские вассалы ждут его, как и обычные сеньоры, и обязаны в государственных случаях проводить его через соборный город, восседая на его епископском троне. Сам он не оказывает королю обычного почтения, но должен принести ему торжественную клятву верности и по соответствующему вызову выступить с вооруженным отрядом. Вокруг его дворца много духовенства, а также обычное баронское хозяйство - сенешаль, стюард, камергер, маршал и конюх, хотя и не мастер ястребов, как у более слабых прелатов.

Вот и все, что касается мирской стороны жизни монсенье Нивелона; но поскольку он уважающий себя прелат, его церковная должность не является синекурой. Он должен рукополагать и контролировать всех приходских священников (*curés*), а также проводить большую часть своего времени, инспектируя сельские церкви и выслушивая жалобы на священников-нарушителей, отстраняя и наказывая виновных. Действительно, его дни заполнены любопытной смесью обязанностей. Перед тем как Конон торжественно призывает его, он сначала выслушивает жалобу кастеляна о необходимости новых окопов для обороны небольшого замка, относящегося к епископству, а затем доклад своего "чиновника" о буйном священнике, обвиненном в богохульстве Троицы во время попойки в таверне.

Церковные обязанности епископов

Раз в год Нивелон должен проводить синод в хоре своего собора. На нем должны присутствовать все немонастырские священнослужители епархии, и он должен проповедовать перед ними, излагая домашние истины о христианском поведении и вынося публичные порицания и дисциплинарные взыскания. Часто его рутинные дела прерываются приказами короля, чтобы он, как знающий человек, прибыл в Париж для дачи советов или даже отправился в Англию или Фландрию в качестве королевского посла. Если король не требует от него времени, папа, скорее всего, использует его для расследования в каком-нибудь непорядочном аббатстве,^[124] или в качестве арбитра между двумя ссорящимися коллегами-епископами. Было бы удачей, если бы сейчас не пришла повестка, предписывающая епископу совершить весьма утомительное и дорогостоящее путешествие в Рим, чтобы помочь на каком-нибудь соборе (например, Латеранском соборе 1215 года) или стать участником какой-нибудь затянувшейся тяжбы.

ЕПИСКОП ТРИНАДЦАТОГО ВЕКА

Из гробницы Эврара де Фруйоя, епископа Амьенского, умершего в 1229 году и похороненного в соборе этого города. Под альбой он носит мантию.

Добросовестный епископ, действительно, не может быть бездельником. Если у него есть свободное время, он всегда может провести его в качестве судьи по делам, которые, если он вынужден отсутствовать, поручает своему чиновнику. Каноническое право гораздо более

научно, чем местные обычаи. Кроме того, Нивелон или его заместитель четко разбирается в вопросах, которые оставят в безнадежном замешательстве даже такого благонамеренного сеньора, как Конон. Церковные суды отказываются решать дела на дуэлях. Как правило, они также не одобряют мытарства, несмотря на якобы имеющее место вмешательство Бога. Судебные разбирательства в епископском суде сводятся к дознанию, основанному на неопровержимых доказательствах, представленных опытным судьям. В результате многие честные люди пытаются довести свои дела до церковных трибуналов, а юрисдикция Церкви, как уже говорилось, очень широка. Поэтому епископ, если захочет, может почти все свое время играть в Соломона; или, если захочет, он почти всегда может обнаружить, что имущество епархии запуталось в финансовых проблемах, распутать которые будет стоить ему больших усилий.

Все эти вещи Нивелон должен делать или должен делать. Что же удивительного (учитывая смертную немощь), что многие люди, стремящиеся к епископату ради мирской выгоды, часто доводят свою великую должность до презрения? Правда, иногда очень мирские молодые клирики, будучи избранными, отрезвляются от своей ответственности и становятся замечательными прелатами. Существует история о коллегии каноников, которая решила избрать на вакантное епископское место своего собрата, "который был превосходен в материнском остроумии", но, когда его искали, чтобы рассказать о своей чести, он на самом деле кутил в таверне. Вскоре они притащили его, "плачущего и борющегося", в собор и усадили в епископское кресло. Однако после возведения на престол он оказался трезвым и способным, доказав тем самым, что, несмотря на его первородные грехи, "свободный дар добродетели, пришедший к нему (через посвящение), сформировал возможности прекрасной природы".

Злые и роскошные прелаты

Все это очень хорошо, но священная честь не всегда способствует такому исправлению. Монахи никогда не скрывают недостатков конкурирующей ветви духовенства. Один монашеский проповедник недавно провозгласил: "Епископы превосходят друг друга, как волки и лисицы. Они подкупают и льстят, чтобы вымогать. Вместо того чтобы быть защитниками Церкви, они ее разоряют". Или еще: "Иисус носил волосяную ткань, а они - шелковые одеяния. Они заботятся не о душах, а о соколах; не о бедных, а об охотничьих собаках". Церкви из святых мест превратились в рынки и притоны для разбойников". По большей части это просто риторика, и такие огульные обобщения несправедливы. Если большинство епископов не являются аскетами, то и не являются алчными распутниками. Тем не менее, как одно плохо управляемое аббатство навлекает презрение на многие аскетичные заведения, так и несколько неверных епископов навлекают скандал на весь епископат. Несколько лет назад папа Иннокентий III был вынужден осудить одного южнофранцузского епископа, который "не служил никакому другому Богу, кроме денег, и имел кошелек вместо сердца". Этому негодяю обвинили в том, что он продавал церковные должности или оставлял их вакантными, чтобы завладеть их доходами, в то время как монахи и каноники под его началом (говорит папа) "оставляли привычку, брали жен, жили ростовщицеством и становились адвокатами, жонглерами или врачами".^[125]

Подобные действия заставили Парижский собор 1212 года запретить епископам носить одежду мирян или роскошные меха, использовать украшенные седла или золотые удила, играть в азартные игры, ходить на охоту, ругаться или позволять ругаться своим слугам, слушать заутреню еще в постели или отлучать невинных людей из простого легкомыслия. Епископам тоже не положено носить оружие, но мы уже видели, как они иногда идут на компромисс с "бескровными" тяжелыми булавами. Нивелон иногда позволяет светскому

адвокату или видаме возглавить свой феодальный сбор, но иногда он выезжает лично. Епископ, конечно, был начальником штаба короля Филиппа при Бувине,^[126] хотя в оправдание следует сказать, что он был членом военного монашеского ордена; но епископ Одо из Байе сражался при Гастингсе (1066) еще до того, как появились такие уполномоченные поборники Церкви. Нет нужды умножать примеры. То, что епископы должны искренне воздерживаться от военных действий, - это действительно "благочестивое желание", которое в этом грешном мире нелегко исполнить.

Однако епископ может оправдать это утверждение воинствующей Церкви. Он должен сражаться, чтобы сохранить права епископства против посягательств знати. Вокруг королевского домена условия достаточно безопасны, но здесь, в Квелькепарте, как и в других обычных феодальных княжествах, бесполезно просить сюзерена сделать много для защиты своего местного епископа, так как оба они, скорее всего, сами будут очень недружелюбны. Анафемы не могут остановить более безрассудных сеньоров. В 1208 году епископ Вердена был убит во время бунта ударом копья, а в этом же 1220 году епископ Пюи (на юге Франции) был убит дворянами, которых он отлучил от церкви. Убийцы, несомненно, потеряли свои души, но этот факт не напоминает о мертвых! Жонглеры (отголоски баронских предрассудков) постоянно высмеивают епископов, в своих эпосах утверждая, что они ведут скандальную жизнь и необычайно скупы, даже когда их призывают участвовать в войне против неверных. На самом деле епископы, часто набираемые из знати, нередко сохраняют весь свой прежний боевой дух. Епископ выступает против соседнего виконта, так же как и виконт против другого своего соседа, барона. Нередко война между епископом и светским сеньором ничем не отличается от обычной вражды между двумя сеньорами, которых никогда не касались постриг и крещение.

Трения с аббатами и баронами

Есть и другие трения, менее кровавые, но еще более неприятные для Церкви. Если в епархии есть освобожденное аббатство, независимое от епископа и принимающее приказы только от Папы, то аббат и епископ часто не являются "братьями". Каждый из них постоянно жалуется на другого в Ватикан. Однако даже если местное аббатство не находится в прямом подчинении у Папы, его глава, скорее всего, не подчинится епископу настолько, насколько это возможно. Аббаты постоянно пытаются поставить себя вровень с епископами и интригуют в Риме за право носить епископские сандалии, митру и т. д. Таким образом, сила Церкви растрачивается впустую, к великой радости дьявола. То, что епископ Пондебуа и аббат Сент-Аликвис являются высшими прелатами, считается знаком того, что их отношения достаточно гармоничны.

Однако именно с дворянами у Нивелона связаны основные проблемы. Одна из причин, по которой Конон хочет видеть епископа, - жалоба на то, как некоторых крестьян Сент-Аликиса склоняют к поселению на церковных землях. Холопы почему-то считают, что епископ или аббат относится к ним лучше, чем самый благосклонный сеньор. "Под крестом жить хорошо", - гласит пословица. Кроме того, барон хочет убедить епископа не отлучать от церкви своего коллегу-дворянина, который спорит с прелатом по поводу некоторых охотничьих прав. Для епископа очень хорошо посвятить злодею и вечному огню действительно святотатствующего преступника. Но факт остается фактом: многие дворяне утверждают, что они отлучены от церкви и, если не будут восстановлены в правах, потеряют надежду на рай только потому, что разошлись во мнениях с высокопоставленными церковниками в вопросах, касающихся исключительно светской собственности. Страшная церемония отлучения от церкви может стать предметом презрения, если только не используется в самых несомненных случаях. Решительный барон, уверенный в своей

правоте, может бросить вызов анафеме и, если его сторонники поддержат его, продержаться до тех пор, пока он не пойдет на компромисс.

Однако если борьба будет ожесточенной, у епископа есть другое оружие. Он может наложить интердикт на земли и замки обиженного сеньора. Несомненно, это жестоко - лишать тысячи невинных людей всех религиозных служб и таинств, кроме последнего отпевания умирающих, только потому, что их господин упорствует в какой-то мирской политике. Однако так поступают часто, и это, конечно, очень эффективно для того, чтобы заставить благочестивых людей, особенно женщин, оказать давление на своего сеньора и заставить его пойти на соглашение с Церковью. Иногда устанавливается "периодический" интердикт. Так, долгое время граф и епископ Осерра враждовали. Графа, закоренелого насмешника, не смущало отлучение от церкви. Тогда епископ распорядился, чтобы, как только граф войдет в город Осер, все религиозные обряды, кроме крещения и последнего отпевания, были приостановлены. Как только он и его люди ушли, зазвонили церковные колокола, и религиозная жизнь возобновилась. Как только он вернулся, раздался новый колокольный звон, но церкви были закрыты. Граф не осмеливался долго оставаться в городе из-за народного ропота; однако он и епископ продолжали эту утомительную войну в течение пятнадцати лет, пока папа не убедил короля склонить графа к подчинению Церкви путем унижительного покаяния.

Таким образом, отлучение и интердикт - это оружие, которое духовный сеньор может использовать против сеньора мирского, в дополнение к арбалетам и копьям. К сожалению, они не так страшны против врагов, которых все епископы, том числе и Нивелон, имеют в своем собственном доме - капитулов каноников на соборах.

Капитул каноников

Быть каноником - это почти то же самое, что наслаждаться привилегиями менее ценного епископства без тяжких забот епископского сана. Капитул каноников - это привилегированное сословие церковнослужителей, которые обеспечивают богослужение в соборе.

Проезжая через Пондебуа, вы видите, как впереди возвышается огромная серая масса новой епископальной церкви. Вот уже показалась сплошная стена, защищенная воротами и башнями. Это - соборное "закрытие", отдельный комплекс, расположенный рядом с величественной церковью и сообщающийся с ней специальным входом. Внутри него можно попасть под строго церковную юрисдикцию. Здесь же находится претенциозная резиденция, дворец епископа, и приятный сад, а также группа небольших домов - жилища каноников. Последние образуют капитул каноников, которые как юридическое лицо пользуются множеством земель, сеньориальных прав, должностных лиц и хороших доходов совершенно отдельно от епископов. Предположительно, их контролирует Правило, но это правило гораздо менее суровое, чем у большинства монахов.

Капитул здесь, как и в других местах, в значительной степени набирается из местных знатных домов. Церковный закон номинально запрещает это, но факт остается фактом: многие, если не большинство, каноников практически назначаются, когда появляется вакансия главы, тем или иным влиятельным сеньором. Получить родственнику пребенд (доход от дарственной) в качестве каноника часто равносильно пожизненному обеспечению родственника, которому в противном случае пришлось бы уступить замок. Хорошо известно, что с тех пор, как много лет назад барон Сент-Алики наделил крупными дарами определенный пребенд, его

преемники имеют право нарекать его обитателей, так часто, как только он становится вакантным. После того как Конон посетит епископа, он нанесет дружеский визит "своему канонику", не без желания проверить сообщения о том, что этот престарелый священнослужитель находится в плохом состоянии здоровья и недолго осталось жить в этом мире. Если слухи верны, барон должен подумать, не чувствует ли себя призванным к тяготам религиозной жизни некий отдаленный кузен, и какие существенные услуги этот честолюбивый кузен и его отец могли бы оказать Конону за эту привилегию.

Каноник, выполняющий все свои обязанности, вряд ли бездействует. Он должен принимать участие в непрекращающихся и зачастую необычайно сложных службах в каждом соборе. Он должен обладать хорошей физической силой и исполнять службы с элегантностью и точностью. Каждый будний день он должен петь пять служб, а в воскресенье - девять. В некоторые великие праздники их становится еще больше. Гимны, ответы, псалмы, молитвы, песнопения, а также общественные процессии должны заставлять его перелистывать листы громоздких ординариев и руководств, пока он не будет знать каждое песнопение наизусть.

Мирской характер канонов

Однако можно найти замену всем менее важным службам. Вокруг каждого собора крутится множество бедных священников со смиренным происхождением, готовых за гроши выступать в роли заместителей каноника. Поэтому мирской каноник не считает эту обязанность пения очень тяжелой. Конечно, если он отсутствует слишком часто или на очень важных церемониях, это вызывает замечания, скандал и выговор со стороны епископа; но мудрый епископ не вмешивается в дела своих каноников, кроме как по серьезным поводам. Они образуют независимую корпорацию с хорошо закрепленными привилегиями. Их глава, декан, полностью осознает, что он - второй клирик в епархии и что ему не нужно искать достоинства и славы у епископа. Да и сам епископ в определенной степени избран этими самыми канониками. От их отношения к нему во многом зависит, не будут ли его предсмертные минуты омрачены осознанием того, что его злейший враг не будет избран его преемником. Наконец, глава каноников может превратить жизнь епископа в геенну, подавая на него жалобы архиепископу (который всегда рад вмешаться) или непосредственно в Рим. Когда люди говорят, что Нивелон прекрасно ладит со своим капитулом, а также с соседними аббатами и сеньорами, они еще раз доказывают, что он необычайно тактичный прелат.

Поэтому очень приятно быть одним из дюжины каноников, молодых или старых, которые населяют священный замок в Пондебуа. Их можно узнать по особому костюму - свободному льняному сюртуку с широкими рукавами, прикрывающему рясу, и по "амису" - головному убору из толстого черного материала с плоским верхом, заканчивающимся на каждом углу чем-то вроде рога.

Барон Конон обращает внимание своих сыновей на этих упитанных мужчин с цветочным цветом лица, довольных и грузных, с медленным достоинством передвигающихся по соборному двору. "Как бы тебе понравилось быть каноником?" - спрашивает он маленького Ансо, своего младшего сына. "Там нет лучших обедов, чем в трапезной капитула; и помни, что твой брат должен будет получить замок".

Ансо качает головой и хмурится: "Я мог бы стать монахом, да, - отвечает он, - монахи спасают свои души и попадают в рай, но каноник - тьфу! Они должны утомлять Бога своим бездельем. Пусть Франсуа забирает себе Сен-Алике; а мне пусть даст хороший дестрер и хорошие доспехи. Я буду искать свою судьбу и завоевывать новые земли".

"Святые благословляют твои слова, - вскричал отец, - здесь говорил настоящий святой Аликис! И запомни это: Когда кавалерист или жонглер ожесточенно ругается на никчемных церковников, это не епископ, священник или монах, которых они половину времени держат за пазухой, а ленивые каноники. И все же я должен увидеть преподобного отца Флавиена и узнать, действительно ли его кашель так силен, как о нем говорят!"

Нивелон обеспечивает мир, позволяя своим каноникам оставаться в одиночестве - к их большому удовольствию. К счастью, добрые миряне Квелькепарте не зависят полностью от своих духовных администраций. Лечение душ" возложено на приходских священников. Они разбросаны по всей епархии. Их управление занимает значительную часть времени епископа.

Назначение приходских священников

ДИАКОН (XIII ВЕК)

На нем альба, далматика, амис, посох и манипула. Со статуи в Шартрском соборе.

В каждой церкви должен быть хотя бы один священник, чтобы совершать мессу и обеспечивать религиозный комфорт мирянам. Если бы компетентные епископы всегда могли назначать таких священников, многие печали были бы устранены. К сожалению, епископ может назвать лишь часть из них. Практически у каждой некафедральной церкви есть свой

покровитель - наследник или бенефициар богатого человека, который когда-то одарил местное учреждение. Этим покровителем может быть сам епископ, но чаще всего такой чести удостоивается аббатство, или каноническая глава, или, в большинстве случаев, какой-нибудь светский сеньор. Конон скажет. "Я владею патронатом восьми церквей", точно так же как он скажет: "Я владею замком Святого Аликиса". Патрон имеет право на часть десятины (налога на религиозные цели) и других доходов прихода, а затем передает оставшуюся часть священнику. Кроме того, он может "представлять живым", то есть называть имя нового куратора для прихода при каждой вакансии. Епископ, конечно, должен утвердить кандидата и не должен делать этого без исследования пригодности другого, но он не решается оскорбить патрона отказом в проведении церемонии, если только препятствие не является грубым и явным. Кандидата просят склонить латинское существительное, проспрягать простой глагол, пропеть несколько знакомых псалмов ровным голосом - вот, пожалуй, и все испытания на выучку. Хуже того, если кандидат боится своего епископа, он может отправиться в другую епархию и, возможно, получить лицензию у менее требовательного прелата. Епископ обязан уважать сертификат, выданный равным ему. После этого он редко может отказать священнику в приходе.

Последняя стадия скандала наступает, когда покровитель фактически берет деньги за представление кандидата. Это, конечно, ужасное преступление против Церкви: это симония - по примеру проклятого Симона Магнуса, который был виновен в попытке купить "дар Божий за деньги". Нивелону только что пришлось принять в приход неученого, мирского парня, сына богатого крестьянина, который каким-то образом убедил виконта Форевверта в том, что он годится для духовного управления пятьюстами христианами. До епископа дошли отвратительные слухи о "двухстах отрицателях", но за неимением реальных доказательств он беспомощен. Боимся, что такие скандалы случаются часто, но если кандидат и сеньор готовы рисковать своими душами, что поделать?

Однако, как правило, добросовестные покровители называют хорошо известных парней из своего баронства, сыновей бережливых крестьян или мелких дворян, которые учились в школе при монастыре или соборе и развили способности к чтению месс, а не к пахоте или сражениям. Эта милость дается скорее в награду за верную службу семьи молодого человека или в качестве гарантии того же в будущем, чем за какое-либо прямое денежное вознаграждение. Быть приходским священником - не слишком высокая честь. После того как покровитель забирает свою долю десятины, а епископ - другую, у куры, скорее всего, остается едва ли достаточно доходов, чтобы причислить его к лучшему классу крестьян.

Но, в конце концов, он теперь втянут в большую политическую жизнь Церкви. Последняя не даст ему умереть с голоду. Она обеспечит ему достойную старость. Она защитит его от тех грубых жестокостей, которые сеньоры могут причинить любому крестьянину. Это сделает его самым важным человеком в обычной деревне - зачастую единственным, кто понимает тайны пергаментов. Если он достойный человек, его влияние как советника, друга и арбитра будет почти безграничным. Он будет пользоваться личным уважением, почти равным тому, которое причитается кавалеристу. Наконец, всегда есть шанс, что он завоеует благосклонность какого-нибудь магната и благодаря удаче или заслугам поднимется на более высокий уровень. Отец Грегуар, капеллан Конона, хотя номинально является лишь бедным священником, вероятно, более влиятелен в Сент-Алике, чем сир Юстас, сенешаль - Конон иногда добродушно жалуется, что он более влиятелен, чем сам Конон. Так что, если не считать стремления к сугубо религиозному лидерству, нет ничего плохого в том, чтобы парень скромного происхождения был назначен приходским священником.

Злые и верные священники

Если же получение прихода означает не святое доверие, а гнусную возможность, то какой же это шанс для ликования извергов! Каждый балагур, когда у него заканчиваются более правдоподобные истории, рассказывает о безбожных священниках. Обвинения против приходского духовенства - это мелкая монета грязных сплетен: как они бесстыдно нарушают обет безбрачия; как они посещают кабаки, участвуют в низких драках, пьют "до горла" и валяются без сил в поле; как они дерутся со своими прихожанами; как они продают крепкие напитки как тапстеры; как они играют в кости, азартные игры и часто обманывают своих противников, и т. д.

Другой набор обвинений состоит в том, что, если позволяют средства, они носят доспехи, как дворяне, или одеваются, как модные миряне, и выезжают с ястребами или собаками. Еще более знакомыми являются обвинения в крайней любостяжательности, в возмутительном взимании платы за совершение таинств, даже с умирающих, в совершении бесстыдных браков за деньги, в отказе от погребения, пока не получают взятку, и, короче говоря, в превращении себя в финансовых гарпий.

Все это неоспоримо. Однако следует помнить, что число приходских священников очень велико, и доля злодеев среди них (учитывая способ их назначения) не больше, чем можно было бы ожидать. Многие из приходских священников - истинные служители Божьи, которые наставляют простых, убеждают заблуждающихся, утешают скорбящих и оставляют мир лучше, чем он есть. Некоторые из них также проводят свой досуг в истинном стремлении к познанию, как, например, отец Ламберт из Ардеса (во Фландрии), глубоко начитанный в старых латинских авторах и христианских отцах и составивший превосходную местную хронику, достойную занять место среди лучших, созданных в монастырях.

Итак, в целом, несмотря на множество отбросов, люди Церкви не упускают свой великий шанс. Если милостыня и благотворительность облегчат участь несчастных, если литература и наука обретут подлинную силу, если мир сохранит иные идеалы, нежели турнир, феодал и набег, если холопов научат, что они тоже люди с бессмертной душой не меньше, чем бароны, то слава, конечно, принадлежит не замку, а монастырю и приходу. И когда умирает хороший церковный деятель, особенно, конечно, если он был эффективным и благожелательным епископом, весь регион осознает свою потерю. Когда скончался покойный епископ Осера, писали: "Невозможно передать, как велик был траур во всем городе, и с каким стоном и причитаниями скорбели все, кто следил за его похоронами". О великом и добром епископе Морисе Парижском, строителе Нотр-Дама, когда он скончался в 1196 году, писали, что "он был сосудом изобилия, плодородной маслиной в доме Господнем. Он блистал своими знаниями, своими проповедями, своими многочисленными милостынями и добрыми делами".

Как и любой другой институт, церковь феодальной эпохи имеет право на то, чтобы о ней судили по лучшим, а не по худшим качествам.

ССЫЛКИ:

[120] Утверждается, что *треть* недвижимого имущества Германии принадлежала церкви. Конечно, большая часть этого имущества принадлежала монастырям, каноникам (соборному духовенству), приходским священникам и т. д., но епископы, несомненно, пользовались львиной долей или, по крайней мере, контролировали ее.

[121] В случае с еретиками церковь не казнила преступников своими собственными служителями. Она просто "передавала" их светским чиновникам, которые тут же вводили в действие старые гражданские законы против неверующих. Конечно, Церковь не могла

обеспечить неприкосновенность предателей и крупных преступников, но даже к ним обычно относились более мягко, если они могли претендовать на церковную юрисдикцию.

[122] Можно продолжать множить подобные случаи. Например, Морис из Сюлли, который был епископом Парижа при Филиппе Августе, был сыном бедного крестьянина. Он прекрасно управлял своей епархией и завещал своим родственникам не только значительные богатства, но и большие владения двум аббатствам, а также средства на помощь бедным.

[123] Вопрос о том, как в это время папство и королевская власть относились к назначению и инвеституре французских епископов, следует оставить для более подробных и глубоких трудов.

[124] Некоторые аббатства находились в непосредственном подчинении епископа и могли посещаться им в любое время. Другие, как предполагалось, находились в прямом подчинении Папы (см. с. 326), но Ватикан часто посылал распоряжения компетентному епископу расследовать и принять меры по обвинениям против них.

[125] Манассес (великий клирик, канцлер капитула Амьена) изобразил себя на своей печати не с благочестивой книгой, как это было принято, а в охотничьем костюме, верхом на лошади, с птицей на запястье и собакой за спиной. Очевидно, он был мирским дворянином, "который имел вкусы своего класса и вел жизнь дворянина".

[126] См. с. 244.

Глава XXIV: Собор и его строители.

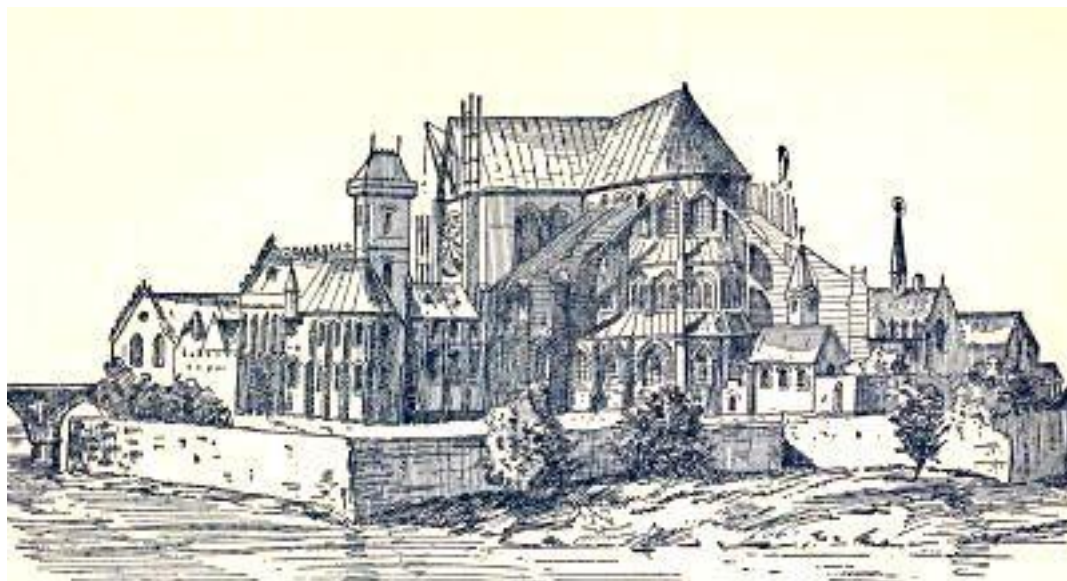

У барона Конона и Аделы был еще один долг, прежде чем они вернулись в Сент-Алики. Они хотели пойти с сыновьями и зажечь по одной свече перед алтарем Богородицы в соборе. Все жители Пондебуа очень гордятся своей великой церковью. Ее строят уже сорок лет. Наконец-то он практически завершен, хотя левую башню еще предстоит поднять на колокольню, а во многих нишах отсутствуют скульптуры святых, которые должны их занять. Достойный собор, как и достойный характер, постоянно растет. Возможно, феодальная эпоха закончится раньше, чем Нотр-Дам де Пондебуа будет достроен так, как задумали его благочестивые проектировщики.[127]

Собор является центром большой группы зданий, большинство из которых выполнены в благородном остроконечном (готическом) стиле архитектуры. Как уже говорилось, в священном помещении находится дворец епископа и дома каноников, а также клуатр для прогулок, школа (как в монастыре), помещение для библиотеки и синодальный зал для собраний каноников и проведения епископом судебных разбирательств. Кроме того, здесь есть больница для больных клириков. Все это образует маленький мир, укрытый от шума и гнусной суеты торговых центров и мастерских Пондебуа. Когда вы входите на территорию

собора, внешние заботы внезапно остаются позади - наступает ощущение покоя. Слышно, как ветер тихонько свистит в парящем узоре массивной правой башни. Под летящими контрфорсами с трепетом слетают голуби. Через проем в цветочном орнаменте большого окна доносится грохот органа и глубокий григорианский напев какого-то гимна из псалтыря. Как же все это контрастирует с городским шумом и гамом или столь же мирским грохотом замкового двора! Огромная башня, устремленная ввысь, говорит даже легкомысленному человеку: "Крепость и город, торговля и турнир длятся лишь мгновение, а вещи Духа пребывают вечно".

Собор своей огромной и парящей массой совершенно затмевает сравнительно маленькие и убогие домики города. Они из соломы и дерева. А он - из камня. Им не хватает даже убогого великолепия. Собор мог бы с презрением взирать на королевские дворцы. Этот факт еще яснее слов говорит о том, какое огромное место занимала церковь в феодалную эпоху. Не в литературе и учености (хотя и их не стоит презирать), а *в священной архитектуре и скульптуре* дух этой эпохи проявляет свою силу и оригинальность. Созерцая столь величественное сооружение, лучше всего помнить, что оно создано людьми пламенной веры, глубоко убежденными в том, что в здании церкви на главном алтаре постоянно пребывает сам Бог, невидимый, но вечно присутствующий. Убогие жилища могут быть достаточны для человека, но не для Творца. И поскольку Бог действительно обитает в таком здании, каждое искусство должно способствовать его великолепию. Архитекторы, скульпторы, художники, ювелиры - все выполняют свою работу, отдавая дань уважения Вечному. Собор, таким образом, объединяет в себе все самое благородное в искусстве того времени, когда он был возведен.

НОТР-ДАМА И ЕПИСКОПСКИЙ ДВОРЕЦ В НАЧАЛЕ XIII ВЕКА

Из реставрации М. Хоффбауэра. Слева - Пти-Пон и здания архиепископского дворца, разрушенные в 1831 году; собор, хор и южный трансепт которого были закончены только к этому времени; за собором, на месте, занятом сегодня сквером, находилась церковь Сен-Дени-дю-Пас, построенная до собора и разрушенная в 1813 году.

Поскольку неф такой церкви часто можно использовать для светских массовых собраний, не опасаясь нечестивости, и поскольку целая деревня будет претендовать на право толпиться в ней в дни великих праздников, собор должен быть гораздо больше древнего языческого храма.^[128] Он должен обладать внутренним пространством, рассчитанным на тщательно

продуманные процессии, часто останавливающиеся у каждого из двадцати с лишним алтарей, выстроившихся вдоль его стен. Возведение такого здания - дело, в котором может принять участие целая деревня. Около сорока лет назад старый собор, построенный в древнем романском стиле с круглой аркой и деревянной крышей, пришел в упадок, а новая остроконечная архитектура с каменными сводами развивалась по всей Франции. Жители окрестных областей высказывали замечания по поводу "нечестивости" духовенства и жителей Пондебуа, которые "бесчестят небеса". Различные прелаты насмехались над правящим епископом Тибо с его убогим собором. Однако этот Тибо был не только энергичным, но и благочестивым человеком. Благоразумно управляя епархией, он сэкономил значительные средства. Затем он убедил своих каноников сократить роскошь и делать щедрые пожертвования. Также были приняты меры по выманиванию денег у верующих. Святые мощи выставлялись напоказ. Дарителям обещали освобождение от чистилища. Уязвленных совестью баронов призывали искупить свои преступления щедрыми пожертвованиями на новое предприятие. Гражданская гордость и возбужденная набожность отвоевали отрицателей у торгово-промышленных мастеров Понтдебуа. Одна богатая графиня оставила примечательное наследство с условием, что каноники будут всегда молиться за ее душу в годовщину ее смерти. Так между уговорами и религиозным чувством был собран хороший фонд, и, как было мудро сказано, "новый собор спас много душ" - это значит, что многие грешные люди были счастливо подвигнуты на искупительные акты щедрости. Говорят, были даже подарки от разбойников и злых женщин, а также множество менее спорных подарков, как, например, когда один барон дал необходимый дуб и заплатил резчикам за изготовление великолепных кафедр для хора, а также подарил великое витражное окно с розой. Каким бы ни был источник, ни в одном пожертвовании не было отказано, и епископ считал удачей, если даже добыча воров могла быть обращена во славу Божью.

Строительство собора

Епископ Тибо нашел искусного архитектора, норманна, наполовину священника, наполовину мирянина, который помогал ему при строительстве одной из великих церквей в Руане. Планы этого человека были очень продуманными, но он не дожил до того момента, когда они были выполнены более чем наполовину. Даже если бы не подвели рабочие и деньги, было опасно торопиться с возведением огромных опор, контрфорсов и сводчатых потолков. В Осере, где пытались поторопиться с работами, большая часть хора внезапно обрушилась "как удар грома", хотя Небеса милосердно предотвратили гибель людей. В Нуайоне строительство началось в 1152 году. Их собор был почти закончен к 1200 году. Нотр-Дам де Пари был начат в 1163 году, а хор был практически завершен к 1177 году; но большие башни и фасад, конечно, не могут быть закончены ранее 1225 года. Реймс был начат в 1211 году, но, несомненно, даже работа над хором не может быть закончена менее чем через тридцать лет после этой даты. Если Понтдебуа в достаточной степени завершен после сорока лет усилий, то, следовательно, он строится быстрее, чем обычный собор. Действительно, многие мудрецы качают головой. "Слишком много спешки", - бормочут они; "когда строишь для Бога и для того, чтобы продержаться до Его Судного дня, торопиться очень грешно".

Сначала со всей возможной энергией был закончен хор, ведь здесь каноники должны постоянно петь свои службы. Неф, предназначенный больше для народных собраний, ждал своего часа. Было большое ликование, когда, наконец, главный портал был завершен настолько, что над ним можно было установить очень изящную и нежную резную статую Христа. "*Наш прекрасный Бог!*" - с любовью называет народ это изображение; и с тех пор год

за годом работа продвигалась вперед, каждый член или орнамент, который добавлялся, казалось, предполагал что-то дополнительное, как будто достижение совершенства должно было быть работой на вечные времена.

Собор естественного роста

Для возведения основной конструкции собора Тибо созвал странствующее братство рабочих - Хранителей Жилища Доброго Бога, которые подчинялись мастеру работ, то есть архитектору. Они годами жили в одном месте, набирая новых членов по мере смерти старых, а затем переезжали в другое место, когда необходимость в них отпадала. Это братство возвело основную конструкцию здания; затем Тибо скончался, денег не стало, а энтузиазм несколько угас. Однако двадцать лет спустя новое братство приступило к работе над фасадом и башнями. Это была более тонкая работа, требующая большого мастерства в резьбе. Они были вынуждены снова прекратить работу, так и не завершив ее. Возможно, через несколько лет еще одно такое же братство возведет вторую башню. А пока каждый год несколько искусных мастеров, поддерживаемых пожертвованиями, добавляют статую здесь и горгулью там, вставляют богато расписанные стекла в очередное окно или завершают сложную резьбу по перилам лестницы на кафедру. Время от времени устраивается специальная выставка реликвий, чтобы привлечь поклонников и их милостыню.^[129] Один из результатов - стиль разных частей собора тонко различается в зависимости от периодов их строительства. В этом нет противоречия, а только приятное разнообразие. Возникает ощущение, что собор - это нечто живое. Он возник не по произволу, а в результате естественного роста, как могучее, раскидистое дерево.

ОКНО XIII ВЕКА В СОБОРЕ ШАРТРА, ИЗОБРАЖАЮЩЕЕ СВЯТОГО ХРИСТОФОРА, НЕСУЩЕГО ХРИСТА

Когда мы бродим по этому великолепному сооружению с сотнями статуй,^[130] его пылающими окнами, сводчатой крышей, которая так надежно висит над нашими головами, все попытки подробного описания становятся тщетными. Пусть они останутся для других книг и других настроений. Поздние поколения, несомненно, будут подробно описывать, что примерно в середине двенадцатого века в северной Франции началась активная

деятельность по строительству церквей, которая стала превзойденным проявлением христианского благочестия. Этой активности не суждено было угаснуть в течение более чем ста лет.^[131] Она вобрала в себя большую часть лучших мыслей и энергии того времени. Кроме того, она развила подлинно новый тип архитектуры, настоящее новаторство по отношению к тем образцам, которые восходят к языческой Греции. Мы приходим к господству остроконечной арки, которая приспосабливается к бесконечным изгибам и разновидностям. У нас также есть сгруппированные колонны, которые поддерживают пазы высоких сводов, их члены излучают наружу, как ветви величественного леса. Эти колонны и опоры можно сделать удивительно легкими, благодаря смелому использованию летящих контрфорсов - изобретению не только очень полезному, но и очень красивому. Благодаря этим сгруппированным колоннам, пазам и контрфорсам, стены между пролетами (промежутки между колоннами) не нуждаются в поддержке каменной крыши, и в результате эти пролеты могут быть заполнены тонкими карнизами, увенчанными огромными окнами, которые заполнены тонкой резьбой и витражами, отбрасывающими на мостовую церкви все радужные оттенки небес. В каждом отсеке, скорее всего, находится отдельная часовня или, по крайней мере, алтарь, посвященный какому-либо святому. Над порталом, где главный вход дает доступ к длинному нефу, сияет могучее окно-роза, последний триумф стекла и ажурной резьбы. И так во всем огромном сооружении - огромном по пропорциям, но, как бы, гармоничном по массе изящной резьбы и ювелирной работы, пока (как сказано в Священном Писании) "все тело, соединенное вместе, и уплотненное тем, что каждый сустав снабжает, согласно действенной работе в каждой части, делает увеличение тела к назиданию себя в любви."

Великолепные размеры соборов

Так говорит апостол о создании христианского человека, так же и о создании августейшей церкви. И после сказанного, что толку добавлять, что этот собор имеет длину около четырехсот футов, что потолок нефа возвышается по меньшей мере на сто футов над мостовой, что розовое окно имеет почти сорок футов в диаметре, что высота башни гораздо больше двухсот?^[132] Цифры - это для грязного трафика, они не для произведения, созданного из страстной любви человека к Богу.

Мы не можем останавливаться на символизме, который, по их словам, присутствует в каждой части церкви; как "Причастие святых" провозглашается часовнями, сгруппированными вокруг хора и нефа; как изящный шпиль, возвышающийся в центре трансепта, учит, что "побеждая земные желания, мы должны также возноситься в сердце и уме"; как тройная ширина нефа и двух приделов, а также тройная протяженность хора, трансептов и нефа возвещают о Святой Троице; как зубчатые армии пирсов и колонн возвещают о пророках и апостолах, поддерживающих ткань церкви; а купель, алтарь, распятие и бесчисленные кресты свидетельствуют о земном паломничестве и искупительной страсти Иисуса Христа.

Но собор - это нечто большее, чем великое собрание аллегорий. Повсюду на витражах, а еще больше на многочисленных изображениях, рассказывается библейская история. Персонажи одеты не на гебраистский манер. "Барон Авраам" и "сир Давид" предстают в кольчугах, как отважные кавалеры. История доброго воина Иуды Маккавея, возможно, рассказана более подробно, чем история таких пророков, как Исайя и Иеремия. Но очень немногие важные истории упущены, и, прежде всего, великая картина жизни Иисуса проработана с любовью к деталям. Ребенок, которого то и дело приводят в собор, знает почти все основные библейские повествования, хотя он может никогда не научиться читать даже по-французски, не говоря уже о латыни Вульгаты. Точно так же в соборе покоятся гробницы храбрых сеньоров и достойных епископов, каждый из которых покрыт либо

чучелом, изображающим его доспехи и любимых охотничьих собак, сидящих у его ног, либо понтификами; а также гробницы благородных женщин, изваянных в богатых одеждах, которые сделали жизнь прекрасной своей достойной жизнью и теперь покоятся в безопасности до великого Божьего суда. Таким образом, собор - это одновременно и храм надежд настоящего, и вдохновение из далекого и близкого прошлого.[133]

Витражи и скульптуры

Помолившись рядом с отцом и матерью, маленький Ансо отошел от алтаря и робко побрел по церкви. В углу трансепта он обнаружил мастера по камню, который заканчивал работу над небольшим изображением святой Елизаветы, чтобы украсить какую-то нишу. Скульптор полировал заднюю часть статуи не менее тщательно, чем переднюю. "К чему такие хлопоты?" - с любопытством спросил мальчик. "Никто не может увидеть заднюю часть". "Ах, моя прекрасная дамузочка, - ответил тот, улыбаясь, - никто, конечно, не видит, *но Бог видит*. Это для собора; а разве Бог - это "никто"?"

На следующий день, потратив все свои деньги и устав от механической суеты Пондебуа, барон Конон и его компания поехали обратно в Сент-Аликуа. После того как они проехали несколько миль, позади них все еще виднелась огромная масса собора.

Феодальная эпоха породила много плохого, но она же породила готическую церковь и ее строителей. По какому признаку следует судить об этой эпохе?

Спустя семьсот лет донжон Сент-Алики превратился в увитые плющом руины. Исчез монастырь; исчезли и крестьянские хижинки. В дымящемся промышленном городе на месте Пондебуа не осталось ни одного древнего камня. Но, внимание! Высоко над уродливыми крышами и заводскими трубами, с воздушными пинаклями, обличающими жизнь материализма и сомнений, к которым приходят восхищенные паломники из-за моря тьмы, остается великая ткань серого собора.

ПЯТНАДЦАТЬ:

[127] Лишь немногие или ни один собор не был *по-настоящему* завершен в то время, в том смысле, что все детали его конструкции были доведены до совершенства.

[128] Например, площадь Нотр-Дам де Пари в четыре раза превышала площадь Парфенона в Афинах (явно большого греческого храма), а высота его нефа была в три раза больше, чем у более древнего здания. Конечно, греческий храм предназначался в первую очередь для хранения священного образа; великие жертвоприношения и толпа верующих находились вне здания, под открытым небом, в отличие от христианской церкви.

[129] Один из приемов заключался в том, чтобы взять особо ценную реликвию и доверить ее монахам, которые клали ее в повозку и ехали по широкой области, изводя верующих и протягивая им кошелек для наполнения. В Руане одна из башен собора была известна как "Масляная башня", потому что она была построена в основном на деньги, отданные за разрешение есть масло в Великий пост.

[130] В Реймсе, до немецкой бомбардировки 1914 года, было более двух тысяч статуй.

[131] За этот период во Франции было построено около восьмидесяти соборов и более пятисот больших и превосходных церквей в готическом стиле.

[132] Такие цифры свидетельствуют о том, что собор Пондебуа был несколько меньше Нотр-Дам де Пари. Он мог бы занять достойное место среди великих церквей Франции, но никак не в первом классе.

[133] Святой Иоанн Дамаскин, писавший на Востоке в VIII веке, дал стандартное обоснование святых изображений и картин в церквях и их почитания:

"Я слишком беден, чтобы иметь книги, у меня нет досуга для чтения. Я вхожу в церковь, задыхаясь от мирских забот; сияющие краски притягивают мой взгляд, как цветущий луг, и слава Божья незаметно проникает в мою душу. Я смотрю на стойкость мученика и венец, которым он награжден, и во мне разгорается огонь святого подражания. Я падаю ниц и поклоняюсь Богу *через* мученика; и я получаю спасение".

Книги по искусству и ремеслу

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА

Эли Фор

Том I - Древнее искусство

Перевод с французского Вальтера Паха

Ни одна история искусства не сравнится с этой. Она показывает, что искусство - это выражение расы, а не индивидуальное выражение художника. Она рассказывает, *почему и как* человек создает произведения искусства. *Около 200 необычных и красивых иллюстраций, отобранных автором.*

РАЗВИТИЕ ВЫШИВКИ В АМЕРИКЕ

Кэндис Уилер

История вышивки от пера и бисера американских индейцев до художественных достижений современности. Книга порадует коллекционеров и послужит руководством для студентов, дизайнеров и практиков. *32 страницы иллюстраций - некоторые в полном цвете.*

КАК ФРАНЦИЯ СТРОИЛА СВОИ СОБОРЫ

Элизабет Бойл О'Рейли

The Boston Herald пишет: "Это монументальный труд, представляющий живой интерес как для эрудированного поклонника искусства, так и для человека, который просто наслаждается в книгах или путешествиях удивительными и прекрасными вещами, вышедшими из-под руки человека... История французских соборов на фоне человеческой истории - великих мужчин и женщин того времени". *С 31 тонированной иллюстрацией.*

ПРАКТИЧЕСКАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ

Джон Д. Уайтинг

Для художников, которые хотят продавать свои работы, для издателей и рекламодателей, которые их покупают, и для тех, кто отвечает за механическое воспроизведение. Она даст художнику полное представление о требованиях торговли. Она научит покупателя произведений искусства тому, что следует искать в оригиналах и что им противопоказано.

Она поможет фотограверу и фотографу устранить дефекты в механическом воспроизведении. Автор иллюстрирует свои положения 25 страницами иллюстраций, многие из которых полноцветные.

ХАРПЕР И БРАТЬЯ

Франклин-сквер, Нью-Йорк

Юмор и драма

Выдающиеся авторы

ЧЕЛОВЕК ИЗ ДОМА

Бут Таркингтон и Гарри Леон Уилсон

Действие происходит в Италии, и американский юмор блестяще проявляется на иностранном фоне. *Иллюстрировано.*

МОННА ВАННА

Морис Метерлинк

Одна из самых сильных драм бельгийского поэта. Действие происходит в Пизе, Италия, в конце XV века. *Портрет.*

АИГЛОН

Эдмон Ростан

Это единственное опубликованное на английском языке издание истории о несчастном сыне великого Наполеона, переведенное Луи Н. Паркером. Издание иллюстрировано фотографиями мисс Мод Адамс в образе герцога Рейхштадтского. *Иллюстрировано.*

РАССТАВАНИЕ ДРУЗЕЙ

Уильям Дин Хоуэллс

Фарсовая сцена на отходящем пароходе, когда двое возлюбленных не могут найти ни времени, ни места для нежных прощаний. Читатели, которые любят блестящие разговоры, безудержное веселье и забавное изображение персонажей, найдут в этих фарсах богатое удовольствие. *Иллюстрировано.*

МЫШКА-НОРУШКА

Уильям Дин Хоуэллс

В этом томе собраны в компактном виде четыре самых популярных фарса Хоуэллса, которые читались и ставились с полным удовольствием и успехом. В этот том вошли следующие фарсы: The Garroters, Five-o'Clock Tea, The Mouse-Trap, A Likely Story. *Иллюстрировано.*

ХАРПЕР И БРАТЬЯ

Франклин-сквер, Нью-Йорк

Примечания транскриптора

Очевидные пунктуационные ошибки исправлены.

Изображение "Слушая трувера в замке XIII века" указано в списке иллюстраций как "Перед стр. 140". В оригинале оно расположено между стр. 251 и стр. 252. Положение в оригинале сохранено, но его размещение может быть ошибкой типографии.

Остальные исправления обозначены пунктирными линиями под исправлениями. Прокрутите мышью над словом, и на экране появится оригинальный текст.